Юрий КЛЮЧНИКОВ

Душа моя, поднимем паруса!

СТИХОТВОРЕНИЯ
ВОЛЬНЫЕ ПЕРЕВОДЫ
ЭССЕ
ИЗБРАННОЕ

Юрий КЛЮЧНИКОВ

Душа моя, поднимем паруса!

СТИХОТВОРЕНИЯ
ВОЛЬНЫЕ ПЕРЕВОДЫ
ЭССЕ
ИЗБРАННОЕ

Москва 2020

УДК 821.161.1-1(081)
ББК 84(2=411.2) 6-5 Я 44
К52

Ключников, Юрий Михайлович.
Душа моя, поднимем паруса! Стихотворения. Вольные переводы. Эссе. Избранное. / Юрий Ключников — М.: Беловодье, 2020, 728 с. , Изд. 2-е, испр. и доп. — ISBN 978-5-93454-271-0.

Книга стихотворений и переводов известного русского поэта, эссеиста, переводчика, путешественника, автора 23 книг стихов, переводов и эссе Ю. М. Ключникова «Душа моя, поднимем паруса!» — это итоговый сборник лучших произведений автора, выстроенный по тематическому принципу. Темы поэзии Ю. М. Ключникова, продолжающей традиции русского классического стихосложения, разнообразны: красота природы, любовь, тайны творчества, смысл истории, стойкость человеческого духа перед лицом испытаний, загадки жизни и смерти, судьба России в наше драматическое время. Поэт, создавший свой яркий художественный космос, обладает своей неповторимой авторской интонацией, а его ответы на глубинные русские вопросы неожиданны и своеобразны. Помимо русских стихотворений и поэм сборник содержит переводы знаменитых французских, персидских (суфийских), китайских, английских и индийских поэтов, предисловие известного критика В. Г. Бондаренко и послесловие С. Ю. Ключникова.

Книга будет интересна широкому кругу читателей, сохранивших интерес к подлинной поэзии в её лучших современных образцах.

16+

ISBN 978-5-93454-271-0

© Беловодье, 2020

Оглавление

В. Бондаренко. Поэзия русской победы 5

Часть первая. Стихи о России 10

I. Подснежник 11
II. Мать-Природа, я молюсь всечасно 24
III. В поисках рая: Бог русской истории 76
IV. Тебе, победа 93
V. Да святится советское прошлое 111
VI. Мы тебя отстоим! 126
VII. В режиме катастроф 147

Часть вторая. Муза и любовь 154

I. Снятся мне стихи 155
II. Лики 174
III. Мы поём 217
IV. Украина, Донбасс, Крым (2004–2020) 223
V. Французская тетрадь 229
VI. Испанские этюды 234
VII. Шекспировский цикл 241
VIII. Когда любовь и женщину создатель… 244

Часть третья. Дороги исканий 258

I. Малая Родина 259
II. Кризис 270
III. Я в дом вхожу 275
IV. Восточные узоры 286
V. Я плыл на стрежень, но меня сносило 299
VI. Грудь свою крещу в тоске великой 309
VII. А Сатане от нас не нужно много 323
VIII. Душа моя, поднимем паруса! 335
IX. Сонеты о жизни и смерти 351
X. О пройденное жизненное поле! 357

Часть четвёртая. Ковры времён. Поэмы 388

I. Ковры времён. Пять поэм 389

Часть пятая. Художественные переводы и переложения 448

I. Французская поэзия XII—XX веков 449
II. Персидская (суфийская) поэзия IX—XIV веков 477
III. Китайская поэзия IV века до. н. э. — XX века н. э. 498
IV. Английская поэзия XVII века. Стихи и поэмы 520
V. Индийская поэзия XV века до н. э. — XX века н. э. 567

Часть шестая. Эссе. 606

Три эссе (М. В. Ломоносов. Н. А. Гумилёв. М. А. Булгаков) 607

С. Ключников. Поэтические итоги. Послесловие издателя и сына. . . . 657
Биографические и справочные данные. 678
Современники (литераторы, деятели искусств, учёные)
о Юрии Ключникове 683
Указатель стихотворений. 697

ПОЭЗИЯ РУССКОЙ ПОБЕДЫ

Я уже не в первый раз и с удовольствием пишу о творчестве Юрия Ключникова, удивительного долгожителя отечественной литературы. Русский сибирский поэт, относящийся к поколению детей войны, работник тыла, автор журнала «Наш современник», газет «Завтра» и «День литературы» издаёт итоговый сборник своих стихов «Душа моя, поднимем паруса!». Я вношу небольшую правку в своё предисловие ко второму изданию этой книги. Уже в самом названии сквозит этот удивительный для возраста поэта (ему скоро 90 лет) дух молодости, оптимизма и бодрости. Он очень нужен России в борьбе за своё достоинство и право жить, развиваться и смотреть в русское небо с надеждой и уверенностью в будущем. Поэзию Юрия Ключникова можно назвать поэзией русского сопротивления той пошлости и тьме, которая обступила Россию и пытается лишить её исторической перспективы. Разве не об этом строки поэта:

Пора закончить долгий спор с Европой,
Дуэль рассудка с высотой души.
Нам главное — родного неба шёпот
И сказок наших старых миражи.
Мечта сильнее истины гниенья,
В ней проступают знаки новых вех.
Нас окружили крысы и гиены.
Ну что ж, посмотрим, кто одержит верх.

Подчеркнём, что он не отрицает, а блестяще доносит всё лучшее, что накоплено Европой (речь идёт о переводах французской и английской поэзии, представленных здесь большими подборками, а в жизни целыми сборниками).

Отметим и другие строки в стихотворении, которое обращено к молодым людям нашей страны:

Поучать не хочу,
жизнь сама вас научит:
Обломает рога,
шоры с глаз уберёт.
Есть у каждой эпохи и солнце, и тучи,

Есть у каждой души свой крутой поворот
Или вверх, или вниз,
остальное — детали...
Вон Георгий опять поднимает копьё.
Мы Россию в боях никому не отдали,
Вы на ваших торгах не продайте её.

Это подлинная имперская поэзия высокой пробы, которая продолжает традиции отечественной классики, объединяет страну и помогает вдохнуть в «души приунывших россиян». И она является не только поэзией русского сопротивления, публицистикой, наполненной гражданскими темами, но и поэзией русского созидания. Она показывает современному думающему читателю, как нужно строить дух страны и собственный дух. Долгие годы жизни и накопленная мудрость естественным образом сообщают творчеству поэта некий «учительный» характер. Но эти качества поэзии Ключникова выглядят у него очень органично, а в каких-то случаях высокий пафос духовных стихов уравновешивается яркими земными образами и чувством юмора. Вообще Юрий Ключников очень разнообразный поэт: и тонкий лирик, и патриот с яркой гражданской позицией, и философ, пытливо всматривающийся в жизнь и в историю, и путешественник по разным странам и культурам, умеющий погрузиться в чужой поэтический язык и превратить его в яркие образцы русской поэзии. Разнообразие это обусловлено, на мой взгляд, не только его разносторонними творческими дарованиями (он и поэт, и публицист, и прозаик, и переводчик), но и его долгой жизнью, на протяжении которой ему приходилось заниматься самыми разными видами труда: он учительствовал, был директором школы, газетчиком, радиожурналистом, кинодокументалистом, редактором, крупным руководителем областных СМИ, грузчиком, такелажником. Он был на гребне профессионального успеха, знал и горечь поражений, благодаря которым соприкоснулся с социальным дном, но не сломался внутренне. Когда прожита большая жизнь, то человек может очень многому научиться, многое понять и пережить, а если у него есть талант, то и поделиться с читателем пережитым опытом.

Мне импонирует также, что творчество Юрия Ключникова, его поэтическая философия не просто русская национальная поэзия — это евразийская муза всемирного размаха. Сборник стихов Ключникова можно сравнить с огромным стихотворным коромыслом, один конец которого упирается в Запад, в Европу (в сборнике есть замечательные переводы французской и английской), а другой — в близкий сердцу русского человека Восток (переводы суфийской, в основном персидской и арабской, а также китайской и индийской поэзии). Но самым значимым для меня открытием в творческой вселенной

сибирского поэта стало его блестяще переданное ощущение непрерывности истории, воплощённое в стихах. А они показывают нам: главной жемчужиной нашего исторического пути является советский период и величайший подвиг нашего народа в войне с фашизмом. Это настоящая поэзия Русской Победы.

Сейчас мир вступает в полосу новых, так называемых гибридных и иных войн, и России, ставшей мишенью для многих хищников, ещё предстоит научиться воевать и побеждать в этих войнах, в основе которых — разрушительные идеи и образы. Русская литература всегда была мощным оружием, которое помогало одолеть самого сильного и опасного противника. Вспомним томик Пушкина в заплечном ранце русского солдата в Великой Отечественной войне. Я убеждён, что для победы в новых войнах России понадобятся и новые стихи современных поэтов, и духоподъёмная, патриотическая поэзия Юрия Ключникова. В неменьшей степени подобная поэзия будет нужна и после победы, которую мы обязательно одержим. В ней есть глубокое и точное поэтическое осмысление тех качеств национального характера, которые нам нужны для того, чтобы ответить на небывалые вызовы, которые бросают нам время и противник. Это и трезвый разум, умеющий отличить истину от заблуждения («даже дьявол России не страшен, если ясно, где "нет", а где "да"»), и сила национального духа («оставаться здоровым среди мёртвых, безумных, больных»), и опора на наши корни и нравственную высоту героев прошлого («как убедителен и грозен ушедших предков чистый глас»), и широта души, способная простить нашим противникам прежние обиды («но не вернёмся к мстительному пиру, по мёртвым не потопчемся костям, в который раз Господь взывает к миру: Отмщенье — Мне, и Аз всему воздам!»), и готовность к самопожертвованию во имя ближних и страны, звучащая в словах легендарного монаха-воина Пересвета:

Я обет монастырский нарушу,
У посада вериги сложу
И надену кольчугу, и душу,
Как за други, за Русь положу.

Юрий Ключников не идеализирует Россию и русский народ и даёт нам очень точную характеристику: «мы странный сплав кнута, горба и бунта, свободы и Емели на печи». Он неоднократно возвращается к своим попыткам понять, что же мешает нашему движению вперёд и вверх. К числу наших пороков и серьёзных недостатков он относит наше неумение организовать жизнь в условиях комфорта и неопределённости («но в торговых делах затрещали все швы»), нашу капитуляцию перед миром денег и всеобщую зараженность «долларовым гриппом», нашу подверженность западным соблазнам

и «либеральному зуду», наши приземленность и эгоизм. Но сквозь все наши недостатки, ошибки и поражения пробивается неистребимая вера поэта в неизбежность нашего исторического и духовного торжества:

Россия — полумёртвый витязь,
Не раз поправший смертью смерть.
Тебе завещано увидеть
Иные небеса и твердь.

Потому голос поэта: «…мы тебя отстоим, золотая славянская совесть, наше русское сердце — сияющий Спас на Крови!» — поднимает в нашей душе именно эту веру, которой так не хватает нам в эту трудную эпоху. Он убеждён, что главное для России в этой ситуации — «не потерять из виду наше небо, и чтобы пушкинский светильник не погас».

В 2007 г. я написал в предисловии к сборнику эссе сибирского литератора «Лики русской культуры»:

«Живя в Новосибирске, Юрий Ключников никак не может считаться неким «областным» писателем. Творчество поэта, философа, публициста, русского подвижника и пассионария, явно недооценённого в отечественной литературе, — это эстафетная палочка нашим культурным наследникам, перекличка века двадцатого с веком двадцать первым, с новым тысячелетием».

Убеждён, что стихи сибирского поэта помогают стране возродить свой дух и выстоять в борьбе с обступившей нас тьмой. Их надо публиковать и читать.

Юрий Ключников написал строки, которые можно считать своеобразным завещанием для русских патриотов:

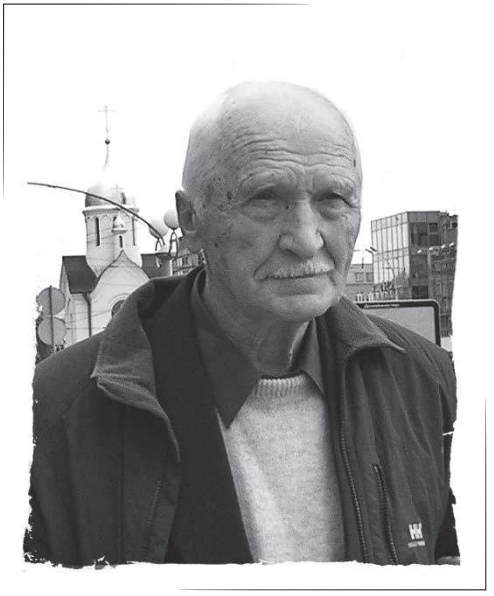
Оглядывая всё, что нами пройдено,
Скажу на склоне уходящих дней:
— Блажен, кто лёг в бою во славу Родины,
Ещё блаженней устоявший в ней.

Стойте, Юрий Михайлович, как можно дольше! Ваш пример убеждает нас, что только так мы одержим окончательную русскую победу!

Владимир Бондаренко, литературный критик

* * *

О Россия! В дневном напряженье
И среди твоих долгих ночей
Я хочу быть твоим продолженьем,
Как берёза, ромашка, ручей.
Чтобы кто-нибудь в грусти осенней,
Проплывая житейской рекой,
О твоём и своём воскресенье
Помечтал над моею строкой.



Часть первая

Стихи о России

I. ПОДСНЕЖНИК

КОРНИ

И дух, и дых —
Родня по корню.
Душа, дыша, трепещет в нас,
Переболев, как в детстве корью,
Игрою слов, нарядом фраз.
И потому, чем дали мглистей,
Чем ближе осень, тем верней
Сквозь шорохи опавших листьев
Мы ловим шёпоты корней.

ПОДСНЕЖНИК

Как улыбка ребёнка
Навстречу глазам материнским,
Словно озера блеск благодарный
Приходу весны,
Он на солнце глядит
Из-под снега осевшего с риском
Потерять свою голову
В грубых сугробах лесных.
С веток падает лёд,
Тёмный паводок буйствует рядом,
Сухостой и валежник
Мы топчем в соседних кустах —
Всё угроза ему,
Всё охрана ему и отрада,
Всюду зелень надежды
Растёт сквозь коричневый страх.
Да, сломай стебелёк —

Нарастут из-под снега другие,
Пропадём все подряд,
Чтобы встать через год, через два…
Ах, Россия моя,
Вся в снегу почернелом Россия,
Мой безмолвный подснежник,
Ты всё же, родная, жива!

АЗ ЕСМЬ!

Когда облечься письменною плотью
Пришёл душе славянской звёздный час,
Ту плоть Кирилл и брат его Мефодий
Определили первой буквой —
Аз.
«Аз есмь!» — мой предок тонкой вывел кистью
Слова Творца, те самые, что Он
Вписал нам в сердце, как венец всех истин,
Как главный над законами Закон.
Летели годы, дни, Россия крепла
На радость Богу — сатане на страх,
То поднимаясь Фениксом из пепла,
То падая опять почти во прах.
Когда же чужеземная зараза
Вползла незримо в русские сердца,
Мы отделили наше «я» от Аза
И первым поместили от конца.
Сегодня мир охвачен общим тленьем.
Но мы всему, что утеряло честь,
С российским нескончаемым терпеньем
Ответствуем уверенно:
— Аз есмь!
Жива души уступчивая сила,
Жива в душе торжественная песнь,
Жива земля, пока жива Россия.
Аз есмь!

МЫ — РОССИЯ

Берёзы и снега,
Озёра и луга,
Приветливое солнце в поднебесье.
На много тысяч вёрст
Под тысячами звёзд
Звенит моя Россия, словно песня.
По ней топтался вор,
Душил её измор,
Сгубить пытались дух её и тело.
Но нас нельзя убить,
Продать или купить,
А также в европейцев переделать.
Мы не грозим войной,
Мы не трясем мошной,
Улыбки и слова у нас не лживы.
Мы даже смертный час
Встречаем без гримас,
Мы верим в то, что вечно будем живы.
Берёзы и снега,
Озёра и луга.
Небесная прохлада и отрада.
Нам не о чем грустить
И нечего просить.
Бог подарил России всё, что надо.

* * *

Всё просим у тебя,
Нам вечно мало
Твоих даров и сладких, и лихих.
Врагам ты позвоночники ломала,
Но и сынов не бережёшь своих.
В твоих очах, загадочных и ясных,
Бездонная, как небо, синева.
В степях твоих, ленивых и опасных,

Нас вечно караулит трын-трава.
Промчится коник юный и горячий,
И гасит пуля огонёк свечи.
И втоптан воск, и сотня дальше скачет…
Куда? Бог весть.
Ведь главное — скачи!
Скачи вперёд до гробовой истомы,
За нею новый бой и шенкеля*.
Полынные российские просторы,
Безжалостная, нежная земля.

ЧЁРНОЕ И БЕЛОЕ

Обхожу киоск табачный мимо,
Обхожусь без зелья с давних пор.
Но купил сегодня пачку дыма
С памятным названьем «Беломор».
Именно для памятного дела,
Ведь о нём почти не говорят,
Как страна соединить хотела
Белое и Чёрное моря.
Как она, изматывая жилы,
Проливая кровь свою и пот,
Потеснить пыталась мир наживы,
За собой увлечь его в полёт.
Что потом? Потом был дым табачный,
И в киосках наших с неких пор
Вычеркнули белое из пачки,
Всюду поминают только мор.
Но ведь Русь мою не переделать,
И на ней во все века подряд
Чёрное соседствовало с белым.
Был ГУЛАГ, но был и Сталинград.
Смотрят, отвернувшись друг от друга,

* В кавалерийской посадке: часть ноги ниже колена (икра), прилегающая к бокам лошади; служит для управления задней частью туловища последней.

Две главы у одного орла.
Потому встревожена округа,
Наши непонятны ей дела.
А ещё от Финского залива
До чукотских тундровых полей
Белое в России молчаливо,
Чёрное кричит из всех щелей.

* * *

В деревянном старом доме
Мы ночуем на соломе,
В этом доме домовые
До утра в сенях стучат.
Что-то очень дорогое
И родное сердце ловит
Друг у друга в потонувших
В чёрном омуте очах.
Не спугнуть бы только словом,
Даже вздохом, даже думой
Из глубин души поднявшееся
Чистое тепло.
Много лет назад за Волгой
Или, может быть, под Тулой
Пролилось оно на сердце
И на дно его легло.
Мы его похоронили,
Нам казалось, и надолго
Заросло оно рубцами,
Да, видать, не до конца.
И теперь опять под Тулой
Или, может быть, за Волгой
Всколыхнула души память,
Растревожила сердца.
Нам бы утром да при солнце
Улыбнуться бы друг другу

И запомнить, и запомнить
Полуночные глаза.
До свидания, деревня,
До свиданья, пятый угол,
Там, где теплится лампада
И темнеют образа.

* * *

В сердечной книге не желтеть страницам,
Пока в ней дни без страха шелестят.
Мы любим в пятьдесят сильней, чем в тридцать,
А в семьдесят смелей, чем в шестьдесят.
Повсюду раздаётся: кайся, грешник,
Страх Божий да приидет в жизнь твою!
Но я чем ближе к смерти, тем сердечней
Земную жизнь и всякую люблю.
Страшиться ли загробных адских вихрей,
Когда их здесь немало перенёс?
Я выносил у сердца этот тихий
Цветок любви,
Он очень трудно рос.
Под небом то лихим, то нежно-синим,
В болотах, на песке и на горах —
Цветок любви к измученной России,
Которой никакой неведом страх.

* * *

Прости меня, время! За жалобы каюсь,
А также за свой антирыночный крен.
Я вместе с народом своим спотыкаюсь
На ямах и лужах дурных перемен.
Мы с Родиной зреем в таких переменах,
Без них не поймёшь ни России, ни нас.
Нужда в лихолетьях заложена в генах,
Так жаждет давленья растущий алмаз.

ЦАРСКОЕ МЕСТО

Нам говорят,
Что Россия не знает, зачем
Верит в царей,
На задворках Европы плутая,
Что за века
Не открыла народных очей.
Это действительно
Русская тайна святая.
Нам непонятен
В нас вложенный Богом заряд,
Также и сила заряда ещё неизвестна.
Мы предназначены царству
По имени Брат.
Верим, что там
Обретём своё царское место.

ЗЕМЛЯ ПРЕДКОВ

Её боронили за взрывом и плугом,
В неё хоронили, чтоб сделалась пухом.
В ней вслед за металлом хозяйничал ворон,
Когда не хватало ни силы, ни борон.
Удел её грозен, простор её тесен,
В ней даже берёзам тоскливо без песен.
Траве её в Ницце и где-нибудь в Праге
Всегда будут сниться поля да овраги.
То дубом стоишь, то склоняешься ивою,
Страна моя нежная и молчаливая.
Всё есть у тебя, от Чукотки до Сочи,
Забот не хватает сыновних.
И очень.
Умеешь сворачивать хищникам шеи,
А собственных крыс почему-то жалеешь.
Всем роющим норы, и бесу, и вору,
Лишь машешь рукою:
— Хватает простора!..

В ЗАЩИТУ ОБЛОМОВА

Как простодушно верил прошлый век,
Нацеливший на Запад наши дроги:
Всему помеха — некий человек
По имени Обломов на дороге.
Век следующий так его трепал,
Что непонятно, как бедняга выжил.
Но выдержал характер, не пропал
И сделался, пожалуй, чем-то ближе.
Когда сегодня новый Штольц зовёт,
Как на пожар, нас во всеобщий рынок,
Я очень понимаю свой народ,
Не выбросивший старые перины.
Могу в соломе даже спать, как пёс,
С торговыми порядками не споря,
Пусть надо мной сияет море звёзд
И пушкинское снится Лукоморье.

* * *

Но всё пройдёт: жара и вьюга,
Твои страданья и страны,
Которая то сходит с круга,
То лезет в сети сатаны.
И нескончаемые распри,
Как предисловье новых бед,
И все иллюзии… И разве
В конце пути не вспыхнет Свет?
Он непременно в сумрак серый
Прольётся щедро на народ.
Придёт единым солнцем веры.
Когда? Не знаю. Но придёт.

* * *

Не жалей на женщину любви,
Даже если женщина обманет —

Птица перелётная в тумане
Возвратится на круги свои.
Не жалей на Родину любви,
Даже если Родина поранит —
Никогда родная не обманет
Ни дела, ни помыслы твои.

КОНЁК-ГОРБУНОК И МЫ

Подкладывает нам за миной мину
Судьба на перекрёстках всех дорог.
Но нас с коня не так-то просто скинуть:
Конёк волшебный, чудо-горбунок.
И слишком не торопится как будто,
И не догонишь, хоть стремглав скачи.
Мы — странный сплав кнута, горба и бунта,
Свободы и Емели на печи.
Нам русский дух из генов наших вынуть
Советует Европа, но пока
Мы разминируем в пути за миной мину,
Пришпоривая чудо-горбунка.

ТРИЛИСТНИК

1

Мой друг, мой присмиревший русский рыцарь,
Среди хамелеонов и ужей
Куда нам скрыться, где нам затвориться,
Как не в себе, не в собственной душе.
Там места не осталось для иллюзий,
Испепелилась с ними и печаль.
И светится на радость строгой музе
Надежды нержавеющая сталь.
О чём она? О том, что солнце всходит,
Что на исходе бесов торжество,
Что никогда, ни при какой погоде
Нет в мире, кроме правды, ничего.

Всё остальное — тени, тени, тени.
За них цепляться — только множить грусть.
Опять увязла в тине заблуждений
Поверженная демонами Русь.
Что нужно ей и нам? Совсем немного
И вечность без имён, без дележа.
Воистину при жизни узрит Бога
Сама в себя ушедшая душа.

2

Ушедшая в себя душа моя,
Ты вовсе не пугливая улитка,
Ты всем печалям собственным — улыбка,
Чужой беде — надежда и маяк.
Мы клетки одного большого Тела.
Служить бы да служить Ему, любя.
Но мы, как пауки, осатанело
Едим друг друга и самих себя.
И подмывает речка на излуках
Терпенье самых кряжистых берёз,
И Бог, как человек, в великих муках
Больные клетки отторгает врозь.
Да, от Творца нам никуда не деться,
Мы — дети Его любящей Реки.
В ней омываем собственное сердце,
Вливаемся в Неё, как ручейки.

3

Но коль грехи нам не простятся наши,
И вал шестой поднимет океан,
И ангелы прольют на землю чаши,
Как говорил апостол Иоанн,
Я верю: мой народ не сложит крылья
Среди ещё неслыханных тревог.
Мы Божеские страсти проходили,
Нам преподали дьявольский урок.
Нас без конца мутило и штормило
И по своей, и по чужой вине.

Мы ношу, предназначенную миру,
Несли за всех, и сил у нас вдвойне.
Лукавые! Вам кажется, что плохи
Дела у нас, но взвесит Судный день
Всю трагедийность сталинской эпохи,
Всё шутовство сегодняшних затей.
Засветятся рассветные одежды
Седьмого дня во мраке трёх шести.
Терпения, смирения, надежды
И красоты, чтоб крест свой донести.

ПИСЬМО ИЗ ТВЕРСКОЙ ГЛУБИНКИ

Над просторами шиферных крыш
Кольца дыма, как ангелы, тают.
Самолёты отсюда в Париж,
А тем более в Тверь не летают.
Словом, царство зелёной тоски,
По понятиям нынешним нашим.
И всего двести вёрст от Москвы
Чудо-город по имени Кашин.
Чем чудесен? Петлёю реки,
В виде сердца закрученной странно.
Жизнью предков смертям вопреки,
Благоверной княгинею Анной,
Мудро правившей в этих местах
Среди вечных российских раздоров…
Весь в сугробах и в древних крестах.
Вот такой удивительный город.
Поседевший до самых бровей,
Словно кисти Васильева мистик,
Прячет лик среди хвойных ветвей…
А ещё здесь заносы не чистят.
Город как из былины упал
Одна тысяча двести…
Не стану

Углубляться в былые туманы,
Сообщу, что с тоски не пропал.
По колено плутаю в снегу,
Размышляю, что город мне ближе
И Твери, и Москвы, и Парижа.
Почему?
Объяснить не могу.

* * *

Погремело вверху и заклинило,
И опять безмятежная синь.
Только молний далёкая линия
Продолжает громами грозить.
Это родина, это Россия,
Это почерк её вековой.
Вечно движутся тени косые,
Соревнуясь с её синевой.
Слышу птичек весёлое пенье
У последней метельной версты.
И твержу себе, что нетерпенье
Не поможет приходу весны.
И звучит через явь нашу серую
Голос музы в небесной тиши:
— Умирая, рождаясь и веруя,
Улыбайся, живи и пиши!

* * *

Какой в тебе ни вызревал бы план
Страну свою увидеть феникс-птицей,
Воображенья розовый туман
В задуманную явь не воплотится.
Русь возродится Богом и судьбой
Прекрасней, чем задумано тобой.

* * *

Среди полей, где вороньё
Расклёвывает душу русскую
Не уходи за тучу грустную,
Надежды солнышко моё!

Не умирай в лучах закатных.
Я слишком верю в свой народ
И в то, что ливень благодатный
На поле наше Бог прольёт.

РОССИЯ ГРЯДУЩАЯ

На всех просторах Родины огромных,
На каждом пятачке родной земли
Не уступи ни пяди силе тёмных,
Но перед ней молитвенно замри.
Её неистребимы идеалы,
Она ликует, всех и всё любя.
Она опасна тем,
Кто одеяло
Упрямо тащит только на себя.
Радушна к тем, кто в каждом видит брата,
В противнике — заблудшего глупца.
Её ни ад, ни рай, ни тонны злата
Не отвратят от Замыслов Творца.
И если ужас войн и революций
Не вразумил затейников вражды,
Под новым солнцем в лужи разольются
Их ледяные души и следы.

II. МАТЬ-ПРИРОДА, Я МОЛЮСЬ ВСЕЧАСНО

АЛТАЙСКАЯ РАПСОДИЯ

ЗВЕЗДА

Над Белухой вспыхнула звезда,
Что-то шепчет горным склонам глухо.
Что же ты услышала, Белуха,
Что нас ждёт — надежда иль беда?
Над Белухой вспыхнула звезда,
Ловят свет алтайские озёра,
Что-то здесь случится очень скоро,
Но тиха озёрная вода.
Над Белухой вспыхнула звезда.
Мир подлунный в ожиданье замер,
Смотрят вверх тревожными глазами
Ледники, селенья, города.
Над Белухой вспыхнула звезда.
Сердце, ты одно звезду услышишь,
Мужеством и радостью утишишь
Пламена Последнего Суда.
Над Белухой вспыхнула звезда.

А МЫ МОЛИЛИСЬ ЗА РОССИЮ

По глыбам льда, из-под которых
Катунь рождается на свет,
Мы поднимались молча в гору,
Светлей которой в мире нет.
Был день, как лёд,
Холодный, синий,
Серели тучи, как жнивьё,
А мы молились за Россию,

За воскресение её.
Нам мнилось: час великий пробил,
Страна снимается с креста.
О как стучалась в клетку рёбер
Нахлынувшая красота!
Нам с ней хотелось сердцем слиться,
Взлететь по стенке ледника
И выше, к солнцу, по ресницам
Лучей, пробивших облака.
Но Голос вдруг раздался строгий,
Звучал он как бы изнутри:
— Ещё не выстроились сроки
Стране обещанной Зари.
Ступайте вниз, в своё безлюдье,
Вериги прежние влача.
Да негасимою пребудет
Зажжённая в груди свеча!

БЕЛУХА

Когда расстанусь с плотной оболочкой,
Когда в бесплотный устремлюсь полёт
В бездонно-фиолетовый, полночный,
Луной посеребрённый небосвод,
Налюбовавшись звёздными мирами,
Я возвращусь однажды на заре,
Как блудный сын в новозаветной драме,
К тебе, всё утоляющей горе.
Берели Белой светлая излука,
Кок-коля Малого немолчный звон и зов.
Белуха, несравненная Белуха,
Ты для меня — как первая любовь.
В душе моей впечатаны навеки
Снегов твоих целительный простор,
Лазурные улыбки аквилегий,
Зелёный мрамор кедров и озёр.

Я знаю, что и ты, как я, не вечна,
Когда-нибудь твои растают льды,
От всех твоих нарядов подвенечных
Останутся лишь светлые мечты.
Но никакой зигзаг судьбы случайный
Не разлучит нас с очагом Отца.
Живёт в нас ослепительная тайна,
Которой нет и не было конца.

* * *

Уж скоро год почти, как разошлись мы,
Как увела пространственная стрежь
Те паруса, что двадцать лет по жизни
Несут челнок моих святых надежд.
Без них не перенёс бы я, конечно,
Отчизны затянувшийся позор.
Спасает память — профиль в небе нежный,
И голубые лебеди озёр,
И аквилегий синие разливы,
И быстрых рек торжественная песнь…
Бывал по-настоящему счастливым
Я лишь у ног твоих, Белуха, здесь.
Но ты дала мне больше, чем просил я
В молитвах у твоих зелёных ног, —
В грядущую прекрасную Россию
Ты помогла направить мой челнок.
Туда, где жизнь не знает лжи и блуда,
Где глубоки и радостны глаза…
Я новой встречи с вами жду, как чуда,
Сияющей Белухи паруса.

У ПОДНОЖИЯ БЕЛУХИ

Ты снова во владениях богов —
У тёмных ног Белухи белоснежной.
Она тебе ладони ледников

С вершин своих протягивает нежно.
И одаряет утомлённый дух
Сокровищем Безмолвия несметным.
И ты с ней рядом ощущаешь вдруг
Своё родство с богами и с бессмертьем.
Остался за спиной житейский мрак,
За горизонтом рыночные клоны.
Шлёт из-за камня каждый горный мак
Тебе свои влюблённые поклоны.
Ручей, что между туч и скал повис,
Зовёт струёй хрустальной насладиться.
Но Божий дух велит спуститься вниз,
В тот самый мрак, где твой удел — трудиться.

АЛТАЙСКАЯ ТОСКА

Звонок телефонный в душе отзовётся
Тем эхом, что сладкой тоскою зовём.
Опять засияли алтайские звёзды,
Пускай не над кедрами — в сердце моём.
Пока оно бьётся, пока оно в теле,
Я этой тоской и дышу, и живу,
Мне нужно в горах побывать хоть неделю,
Чтоб год продержаться потом на плаву.
Житейский фарватер всё мельче и уже,
Российской размашки всё тише броски.
Быть может, Алтай, я тебе и не нужен,
Но ты не лишай меня этой тоски.

АЛТАЙСКИЕ СОНЕТЫ

Придя в сей мир с отчаянной звезды.
Мучительно и долго озираясь,
Сквозь заросли земные продираясь,
Проваливаясь в топи и пруды,

Я наконец сказал себе: пора
Поставить всем своим надеждам точку,
Не выберусь отсюда в одиночку,
Не возвращусь на родину. Игра

Разыграна заранее по нотам:
Я обречён пропасть в земных болотах
Иль вынырнуть с отчизной вдалеке
От грязных луж в заоблачной реке,

И потому довольно жалких вздохов.
Вот сердце и рука моя, эпоха!

* * *

Вот сердце и рука. Но почему
Не видно в небе ни кусочка сини?
И ложь, и серость царствуют в России,
И ей мои подарки ни к чему.

Бьют молнии в заросшие поля,
Заждавшиеся бороны и плуга.
Но недругами загнанная в угол —
Не может сбросить их с себя земля.

Ну что ж, и это пережить придётся,
Пока огонь надземный не пробьётся.
В безвременье, средь ярой суеты
Храни свечу и знай — не только ты

Несёшь в себе огонь неугасимый,
Огонь свечи для сумрачной России.

* * *

Огонь свечи… Извечная мечта.
Но можно ли всё время жить надеждой?

А чем ещё? Минувшим разве? Между
Ним и грядущим — только пустота.

Нет ничего, чему бы молвил взгляд:
Останься. И моих желаний кони
В бесплодной истощаются погоне,
И ты уже погоне той не рад,

Пусть даже за звездой. Быть может, смело
Всю Беспредельность взять себе пределом
И гнать коней, и видеть впереди
Лишь Млечный Путь, и знать, что нет пути

Тому конца. Но это безрассудно!
А что же делать? Истина абсурдна.

* * *

Что делать… Я сижу на берегу
Катуни и любуюсь белопенной
Игрой воды и красок переменой
И вдоволь насмотреться не могу.

Здесь беловодье, дальше бирюза,
Потом просторы серо-голубые.
А после, породнившись с тихой Бией,
Свинцовой грустью заблестят глаза,

Когда взмутят их городские стоки.
Но, выдержав экзамен тот жестокий,
Река вольётся чистой в океан.
И превратится в ледяной туман.

И возвратится облаком к Белухе.
Зачем? Бог весть. Горы вершины глухи.

* * *

Зачем, Бог весть, нам радость впереди
За полосою жалкого унынья?
Ведь возвратится новая пустыня…
Как колесо рождений ни крути,

Один и тот же выбор есть у нас —
Недолгого цветения и смерти.
А вырвешься из этой круговерти,
Ждёт на иных мирах рожденья час.

Но погляди на век ромашки краткий —
Грустит ли, к сентябрю теряя краски,
А к ноябрю вся в семя уходя
И дожидаясь нового дождя?

О чём же ты печалуешься, птаха?
Печаль — сестра обманчивого страха.

* * *

Мы птахи перелётные Начал.
Кочуя в безначальном Мирозданье,
Пока в камыш и землю не врастаем,
Не ведаем, что в мире есть печаль.

Задуманы, по крайней мере, так.
И вдруг тоска, как лезвием по сердцу,
Что там, внизу, томятся на насесте
Десятки наших братьев-бедолаг.

И нет в помине радости и песен,
Летим туда, где бестолочь и плесень.
— За нами ввысь!
— Не можем.

— Отчего?
— Полёты ввысь не наше естество,

— Кто вам сказал?
Молчанье на насесте.
И вот уже мы все тоскуем вместе.

* * *

Тоскуем вместе. Неба синевой
Пугают птицы, сами нас боятся.
— Не бесы ль вы, что в воздухе роятся?
Там холодно, нет крыш над головой.

Мы связаны отныне и навек
Короткой цепью их боязни сонной.
Лишь молнии, сверкнув по небосклону,
Из Дома Отчего зовут нас всех наверх.

Громами перекатными вздыхая,
Пожарами земными полыхая,
Все ждут, когда бескрылым надоест
Цепляться за насиженный насест.

И сколько гроз ещё придёт на землю?!
Россия дремлет…

АЛТАЙСКИЙ БОГ*

Мне мнился деревянный идол,
Одетый в камень грозный дух,
Который вырезал иль выбил
Богобоязненный пастух.
Я долго брёл за этим чудом
По круговерти троп и скал

* На Алтае можжевельник является предметом культового почитания у местного населения.

С моим товарищем, покуда
Он склон крутой не отыскал.
Бадана заросли ржавели,
Серел сукном шинельным мох,
В ногах кустился можжевельник.
— И это бог?
— Да, это бог.
— Что ж в нём святого, ягод сизых
Густые россыпи?.. И вдруг
Тончайшим ароматом снизу
Повеял малорослый дух.
Поистине он был от Бога,
Чудесный запах. День дремал
Под жарким солнцем.
Я в дорогу
Зелёных лапок наломал.
Зажгу их дома, дым вдыхая,
Моим он богом станет пусть.
И вспомню светлый лик Алтая,
И загрущу, и улыбнусь.

* * *

Здесь всё кругом, как было, с пылу с жару
Явилось в мир из Божеской печи:
Цветы и лес, закатные пожары…
Здесь Истина, другую не ищи.
О скалы первозданные Алтая,
Над ними ледники — как паруса!
Их отраженье светлое читаю
В глазах озёр и рек, в твоих глазах.
И снится мне, что это будет вечно,
Пока над нами облака плывут,
Пока Белуха в платье подвенечном,
Пока в нас боги юные живут.

ДАЛЁКОЕ И БЛИЗКОЕ

В голове у меня
Среди жёлто-зелёных сосенок
Протекает ручей,
Он ленив, словно пленная рысь.
Но ведь где-то бежит
По холодным камням, как бесёнок,
И сверкает на солнце
Весёлыми пятками брызг.
Это память меня
Возвращает на горные тропы.
…По компьютерным клавишам
Пленными пальцами бью,
Всё пытаюсь вдохнуть
В чёрно-белые строгие строфы
Синь алтайских вершин
И сердечную нежность свою.
Состязаться с природой —
Привычное дело поэта
И, конечно, проигрывать
Спор в безнадёжной борьбе.
О ручьи!
О Катунь!
О Белуха!
Полцарства за это!
Но вторые полцарства
Оставлю стихам и себе.

ГРОЗА В ГОРАХ

Тучи ниже, темнее, упорней,
Ты же в горы отправился, к ним
В полной вере, что Промыслом Горним
И направлен, и свято храним.

Перед бурей бывает безмолвный
Миг сомненья: куда ты полез?
Там весёлые лезвия молний
Замахнулись на дремлющий лес.
И конечно, отчаянно ахнут
В тёмно-синие кроны дерев.
О как кедры торжественно пахнут,
Небеса головой подперев!
А сверкающих шашек всё больше,
Гуще грома густые басы.
Путь наверх продолжается.
Боже!
Как прекрасны раскаты грозы.
Где-то ель одряхлевшая треснет
Или рухнет гнилая сосна.
Жизнь огромная тем интересней,
Чем грозней и опасней она.
Спишь потом одиноко и сладко
На камнях среди вздыбленных круч
Под чечётку дождя о палатку,
Под ворчанье слабеющих туч.

ТЕЛЕЦКОЕ ОЗЕРО

Есть в наших играх ещё не открытые козыри,
Есть на земле не затоптанные родники,
Есть среди гор сохранённое Господом озеро —
Светлый кристалл в тёмно-синей оправе тайги.
Гонят волну плавники белокрылого катера,
Гонит с волны восходящее солнце туман,
Гонит Алтай все печали мои перекатные
От Артыбаша до дальней реки Чулышман.
Золото лиственниц на берегах осыпается,
Золото солнца бликует на тёмной воде,
Золото радости в сердце моём просыпается.
Как не поверить спасенью души в красоте!

Пусть эта радость пребудет на сердце в сохранности,
Пусть это озеро смоет печали мои,
Пусть эти горы меня возвратят к первозданности,
К светлым истокам забытой Господней любви.

* * *

Справа сосны,
Как гвардия перед парадом,
За поскотиной
Птиц и цветов перезвон.
Наверху перекличка
Причудливых радуг,
Словом, я на Алтае,
В долине Уймон.
К солнцу тянутся
Лики подсолнухов рыжих,
Ну а дождик слепой
Не глядит в синеву,
Продолжает бесчинствовать,
Брызжет и брызжет,
Пыль алмазную сеет
В густую траву.
Облака над горами,
Минуты не дремля,
Пишут чудные знаки
По небу-холсту,
Разъясняют долинам,
Что Судное время
Не падение вниз,
Но прыжок в высоту.

ИЗ ДНЕВНИКА ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ТЕРЕХТИНСКОМУ ХРЕБТУ

Лезем в жаркую высь по холодным камням,
Хлещем плетью по крупам товарищей потных,

Не даём послабленья усталым коням,
И они не щадят наши спины и бёдра.
Если спешишься, ноги почти не идут,
Сёдла тоже для тела едва выносимы.
На нужду ли свою, на свою ли беду
Лошадиные тратим и прочие силы?
Одолеем скалу через все «не могу»,
Впереди за ручьём вырастает другая…
Высь меняет обличья на каждом шагу
И азарт покоренья в душе зажигает.
Среди ликов изменчивых в этих горах
Некий образ маячит почти постоянно —
Символ нашей судьбы, её вечность и прах,
Неурядица троп и блаженство стоянок.
Где-то лишнее время подаришь костру —
Бумерангом вернётся к тебе промедленье,
Отдохнул, отоспался, но, смотришь, к утру
Силы выпили шустрые демоны лени.
Нам по мере даны и труды, и покой,
Но качнёшь равновесие — скатишься в пропасть.
Те же лошади мы для чертей и богов,
Чёрной масти — покой,
Белой — трудная доблесть.

ПТИЦА

На алтайской горе Филарет
В соснах прячется птица-поэт.
Спой мне, певчая горная птица,
О мечте, что должна воплотиться,
О сверкающем в синем эфире
Нам завещанном предками мире,
Где не будет вражды и тревог,
Спой мне, вещая птица вьюрок.
Спой о чудных закатных разливах,
Спой о звёздах больших, точно сливы,

Спой о нежности и чистоте,
Об отшельниках новых в Мульте,
О тебе подпевающих немо
Белых водах святого Аккема,
Где однажды до Божьего гнева
Окрестили Адама и Еву.
Спой мне, птица, и душу встряхни
В наши песню забывшие дни.

* * *

В моём окошке даль мутна,
На дачных стёклах первый иней.
А где-то есть село Мульта
В горах Алтая вечно синих.
Там рота сосен у реки
Дозор осенний с небом делит.
Хранят зелёные штыки
Недавно выстроенный терем.
Я не попал в него,
Нога
Споткнулась на пороге новом.
Спросила бабушка-яга
С крыльца высокого:
— Кого вам?
Кого мне? Что я мог сказать,
Узрев в глазах её опаску?
Глядел в поблекшие глаза
И отвечал:
— Былую сказку.

ВАСИЛЁК

Всю ночь мне снился солнечный Алтай:
Лесные гномы, добрые колдуньи
И горное селение Мульта —
Одно из гнёзд волшебницы Катуни.

Река синела сразу за селом,
Точнее, за шоссе, довольно скверным.
Рос рядом с ним весёлый василёк,
Цветок для этих мест нехарактерный.
«Король» — по-гречески. Откуда взялся он?
А может, Василиса, королева?..
Мы разошлись. У всех дорог закон —
Сворачивать направо иль налево.
Когда к своей свернул я стороне,
Цветок нахмурил синие ресницы.
Но, может, только показалось мне,
Во сне ведь может всякое присниться.
Однажды я усну и не проснусь —
История известная, простая.
Захочется грустить кому-то, пусть
Чуть погрустит о васильках Алтая.

* * *

Куда порой ни приведёт дорога,
Какие жизнь ни выстроит ходы,
Алтай, село Мульта, здесь очень много
Зелёного пространства и воды.
Катунь, спускаясь сверху, роет горы,
Приносит вниз густую синеву.
Бывают же волшебные повторы
Не только в старых сказках — наяву.
Река на вид всё та же, да не та же.
Что нами недосказано тогда,
Не связано? Крутые петли вяжет
Из ледников бегущая вода.
Согреться бы течению на плёсах!
Да жребий, видно, горный не такой.
И жизни торопливые колёса
Разводят нас с бегущею рекой.
Сумеет ли земной судьбы кораблик
Найти под килем прежнюю струю?

Лишь в океане неразлучны капли,
Но там попробуй отыскать свою…

УСТЬ-КОКСА

Над головой берёзовые косы
И в камуфляж одетые хребты,
Внизу потоки ясноглазой Коксы —
«Зелёной», переводится, «воды».
Нам сообщает древняя былина:
Под землю здесь ушла когда-то чудь,
Но сроков ждёт в Уймонскую долину
Вернуться. Подождём и мы чуть-чуть
Чудес Алтая:
Крупных, словно сливы,
На небе звёзд, а на земле костров,
Чьи языки так дивно молчаливы
И ярче самых вдохновенных слов.
Усть-Кокса — это в синей дымке горы,
Тумана над рекою полоса,
Камней с водой о чём-то разговоры,
У нас повеселевшие глаза.
Усть-Кокса — благодатная планета,
Где ты бредёшь, свободою дыша.
И в этом царстве зелени и света
Становится иной твоя душа.

УТРО НА КАТУНИ

В зеве каменном узком
В ожидании броска
Малахитовый мускул
Напрягает река.
И, прорвавшись за скалы
У деревни Аскат,
Зубы белые скалит,
Проходя перекат.
Вся и мощь, и смиренье,

Будит бурые лбы
Райским звоном свирели,
Рёвом судной трубы:
Встаньте, горы Алтая,
Под знамёна огня!
Где-то всадник седлает
Золотого коня.
Время битвы сегодня.
Прочь туманы и сон!
Чистый луч Беловодья
Озарил горизонт.

СИНИЕ ВОЛНЫ КАТУНИ

В прозрачном плёсе камушки на дне.
Перебираю памятные струны
Той были, что судьба вручила мне
Когда-то здесь, у синих волн Катуни.
Не стёрли сказки прежней берега,
Готов я это подтвердить строкою.
Но быль умчала быстрая река,
Оставила лишь тени над рекою.
— Ты опоздал, поэт, твоя вина, —
Доносится мне шёпот еле слышный.
Прибилась к плёсу синяя вода,
И третий между ними явно лишний.
Как камушки, бросаю вниз слова,
Волны касаясь нежно и несмело:
— Ты с глаз ушла, речная синева,
Небесная же в сердце неизменна.

* * *

Одинокий костёр
Ты зажёг на излуке Катуни
Уходящему солнцу вдогонку.
Вокруг ни души.

Всё, о чём бы во мгле
Наступающей вдруг ни подумал,
Облекается тотчас
В картины живые.
Пиши!
Например, как в костре
Огнеликие ангелы бродят
Или гном на огонь
Из-за мшистого камня глядит,
Как танцует вода
На катунском крутом повороте
И рождает из брызг
Белопенных речных Афродит.
Всё вибрирует жизнью
И смертью задымлено тоже
Под лучами души твоей.
В ней и надежда, и жуть.
Ты на этой излуке
Всего лишь случайный прохожий.
Дай же право поверить,
Что ты её главная суть.

ПАТМОС НА КАТУНИ

Мы шли по лесу, осенью зажжённому,
Мы подошли к висячему мосту,
И замерли на нём заворожённо,
Робея наступить на красоту.
Река, замедлив бег и даже пятясь,
Чертила бирюзовый серпантин.
В нём плыл подобьем струга чудный Патмос* —
Как светлый вестник и такой один.

* Небольшой остров на реке Катунь в Горном Алтае, названный в честь греческого острова Патмос, где, согласно христианскому преданию, последние годы жил и писал своё «Откровение» апостол Иоанн. На острове, освящённом в 1855 г., был построен храм, и его посещал митрополит Московский и Коломенский Макарий, «апостол Алтая». В 1920-е годы храм был уничтожен, а в 2000 г. построен заново как Храм апостола Иоанна Богослова.

На струге этом службу нёс Макарий,
Он завещал Алтаю Новый Свет…
В Катуни блики светлые мелькали,
Как явленного будущего след.
Пылали всюду лиственницы жарко,
Сбивая с кедров царственную спесь.
Владыка Хронос, ревностный служака
Всех перемен,
Как будто замер здесь.
Когда-то обещало Откровенье,
Земную и небесную войну, —
Она же здесь закатом багровела,
Преображалась в мир и в тишину.

ЧЕПОШ*

Пещерный ящер логово искал,
И утомился,
вырыл среди скал
Глубокое ущелье, изнемог
И замертво на голый камень лёг.
Заснул дракон на долгие века,
С ним рядом улеглась Катунь-река.
Он ткнул ей в берег свой громадный нос,
И превратился нос в крутой утёс.
И кедрами могучими оброс
Распластанный в горах драконий хвост,
Ковром роскошным сделалась спина.
— Ждал чудище узреть — и вот те на! —
Воскликнул поражённый человек,
Когда готовил здесь себе ночлег.
Был уголок так чуден и пригож,
Что сделался селением Чепош.
Теперь в селе живут мои друзья,
У них однажды ночевал и я.

* Вот те на! (алт.)

* * *

А солнце за облако село,
Вернётся, конечно, назад.
Пока же скрывается в серых
Задумчивых ваших глазах.
Но это не дым меланхолии,
Сквозь ваш неулыбчивый свет
Мне видятся сопки Монголии
И дымка горы Филарет.
Пускай я ногами там не был,
Где вам приходилось ходить,
Но верю в монгольское небо,
В Алтай, в Ариаднину нить
Для Азии и для Европы,
В сердечную верю струну…
А также, что все наши тропы
Сольются когда-то в одну.

* * *

И вновь висков коснулся ветер —
Дыханье гор, Алтайских гор.
Я словно сбросил полстолетья,
Услышав вечный разговор
Ручья в теснине ледниковой,
И в речи сбивчивой ловлю
Одно-единственное слово:
— люблю, люблю, люблю, люблю.

* * *

Алтай. Я так о нём скучаю
И так притронуться хочу
К его ромашкам, к иван-чаю…

Глаза закрою — и лечу
К Белухе, в царские покои
Из льда и камня,
К быстрине
Зеленоглазого Кок-коля,
Что тоже заскучал по мне.
Я слышу песню водопада,
Я глажу сказочный поток,
Где зреет разноцветье радуг.
Я вижу маленький цветок,
На вид невзрачный, даже серый,
Но в голубые небеса
С такою простодушной верой
Глядят безгрешные глаза!..
О нём тоскую я донельзя,
Он носит имя эдельвейса.

МОЛЧАЛИВАЯ ВСТРЕЧА

Среди разнообразных встреч
Какие только не бывают!
Я потерял однажды речь
Июльским днём в горах Алтая.
Агрономии вопреки,
В камнях прибрежных мшисто-сонных,
Гляжу: желтеет у реки
Здесь поселившийся… подсолнух.
И было от него светло.
А глушь кругом, как в сказке,
Волчья…
— «Какой судьбою занесло?» —
Спросили мы друг друга молча.
Никто из нас не отвечал.
Зачем?
Светло и безотчетно
Обоим тонкая печаль
Без слов напомнила о чём-то.

И разошлись мы, скрылись с глаз
Беззвучно, призрачно и скоро.
И солнце провожало нас,
И молча вслед глядели горы.

КОСТЁР

Горит костёр, огнём своим маня,
Горит в снегу казахского Алтая,
Стихия жизни, странствий и моя,
Мятётся, никуда не улетая.
Горит под иероглифами гор,
Дымком парит над ними, словно птица,
Бездумно завораживает взор
И приглашает молча причаститься
К тому, что будоражит нашу плоть,
От спички переходит к влажным сучьям,
Что поселил навеки в нас Господь,
Что вдаль зовёт, и радует, и мучит,
Когда теряем среди странствий стыд,
Потом не знаем, как душе согреться.
Не дай мне бог когда-нибудь остыть —
Не телом: у него свои законы — сердцем.

ЧЁРНЫЙ СНЕГ

Я один, всё тонет в фарисействе…
Б. Пастернак

Замерли в закатном небе тучи,
На Белухе розовеет снег.
Он сегодня светел и задумчив,
Как родной, как близкий человек.
И темнеет медленно и зримо,
Грустную улыбку затаив.
Принимай, Белуха, пилигримов
На ночлег
У тёплых ног твоих.

Продолжаем старый поединок
Воли русской с западным замком.
На земле, где торжествует рынок,
Нам бродить привычней с рюкзаком.
Только не уткнуться бы в корыто,
Как в последний, главный крик души!
Прежде чем пропасть, как Атлантида,
С головой не скрыться бы во лжи.
Греет нас надежда: уцелеют
Дом, семья, работа, простота…
И Белуха утром побелеет,
И покинет Родину беда.
Верим в безошибочное средство —
Дать созреть нарыву, чтобы вскрыть.
Кончилась эпоха фарисейства,
Всюду зверь свою являет прыть.
Дорог нам, когда ни зги воочью,
Наслажденья тайного закон:
Никогда не бегать в стае волчьей,
Даже если можешь,
Вожаком.

МОЙ БЕРМУДСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Какой бы шторм по жизни ни болтал —
Причал один, и ветер странствий гонит
Из города на дачу, на Алтай.
И это мой Бермудский треугольник.
На катетах случается тонуть,
Но поднимает вверх гипотенуза.
Глотнёт озона на Алтае грудь —
Им целый год живёт и дышит муза.
Порою же, когда поникнет дух
И в душу лезут дьявольские духи,
Достаточно бывает бросить вдруг
Лишь взгляд на фотографию Белухи.

* * *

Я выдал в свет алтайскую сюиту
И огород стихов пустил под пар.
Пусть обновится впечатлений свиток.
В начале слова возникает жар,
Туманное томительное нечто,
Ещё вполне не ставшее огнём.
Поэтому сперва затопим печку
И в полное безмолвие уйдём.
Когда не бродят творческие дрожжи,
А время прекращает свой отсчёт,
Мы чувствуем, как в нас со сладкой дрожью
Неслышный Голос Вечности течёт.
Течёт Он сквозь душевное наследство,
Смывая всё, чем в жизни дорожим.
А что стихи? Они теряют вес свой,
Как только попадают в тиражи.
Мы — струи рек, мы — капельки тумана,
Нас океан зовёт к себе домой.
Но есть в нас то, что больше океана
И даже больше Вечности самой.

СИБИРСКАЯ ЗЕМЛЯ

В НАШИХ ДАЛЬНИХ КРАЯХ

В наших дальних краях
На крутых перепадах предзимья
Ветер Арктики южным
Слоистым туманом пророс.
Тёмно-серый платок
И платок ослепительно-синий
То и дело меняют
Безлистые кроны берёз.

Город весь в напряженье,
В раздёрганных жестах и звуках
В ожиданье зимы
Межсезонные правит труды.
Лакированный дождиком
Чёрный провал виадука
Пожирает машины
С гудением судной трубы.
Но бесстрашной травы
Проступают зелёные пятна
Через иней и сор,
Сквозь дыханье декабрьских угроз.
Непривычный ноябрь —
На багровой ухмылке закатной
Пламенеет Венера,
Звезда милосердья и гроз.

ОБЬ ПЕРЕД ЛЕДОСТАВОМ

Ей траурную ленту бор накинул
На снежный берег.
Инеем блестя,
Скитается по заберегам длинным
Последняя опавшая листва.
Последний рейс.
Последний шум причальный.
Поклон последний крана с высоты.
В зелёный стрежень смотрятся прощально
Плечистые бетонные мосты.
Нацеленная думой в Ледовитый,
Свой труд земной
Справляя день и ночь,
Все наши радости деля и все обиды,
Она от них тотчас уходит прочь.
Что ей зима, когда пред нею вечность!
Что сумрачный арктический туман!

Ведь умирая каждый миг как речка,
Рождается она как океан.

РАЗДУМЬЯ НАД ВЕЧЕРНЕЙ ИНЁЙ

В своих раздумьях о стране
Спускаюсь я к реке Ине.
Камыш почти не шевелится,
Кувшинки на ночь прячут лица.
Прикрыв закатный луч рукой,
Взгляд возношу я над рекой
На уровень лесной опушки,
Откуда слышен счёт кукушки.
Кому ведёт своё «ку-ку»:
Стране, соседу-старику,
Что задремал под ивняком
Над неподвижным поплавком?
А может, мне считает срок,
Когда нырнёт мой поплавок?..
Сосед неслышно чиркнул спичкой,
Даль прошумела электричкой.
И вновь сиреневая тишь,
Совсем не движется камыш.
Последний луч закатный гаснет,
Рыбак сворачивает снасти.
Плывут раздумья в никуда,
Как эта чёрная вода.

ИНЯ

Брожу по берегу Ини,
Гляжу на звёздные огни,
На рыбаков костёр вечерний,
На осторожное свеченье
Почти невидимой реки,
На зарождение строки
В душевном и речном теченье…
На равнодушие к стихам

Черемухи по берегам.
Природа тихо шепчет:
Стань
Живым союзом инь и янь.

* * *

Снова лёг на шуринские долы
Белый снег, в сто тысяч солнц горя.
Мне не жаль цветастые подолы,
Расписные шали сентября.
Не тоскую по купели лета,
По капели не грущу весны.
Потому что всё любимо это,
Все твои чудесные послы,
Мать-природа.
Я молюсь всечасно
Образам изменчивым полей,
Ты даруешь трудное причастье
Чистоте и прелести твоей.
И не нужно мне иного рая,
И не жду других даров судьбе,
Как, любя, страдая, умирая,
Возрождаться вновь и вновь в тебе.

* * *

Над Кулундой в два слоя облака,
Сентябрь дождит неделю за неделей,
Но в ритме круглосуточном потеют
Комбайнов порыжелые бока.
Когда же торжествует Водолей,
Когда хлеба в работу не годятся,
В недолгий час
Молчания полей
Здесь лебеди усталые садятся.
И сделается празднично и тихо,

И, долгой скукой
Схваченная в плен,
Вдруг расцветёт, как старый гобелен,
Простая кулундинская холстина.
Склоняют шеи царственные птицы
В прохладное озёрное вино —
В коричневую мутную водицу
Запить благословенное зерно.
Но скоро в путь
Ликующий и дальний.
Ударят белых крыл колокола —
Чтоб тёмный день
Клубился светлой тайной,
Чтоб эта степь
Надеждою жила.

АКАФИСТ КУЛУНДЕ

П. П. Дедову

Ты была вся снегами устелена,
А теперь в изумруде постель…
Озираю светло и растерянно
Твой простор, кулундинская степь.

Широтою своей обозначила
Мне надолго родительский дом.
С малолетства военного нянчила
Дух и руки крестьянским трудом.

Я приехал в деревню не выспаться,
Дела много, не время гостить.
Вон берёзы над избами высятся,
Напрягаются лист распустить.

На подворьях запахло соляркою.
Трактора приготовились в бой.

Рад, что ты, моя прелесть неяркая,
Остаёшься, как прежде, собой.

Что ночами усеяна звёздами,
Днём стараешься людям служить,
Что глотнул кулундинского воздуха,
Можно дальше сражаться и жить.

* * *

Не ропщи на жизнь и время тёмное,
Даже если жить совсем невмочь.
Жалобы Небесная Приёмная
Перешлёт по назначенью — в ночь.
И не потому, что бюрократия
Та же там, что всюду на Руси —
Собственные силы не растратили,
Чтобы Божьей Помощи просить.

СЕНТЯБРЬ

Над красным трепетом осинок,
Над тополиной желтизной
Горит небесная Россия
Неопалимой купиной.
И в серых лужицах колейных,
В речушке чистой, как слеза,
Встречаю я благоговейно
Её прекрасные глаза.

СИБИРСКОЕ МОРЕ

Есть Чёрное море, есть Белое море,
Иные известны морские чины.
А есть на степном солонцовом просторе
Сибирское море, зовётся Чаны.
Названье по чину — котёл мелководный,

На кромке — ондатра, чуть ниже — карась,
Камыш неоглядный да берег болотный…
Ну что ещё скажешь?
Купаться не лазь!
Пока добредёшь до купальных промоин,
Весь в тину оденешься, точно Нептун.
По всем показателям море хромое,
Но вот ведь приходит зачем-то на ум.
Когда-то в шуршащем скрадке приозёрном
Там грела мне душу охотничья дрожь.
Я видел, как тихо на бархате чёрном
Рассветного солнца чеканилась брошь.
Бескрайная степь и огромное небо
Такую же вниз уронило слезу.
Давно это было, давно я там не был,
Но память о море сибирском несу.

ТРАНССИБ

За вагонным окном
Проводами расчерчены ели.
От Москвы до Сибири,
По всей необъятной Руси
Пряжу белую ткут
Молчаливые наши метели,
И вдогонку вагонам
Седая лошадка трусит.
Через ямы и кочки,
Сквозь бесов кривые ужимки
Русь рысит не спеша
По раздольной дорожной петле.
Прикасаются нежно
Февральского снега пушинки,
Словно пальцы ребёнка,
К уставшей от грусти земле.
Наважденья уносятся

В тёплом берёзовом дыме.
Наглотались мы вдоволь
Заёмных сластей и страстей.
Проплывёт деревенька,
В душе всколыхнёт и подымет
Задремавшие корни
Под ворохом шумных вестей.
Так судьба прочертила
Наш путь по не нашим орбитам,
Новизна упирается
В издревле данный завет:
Возвращаться из города
К сельским просторам забытым,
Из колодцев чужих
Подниматься на собственный свет…

РАССВЕТ В ПОЕЗДЕ БИЙСК — НОВОСИБИРСК

В оконной чёрной яме ночного февраля
Под редкими огнями невидима земля.
Наш путь лежит на север, но на восток — глаза,
Откуда чудо сеет нам лесополоса.
То золото на гнёздах, то графику причуд,
То входит в синий воздух оранжевый прищур.
Он искры снежной пыли роняет на бегу
И тени голубые на ангельском снегу.
И вот уже взирает открытый солнца глаз
На всё, что провожает ночную мглу и нас.

ПОЕЗД АБАКАН — МОСКВА

Поезд тянется еле-еле
Через горы декабрьским днём.
Словно свечи, высокие ели
Полыхают хмурым огнём.
Это тёмно-зелёное пламя
Здесь горит с берендеевых пор,

Здесь свои вековые планы
Над Уралом Господь простёр.
По ту сторону тренды-бренды
В европейской нарядной фольге,
А по эту — наши легенды,
Соболиное царство в тайге.
Там ночное шарканье тапок,
Здесь в снегу медвежьи следы.
Благодарствуем, дряхлый Запад,
За науку твою и труды,
За наезды, насмешки, подкопы,
За усердие пятых колонн.
О твои мостовые подковы
Мы не раз проверяли на звон.
За спиной остаются горы,
Возникает степной распев,
Ослепительный снег, просторы…
Поезд наш начинает разбег.

ВЕЧЕР НА РЕКЕ ОНОН

Поившая когда-то Чингисхана,
А нынче нас, закинутых сюда,
Дымится над костром в походных канах
Лапшу и соль принявшая вода.
Луна дымится в тучах медным чаном,
Как пять, и семь, и триста лет назад.
Серебряными ситечками с чаем
Вокруг неё созвездия висят.
Сидим и мы своей общиной тесной
Вокруг поленьев на исходе дня.
Над нами океан огней небесных,
Под нами склад подземного огня.
Скользит Онон, по заводям старея,
Лениво омывает берега,
Которые хотя бы раз в столетье

Разламывает тихая река
И с грохотом, покой ломая душный,
Уносит льдины, сухостой, дома,
Чтобы опять змеёю добродушной
Забыть, как день назад сошла с ума.
Так кто же мы: атланты, полубоги,
Венец земных страданий и тревог
Или баранья пена на треноге,
Что без конца болтает кипяток?

ТРАВА

Она ломает камень твёрдый
И пробивает лёд в горах,
По ней не раз топтались орды
И под неё ложились в прах.
Она нежней улыбки детской,
Приветливее, чем костёр.
И никуда земле не деться,
Пока она на ней растёт.

И ВНОВЬ ВЕСНА

Ледовые рвутся заторы
На реках Сибири. Бабах!
Повторы, повторы, повторы
Вокруг и на наших губах.
За зимами следуют весны,
За солнцем и вёдром — дожди,
За буйством течения — вёсла,
За пляской свободы — вожди.
Я, многим повторам ровесник,
Теперь повторяю одно:
— Приди, наконец, равновесье!
И знаю: не слышит оно.
Но всё же молитву на страсти,
Как свечку, поставив в душе,

Предчувствую: в русском пространстве
Меняется что-то уже.

* * *

Опять в Сибири небо голубое
Распахивает форточку весны,
Пока я выбираюсь из запоя
Накрывшей поэтической волны.
Привет вам, лужи!
Мой запой не ровня
Разливам пробудившейся земли.
В глазах у вас весёлая ирония:
— Какие песни в комнатной пыли!
Иронию такую принимаю
И даже вам пообещать могу,
Что выберусь из груд словесных к маю
И в дачный лес от музы убегу,
Как школьник от учительницы строгой,
Что вечно за диктанты ставит два.
Но шутки прочь!
Я обращаюсь к Богу,
Отыскиваю точные слова,
Чтоб сочинить ему благодаренье,
А заодно свой покаянный сказ:
— Прости, Господь,
Шестого дня творенье
Никак не одолеет первый класс.

ДАЧНЫЕ СТИХИ

ИЗДРЕВАЯ

Ночной полустанок в лесу,
За спиной
Затих перестук электрички,
Погасли в сосновых ветвях надо мной
Заката последние спички.

Кружок золотой моего фонаря
Тропинку лесную качает
И каждую тень во вниманье беря,
Во что-то её превращает.
Вон словно лежит на дороге змея,
Недвижная, сонная. Это
Аорту сосны обнажила земля.
Ну чем не урок для поэта!
Все корни открыть и упрямо стоять
В эпоху рептилий,
Не смея
И думать о страхе,
Земля-то твоя,
Пусть прячутся черви да змеи.
На горке как будто фонарик блеснул,
Наверное, встречный прохожий…
Да это же месяц, что в тучах заснул,
Очнулся и трудится тоже.
И вот наконец островерхий причал —
Мой дачный скучающий терем.
Один, без догляда совсем одичал!
Скрипя открываются двери.
…С пылающей печкой, с весёлой свечой
Стихи в тишине созревают,
И первый романс запевает сверчок.
Такая моя Издревая.

* * *

Второе бабье лето в эту осень
Простёрлось над деревней Издревой.
Здесь между веток облачная проседь
Смешалась с неохватной синевой.
Сияют сосен медные стволы,
Накинули берёзки и осинки
Трепещущие яркие косынки,

Смеются в ожиданье зимней мглы.
Всё это мною много раз воспето
И греет сердце, словно в первый раз.
Да здравствует октябрь полураздетый —
Недолгая отрада наших глаз.
Да здравствует святое повторенье
Надежд, улыбок, смены оперенья
Деревьев и дыхания ветров!
Покров.

ДАЧНЫЕ ЗАПАХИ

Водой моя дача запахнет в апреле,
Пока её майские дни не согрели.
А после — сиренью, левкоями, мятой,
И флоксы пошлют в сентябре ароматы.
Потом свою точку поставит мороз,
Запахнет опавшей листвою берёз,
Октябрьским дыханьем,
И новым апрелем,
И вечной игрой на волшебной свирели.

* * *

Я вновь с тобой, мой дачный боже,
На светлом сретенье весны.
Пишу. Шестнадцать строк, не больше,
А можно сжаться до восьми.
Пишу, ликуя и робея,
Что не вписаться в птичий гам,
А также в тихий звон капели,
Как в светлый реквием, снегам.

ГЕРАНЬ

С подоконника в небо зимнее
Заалел сквозь стекло огонёк —

Совершилась природы алхимия,
Перегной превратился в цветок.
Нам не проще ли из-под бремени
Наших смут, тревог, холодов
Улыбнуться жестокому времени
Откровенной улыбкой цветов.

* * *

Бывает, сердце так закрутит смута,
Что ты уже отчаяться готов,
И в эти всем знакомые минуты
Незаменима музыка цветов.
Поют нам розы и кусты сирени,
Что тьма уйдёт
И вновь наступит день.
Божественны цветы в своём смиренье,
В немом желанье поддержать людей.
Сегодня нам невыносимо тесно
На ярмарке пустых и лживых фраз.
Мы красотой врачуем бессловесной
Пригашенные окна наших глаз.

ОДУВАНЧИК

Он всех цветов живучей и желтей,
А через день уже седые брови.
Букетом служит только у детей,
Но может стать закуской для коровы.
Среди камней приют себе найдёт.
Головкой помаячив золотистой,
Безропотно на землю упадёт,
Отдав ветрам детей-парашютистов.
Мы ищем суть от родины вдали.
А нам свои невспаханные дали
На каждом метре бросовой земли
Являют сути главные скрижали.

* * *

Зерно умрёт и голову подымет
Ростком проросшим, новым, молодым.
Растаем все в небесном синем дыме,
Но он клубится вечно, этот дым.
Мятущийся, густой, порою серый,
Хранящий несгораемый восторг,
Что на земле всегда горит костёр
И в нём твоя трепещет искра веры.

БЕРЁЗА ВО ДВОРЕ МОЁМ

Уже в посёлке дачном нашем
Забиты окна, тишина.
Она одна крылами машет,
И я с ней рядом у окна…
Она всё лето шелестела,
Стремилась к небу, в облака,
Но никуда не улетела,
Я тоже за столом. Пока.
Она роняет молча листья,
Я — листья строк, склонив чело.
Превыше этих тихих истин
У нас нет с нею ничего.
Ну что ж, и мне почистить надо
Свою последнюю листву,
Коль мы с ней оба из пернатых
По крыльям и по ремеслу.

БЕРЁЗКЕ

Ты развернула вновь зелёный парус,
Приняв корнями солнечный приказ.
Встречаешь непогоду, прогибаясь
И выпрямляя спину каждый раз.

Меня всю жизнь по жизни тоже тащит
Какая-нибудь новая гроза.
Сгибаться не умею, только чаще
Себе заплаты шью на паруса.
В одном с тобой мы неизменны оба:
Не сетуя на годы и сезон,
Зимою ноги греем по сугробам,
А в дождь над головой не держим зонт.

МАЙСКИЙ ЛЕС

И шорохи лесные оглушают,
И оглушает первый майский гром.
И эти звуки душу ублажают,
Особенно когда бредёшь с пером.
А вяжешься в бумажное сражение —
Наполнит грудь разноголосый звон,
И вот из непонятного брожения
Бьёт ключ стихов, течёт родник имён.
И льнут к тебе берёзы и осины,
И просится в строку любой цветок,
И волны недосказанной России
Звенят среди новорождённых строк.
А после всё потонет в обиходе
Грибов и ягод, троп и беготни…
В начале мая при любой погоде
Лес более всего душе сродни.

* * *

Влечёт изысканностью линий
Издалека,
Но в глубине
Болотной может встретить глиной,
Тоскливым скрипом в тишине,
Берёзой павшей белобокой,
Сосной, похожей на скелет,

Но также синевой высокой,
Откуда льётся ясный свет.
Наверно, так и в мире Горнем —
Не жди невиданных чудес,
Там тоже есть листва и корни,
И синева, и палый лес.
Всё дело именно во взгляде:
Как смотришь вдаль,
Как видишь близь…
Хотя лишь здесь они не ладят,
А там давно переплелись.

СРЕДНЯЯ ПОЛОСА РОССИИ

ПОДМОСКОВЬЕ

Здесь по ночам
Наметают сугробы метели
И по утрам продолжается белая мгла.
Всюду под ветром
Качаются тёмные ели,
Глухо шумят их вершины,
Как колокола.
Здесь под деревьями
В наши великие снеги
Ноги попрятали церкви да монастыри.
Звон колокольный
Здесь помнит лихие набеги,
Многие смуты смиряли отсюда цари.
Грозно страна
Расправлялась с набегами пришлых,
Гнали незваных
Родные снега и леса.
Может, поэтому
Чехов бродил здесь и Пришвин,
И потому в тишине их слышны голоса.
Сердце столицы

Пульсирует глуше и глуше,
Слишком увязло
В капканах нерусской тоски.
А в Подмосковье
Спасаются русские души
От одичанья зарывшейся в доллар Москвы.

ПАХРА

Метро и рынок «Тёплый стан».
От суеты Москвы устав,
Беру автобусный билет
На сорок первый километр.
Как гренадёры на подбор,
Здесь сосны выстроились в бор,
Другие превратились в брус
Для теремов на разный вкус,
Чтоб из столичных парников
Свезти иных боровиков.
Пока что терпит их нахрап
Зеленоглазая Пахра.
Речушка — с гулькин нос, с ручей,
Но чуден блеск её очей,
В незамутнённой тине дно
Полузабытых тайн полно.
Таких родных, таких простых,
Как ясность, свежесть, совесть, стыд.
Откуда имя? От махры,
От охры, пахоты, игры
Племён ушедших и эпох?
Течёт Пахра, как тихий вздох,
Как незатейливая весть,
Что жизнь и правда где-то есть.

ЗАКАТНЫЙ ЭТЮД

Стволы, как ботфорты гиганта,

В зелёном велюре из мха.
Листва акварельно-тиха
В нежгучей подсветке заката.
Барашком над гаснущим днём
Горящая тучка пасётся.
Вдруг издали вздох пронесётся
И вспыхнет последним огнём.
У дерева в ветке-руке
Дымится вечерняя трубка.
Растаять в волшебном дымке
Смирившимся чувствам нетрудно.
В туманы инобытия
Взлететь с этой кочки несложно.
Но ты обойдёшь осторожно
Трудящийся бег муравья.

КАВКАЗ

ОЗЕРО РИЦА

Над водой озёрной изумрудной,
Над пахучей дымкой шашлыков
Проплывают медленно и мудро
Белые загадки облаков,
Дремлют горы в платьях подвенечных,
До поры характер затая.
Было время, здесь звенела речка,
Рассыпая снизки хрусталя.
И однажды горные невесты,
Видно, заскучавшие в тиши,
Сдвинулись с отеческого места
И куда-то в ярости пошли.
Запылали каменные лица,
Перепачкал платья чёрный прах,
И, блеснув кошачьим глазом,
Рица
Поутру прорезалась в горах.

МАРТ НА КАВКАЗЕ

Кавказ.
Так много страсти и пристрастий
За сотни лет твоя вместила грудь,
Что на моё восторженное «Здравствуй!»
Ты вправе даже веткой не кивнуть.
Что обижаться?
Умолкаю, чтобы
Скорее в горы. Лезу сквозь кусты.
Твои леса на склонах крутолобых
По-юношески ярки и густы.
Здесь всюду жизнь
В цветах и красках броских,
Нигде о пустошь не споткнётся взгляд.
Лишь камни, точно пляжные подростки,
Коричневыми спинами блестят.
Чуть слышным, тонким запахом дурманя,
Чуть видным огоньком в ветвях зажжён,
Цветёт фундук. Как истый мусульманин,
Тройным соцветьем женским окружён.
Таращатся подснежники-младенцы,
Весь в золочёных крестиках кизил…
Торжественно и шумно бьётся сердце,
Твой мощный пульс —
ручьи в сто тысяч сил.
Ни на кого в работе не надеясь,
Они уносят мусор, спячку, тьму…
Кавказ, Кавказ, о, как бы мне хотелось
Попасть в созвучье
Сердцу твоему.

* * *

Тёплый ветер, стреноженный ночью,
Чуть деревьев касается вслух.

Мой хозяин молитву бормочет,
Он адыг
И совхозный пастух.
Мы в долине, зажатой горами.
Бормотанью гортанному в лад
Здесь взмывают лягушек хоралы
И звенит пиццикато цикад.
Пробиваясь сквозь аспидный воздух,
В бесконечный нацелясь полёт,
Рвётся пламя к морзянке межзвёздной
И хвалу неземному поёт.
О старик!
Про грядущее смертных
Порасспрашивай звёздную дрожь.
Ты к Аллаху на тысячу метров
Ближе русского гостя живёшь.
Он, конечно, с тобой откровенней,
Может, скажет что про меня.
Как насытить любое мгновенье
Негасимым дыханьем огня?

ВРЕМЕНА ГОДА

АПРЕЛЬСКАЯ НОЧЬ

Есть у неё особое лицо,
Оно невзрачно с виду и незряче.
Выходишь в полушубке на крыльцо,
Выслушиваешь шорохи и плачи.
Как падает на тёмный лёд капель,
Как страстный кот крадётся вдоль ограды,
Вдруг замер и страдальчески запел
Невидимой подруге серенады.
Соскучившись в теплице по теплу,
Рассада молодая приживается.
Прохладный ветер к влажному стеклу,
Отставшему от рамы, прижимается.

Привет, апрель! Какой по счёту ты
В моём реестре? Вспоминать не буду.
Я вновь во власти музы и мечты,
Надежде верю, празднику и чуду.
Итак, перехожу под эту власть,
Готов смиренно преклонить колени
И даже навзничь в мокрый снег упасть
Перед земным могучим обновленьем.

* * *

И всё-таки, и всё-таки, и всё-таки
Весна въезжает в дачный домик мой,
На снегом запорошенные сотки,
Въезжает той волшебной тишиной,
Что нам звенит, как скрипка Страдивари.
Но лишь до обозначенной поры,
Когда работой взмыленные твари,
Копаем землю, точим топоры,
Натягиваем плёнку на теплицы…
О дивные предстрадные деньки!
Как нежно я хочу вам поклониться
За то, что заливаются синицы,
Усевшись на обсохшие пеньки.
Привет мой каплям с крыш, что важно капают,
Поклон неторопливым облакам,
И шустрому ручью, и даже Западу
За скрипку Страдивари и закат.

** *

Когда в июне чудный куст сирени
Отряхивает с веток красоту,
Волшебная мелодия смиренья
В нас гасит возмущения тщету.
Когда гроза сломать сосну пытается,
А та стоит, дыханье затаив,

Знакомая мелодия бунтарства
Охватывает душу.
Vive la vie!*
Да здравствует и белая, и чёрная
В противоречьях сотканная жизнь!
Ты голову пред ней склонил покорно
И тотчас выпрямляешься:
— Держись!

ОКТЯБРЬСКИЙ ЭТЮД

Перелётная серая стая
На речной опускается плёс.
Трудно уткам, и речка устала
От небесных наскучивших слёз.
Речке снятся белые планеры
Облаков высоко над ней.
Много раз её осень ранила
Обещаньями светлых дней.
Много раз приносили ветры
Письма солнечные, но пока
Лес, как птица, нахохлил ветви,
И застыли на них облака.

* * *

У грусти серые глаза,
Когда в права вступает осень.
И вдруг проснётся бирюза
В погожий день на чистом плёсе
Остепенившейся реки,
Когда она, свой бег замедлив,
Вдруг вспомнит юность, ледники,
Прыжки в горах, степные петли…
Оставь и ты свои дела,

* Да здравствует жизнь! (фр).

Попробуй сделать новый снимок.
Река осенним днём светла,
Тиха, прозрачна, объяснима.
Упавший в воду солнца луч
Теперь до дна ей виден тоже.
Он не навязчив, и не жгуч,
И обмануть уже не может.

ЕЛЬ

Там, где январская дремлет метель,
В хвойных запутавшись иглах,
Из-за ствола корабельного ель
В свитере снежном возникла.
Солнечный луч у высокой сосны
Перехватив незаконно,
Словно смычком, на струне тишины
Что-то играет знакомое.
Что-то забытое будит в груди
Строгая зимняя пьеса.
Светловолосая, не уходи
В синие сумерки леса!
Эту мелодию ждал я давно
Встретить на тропах закатных.
Чуть задержитесь в дорожном кино,
Неумолимые кадры!
Но за шлагбаумом крутит метель
Снова свои серпантины.
Прячут от глаз уходящую ель
Сосен гвардейские спины.
Прячется солнца недолгий каприз
В складках январского неба.
И растворяется маленький принц
В свитере белом из снега.

* * *

Как чудно солнечное утро
Возникло вдруг из серых дней.
Я просыпаюсь с чувством, будто
Вернулся к юности своей.
По стриженой траве газона
Босой несу ведро воды.
На мой восторг взирают сонно
С улыбкой молодой цветы.
Им хорошо себя не помнить,
Не знать, чем станут в ноябре.
Увы, ношу ведро неполным
И ближе, ближе к той поре…
Но хочешь ли, не зная грусти,
Земные прихоти терпеть,
Из рук не выпуская гусли,
Одни и те же песни петь?
Торить бессмертия дорогу,
Не уходить в небесный дым…
Да хочешь ли, подобно Богу,
Быть бесконечно молодым?

ИЮЛЬСКИМ ДНЁМ

Ромашка шею вытянула в небо,
На солнце сушит влажные глаза.
А час назад её ломала слепо
Короткая июльская гроза.
Всплакнул цветок и жёлтыми глазами
Смеётся снова, душу веселя.
Всё на земле проходит свой экзамен
На веру в небо,
В солнце и в себя.

ВЕЧЕР

Он пока ещё дивно красив,
Весь светящийся и величавый.
Но уже из болотных низин
Выползают туманы-удавы.
И шуршат в камышовой тиши,
И ленивыми кольцами вьются.
И утиная стая спешит
Опуститься в озёрное блюдце.
Он встречает доверчивых птиц
Канонадой дуплетов бездушных.
После в дымке озёрной коптит
Бездыханные, влажные тушки.
Уходящему солнцу вдогон
Золотит по краям облака он,
Попивая лиловый кагор
Из хрустальных закатных бокалов.
Он волшебник, но что за резон
В его сполохах чудных и кратких?
Скоро спрячутся за горизонт
Все его мимолетные краски.
Что он может ещё обещать
Уцелевшим от выстрелов уткам?
Бесконечную жажду прощать
В этом мире обманном и жутком?
Или веру великую, что
Непреклонны свободные ветры,
Что за тёмным флажком на флагшток
Непременно поднимется светлый.

НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ

Надело небо тёмную рубашку,
Лиловое безмолвие внизу.
Я эту ночь, как белую ромашку,

В ладонях сердца трепетно несу.
Какие только грозы и нашествия
Не растворила Родина в груди.
И вот плывёт спокойно и торжественно
В ночной тиши по Млечному Пути.
Что для ромашки все угрозы ада,
Ведь лепестков её святая рать
Готова век за веком в землю падать,
Чтоб вновь и вновь
Из тьмы земной вставать.

КОСМОС

ЗВЁЗД ДАЛЁКИХ СВЕТ

До нас доходит свет далёких звёзд,
В себе он заключает отпечатки
Не нашей жизни, бед её и гроз,
И чьи-то радости, и думы, и загадки.

Конечно, мы на свете не одни.
Зачем тогда распахнутое небо,
Его сиянье, что душе сродни,
Что греет душу ласково и немо?

Каких-то тел небесных нет давно,
Но свет остался, мчится сквозь пространство.
И нам с тобой однажды суждено
Со всем, к чему привязаны, расстаться.

И древние загадки разгадать,
И отыскать пути к иным планетам,
И подарить Вселенной благодать,
Всей нашей нежности, скитаясь вечным светом.

АСТРОЛОГИЧЕСКИЕ СТИХИ

Пометавшись над пламенем наспех,
Искры в тёмный уходят простор.
Лишь одна из них в небе не гаснет,
Красный цвет добавляя в костёр.
Ложка дегтя в ковше поднебесья,
Загустевшем от звёзд, словно мёд.
Не она ли унылую песню
Про твоё и моё нам поёт?
Мы, конечно, о разном ночами
Напеваем от дома вдали.
Но и здесь, в тишине беспечальной,
Сколько чувства на грусть извели.
Старый Марс, не устал ли ты бредить
Опостылевшей миру враждой?
Оглянись на небесных соседей,
Стань такою же светлой звездой.
Предрассветный туманится воздух,
Угасает воинственный Марс…
Что грешить на планеты и звёзды!
Всё рождается в сердце у нас.

* * *

В ночь с четверга на пятницу ни зги
Ни в небе чёрном, ни в душе поэта.
Я в пятницу родился. Помоги,
Моя родная, светлая планета.
И снова в сердце радость зазвенела —
Мне кто-то руку тянет на краю
Обрыва. О звезда моя, Венера,
Я чувствую святую мощь твою!

ВЕНЕРА

Сколько мы не виделись —
Неделю
Или год? Но это всё равно.
Главное — из выси беспредельной
Снова ты глядишь в моё окно.
Светишься улыбчиво, по-женски,
Недоступна и совсем близка.
Чую, как в моём немом блаженстве
Тонкая пульсирует тоска.
Вспоминаю о короткой встрече
Год назад, а может, два с лихвой.
Был такой же, только летний вечер
И алтайский сон над головой.
В облачной накидке тёмно-синей,
В запахах цветов, травы, коры
Ты тогда сияющей богиней
Чуть приподнялась из-за горы.
Я стоял, я силился проснуться,
Думал, что для сказки слишком груб,
Что нельзя и в мыслях прикоснуться
К прелести твоих небесных губ.
Ты немного в небе постояла,
Мне блеснула в звёздное стекло,
А потом лиловым одеялом
Облако тебя заволокло.

КРАСНЫЙ ЗАКАТ

Красный закат. Он погоду к утру переменит,
В пламени алом купают бока облака.
Скоро их ночь в антрацитную пыль перемелет.
Ну а пока ослепительна красок река.
Светлое быстро темнеет в сгустившемся зареве,
Тёмное тонет в потоке багровых гримас.
Красное с чёрным всю скатерть небесную залили —

Словно хмельные гусары запели цыганский романс.
Хлюпнула громко под коркой ледовой водица,
Кто-то за дачным штакетником в лужу залез.
Вот промелькнула вдали одинокая птица,
Тёмная точка на светлом остатке небес.
Снова в Россию приходит эпоха загадок.
Время над ними тебе поразмыслить, поэт.
Красных за век повидал ты немало закатов,
Что же за ветер подарит нам завтра рассвет?

III. В ПОИСКАХ РАЯ: БОГ РУССКОЙ ИСТОРИИ

СОТВОРЕНИЕ РОССИИ

Она ждала Божественного Зова
И дождалась, пришла её пора.
И в первый день явилось миру Слово,
И это Слово вырвалось у Ра.
И Слово это, Свет победный сея,
Пронзило тьму вдоль северных широт
И бросило в неё зерно Ра-сеи,
И появился солнечный народ.
И день второй возник из ясной сини,
И засияла на траве роса,
И появилась из росы Россия
И взоры устремила в небеса.
Но тьма сдаваться солнцу не спешила
И посылала нам за тенью тень,
Терзала нас, ломала и тушила,
Пока не наступил последний день,
Когда земле, забывшей о веселье,

Вернуться к солнцу подошла пора,
А нам самим торжественно посеять,
В сердцах посеять снова зёрна Ра.

АТЛАНТЫ

Не муза странствий поманила
Их на чужие берега.
Они пришли в долину Нила
С проклятого материка.
С полей, что навсегда исчезли,
Чей идол, сея ложь и страх,
Сначала утонул в бесчестье,
А уж потом — в морских волнах.
И принесли не самоцветы,
Не слитки злата-серебра,
Но груз бесценный —
Свитки Света
И веру в солнце,
Веру в Ра.
О Ра! О мудрый!
Ты посеял
В сердцах людей поля добра.
И имя древнее «Ра-сея»
Во тьме веков зажглось от Ра.

СФИНКС

Солнце в Гизе закатное шает*,
Тишина опускается вниз.
Две фигуры судьбу вопрошают:
Русский путник
И каменный сфинкс.
Путник где-то услышал случайно,
Что как только загадочный зверь

* *Шаять* (сев.-сиб.) — гореть без пламени, тлеть.

Рухнет наземь, откроется тайна —
Обнажится заветная дверь.
Под пластами гранита и глины
Уведёт она в залы дворца,
Где хранится папирус старинный,
А в папирусе — планы Творца.
Сверху сумрак прохладный сочится,
Снизу тянется тень пирамид.
— Что со мною в грядущем случится? —
Русский путник Творцу говорит.
— Человек, ты подобие сфинкса, —
Тишина отвечает ему. —
Ты с обличием собственным свыкся
И боишься его.
Почему?
Я не знаю, что будет с тобою
И со Мной, потому что люблю
Тайну жизни, и с общей судьбою
Я, конечно, свою разделю.
Я всего лишь твой временный зодчий,
Охраняю тебя до Суда.
Ты меняешь мои оболочки,
Я же камни свои — никогда.
Я завет наш вовек не нарушу,
Я поклялся Святым Небесам
Дать свой образ тебе, чтобы душу
Ты в страданиях выстроил сам.
Ты же в присных трудах и вчерашних,
Как дитя, миражи теребя,
Воздвигаешь песочные башни,
Убегая всю жизнь от себя.
Я твой вечный слуга, человече,
А не ты — мой. Себя оцени,
Чтобы вместе расправили плечи
Мы с тобой в наши Судные дни.
Солнце в Гизе закатное шает,

Светлый день опускается вспять.
Ничего на земле не мешает
Русским путникам сфинкса понять.

ФАЮМСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Поверх иных понятий,
Легенд, веков, земель
Прислал один приятель
Письмо мне на эмейл —
Портреты из Фаюма.
В них факелами глаз
Глядят с тревожной думой
Прапращуры на нас.
Как будто видят что-то
Сквозь вековые сны,
Хотят свой тайный шёпот
Озвучить для страны.
«Возникшая у Нила,
Приплывшая к Оби,
Душа в нас сохранила
Святой закон Любви.
Мы никуда не делись,
Мы в вас теперь живём.
Но тёмен в вашем теле
Нам оказался дом.
Тесны нам ваши чувства,
Мертвы потоки слов.
Попробуйте очнуться
От ваших грубых снов».
Пускай хоть слабый зуммер
Сквозь глубину времён
Даст знать, что он не умер,
Любви святой закон.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ РУСИ

«Придите к нам и нами володейте» —
Легенде этой верю, как себе.
Мы — дети Солнца,
Да, всё те же дети,
Доверенные ветру и судьбе.
Владели нами викинги и немцы,
Татары и грузины… всех не счесть.
Но коль пришёл —
Попробуй с нами спеться,
Отведать лаптем наших скифских щей.
А нет — катись, как некогда Отрепьев,
Мортирным прахом в снежный наш простор.
То триколор, то флаг багряный треплет
Московский Кремль, то снова триколор.
Ни с чёрным не согласны мы, ни с белым…
Кромсает век измученную плоть.
Дано ему командовать над телом,
Но у души хозяин лишь Господь.
Таинственный, весёлый, непонятный,
Меняющий порядок дня и тьмы.
Известно, что живут на Солнце пятна.
Вот именно.
И пятна эти — мы.

КНЯЗЬ ИГОРЬ

Зловещие ложатся в поле тени,
Дрожит гнедой,
Оступится, гляди.
Но в небе Божьей Матери виденье
Вдруг засияло князю издали.
Чудны глаза лазурные под платом,
И речь без слов звучащая чудна:
Земля твоя
Сердечностью богата,

Ещё богаче распрями она.
Настанут сроки —
Распря станет богом,
И будет каждый сам себе не рад.
Но ты иди,
Иди своей дорогой
Сквозь все затменья, через рай и ад.
Иди же, князь, сомнения не зная,
И распрю сердцем мудрым
Укроти.
Серебряное облако, как знамя,
Как факел путеводный,
Впереди.

ЛЕГЕНДЫ О СЕРГИИ РАДОНЕЖСКОМ

1

Сгущались тучи над долиной,
Когда посланник россиян
Входную занавесь откинул
И юрту взглядом осиял.
— Что за зловещее подобье
Недавних снов и странный свет?
Метнул хозяин юрты копья
Из-под тяжёлых тёмных век.
И возвратились копья к хану,
О ясный отразившись взгляд.
И это хану было странно.
Качнулся даже хан назад.
— Зачем пожаловал сюда ты,
Мой давний враг?
Скрестим мечи!
Зевали темники в халаты,
Борзо трудились толмачи.
Вилась кудель беседы чинной,
А между взглядов,

Среди слов
Двух молний длился поединок,
Двух молний, связанных узлом.
И грянул гром,
И дождик брызнул,
И хан великий осовел,
Руками замахал капризно.
И Сергий встал.
Незримый свет
Над старцем снова вспыхнул.
Следом
Шагнули стражники под гром,
И солнце лезвием победы
Меж туч блеснуло под шатром.

2

Князь в небо шлёт просительные взгляды:
— Дай знак, Отец,
Душа моя чиста.
Но бледных звёзд безгласны мириады,
Кострам же вражьим
Несть и несть числа.
И страх арканом стягивает чресла,
О нет, не за живот
И не за власть!
Могу ли бросить войско бесполезно
В татарскую разинутую пасть?
Отец, пошли знаменье в час рассветный,
Дай зреть благословенье в грозный час.
Но тают звёзды
В небе безответном,
И даль доносит радонежский глас:
— Мужайся, князь!
Земля твоя решила
И страхи, и сомнения давно,
В безмерных муках принимая в жилы

Татарской крови жаркое вино.
Поклон Орде за родники Востока.
Но прозвонил
Славянской воли час.
Отныне в битве долгой и жестокой
Благие силы осеняют нас.
Иди же, князь,
Иди в огне и в славе
За дело несомненное своё!
И Пересвет нательный крест поправил,
И Челубей к плечу поднял копьё.

3

На Куликовом злая сеча,
А в монастырской тишине
Игумен зажигает свечи
Пред ликом Спаса на стене.
Ежесекундно в сердце битва,
Но не об этом тишина.
Немая Сергия молитва
В грядущий день напряжена.
Он знает токи высшей правды —
Не может быть проигран бой,
Когда Божественное Завтра
Потянет сердце за собой.

4

И каплет кровь
На стол из-под холстины,
И капли чаши в общее пятно.
Воистину святой евхаристией
Напитано победное вино.
Пирует Русь.
Ликующее сердце
Звенит, как монастырский благовест.
И веселится братия,

Лишь Сергий
Тропой привычной
Поспешает в лес.
Духовный взор
Событий цепью длинной
Ровняет времена в одну строку —
От Куликова поля
До Берлина,
От княжеского сына к скорняку.
И шепчут губы,
Пламенны и сухи:
— В сраженьях, проливая кровь и пот,
Не оскудей, возлюбленная,
В духе,
Всё прочее свершится
В свой черед.

5

Настанут времена —
И змии
Остерегутся у черты,
И станут изнутри Россию
Точить трусливые кроты.
Настанет день —
И мрак безбрежный
Безбрежную исторгнет грусть,
И синим пламенем надежды
Срединная займется Русь.
Настанет час —
И копья Знанья
России будут вручены,
И под рубиновое знамя
Сойдутся Сергия сыны.

ПЕРЕСВЕТ

Всю-то ночь не смыкаются очи,
Занимается свет в облаках.
Над обителью громы грохочут,
Блещут молнии в дальних лугах.
«Отче наш» я шепчу,
Но в часовне
Не молитвой полна голова,
В голове чем темней и бессонней,
Тем светлей вызревают слова:
«Я обет монастырский нарушу,
У посада вериги сложу
И надену кольчугу, и душу,
Как за друга, за Русь положу.
И уста ратным кличем отверзну,
И отправлю его в Небеси:
Солнце битвы, желанное сердцу,
Утоли все печали Руси!»

В ЭПОХУ МЯТЕЖЕЙ

П. И. Ткаченко

Читаю книгу о царе Иване.
Кровава наша русская заря.
В её былом и нынешнем тумане
Жалею не загубленных —
Царя.
Усопшие давно в загробной бездне,
Наверное, прошли Последний Суд.
Цари же и теперь из Поднебесья
«Московию разбойную» пасут.
Так с древних пор Россию окрестили
Соседи с европейской стороны.
До нынешней поры нам не простили
Растущего величия страны.
То западного яда подмешают,

То сунут новых курбских в древний Кремль.
Всегда корвету русскому мешает
То собственный, то чужеземный крен.
О эта бесконечная кривая
Падений, возвышений и надежд,
Где за победой каждой вызревает
Какой-нибудь очередной мятеж!
А мы его пропили и проспали…
Топор бы нам да крепкий царский кнут!
И возникают Грозный или Сталин
В неразберихе вечных наших смут.
Конечно, всё равно прорвёмся к Свету
И на просторах наших, и в душе…
О Господи, не дай судить поэту
Крутых царей в эпоху мятежей!

ОКНА

То окно, где виден Медный
Всадник, мглой заволокло.
Это западные ветры
Занавесили стекло.
Чьи заветы в душу примем,
Что посеем в наш простор?
Одряхлевших поздних римлян
Затянувшийся позор?
Вновь маячит выбор окон
В оживающей стране.
Солнце шлёт призыв с востока:
— Обратите взгляд ко мне!

* * *

На реке Березине в Бобруйске,
Среди прежних общих наших крыш
Остро чуешь: надо жить по-русски,
Не кивать на Лондон и Париж.

Здесь Наполеон искал когда-то,
Бросив пушки, свой последний брод,
Гнали немцев русские солдаты,
Рыночный проехал вездеход.
Ни огонь с водой, ни трубы медные
Души переделать не смогли.
Потому их оболочки бедные
Мы сушить привыкли на мели,
Повинуясь древнему закону
Одеваться в серую шинель.
Очень уж заморские драконы
Целятся присвоить нашу мель.

ЛЕГЕНДА

Пока сметают грозы пыль
И ночь роняет звёзды с неба,
Не прекращает эта быль
Жить, как таинственная небыль.
Сто восемьдесят лет тому
Царю российскому дорога
Надела на плечо суму
И увела из Таганрога.
Ушёл бродягой по Руси —
Иисусе, Господи, спаси!
Пропал из виду царский след,
Монарший гроб спустили в склеп.
Зажглась легенда, как свеча,
Про старца Федор Кузьмича.
Его под батогами видели,
А также в Саровской обители.
В худых лаптишках и босой
Он брёл куда-то под грозой,
Глядел на дальнюю звезду,
Шептал в беспамятстве:
— Дойду,

О светлом дне твоём моля,
Многострадальная земля.
Но средь твоих великих бед
Моих обид и жалоб нет.
Дойду — куда?..

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ АСТОЛЬФА ДЕ КЮСТИНА «РОССИЯ В 1839 ГОДУ»

Нам обезьянничеством власти
Не победить чужую тьму.
В России слишком много страсти,
Чтоб подчинить её уму.
Но и немало смердяковых,
В том, несомненно, прав Кюстин,
Судья совсем не пустяковый
Из европейских палестин.
Куда мы ездим за наукой,
Глотаем, что ни попадёт.
И давимся фольгой и скукой,
Об этом зная наперёд.
Маркиз проехал по столицам,
Глубинку тоже посетил,
В необразованные лица
Лорнет небрежно наводил.
Узреть сумел в нас и холопов,
И бунт грядущий, и напор
С оглядкой вечной на Европу —
Всё сохранилось до сих пор.
Лишь не узрел грядущей участи,
Не понял будущей зари,
А также корневой живучести,
Зарытой впрок под алтари…

В ПОИСКАХ РАЯ

Плуг — на поле, поле — словно камень.
На пределе люди и быки.
В этот рай тянули нас веками
Грозный,
Пётр,
потом большевики.
Нас к мечтам о рае приучили,
Приручили к сказкам и дымам,
Мол, по ней, по борозде бычиной,
Попадёшь в свой розовый туман.
В стороне от западной свободы
На восточном ледяном ветру
Путь наш лёг через огни и воды,
А теперь — под звуки медных труб.
Искушают многие прилоги
Родину усталую мою.
Мы бредём, угрюмо ставим ноги
В тот же след и в ту же колею.
В сторону зовёт от вечных пашен
Нас куда-то медная труба.
Самый хмурый путь для нас не страшен,
Нас пугает лёгкая судьба.

ВОСПОМИНАНИЕ О НИКОЛАЕ II

О покаянье Церковь просит
За убиение его.
Но скольких сам он в бездну бросил,
Бессильем духа своего
На виражах, где в львиных лапах
Держать бы русскую узду!
Россия не прощает слабых,
Они с ней вечно не в ладу.
И всё же грустно отчего-то…
Да оттого, что без причин

Мы в те же ломимся ворота,
Где нас не ждут.
А мы стучим…
Душе порядок не по нраву,
Ей тесен даже наш простор.
Зовём мы сами волкодавов,
Нагнав волков к себе во двор.

140-ЛЕТИЕ АДМИРАЛА

Красиво умирал Колчак,
Смотрел поверх штыков, молчал.
О снисхожденье умоляя,
С ним рядом плакал Пепеляев*.
Соединял февральский лёд
Двух пленных и особый взвод,
Россию ту с Россией этой.
И ахнул залп, и эха гром
Откликнулся в тридцать седьмом
Свинцовой тою же монетой.
И тоже кто-то был красив
На алом стыке двух Россий.
Забудем о минувшей злобе,
Сегодня вспоминая обе.

* * *

Когда построим Башню-Истину,
В музее стройки сохраним
Преображенку, и Пречистенку,
И тот бульдозер, что по ним
Ходил в слепом ожесточении
И в ожидании добра.
Не ждём от завтра мы прощения

* Последний премьер правительства Колчака, арестованный, просил большевиков о пощаде, но был расстрелян в 1920 г.

За сотворённое вчера.
Мы примем всё, что будет с нами,
Рождая новый мир в крови,
Как заплутавшие в тумане,
Но неизменные в любви…

* * *

М. Н. Красильниковой

Как это внятно и близко,
Как безнадёжно далёко!
Старый альбом. Гимназистка.
Пальмы фанерные. Ять.
В Питере на Офицерской
Вы встретить могли ещё Блока
И на Волхонке, конечно,
Пасхальную ночь отстоять.
Вот ваш отец-профессор
К матери вполоборота.
Где-то потом в тридцатых
Его затерялся след.
Вы его взгляд сохранили,
Доверчивый взгляд донкихота,
Ясный и в восемнадцать,
И в семьдесят с лишним лет.
Старый альбом. Закладка.
Длинная тонкая нитка
Тянется, не подвластная
Времени топорам.
Руку вашу целую,
Склоняюсь пред вами низко —
Вы уж простите, но это
Мне нужно больше,
Чем вам.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПИТЕР

Вернулся в Питер старый эмигрант,
Как прошлого серебряное эхо.
— Живите долго,
Здесь вам каждый, рад…
А он не жить,
Он умирать приехал.
Пусть новый, не дворянский, потолок
Его квартиры
Обиход стесняет,
Он столько тягот в жизни превозмог,
Что эту даже и не объясняет.
Зато Нева за окнами светла,
И светел вновь над нею всадник Медный.
Старик уверен: перед ним не мгла
Закатная, но праздник предрассветный.
Ещё он в это верит потому,
Что без надежды умирать не может.
Кто перенёс египетскую тьму,
Тому наш русский свет всего дороже.

ЭТ СЕТЕРА, ИЛИ БОГ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Подражание старофранцузской балладе

Так что такое русский Бог?
Его никто нигде не видел.
Но сотворить такое смог,
Что многих «ангелов» обидел.
Немало наплодил тревог.

И вызвал европейский ропот.
Руками Первого Петра
Окошко прорубил в Европу.
Да так, что до сих пор заштопать
Себя не может та дыра.
Эт сетера, эт сетера.

Екатерину породил,
Чтобы отверстие расширить.
От Посполитой до Сибири
Порядок русский учредил,
Париж надменный укротил

Десницей русского владыки.
Потом советский вождь великий
Разрушил шейку у бедра
Берлинской клике. Крики, крики —
Где «караул», а где «ура»!
Эт сетера, эт сетера.

*Посылка**

Принц Путин, новая игра
Идёт. Ушли со сцены тигры.
Осталась только мошкара,
Тебе втыкает в спину иглы.
Унять её пришла пора.
Эт сетера, эт сетера.

IV. ТЕБЕ, ПОБЕДА

* * *

Много слов обидных, скорых
На число сливают СМИ,
Также много вздохов скорбных
И расчётливой возни.

* *Посылка* (на фр. envoy) — обязательный элемент баддады, представляющий собой четырёхстрочную строфу, где автор обращается к определённому лицу, которому посвящена баллада и которое часто начиналось со слова Prince.

Но солдаты не скорбели,
Сколько в землю их легло,
Смертью жизни гимн пропели,
Сохранив её тепло.
В дни, когда к нам Запад лезет
Со своим уставом в дом,
Мы скрижали на железе
Протираем снова в нём.
«Если ты не мёртвый камень,
Если носишь в теле жизнь,
И душою, и руками
За Отечество держись.
Чем сильней тебя терзают,
Чище сердце, крепче стан.
Нет России без дерзаний,
Нет планеты без славян».
Да, страдали, но не мучась,
Знали крест, но был и Брест.
Честь для нас такая участь —
Пронести славянский крест.

22 ИЮНЯ

В тот самый длинный день,
В день ущемленья ночи,
Увёртливая тьма
Готовила реванш.
Был верховод её
В своих расчётах точен,
Он всё предусмотрел,
Как извести славян.
Лишь не учел их душ
Безмерные просторы,
Безмолвие снегов,
Загадочность болот.
Священная война!

Вошла ты в наши поры,
Как чудный эликсир,
Как шпальный креозот.
Когда сегодня шут
На голубом экране
Твой пепел шевелит,
Тревожа наш покой,
Ему и невдомёк,
Что он смертельно ранит
Себя же самого
Блудливою рукой.
Кусайте нас, шуты,
Нам очень нужно это —
Разбуженный покой
И ненависть врагов.
Дождётесь от Руси
Святого рикошета,
Разбудите в сердцах
Пригашенный огонь.

ВЕЛИКОЕ ЧИСЛО

Москва, Москва, не торопись прощаться
С отвергнутыми числами войны.
Ты вспомни, как шагали по брусчатке
Седьмого ноября твои сыны.
В те месяцы разгромной нашей смуты,
В те дни почти безвыходной тоски,
Воистину в те страшные минуты
Мир, как дитя, припал к ногам Москвы.
О как дышал над нивами, над рощами,
Над самым нашим ухом жаркий ад!
А ты, Москва, вела по Красной площади
Парадным строем молодых солдат.
Они надежду нам несли на лицах,
Печать ухода к ангелам в очах…

Не забывай, российская столица,
Свой самый грозный,
Самый звёздный час.
Когда сегодня маленькие черти,
Как тина, вяжут властное весло,
Не дай, Москва, в угоду буйной черни
Топтать твоё Великое Число.
Все остальные числа не пороча,
Держись за это, мужеством горя.
Мы дьяволу сломали позвоночник
Уже тогда, Седьмого ноября.

* * *

Я не пишу, я карканью вороньему
Навстречу бастионы возвожу.
Я защищаю раненую Родину,
Я с ней одними лёгкими дышу.
Мне мало душу стихотворством баловать,
В бумажные кораблики играть.
Мне сердце шепчет:
Дерзновеньем Павлова
Какой-то срок держался Сталинград.
Извечная обязанность поэта —
Вытаскивать Отечество из бед.
Увы, я забывал порой об этом,
Я забывал о том, что я поэт.
Что мы в раю бываем по ошибке,
Что Родина не списывает нас
За адские раненья и нашивки
На инвалидность,
Пенсию,
В запас.
Воюю, жду, что подойдёт Родимцев,
И вместе мы удержим рубежи…

Душе живой сегодня не годится
Отсиживаться чижиком в тиши.

* * *

Клок сена —
Зов пахучий лета —
Упал на синий санный след.
Примета памятная эта
Во мне живёт уж много лет.
Да пара синих тонких лент
На весь великий белый свет
В душе струится много лет,
Хотя чего там только нет.
Итак, чадящий сорок первый
На искорёженной земле,
И снег,
Торжественный,
Безмерный,
За Волгой в маленьком селе.
Трусит седой Серко в тумане,
Качает длинной головой.
И пахнут, о как пахнут сани
Блаженной летней муравой!
А в небе синий столб висящий,
Не дым войны —
Но дым кизячный.
Да деревенская труба,
И снег, и сено с санным следом —
Как вековечная борьба
И неизменная победа.

ВОСПОМИНАНИЕ О ВОЙНЕ

Отец мой был не под обстрелом.
Тащил в цеху военный воз.

Не справился с усталым телом,
Свалил его туберкулёз.
Отцовский помню хриплый кашель
С кусками крови. Синий рот.
Завод в сорок втором закажет
Отцу путёвку на курорт
В Приморский край на два сезона…
Отец вернулся полный сил
К трудам своим, почти бессонным,
И сразу в партию вступил.
Худым подростком в сорок третьем
И я на лето встал к станку.
Наплывы памятные эти
Легли и в душу, и в строку.
С КПСС пришлось повздорить
Потом уж, много лет спустя…
Но это вспоминать не стоит:
Ушибам прошлого не мстят.

* * *

Великой Победе две полных шестёрки.
Живые герои из памяти стёрты
Сегодняшней явью, где царствуют тени,
Где время нас учит холопству у денег.
Им сдать бы в музей навсегда гимнастёрку,
Добавить в судьбу нашу третью шестёрку.
А наша задача: базарную тень
Сменить на сияющий солнечный день.

ТЕБЕ, ПОБЕДА

Никуда от пафоса не денусь,
Не могу не написать стихов.
Я люблю тебя за неподдельность
Святости твоей, твоих грехов.
Ты вместила на полях и займищах

Наш позор и славу, кровь и дым,
Мужество, какого мир не знал ещё,
И свинцовый ливень… по своим.
Да, мы помним, мы, конечно, помним
Тот, с известным номером, приказ.
Только он не гневом душу полнит —
Пониманьем наполняет нас.
Сорок первый был щемящ и жуток,
Потому суров сорок второй.
Маршалы твои! Георгий Жуков!
А народ! Сказать, что он герой,
Мало, он в самом аду кипящем
Укреплял и суть свою, и стать.
Был и вождь, жестокий, настоящий,
Времени и Родине под стать.
Нет вождей и маршалов в России,
И врага густой скрывает дым.
Сердце, только сердце с прежней силой
Верит: всё равно мы победим!

БАЛЛАДА О НЕПУТЁВОМ СОЛДАТИКЕ

Конец войны. Без боя взятый бург.
Безжизненные улочки-улитки.
Окошечный зашторенный испуг
И белых флагов квёлые улыбки.
Но через час уже улыбки ртом —
Лед городка походной кухней тронут.
— Камрад, зер гут!
И вдруг соседний дом
По танку из окна фаустпатроном…
— Ах, негодяи, каша ли для них!
Солдатик юный, с петушиным матом
К окну рванувшись, услыхал: «Их нихт…» —
И в полутьму хлестнул из автомата.
Не стану я солдата защищать:

Был дымом или злостью ослеплён он.
Растаял дым. В крови лежала мать,
А рядом с ней — застреленный ребёнок.
Что толку, что солдатик поседел,
В беспамятстве повторный сделал выстрел.
Стоял, часы трофейные вертел.
И взяли его с ними особисты.
Грабительский нашли состав вины,
Швейцарский приобщили к делу анкер.
И расстреляли парня у стены.
И двинулись на запад дальше танки.
Негромкая для той поры беда.
Их всех троих похоронили рядом.
Теперь там ни могилы, ни следа…
Пусть памятью останется баллада.

СТАРЫЕ ФОТОГРАФИИ

Дорогие выцветшие лица…
Грудь вперёд, чтоб орденам блестеть.
Падают берёзовые листья,
Им весною снова шелестеть.
Ну а нам, пока мы не берёзы
И недвижно в глину не вросли,
Через перестроечные грозы
Пронести бы сказки о Руси.
Как водили деды эскадроны
В бой за жизнь, а значит, чтобы нас
На Руси не заменили джоны
С прорезью для денег вместо глаз.
Чтоб и мы вручили нашим внукам
Эстафету правды и любви,
На любых ухабах и излуках
Помогли остаться им людьми.
Старым пеплом раны не запудрить,
Гвоздь навеки в память не забить.

Наши сказки тоже позабудут,
Нам бы про Россию не забыть.
Дух исканий не сменить на брашно,
Не продать кому-то нашу степь!
За такое умереть не страшно,
Чтоб весною вновь зашелестеть.

ПРОХОРОВКА

Поле Прохоровское, здравствуй!
Твой широкий снежный покой
Сотворён человеческой страстью
И тяжёлой солдатской рукой.
Одинокие синие ёлки,
Отслужившего танка скелет —
Тех кровавых сражений осколки —
Вот и весь охраняемый след.
Эту скорбь одинокого танка
Разделяет любой ветеран,
Наше поле объехал с фланга
Новоявленный Гудериан.
Отравила угарным газом,
Полонила наши поля
Торжествующая зараза
Денег, пошлости и жулья.
Небо синее, ясноглазое,
Шаль под ним далеко видна
Белгородская, снежная, связанная
Из волокон январского льна.

ГЕОРГИЙ ПОБЕДОНОСЕЦ

Когда Россия изнывает в муках,
Свой лик земной являет людям Он
Под маршалом последним «маршал Жуков»,
Как молния, прорезал небосклон.
И снова дух, он дышит ныне в каждом,

Кто не торгует честью и страной,
Чьё сердце высоту духовной жажды
Не растворяет в низости земной.
Ах, Родина! Среди бесовских оргий
Так много чистых, но поникших душ!
Напомни им о мужестве, Георгий,
Прибавь им сил и веры, светлый муж.
Сегодня враг укрылся в сердце нашем,
Его ввергая в смуту и печаль,
Яви душе, яви, Великий Маршал,
Своей непобедимости печать.

МАРШАЛ

Ему в победах равных нет
Средь всех, кто вынул меч из ножен.
А мне в ряду его побед
Одна не то чтобы дороже,
Но памятней:
Когда скрестив
Свой взгляд с державным взглядом,
Маршал
Не захотел перенести
Несправедливости монаршей.
Во всех его поступках есть
И прокалённой воли отсвет,
И некасаемая честь
Георгия Победоносца.

* * *

В бессердечной нынешней пустыне,
В адском обжигающем огне
Дружно воспротивимся унынью —
Самому большому сатане.
Вспомним, как когда-то, в сорок первом,
В армии, охваченной тоской,

Жуков врачевал солдатам нервы
Грозными боями под Москвой.

БАЛЛАДА О ДИРЕКТОРЕ ЗАВОДА

Сибирский город, а какой, неважно,
Важнее то, что в нём варили сталь,
Идущую на танковые башни
Для Т-34. И представь
Не то, что эта сталь огнём хлестала
Чужих солдат и берегла своих,
А то, что этой стали было мало
И что однажды телефон звонит.
— Алло, директор?
— Да.
— Товарищ Сталин вас вызывает.
— Сталин? Я всегда…
И голос глуховатый в трубке:
— Стали…
Даёте мало. Слышите?
— Да, да!
Я слышу, мы, конечно, примем меры, —
Директор зачастил, —
Но горняки…
Не сразу вник он, от волненья серый,
Что слушает короткие гудки.
Но справился с волненьем, вызвал замов,
Потребовал повысить домен мощь.
А через месяц срочной телеграммой
Был вызван в Кремль.
…Москва. Глухая ночь.
Дубовый тамбур. Молотов, Устинов,
Калинин и другие. Холод стен.
И сквозь усы знакомые, густые
Негромкие слова:
— Товарищ Эн

Был нами извещён, что сталь сегодня
Решает всё. И плохо понял нас.
Он выпуск лишь на семь процентов поднял.
По существу, не выполнил приказ.
Страна в крови. Такой работы линия
Преступна. Предлагаю расстрелять.
Кто «за»? Что, у товарища Калинина
Есть возраженье?
— Трудно поправлять, —
Калинин встал, — подобную работу.
Но, может быть, последний срок дадим?
…Вошёл директор в Спасские ворота
Черноволосым,
А ушёл седым.
Он дома, возвратившись из столицы,
Собрал актив на несколько минут:
— Мы будем спать, обедать и трудиться
В цехах завода. Всё. Нас домны ждут.
Металл пошёл, пошёл он вдвое, втрое…
Ну а потом Ташинская была,
Огонь и гром Морозовского боя
И Прохоровки дымные дела.

* * *

Который год перемывают кости,
Полощут имя грозное в грязи.
Покойникам нет мира на погосте,
Нет и живым покоя на Руси.
Нам говорят, что он до самой смерти
Был дружен с Князем тьмы. Но отчего
Трепещут и неистовствуют черти
До сей поры при имени его?
Он обескровил вражескую силу,
Когда рвалась к рулю её орда.
Да, страшен был, но сохранил Россию

В исправности до Страшного Суда.
И будет ли Вердикт Последний легче,
Чем лагерей и тюрем жернова?
Сумеем ли расправить наши плечи,
Останется ли ясной голова?
Мы, как и прежде, дремлем по привычке,
Кто демократий ждёт, кто — диктатур,
Пока не догорит от новой спички
Истлевший за века бикфордов шнур.

СОНЕТ О ВИЗИТЕ ДЕ ГОЛЛЯ НА МОГИЛУ СТАЛИНА В 1966 ГОДУ

Его просил на трон взошедший Брежнев
Покойного тирана не будить.
Но визитёр был твёрд и сухо вежлив
В желании к могиле проводить.
А дальше был урок или экзамен
Генсеку: генерал купил венок,
К надгробью положил и молча замер,
Подняв свою ладонь под козырёк.
О чём он, стоя у могилы, думал,
Никто не знает, но когда угрюмо
Прервал советский лидер тишину,
Мол, страшный вождь навеки испарился,
Де Голль сказал:
— Не умер — растворился
В том будущем, где не хранят вину.

* * *

Критик, не лови меня на слове,
Что, мол, славлю сталинскую жуть.
У эпохи дьявольской на сломе
Я молитву древнюю твержу.
Если вместо тихого прощенья
Осуждаешь эхо прежних бурь,
Приготовься, друг мой, к возвращенью

Новых льдов и старых диктатур.
Не спеши направить злобный выстрел,
Рикошет ударит под ребро…
Зло, конечно, всё решает быстро,
Но всегда задумчиво добро.
Волки скоры, бестолковы овцы,
Это всё не кончится, пока
Сердце не зажжётся, словно солнце,
Не на Пасху только —
На века.

* * *

В преддверии Великого Числа,
Что жизнь и честь России сохранило,
Хочу понять, какая чудо-сила
Через кошмар военный пронесла.
Отец Небесный и земной с усами?
Георгий Жуков, челюсти зимы?
А может, прав, сказавший, что мы сами
Спасли всё это, маленькие мы.
Не нужно нам бояться громких фраз —
Нет ничего загадочнее нас.

ПОЧЕМУ Я ПИШУ О ВОЙНЕ

Николаю Киселёву

Почему я пишу о войне,
Не хлебнув её горестей лишек?
В сорок первом стреляли по мне,
Я — ни разу,
Годами не вышел.

Если с передовой незнаком,
То на память имею ли право?
Ну косил, ну стоял за станком,
Для солдат-штрафников — не забава.

Чаще в битвах тех грозных лет
Приходилось участвовать детям
За похлёбку, за чёрный хлеб,
Чтобы выжить на белом свете.

Да, гнилую картошку и квас
Мы с тобой до сих пор не забыли.
Что бы вышло сегодня из нас
Без трудов этих детских и былей!

Почему я пишу о войне?
Потому что в умении драться
За присутствие в этой стране
И грядёт наше мирное Братство.

ПЕСНИ ВОЙНЫ

* * *

Звенит печаль легко и строго,
И мужество звенит окрест.
Мне вспоминается дорога,
Военной музыки оркестр,
Коляски детские и танки,
Солдат и беженцев река,
И марш «Прощание славянки»,
И облака, и облака…
Струила музыка щемяще
Сквозь первых дней военных ад
Какой-то мудрый, настоящий,
Утерянный сегодня лад.
Летела праведно и строго
В неумирающий зенит.
Куда теперь зовёт дорога?
О чём старинный марш звенит?

СТАРИННЫЙ ВАЛЬС

Я не могу такое не лелеять:
С пластинки тёмной дедовских времён
Взлетает в небо белоснежный лебедь,
Кружит старинный вальс «Осенний сон».
В лесу прифронтовом и на болоте
Когда-то среди грохота войны
Нам грела сердце тихая мелодия,
Мелодия не сдавшейся страны.
«Осенний сон» — старинный вальс военный
Звенит среди всеобщего вранья,
Как светлый зов России сокровенной,
Как вызов чёрным стаям воронья.
Светлеют человеческие лица,
Блестят ресницы увлажнённых глаз,
Взлетает в небо царственная птица —
Кружит «Осенний сон», старинный вальс.

ПАМЯТЬ О ПЕСНЕ

Под гипнозом старинной прелести —
Я пластинку держу в руке
С маркой синей «Завод Апрелевский»,
Что на дачном нашёл чердаке.
Вся тупыми избитая иглами
И шараханьями страны,
Донесла до конца не заигранный
Женский голос времён войны.
До сих пор он звенит сквозь утраты.
Вот и я в нём надежду ловлю,
Как хранили себя солдаты
Непреклонной молитвой: «Люблю!»
Среди жизненных многоточий
Светлой грустью о прошлом дыша,
Развевается синий платочек,
Наша радость, свобода, душа.

ТАНГО «ВОСПОМИНАНИЕ»

Танго. Легенда памятных пластинок.
…Аллеи клёнов и осинок.
Парад беретов и косынок
Истосковавшихся невест.
Провинциальные подарки.
Входной билет в центральном парке.
Там под зонтом фанерной арки
Играет духовой оркестр
Танго. Послевоенные картины.
Привет брюнетки Аргентины
Одной из маленьких блондинок.
А рядом лейтенант-скала.
Грудь в орденах за пол-Европы.
Он с ней нетерпелив и робок.
Ей шепчет о любви до гроба,
Той, что его лишь и ждала.

ИНВАЛИД

Летним днём — с квасовозкою рядом,
В бакалейном отделе — зимой,
Он дежурит дневальным у склада,
Напружиненный, строгий, прямой.
На прохожих глядит не мигая
И нагрев «полубоксом» стекло,
В синих бриджах,
С монистом медалей,
Весь такой,
Как отлило его
В двадцать лет сталинградское полымя,
А на сорок от нас отсекло
Длинным шрамом —
Ранением в голову,
Паранойи удушливой мглой.
До закрытия выстоит точно,

Отвлечётся лишь на пять минут,
Если булку с пакетом молочным
Продавщицы ему принесут.
Не унять перед этим солдатом
Безотчетное чувство вины
За глаза, где навеки впечатан
Адский штемпель
Минувшей войны.

ГОДОВЩИНА ВТОРОЙ МИРОВОЙ

Какие политесы и почёт —
Нам, русским, предъявляет Запад счёт
За то, что поголовно не легли,
Когда его от Гитлера спасли.
Вольготно бы по сказочным просторам
Гулялось европейским мародерам.
Не вышло. Нам иную клеят страсть:
Должны мы в покаянии упасть
Перед Европой, нрав улучшить грубый
И даровыми сделать наши трубы.
О Запад, многоликий унтер-дух,
Двух русских не хватило оплеух?!
Упрямо нарываешься на третью,
Чтобы без труб уйти под землю нефтью.

ЗА ОТВАГУ!

Е. В. Стригуну

Нет у меня медали «За отвагу»,
Как у тебя,
за бой на той войне.
Был мал тогда я, фронтовую влагу
Пить не пришлось из фляги на ремне.
Моя война случилась много позже,
Когда тускнела русская звезда

И мне случилось пехотинцем Божьим
Вступиться за достоинство Христа.
Пройти свои военные дороги.
Ты выиграл свой бой, я — проиграл…
Теперь, когда пошли в атаку боги,
Встаём с тобой под общий интеграл.
Хоть за победу пить нам рановато,
А за отвагу — почему бы нет!
Где фляга? Отхлебнём, как два солдата,
Как два поэта — вестники побед!

V. ДА СВЯТИТСЯ СОВЕТСКОЕ ПРОШЛОЕ!

КОМАРОВКА

В ночь на Покров, в тридцатом, с парохода
Они сошли у этих берегов
В густой кедрач —
Шестьсот врагов народа,
Сынов и внуков классовых врагов.
Жестокую страна явила милость:
Живи, коль помереть ты не готов.
И сотней труб к весне тайга дымилась,
И рядом встало столько же крестов.
Сменили пятистенники землянки,
И становилось все, как у людей:
И общий клин, и личные делянки,
И на сто верст тайгою володей.
И радио, и флаг над сельсоветом,
И патефон, и Библия в пыли,
И даже в новых горницах портреты
Того, кто ими правил издали
Бестрепетной тяжёлою рукою.

…К Покрову в сорок первом аккурат
Бессонная пехота под Москвою
Из Комаровки приняла солдат.
Никто из них под танками не дрогнул,
В плену не оказался ни один…
И вот теперь не стали в Комаровку
Обские теплоходы заходить?
Ах, Комаровка! Или это снится?
В твоих дворах крапива, да пырей,
Да ночи беспросветные в глазницах,
В пустых глазницах окон и дверей.
Уж не узнать, кто вязь карнизов ладил
И бросил всё, уехал в города,
И где теперь сердца Сережи с Надей,
Пронзённые стрелой на воротах.
Ах, Комаровка,
Неулыба сроду!
Стоишь, пока тайгой не заросла,
Как памятник эпохе и народу,
Не помнящему той эпохе зла.

МИСТЕРИЯ ИСТОРИИ

Закончатся расцветы и напасти,
Настанет на земле великий мир,
И станут мифы о советской власти
Читать и перечитывать до дыр.
Захочется учёным вникнуть в суть её,
В её победы и в распятья час
И почему богиня правосудия
Так долго на весах держала нас?
И как могло случиться, что мы сами,
Когда подгрызли эту власть кроты,
Не разорвали связи с Небесами,
Евангельские сберегли мечты?
Да, часто падали и вечно поднимались,

Не ладили ни с Богом, ни с собой.
Но деньги, что сегодня юбералес,
Не завладели нашей головой.
К тельцу мы не припали золотому,
Иная нас манила высота —
Душа брела в потёмках, но ладони
Держали знамя красное Христа.

ПИСЬМО СВЯЩЕННИКУ

Вы Родине нашей вменили в вину
Публично, с амвона, ни мало, ни много,
Что страшную мы заслужили войну
За власть коммунистов, отвергшую Бога.
Ну что же, тогда и церковный погром
В семнадцатом тоже был горьким лекарством
За несохранённый Синодом Покров
Святой Богородицы над государством.
Но я-то в стихах не виню никого
За нынешние и былые невзгоды,
Нам вместе бы с вами вернуть торжество
Священной весны сорок пятого года.
В ту пору связать нас сумела беда,
Сегодня же беды разводят в тумане.
Вы ждёте повинной? Примите тогда
За всех коммунистов
Моё покаянье.
Простите, что манны не ждали с небес,
Что, Бога не помня, творили молитву,
Что строили вместо церквей Днепрогэс,
Колхозы, метро, Комсомольск и Магнитку.
Что был, не мерещился классовый враг,
Матёрый, крутой и укрытый по за́тишкам,
Что гибли за цвета кровавого флаг
И верили батьке с усами — не батюшкам.
Но если вернётся на Родину свет

И знамя победное вновь будет поднято —
Я верю: допишется в Новый Завет
Апостольский грех большевистского подвига.

* * *

Часы мои показывают вечер,
А поезд подъезжает, сбавив ход,
К вокзалу, что считается конечным,
Где пересадка в неизвестность ждёт.
Куда судьба направит: в рай ли, в ад ли?
Разгадывать не стану Божий план.
Бывало, кто-то собирался в Адлер,
А приплывал с конвоем в Магадан.
Страна моя, как жизнь ни полоскала,
Ты вскачь сквозь век двадцатый пронеслась,
Всё берега кисельные искала,
Кровавой пены нахлебавшись всласть.
Но ведь не только пеной были живы,
В страдальческой кривя улыбке рот.
Какая мощь переливалась в жилах!
Какие песни запевал народ!
Я никого не позову проехать
В вагоне старом пройденный маршрут.
Пусть отзвенят на рельсах новым эхом
Другие песни, радости и труд.
И пусть судьба на станции конечной
Нас вместе встретит, милая страна,
Приветными словами:
— Добрый вечер!
Ещё совсем не вечер, старина!

МАГАДАН

Пустынный порт закатной дышит грустью,
Внизу маяча, словно миражи,
Морскую на отливном дне капусту

Вылавливают местные бомжи.
Какой-то тип, на вид из конокрадов,
Навязывает пламенно купить
Пластмассовый мешок варёных крабов.
Торговая, как всюду, жизнь кипит.
Ей хочется забыть, что здесь кипела
Иная, пересыльная страда.
Не знавшая о ней, в ту пору пела
И радовалась юная страна.
Её герои покоряли полюс,
В пустынях возводили города…
На всех парах в коммуну мчался поезд,
Как выяснилось нынче, в никуда.
Так заявляют новые пророки,
Зовущие нас к рыночной мечте.
Но никому не ведомы дороги
Распятой, как и прежде, на кресте
Страны моей. Одно лишь солнце знает,
Зачем оно меняет день и ночь.
Колымская, холодная, родная
Земля, в груди засевшая, как нож…

ЗАКВАСКА

Я — из неё, из довоенных лет,
Из ломки, плавки, ковки наших судеб,
Из тех времён, где и намёка нет
На то, что зрело в либеральном зуде.
Пылал у нас и юный бунт в крови,
И стыло поклоненье власти строгой…
Теперь как хочешь это назови,
Зерно одно, отростков разных много.
Да, верили, увы, не тем богам,
Не тем иконам, не туда зовущим.
Но больше — им, высоким облакам,
В душе и в небе медленно плывущим.

Когда-нибудь историк разберёт,
Какие в облака те
Ветры дули,
Как выжил удивительный народ
В великих бурях и в не меньшей дури.
Я и сегодня верю в ту же бредь:
Чтоб не кончалась про Ивана сказка,
Чтоб он не торопился поумнеть
И в нас не умерла его закваска.

ДЯТЕЛ

За окном моим дачным дятел
По соседней долбит сосне.
Семь утра. Не стучал бы, приятель,
Дай мне сон досмотреть о войне.
Был в ту пору я слишком молод,
Чтоб со мною схватился враг.
Но прошёл через голод, холод,
Поножовщину детских драк.
Даже в шайки воров порою
Заарканивал жизни канат.
Сколько же повстречал героев,
Победивших себя и ад!
Видел женщин, не спавших сутками,
Сам когда-то стоял у станка.
Теми памятными рисунками
До сих пор моя дышит рука.
Мы в грядущее свято верили,
Только сердце ему отдай.
И попали в раёшник за дверью,
За обещанной дверью в рай.
Дятел-век продолжает без устали
Червяков искать под корой.
А тебе, читатель, не грустно ли,
Что ушёл из жизни герой?

ПОДВИГ

Памяти подводного крейсера «Курск»

Это слово засветилось снова
В мутных водах русских передряг.
Мир не раз спасён был этим словом,
Чуждым иноземным словарям.
Да, наш мир совсем не обезумел,
Не зарылся в рыночный дурман,
Если это слово, словно зуммер,
Зазвенело в душах россиян.
Слышен SOS, и, значит, живы шансы
На спасенье в мёртвой глубине.
Есть ещё надежда продержаться
Раненому крейсеру на дне.
Только не касаться красных кнопок
Атомного сердца корабля.
Но тогда у Северной Европы
Омертвеют море и земля.
Никуда от выбора не деться.
Россияне, вас ли поучать,
Как порою собственное сердце
Ради сердца мира отключать?!
Гаснет SOS — спасите наши души,
И в подводной ледяной глуши
Молодой моряк реактор глушит,
Как венец спасения души.

* * *

Да святится советское прошлое!
Всё там было как надо и в масть.
Протащив под своими подошвами,
Век двадцатый не дал нам пропасть.
Мы прошли и распятье, и битвы,
Выход к Богу сквозь жизнь без креста.
И сегодня возносим молитвы:

— Да вернётся в страну Красота!
Дай нам, Господи, силы и дерзости
Знамя чести в душе пронести
Через все искушенья и мерзости
И не сбиться с родного пути!

МОСКВА

Я люблю этот город вязовый,
Пусть обрюзг он и пусть одрях,
Золотая дремотная Азия
Опочила на куполах.

С. Есенин

Я её тоже любил.
Правда, дремотную Азию
Западный бес разбудил
И совратил в безобразия.
Их не хочу поминать.
Верую в прошлое свято я,
В Кремль, в непреклонную рать,
В славный парад сорок пятого.
Господа буду просить
Чаще к нам в гости заглядывать —
Лучшую явь воскресить,
Ею Россию порадовать.
Нам же удвоить труды,
Знать, что не станут напрасными.
Зреть золотые кресты
Рядом со звёздами красными.

* * *

Были в детстве моём и бомбёжки,
И побег от них в тьмутаракань,
И оладьи из мёрзлой картошки,
И одёжки изношенной рвань.
И мальчишеская усталость

После смены в цеху ночной…
Это всё мне в наследство досталось
Вместе с нашей великой войной.
А ещё непонятное чувство,
Победившее память мою:
Ад советский пройти и очнуться:
— Боже, я ведь прожил-то в раю!

* * *

Ты меня допытываешь, брат,
Как, пройдя через советский ад,
Я его забыл и почему
Веку благодарен своему?
Но ведь сам я тоже не пойму:
Как она, тяжёлая, упрямая,
Да ещё безбожная страна моя,
Победила яростную тьму?
Как орду иную приняла.
Топчет та орда поля безбрежные,
Кланяются ей ромашки нежные,
Никому не помнящие зла.
Словом, невозможно раскрутить
Нашу не распутанную нить.

ШПАЛЫ ДЕРЕВЯННЫЕ

Лежим без дела рядышком с вагонами,
Где в штабеле, где грудой, где вразброс.
Нас заменили на путях бетонными
И бросили надолго под откос
В соседство с лопухами и с осотом.
Нам их порядок жизни незнаком.
Ведь мы таким промыты креозотом,
Что справимся и с грустью, и с грибком.
Считай, Россия вся по нашим спинам
Промчалась из величья в никуда.

Могла бы удостоить хоть распилом,
Лежать мы не привыкли без труда.
Из нас избу немудрено сварганить
Или надёжно погреб подпереть…
В конце концов, мы можем в русской бане
По-чёрному
Безропотно сгореть
На языках краснознамённо-алых
Недолгого весёлого огня.
Ты спросишь: почему пишу о шпалах?
Да потому, что с детства им родня.

ТИСКИ

Они лежат в моём сарае,
В глубокой ржавчине лежат
Воспоминанием о рае,
Каким нам снится прошлый ад.
И сохраняют те же качества:
Нелёгкий вес, крутой размер,
Клеймо с гербом, где чётко значится,
Что сделаны в СССР.
В те годы лень и жадность выдавил
Из наших душ их грубый жим.
Никто в ту пору не завидовал
В стране родной тискам чужим.
Лишь вездесущая «элита»
Растила в сердце тайный план.
И Божья кончилась молитва,
И их отправили в чулан.
Возможно, глядя на погоду,
Их вновь поставим на верстак,
Махнув рукой на лень, на моду…
Уже не раз случалось так.
Не потому, что всё сильнее
На сердце приступы тоски,

А потому, что мы свинеем,
Когда отсутствуют тиски.

* * *

Наполним бокалы, содвинем их разом,
Чтоб время не пахло деньгами и газом,
Чтоб душу — цветок придорожный в канаве —
Совсем не втоптали бы в землю канальи!

ПО ПОВОДУ ОБРАЩЕНИЯ «ГОСПОДА!»

С архивных наших пробуем картин
Снять копии «господские» натужно.
Но сам я никому не господин,
И мне господ вернувшихся не нужно.
Искали затерявшийся эдем
В кровавых распрях наших революций
И заблудились там мы не затем,
Чтоб к барам новоявленным вернуться.
Пускай живут, пусть пряники жуют,
Иные сны среди людей ищу я,
Как, сбрасывая с сердца чешую,
Глядеть в глаза друг другу без прищура,
Без зависти, без тайного ножа,
Без слова, где до правды не добраться…
Пусть расцветёт заблудшая душа
В сиянии вернувшегося Братства.

ШОФЁР

Он «Урал» свой на зимник выкатил
В минус сорок сквозь все «не могу».
И теперь вот заглохший двигатель
Греет лампой паяльной в снегу.
Сын оплёванной прежней эпохи
Помнит чётко команду — вперёд!

Потому на любой дороге
Никакой его чёрт не берёт,
Не мутят никакие смуты.
Было время, горбы да гробы
Проверяли в сражениях лютых
Красный корень его судьбы.
Рвут сегодня чужие уставы
Путеводную древнюю нить.
Норовят его сердце усталое
Тоже чьим-то чужим заменить.
Что тут скажешь, на вид он сдался,
Терпит беды и бесов орду.
Но, по сути, прежним остался:
Может поле вспахать в аду,
Победить сатанинское чудище…
И пока разумение спит,
Охраняют дорогу в будущее
Наши вечные встряски да спирт.

* * *

Ах, власть советская, твой час
Был ненадолго вписан в святцы.
Ты гнула и ломала нас,
Пришёл и твой черед сломаться.
Бывало, на тебя ворчал,
Но не носил в кармане кукиш.
И поздно вышел на причал,
Что никакой ценой не купишь.
Когда сегодня Страшный Суд
Свои вердикты совершает,
А телевизионный шут
На торг всеобщий приглашает,
Я поминаю дух и прах
Отцов, которые без хлеба,
Отринув всякий Божий страх,

Как боги, штурмовали небо.
Не убивал и не убью,
Не принесу свидетельств ложных,
Но их по-прежнему люблю,
По-детски веривших, что можно
Через кровавые моря
Приплыть к земле без зла, без фальши.
Смешная, страшная моя,
Страна-ребёнок, что же дальше?

* * *

Пусть всё, что случилось с Отечеством,
Рассчитано в планах светил:
И пляски ликующей нечисти,
И крах большевистских аттил.
Я верую в русское чудо,
В победный торжественный звон,
А также, что сгинут иуды
Под смех возвращённых знамён.

ЮРИЮ ГАГАРИНУ

Ты ушёл в небеса,
Может быть, ненадолго,
Чтоб вновь с Байконура умчаться в полёт,
Если плечи расправят Россия и Волга.
А пока среди луж, среди ям и болот
Белый ангел закрыл за тобою калитку,
Чёрный бес широко ворота отворил,
Дорогую наклеив для всех нас улыбку
На торговые штампы, совсем не твои.
Оказался коротким твой жизненный прочерк,
Метеоры сгорают в космической мгле.
Что же нам пожелать тебе?
Корпус упрочив,
Возвращайся кометой к заблудшей Земле.

* * *

Не в ладах с любым попутным ветром,
Я пою, пока ещё пою,
Как об этом пишут, «в стиле ретро».
На судьбу не жалуюсь свою.
Не ропщу на то, что всюду плохо,
Права нет на выборы эпох.
Да и сам я — целая эпоха
На распутье нынешних дорог.
Делаю попытку за попыткой
В стороне от всех партийных драк
Сшить своей строкою, словно ниткой,
В клочья превращённый красный флаг.

МИРСКОЕ И БОЖЕСТВЕННОЕ

В газетах писали, что батюшка некий
В заботы о падшем душой человеке
Настолько вошёл, что не спал по ночам
И стал прихожан карате обучать.
Былина дошла из какого-то края:
Не в силах глядеть, как село умирает,
Священник, у рясы рукав засучив,
Возглавил колхоз, что почти опочил.
Мирское в Божественном…
Вспомним давайте,
Что муза служила аббату Вивальди,
Что Павел Флоренский, и зло и добро
Забыв, консультировал план ГОЭЛРО.
Я думаю, опиум этого рода
И Ленин приветствовал бы для народа.
Спаситель же нам заповедал давно,
Что Авель и Абель сольются в одно.

ПЯТОЕ ЕВАНГЕЛИЕ

Не пугайте нас муками адскими,
Что не шли за церковным Христом.
Мы шагали дорогами братскими
Рядом с Ним. В заповеданный дом,
Как могли, оступаясь и кашляя,
Прорывались сквозь дьявольский хруст.
Накопился на совести каждого
И святой, и неправедный груз.
Пусть его оприходуют ангелы,
Пусть распнут на последнем кресте.
Мы им пятое, наше евангелие
На отчётном изложим листе.
Как скрипели костями и перьями,
Побеждая сердечную грусть,
Как победно и радостно верили
В заповедную Новую Русь.

ПОСЛЕДНЯЯ МОЛИТВА

Как дальше жить?
Куда от грязи деться?
Тоска легла на сердце, словно снег,
По чистоте, по радости, по детству.
О Боже, положи конец вертепству,
Куда нас всех заталкивает век!
Последний гнев
И гной последний вызрел,
Простёрлась бездна тёмная у ног,
России бесы шлют последний вызов,
Глумится над минувшим телевизор.
И меч над этим всем заносит Бог.
Пусть молнии заблещут в русском небе,
Преобразятся души в их огне,
Да сбросим с наших крыльев серый пепел!

Уже судьба внутри нас что-то лепит.
Понять бы что измученной стране.

VI. МЫ ТЕБЯ ОТСТОИМ!

БАЛЕТ

Размышления после миллениума

Покинул век двадцатый этот свет,
Побив разнообразные рекорды,
Но не закончил дьявольский балет
По имени «российские реформы».
Рискованные наши антраша
Мелькали на потеху всей Европе.
Один солист с хмельного куража
Едва портфель наш ядерный не пропил.
Ушёл со сцены, с кейсом обошлось…
Начало века балует погодой.
Зализывает раны русский лось,
Загнали зверя травлей да охотой.
Вот только тучи гнуса и клещей
По-прежнему высасывают силы,
Да всюду управляет царь Кощей
Взамен вождей оплеванных России.
И, как всегда, неясный свет вдали,
А также гул привычных разговоров
Про мудрость неба, бестолочь земли
И про замену главных режиссёров.

ПРОСНИСЬ!

К нам у Запада много вопросов,
Он в Россию их шлёт не на слух —

Нагоняет стада-мериносов,
То есть туч поднебесный пастух.
Там на Альпах и на Пиренеях
То жарой, то потопом грозя,
Европейские бесы, зверея,
Вечно лезут к славянам в князья.
Все напасти российские с Запада,
Так устроена роза ветров.
Облик наш, непонятный и лапотный,
Бередит чужеземную кровь.
Посылают России тревоги,
Напрягают терпения нить…
Но медведя в таёжной берлоге
Даже гром не рискнёт разбудить.
Мишка столько за жизнь натерпелся,
Что никак не поднимет ресниц.
Продолжается древняя пьеса
Под знакомым названьем «Проснись!».

КУРЬЁЗ

Балтийское море, Японское море,
А между простёрт непонятный курьёз:
Великий народ на великом просторе,
Где тучей великой висит комарьё.
Чуть в кресло залезет чиновная туша,
Как ищет, куда хоботком ей припасть.
И странно, что терпят и люди, и суша
Всю жизнь над собой комариную власть.

* * *

Снова ветром и пылью запахло,
Прохудился отеческий дом,
Хоть обменивай рифмы на паклю,
Чтобы щели заделывать в нём.
Донимает поэтов от века

Запах подпола, крыши и стен.
Мы веками не слышим ответа,
Как уйти от погодных страстей.
Что напасти в России от власти —
Эта мысль в нас забита, как гвоздь,
Уповаем на вечное «слазьте!»,
Сами сидя на вечном «авось».

КОЛОКОЛА РОСТОВА ВЕЛИКОГО

Ползёт очередная смута
Змеёю пёстрой по Руси.
Мешаем снова мы кому-то
Тем, что живём и дух еси.
Поэтому святые лики
Глядят встревоженно с икон,
А древний град Ростов Великий
С утра устроил перезвон.
Как убедителен и грозен
Ушедших предков чистый глас.
Как на рождественском морозе
Он пробуждает память в нас.
Колокола и колокольцы
Окрест благую весть несут:
— Одни кресты и богомольцы
Отчизну вашу не спасут.
Где Пересвет, где новый Минин?!
Опять над Родиной гроза.
В своих сердцах под небом синим
Творите эти образа!

* * *

Да здравствует солнце!
А. С. Пушкин

Чуть солнце проглянет, как новые тучи
Над нами висят тяжелее свинца.

Нас беды не учат, и бесы нас мучат,
А также не видно безумью конца.
И где наконец обозначим границы
Терпенью, беспамятству, полчищам бурь
И скажем Отчизне своей яснолицей:
— Да здравствует солнце!
Да скроется дурь!

КАТЫНЬ

Объявлена нелётная погода
Для чьих-то оправданий и вины.
В тумане оглушительно сработал
Не принятый Всевышним счёт войны.
И мы не забываем про лжедмитриев.
В Тухолях сколько наших полегло?!
Но ведь не пишем Богу челобитные
За прошлое содеянное зло.
Живым всё ясно, трупы похоронены,
Подсчитаны терновые венцы.
И не забудут обе наши родины
Свои святые раны и рубцы.
Но не вернёмся к мстительному пиру,
По мёртвым не потопчемся костям.
В который раз Господь взывает к миру:
— Отмщенье — Мне, и Аз всему воздам!

ПРОПОВЕДНИКУ СТРАШНОГО СУДА

Послушай, не запугивай Россию
Нашествием вселенских катастроф.
Мы свой вагон страданий разгрузили,
Прибудет новый — выгрузим без слов.
Понадобится — справимся с чужими,
Не привыкать нам, чьи-то ли, свои…
И слёз не лей по прошлому — мы жили,
Мы радовались, пели и цвели.

Среди весёлых летних наших радуг,
На белоснежной пряже декабря
Нет места огнедышащему аду,
Который занимает так тебя.
Ты требуешь от русских покаянья,
Но нам иные пристани нужны,
Мы ищем Белый остров в океане,
А каются пусть сукины сыны.

ЗЕРНО ЭЛЛАДЫ

Наш Бог, и наши искушенья,
И наша лень, и вечный труд,
И бесконечное броженье
Из одного зерна растут,
Что было брошено когда-то
На древнем пятачке земли…
И Брестской крепости солдаты
Не те ли триста, что легли
От полчищ персов в Фермопилах
За торжество грядущих нас?
Скажи, о Русь, ты не забыла
Явить планете Новый Спас?
Наследница богов Эллады
Упала снова в прах земной,
Отвергнув славу Сталинграда
И к солнцу повернув спиной.
Над европейской бездной зыбкой
Застыла, замерла во сне…
Проснись с гагаринской улыбкой
К своей космической весне!

ЯСНОСТЬ

Раздумья девяностых

Даже дьявол России не страшен,
Если ясно, где «нет», а где «да».

Там ливонцы, за озером наши,
Здесь Москва, за Непрядвой Орда.
У каких же костров обогреться
Можно нынче на русской земле?
Что теперь на уме и на сердце
У князей современных в Кремле?
Ни костра и ни звёздочки. Вечер.
Ты с Отчизной один на один —
И судья, и истец, и ответчик,
И надежда притихших равнин.
Уши говор назойливый режет,
Как нам рыночный рай заслужить?
В силе бесы, но это же нежить.
Им не жить, понимаешь, не жить.
Им бы только втащить тебя в омут,
Чтобы вместе и вниз головой…
Потому так пронзительно громок
Их торговый нерадостный вой.
Давит каждого время сурово,
Разделяя на масло и жмых.
Ясность есть: оставаться здоровым
Среди мёртвых, безумных, больных.

МЫ ТЕБЯ ОТСТОИМ!

Край передний иную
Наметил манеру рисунка,
Поменяли регистры
Октавы военной грозы —
По высотам сердец,
По лощинам и лужам рассудка
Пролегает сегодня
Зигзаг фронтовой полосы.
Мы в окопах ещё,
Мы в траншеях по самые плечи,
Видно, день не настал,

Видно, час наступать не пришёл.
Словно мессеры, кружат
Чужие недобрые речи,
Атакуя повсюду
Притихший российский Глагол.
Ждали пуль и огня,
Оголтелой пехоты и танков,
На прямую наводку в туман приготовив стволы.
А отрава вползла
На позиции главные с флангов,
Потому что мы сами
Открыли отраве тылы.
Мы и это пройдём,
В эшелонах тройных перестроясь,
Пусть нас кто-то хоронит
И в яму загнать норовит.
Мы тебя отстоим,
Золотая славянская совесть,
Наше русское сердце —
Сияющий Спас на крови!

* * *

Мне не важно, глаза твои
Круглые или косые,
Что записывал ты
В приснопамятной пятой графе,
Но когда твоё сердце
Трепещет при слове «Россия»,
Значит, вправе бродить
По её первозданной траве.
Я не знаю, что ждешь ты
От Бога, от власти, от века,
Но когда твою Родину
Топчут бандиты и блуд,
Ну а ты без конца
Верещишь о правах человека,

То уж точно известно,
Что ты из породы иуд.
Мне не ясно, зачем
Мечем мы перед свиньями бисер.
Неизвестно, когда
К нам на помощь придут Небеса
И в каком государстве
Спаситель наш будет прописан,
Но уж точно не там,
Где нам доллары застят глаза.
Но мне важно и ясно,
Я в этом, как в солнце, уверен,
И об этом для всех,
Кто услышать захочет, пою,
Что ни доллар, ни мор,
Ни шестёрки библейского Зверя
Уничтожить не в силах
Священную землю мою.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ДЕМОКРАТИИ

Паситесь, мирные народы,
Вас должно резать или стричь.
А. С. Пушкин

Что бездумных овец,
К сожалению, тыщи,
Я в открытии этом, конечно, не нов,
Как и в том,
Что в кустах демократии рыщет
Много сукиных, волчьих
И прочих сынов.
Заболтали совсем
Мы Отечество наше.
Молчаливая память стучится в стихи.
Если много баранов,
И пастбищ, и пашен,

То куда же девались с полей пастухи?
Я горой за гуманность,
За разные стили,
Пусть фонтанами льётся
Свободная речь.
Но когда пропадаем
От крыс и рептилий,
Я — за кнут, я за палку
И даже за меч.
Видно, нам не уйти
От крещения кровью,
Пусть вернётся сурового времени дух,
Если с ним возвратятся
Покой, и здоровье,
И свобода от змей,
От зверей и от мух.

ПАРАФРАЗ НА ПУШКИНСКУЮ ТЕМУ

Товарищ, верь: взойдёт она,
Звезда российского распятия,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках «демократии»
Напишут наши имена.

НОЧНОЙ ПОЛЁТ

Мысли 2011 года

Садится в боинг правовед, как в сани,
Небрежным жестом запахнув полу, —
И мы летим вне всяких расписаний
В сгустившуюся над планетой мглу.
Куда летим? В ушах звенят цикады,
В глазах мелькают клочья облаков.
А в голове снуют одни цитаты
Серебряных и золотых веков.

О чём цитаты? О глухих кюветах,
Где лом реформ и тихий шелест трав,
О навсегда уснувших правоведах,
Не получивших европейских прав…
Не беспокоят стюардессы спящих,
Не скажут сны, чего же мы хотим.
Гудят турбины, пишет чёрный ящик.
Так разобьёмся или прилетим?
Всё очевидней мрачные примеры,
Всё ненадёжней самолёта гул.
В груди стучит беззвучно «Символ веры»,
Вот он бы ненароком не заснул!

ОНИ И МЫ

Нам их пиджак и неуклюж, и тесен,
Их раздражает наш простор и вес…
Они не понимают наших песен,
А мы — их либеральный политес.
Нам скучен гвалт о пользе инвестиций,
Жар биржи не живёт у нас в крови.
Душа жива погоней за жар-птицей,
Тоской по правде, братству и любви.
Мы греемся в аду мечтой о рае.
И это тоже непонятно им,
Как Русь до сей поры не умирает,
Как мы её безжалостно храним.
Мы будем жить, доколе в русском поле
Родная песня излучает грусть
И русская учительница в школе
Нам Пушкина читает наизусть.

МОЛОДЫМ

Поучать не хочу,
Жизнь сама вас научит:
Обломает рога,

Шоры с глаз уберёт.
Есть у каждой эпохи и солнце, и тучи,
Есть у каждой души свой крутой поворот —
Или вверх, или вниз,
Остальное — детали…
Вон Георгий опять поднимает копьё.
Мы Россию в боях никому не отдали,
Вы на ваших торгах не продайте её.

ДВОЕ

Она склонилась над постелью,
Где он лежит, едва дыша,
Её Иван.
Сутулой тенью
Жизнь из неё почти ушла.
Ушли в туманы ад военный,
И похоронки чёрный гром,
И воскресение из плена,
И новый плен в краю родном.
И как потом хлеба растили,
Детей растили и страну.
Сыны и дочери России,
Чья жизнь похожа на струну!
— Дай подниму тебя, Ванюша,
Всё будет ладно впереди,
Покушай, радио послушай
И телевизор погляди.
И оба слушают, не слыша,
Глядят, не видя пёстрый мир,
Где тени мёртвые колышут
Хранимый Господом эфир.
Она качает головою:
— Ванюша, надо полежать.
И дай нам Бог, как эти двое,
Россию нашу продолжать.

СТИХИ О КОНЦЕ СВЕТА

Всё по швам разошлось,
Но Земля не спешит расколоться.
И политики снова
В экран телевизора лгут,
И жиреют, как бройлеры,
В новых коттеджах торговцы,
И угрюмо молчит
До портянок обобранный люд.
Столько шума и страхов
Нагнали недавно пророки
Про конец уже скорый,
Что ждали мы: хоть бы скорей!
Но опять Апокалипсис
Сдвинул контрольные сроки,
А на русских полях
Зеленеет всё тот же пырей.
Только чувствуем кожей:
Развязка горячая зреет,
Слишком туго натянуты
Жилы и нервы у всех.
Мы устали от зла,
Мы становимся злее и злее,
Значит, зло по закону
Готово расплавиться в смех.
А гребущие жадно…
Ну что ж, продолжайте, гребите.
Между нами незримая
Глубже и глубже черта.
И Россия дрожит,
Как во время войны истребитель,
Получив наконец
Долгожданный приказ:
— От винта!

РАЗДУМЬЯ ДВУГЛАВОГО ОРЛА

В перинах возлежит обрюзгший Запад,
Восток же пробуждается от сна.
Царапает уже тигриной лапой
Китай американского слона.
А что же мы?
Мы по привычке медлим,
Ждём грома, чтобы лоб перекрестить.
Свои копыта поднял всадник Медный,
Не зная, где и как их опустить.
По-прежнему бредёт вслепую росс,
Орёл двуглавый мучится вопросом:
Рвануться ли вдогонку за даосом
Или засунуть головы в Давос?

* * *

Упрёки эпохе смешны и грешны,
Как жалобы Музе на то, что не пишется.
Вот тёплые дни наконец-то пришли
В коротком и пышном растительном пиршестве.
Скрижаль изумрудную пишет трава,
Ничуть не печалясь, когда по ней топчутся.
И ты, отправляя в пространство слова,
Не слишком заботься, как примет их общество.
Живая чеканка легла бы на лист,
Надежда свила бы гнездо на печали.
А в смуте сегодняшней сам Трисмегист*
Замечен и выслушан будет едва ли.
Бесчинствует всюду разбойничий век,
В крови не сгубил, так берёт нас измором.
Прими его вызов, как сталинский зэк,
Оставивший в памяти дым беломора.

---

* Гермес Трисмегист — знаменитый мудрец Древнего Египта, автор сакрального текста «Изумрудная скрижаль».

* * *

Оглядывая всё, что нами пройдено,
Скажу на склоне уходящих дней:
— Блажен, кто лёг в бою во славу Родины,
Ещё блаженней устоявший в ней.

СНОВА ПОКРОВ

И вновь Покров, и дождик моет крыши,
И облака прикрыли город мой.
Земля ещё травой зелёной дышит,
Но ветер пахнет скорою зимой.
Что надо нам укрыть, а что не надо,
Об этом знает только Божья Мать.
Одно понятно: нынешнего ада
Она не хочет больше укрывать.
Укоротить желанья — не задача,
Труднее — руки, коль больна душа.
Без остановки «Новости» судачат,
Как нам поднять из ямы доллар США.
Подумать только: нет задачи выше!
Разбуженные демоны колышут,
Империю надменного тельца
И нашего телёнка-подлеца
Готовят на убой, но он не слышит.

ЦИКЛ ОБ ИВАНЕ ДУРАКЕ

* * *

Цари земные умным не с руки,
И царь Небесный тоже им не нужен.
Тоска, когда у власти дураки,
Но умники вверху — гораздо хуже.

Непримиримый, настоящий враг —
Твой самый лучший друг на белом свете.
В бою с ним насмерть стой, Иван-дурак,
И суть твою Бог приведёт к победе.

ТУПИКОВЫЙ СОНЕТ

Известен всем маршрут земной
На море и на суше.
И тот, который в мир иной,
Где обитают души.

Он разъясненьями богат,
Там знаки всюду тоже:
Направо — рай, налево — ад,
А прямо — бездорожье.

Есть, правда, незнакомый путь,
По слухам, тупиковый —
Болота, ямы, кочки — жуть!..
Одна надежда — новый.

И все Иваны-дураки
Зачем-то лезут в тупики.

Я — ЗА ИВАНА-ДУРАКА!

Я — за Ивана-дурака,
За то, что дураку не спится,
Когда он знает, что жар-птица
Взмывает где-то в облака;
За то, что ладной меркой скроен
И с умниками не в ладу;
За то, что он в самом аду
Не струсит перед сатаною,
А станет краше и сильней,
Из адской вынырнув купели;

За то, что ненавистны цели
Великой Родины моей
Всему планетному мещанству;
За то, что я имею счастье
Родиться сыном мужика.
Я — за Ивана-дурака!

НЕ ВЕРЬ!

Не верь, Иван, министру-вору,
Не верь любому крохобору,
Ни женщине, что тащит в нору
Житейских мелочных забот.
Верь самому себе, разине,
Своей обманутой России,
Её непокорённой силе.
И эта вера нас спасёт.

* * *

Иван-дурак, не бойся правду сеять,
Бесхитростность порвёт любую сеть
И сокрушит все козни фарисеев.
Но всё-таки, дружок, пора умнеть.

ПУТЬ ДУРАКА

Ему случалось лезть в жаровни ада,
Он в ледяных пещерах побывал,
В капканы попадал, в канавы падал.
Терял себя, но всё-таки вставал!
И в новые сомнительные танцы
Заманивала страстная судьба.
Пытался по-телячьи с ней бодаться,
Но уходила из-под ног тропа,
Смеялись бесы, ведьмы злобно выли:
— Угомонись, ведь ты уже старик!

Он верил в тупость всех своих извилин
И в мудрость сердца одолеть тупик.
Сегодня путь, ухабами изрытый,
Почти прошёл. Стоит у вечных врат,
А также у разбитого корыта.
Своих страстей, чему безмерно рад.

ВАНЬКА-ВСТАНЬКА

Телег вам надобно, телег,
У вас тележий интеллект.
Е. Евтушенко

Я — Ванька-встанька. Интеллект
Во мне на уровне телег.
Так звал мой разум стихотворец,
Былым властям «противоборец».
Меня дурят — я не хитрю,
Меня сжигают — не горю.
Как ни ломают позвоночник —
Встаю везде, куда заносит.
Теперь на рынок мировой
Отправили вниз головой,
Но я и здесь не по карману.
За океан продали — встану.

* * *

Освободившись ото льда,
Текут в моря неспешно реки,
Лишь мы, причудо-человеки,
Спешим куда-то не туда.
Кроим законы бытия,
То бунта надо, то застоя.
Страна — не та, и я — не я,
И мало своего простора…
В чужих садах плоды милей,
Клюём на детские приманки…

И вновь вздыхает русский ангел
Под ношей дьявольской своей.

ВСЁ ДЕЛО В ТОМ

А. Денисенко

Всё дело в том
чтоб ночью, в январе,
Когда мороз собак бездомных гложет,
Ждала в конюшне на твоём дворе
Тебя всегда оседланная лошадь.

А если занесёт её рысца
Куда-нибудь к откормленным и жадным,
Всё дело в том, чтоб ты от их крыльца
Скакал без промедленья
к безлошадным.
Всё дело в том, чтоб новая весна
Не повторяла прошлую в пространстве.
Чтобы всегда сквозила новизна
В наскучившем житейском постоянстве.

Всё дело в том, чтоб даже рай и ад
Маячили без страсти, без опаски,
Чтоб ты прошёл сквозь жизни маскарад,
Не надевая, как другие, маски,

Ни Арлекино маски, ни Пьеро,
Приманки бытия того не стоят.
Чтоб женщина — адамово ребро —
Могла лишь ненадолго успокоить.

Чтоб даже поэтический запой,
Как всякий прочий,
возвращался к прозе.
Ну что ещё?..

Чтоб ты самим собой,
Бродяжничал
в тепле и на морозе.

24 ДЕКАБРЯ

Над хмурой Москвой белоснежные хлопья,
Какое-то, хоть небольшое подобье
Возникло зимы, чистоты, белизны,
На память приходят далёкие сны…
Я зиму люблю, с детских лет ненавижу
Чужую погодно-душевную жижу.
Везде её вижу, в себе её вижу,
Когда присмотрюсь к себе ближе и ниже.
А если встречаю продажную слякоть
И не обойти её — хочется плакать.
Прости же, Москва, за прозрачный намёк,
Погоду твою обойти я не мог.
Но здесь не за тем, чтобы плакаться, хаять,
Что я нехороший и ты, мол, плохая.
Довольно упрёков. Нас часто зовут
Лукавые бесы на «праведный» суд.
В столицу я в свой день рожденья приехал —
За Минина эхом, за Жукова эхом.
Кружился когда-то такой же снежок,
Мороз Красной армии ярость поджёг.
И прахом летели от русской столицы
И серая жижа, и чуждые лица!

* * *

Ушли из сердца огорченья,
Возник в нём непривычный мир,
Где не нужны ни обличенья,
Ни ад, ни рая сладкий пир.
Не посчитай за безразличье
В душе возникший ясный путь.

Быть может, Божие величье
Ты начал понимать чуть-чуть.
На всё смотреть легко и просто
И в тишине, и среди гроз,
Не помешать любому росту
Ни белены, ни белых роз.
Дурное время коченеет,
Приходит радостному срок.
Чем чернозём Руси чернее,
Благоуханнее цветок.

ВОЙНА 2008

Россия с колен поднимается круто,
Воспрянувшей мощи уже не тая.
Дождались мы этой священной минуты —
Вступиться по-братски за други своя.
Вступиться надёжно, вступиться упрямо.
Не новость для нас этот древний приём:
Сначала в глубокую падаем яму,
Потом из неё, улыбаясь, встаём.
Осетия с нами смеётся и плачет,
К ней мир возвратился, а с ним — благодать.
Итак, наша Родина силы не прячет,
Нам тоже пора распрямить свою стать.

ПО ПОВОДУ КОНЦА СВЕТА

Ожидания 2011 года

Не смотри на пляску бесов скорбно
И пощады Божьей не проси.
Говорят пророки: очень скоро
Засияет солнце на Руси,
Грязь просушит в либеральных лужах,
Поменяет антураж в Кремле.
Так что ты особенно не слушай
Всех, кто обещает крах Земле.

Но не ожидай и райских кущей,
Не растёт такой в России лес.
А особо приглядись к бегущим
Всюду возглавлять любой прогресс.

ВЗГЛЯД ИЗ ОКНА В ПРАЗДНИК ПОКРОВА

Дождь лить не прекращает,
Всё хмуро, всё намокло:
Пустые тополя,
Поникшая трава…
О празднике забыв,
Сереет через стёкла
Шинельное сукно
Святого Покрова.
Я помню в сорок первом
Ту осень тоже свято:
Окно в сплошных крестах
От взрывов вражьих бомб.
В себе я приоткрыл
Поэта в сорок пятом,
Подросток, охранённый
Сибирью и трудом.
Теперь я стар. И снова
России гнут колени,
А Бог опять зовёт
Окно души на бой
С неверием и страхом,
С унынием и ленью —
На главный для России —
На бой с самим собой!

* * *

За что нас так не любят мудрецы,
Расчётливого Запада поклонники.

За лень свести начала и концы?
За несогласье лирики и логики?
За то, что неизвестный всем вчера
Хмельной мужик, заснувший в подворотне,
Проснуться может гением пера
И всенародным баловнем сегодня.
Опять заснуть. О русская душа!
Веками ты смущаешь трезвый Запад.
Он смотрит на свершенья не дыша,
А мы на них накладываем лапу.
И правим, и ломаем, и творим,
И за бесценок отправляем в лавку,
И по старинным правилам своим
Пускаем вновь и вновь на переплавку.
И крестимся, когда лишь грянет гром,
И лезем снова без оглядки в пекло,
И в этом пекле, улыбаясь, мрём,
И неизменно восстаём из пепла.

* * *

Пора закончить долгий спор с Европой,
Дуэль рассудка — с высотой души.
Нам главное — родного неба шёпот
И сказок наших старых миражи.
Мечта сильнее истины гниенья,
В ней проступают знаки новых вех.
Нас окружили крысы и гиены.
Ну что ж, посмотрим, кто одержит верх.

VII. В РЕЖИМЕ КАТАСТРОФ

РАССВЕТ

В плену у тьмы уже невыносимо,
Но нам самим не выбраться на свет.
Приходит час всеобщей Фукусимы,
Иных путей у нас, наверно, нет.
Рассвет похож на траурное знамя,
Планета завершает чёрный плен.
Мир замер в ожидании цунами,
Как Божьего решенья всех проблем.
Последний ангел к мужеству зовёт,
Земля мужает подвигом и кровью.
Нам остаётся выдержать, не дрогнув,
Девятый вал вселенских Судных вод.

В РЕЖИМЕ КАТАСТРОФ

Гвозди бы делать из этих людей!

Н. Тихонов

Мы сердцем торжество России чуем,
Пусть даже рвётся тонкий миокард.
Живём надеждой, выживаем чудом,
Не верим в наговоренный закат.
— Не поддавайтесь дьявольскому сглазу, —
С икон нам говорят глаза святых.
Из вас не гвозди делать бы — алмазы
Для самых лучших в мире буровых.
Вот и теперь неделю за неделей
Морозы атакуют нас подряд.
В столице тридцать, в Омске сорок девять,
А в Магадане минус шестьдесят.
Когда в Европе, скажем, минус двадцать,
Там даже липы сонные дрожат.

А мы привыкли только согреваться
На наших пнях, морозах, виражах…
Врагов всегда смущала и бесила
Неординарность наших душ и троп,
А также то, что выдумку и силу
Мы черпаем в режиме катастроф.

СТЕРЖЕНЬ

Пока в апреле лёд ломают реки
И к веткам возвращается листва,
Свидетельствую: в двадцать первом веке
Русь возродится с чистого листа.
Пока из губ не раздаются стоны
И Обь впадает в Обскую губу,
Свидетельствую: никакие джоны
Не оседлают русскую судьбу.
На том стоим, на том Россию держим,
Не нравится — ищи другую мать.
Но из души священный русский стержень
Не вынуть, не купить, не поломать.

ХМУРОЕ ИЮНЬСКОЕ УТРО

О чём печаль родных полей?
Они ведь знают — всё вернётся:
И лёт осенних журавлей,
И примул вешних позолотца.
Так почему во мгле восток,
А в перекличках птичьих редких
Какой-то слышен тайный вздох
И притаилась грусть на ветках?
Ведь солнце к нам придёт ещё
Во всей своей красе, без пятен.
Но мир-то этот обречён,
А тот, что будет, непонятен.

* * *

Ноябрь. В его приливах и отливах
Дождя и снега
Кустиками мы
К родной земле прижались терпеливо,
Ждём твёрдого решения зимы.
Она всегда стелила в ратных грозах
Ковры своим и саваны чужим.
Благословенны для Руси морозы
И благодарны мы за это им.
Но вот природой в оттепели кинуты,
В которых благоденствуют кроты.
Нам обещают перемену климата.
А перемены русские круты!..
Седьмая чаша поднята над миром.
Мятёмся в стонах тела и души:
— Отец, да пронеси ту чашу мимо!
— А впрочем, Ты, Единственный,
Реши…

РАВНОВЕСИЕ

Ушла из нашей жизни норма,
Нет равновесия нигде.
Россия корчится в реформах,
Европа — в бешеной воде,
Америка — в своих афёрах,
В землетрясениях — Китай…
И всюду гул людского хора:
— Отец Небесный, денег дай!
Зачем? Взорвать земное месиво,
Покончить с адом, наконец!
Увы, нет места равновесию
Ни у Земли, ни у сердец.

* * *

Что случилось с тобой, человек?
Где подобие Бога и образ?
Почему замаячил ковчег
В океане планетном недобром?
Неужели в Божественный план
Вложен был этот дьявольский выбор —
Разъярить Мировой океан,
Чтоб скормить тебя крабам и рыбам?
Помнит небо, и помнит вода
Позабытые древние были:
Уходили на дно города,
Трубы ангелов грозно трубили.
Мы когда-то служили тельцу,
Нынче служим монете рублёвой.
И не надо упрёков Творцу,
Если всё повторяется снова.

ТИТАНИК

Чем рассветы новые угрюмей,
Тем тревожней, беспокойней дни.
Черти свечи зажигают в трюме,
Потушили ангелы огни.
На исходе все земные сроки,
Он принять судьбу свою готов.
Никакие силы и пророки
Не изменят ход его винтов.
Пассажиры суетятся наспех,
Кто пирует, кто танцует всласть.
Но растёт в тумане вечный айсберг,
Он один не даст нам всем пропасть.
Ничего светлее и новее
Время не придумало пока,
Кроме лобового столкновенья,
Чтобы тьму разбить наверняка.

Лишь тогда среди обломков хрупких
Зажигают ангелы огни —
Разума спасательные шлюпки,
Привязные совести ремни…

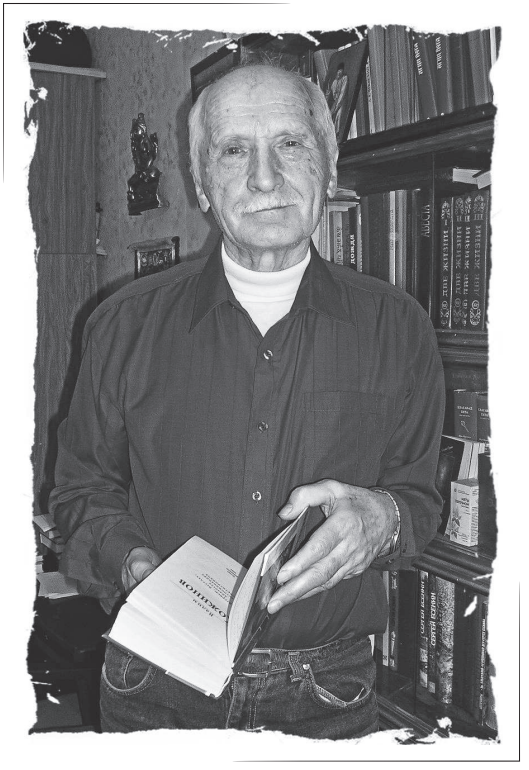
ПОТОП И КРОЛИК

От воды беги подальше, кролик,
Где-нибудь укройся на холме.
Век потопный жаждет нашей крови.
Думай о себе — не обо мне…
Мой удел известен: старый донор,
Сдавший кровь когда-то задарма,
Я отныне плаваю планктоном,
Всех предупреждая о штормах.
Жаль, что мне почти никто не верит.
Раньше шёл мой прах на корм китам,
Выбросились все они на берег.
В общем, берегись, кругом беда!
Ты молчишь, не видишь грозных знаков
Морщишь над своей морковкой лоб…
Впрочем, кролик всюду одинаков —
Каждому положен свой потоп.

* * *

Грозными зловещими громами
Новый век приходится встречать.
В прошлом столько дров мы наломали,
Что приходит время отвечать.
«Господи, прости» — не помогает,
«Накажи злодеев» — тишина.
Бес нетрезвый нами помыкает,
Но молчит усталая страна.
Путь земной все карты перепутал
Наших планов, дум, свершений, вер.
Заросли травою перепутья,

Остаётся только путь, наверх.
Но не поднимаемся по лестнице
Даже в рай. Попытки обожгли.
Лишь весна надеждами невестится,
Радует цветением земли.
Время перемалывает кости,
Вдаль уносит всё, что отцвело,
И готовит в будущее мостик.
Только там безгрешно и светло.



Часть вторая

Муза и любовь

I. СНЯТСЯ МНЕ СТИХИ

КРАСОТА

Я знаю, что любые перемены
Осядут илом в жизненной реке.
Но красота, рождённая из пены,
Не умирает в песенной строке.
Она не миф, не фраза эрудита,
Не статуя былого миража —
Забытая Европой Афродита,
Как прежде, в русской памяти свежа.
Хоть нелегко с отбитыми руками
Ей вглядываться в сумрачную даль,
Богиня никого не упрекает,
По-пушкински светла её печаль.
Дитя ключей кастальских и мечты,
Храни себя, храни, душа поэта.
Быть может, осквернённая планета
Твоей спасётся струйкой красоты.

* * *

На гранях мирового слома,
Что чётко обозначил век,
Довольно слов,
Да будет Слово,
Простое, чистое, как снег.
Рождённое великой болью
Из непомернейшей нужды,
Оно засветится любовью
На каждом атоме вражды.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

Она надежду нам несла от века,
Вела за перевалом перевал…
В её кастальских белопенных реках
Любой прохожий губы омывал.
Вмещала всех,
Терпела и прощала,
И обещала розовый туман.
И в грохоте базарном замолчала,
Чтоб не сойти от грохота с ума.
Как выжить ей, когда повсюду прорва
Словес в соседстве с аспидной тоской!
Вон даже Пушкин наклонился скорбно
Над полонённой пошлостью Тверской.
Нет выхода, как всё разрушить снова
И разобрать завалы всех дорог.
И пусть опять в начале будет Слово,
Прекрасное, живое Слово — Бог.

* * *

Не видит сердце, и душа не слышит
Ни слов, ни ликов, только тихий звон…
Я чую, как в молитве кто-то дышит
Во мне ли, по соседству. Это Он.

Его ключом я открываю двери
В чертоги музы, преклонив чело.
Я Им обоим бесконечно верю,
Не видя и не слыша ничего.

* * *

Тепло. Иван Купала.
Безлюдье. Тишина.
За всю-то ночь упала
Лишь звёздочка одна.

Короткий ясный прочерк
В разлив земных огней.
Пиши, мой друг, короче,
Молчи, мой друг, длинней.

ТОСКА

Она вдохновенье разладила,
Связала меня по рукам…
А всё оттого, что Исландия
Готовит нам новый вулкан…
Быть может, и я в нём виновен,
Зарытый в тоскливую бредь.
Исшаркал квартирный линолеум,
Не зная, куда себя деть.
Но вот посреди бездорожья
Куда-то уходит тоска.
Я чувствую с радостной дрожью,
Как в сердце трепещет строка.
Как движется вверх по аорте
Сквозь тромбы унылые, как
Птенец, оперившийся в горле,
Поёт наконец-то в руках.
Но руки его не удержат,
Он знает своё ремесло —
Наверх, к непреклонным надеждам
Летит всем печалям назло.
Звенит поэтический зяблик
Во всю свою детскую прыть.
— Алло! Отзовись, Рейкьявик,
Вулкан прекращает дымить.

МОЙ ГРЕШНЫЙ ДРУГ

Крест поставив на привычках прежних,
Сочиняет до сих пор стихи.
И о чём же пишет, старый грешник,

Коль лимит исчерпан на грехи?
Всё о тех же звёздах над просторами,
О любви, о травах и цветах,
О подошвах жизни, под которыми
Беспечально почивает прах.
Где-то вновь зовут на баррикады,
Требуют пересмотреть тариф…
А ему-то ничего не надо,
Кроме самых простодушных рифм.
И ещё строений деревянных
В беззаботной дачной тишине,
Где мы все зализываем раны
В основном по собственной вине.

* * *

Бедные поэты-графоманы,
Кто сегодня слышит голос наш
В суете рекламного обмана,
Посреди всеобщих распродаж?
Может быть, грядущий Генрих Шлиман,
В чью-нибудь уверовав строку,
Разузнать захочет, как дошли мы
Через суховеи к роднику.
Как с незащищёнными глазами
В пыльных бурях рыночных сахар
Донесли божественный гекзаметр
Через нескончаемый базар.
Раскопает нынешнюю Трою
И отыщет в розовом песке
Мощи неизвестного героя
С шариковой ручкою в руке.

* * *

Ты жалуешься Небу, что один,
Кастальские не покидаешь струи.

А «звон щита», а «с белых яблонь дым»,
«Кремнистый путь», «недорого ценю я»…

Неисчислимы стаи воронья,
Наверно, никогда они не кончатся.
Но ведь не так мала уж и семья
Товарищей твоих по одиночеству.

* * *

Мелькают сезоны и числа…
Но есть неподвижность во мне.
Я плохо писать разучился,
Чтоб сделалось лучше стране.
Лежу неподвижно, как камень,
У оползней всех на виду,
Упёршись упрямо руками
В свою и в чужую беду.

* * *

Весенний день в окно смеётся,
Зовёт куда-нибудь к реке.
А мне уйти не удаётся
Из стихотворного пике.
Река ледовый плен взломала,
Зато в плену моя рука,
Ей и тепла, и солнца мало,
Пока не свяжется строка.
Я то по комнате слоняюсь,
То над столом своим склоняюсь,
Ловлю в пространстве благодать,
Терзаю бедную тетрадь.
И наконец вздыхаю сладко,
Когда, терзаньям вопреки,
Вдруг распахнёт себя тетрадка
Для незачёркнутой строки.

* * *

Всюду хмурые тучи и лица,
Позабытые плугом поля,
По орбите изломанной мчится
Потерявшая радость Земля.
И поэтому прежде подумай,
Чем настраивать струны свои,
Как нужны ей надежд трубадуры,
Как важны менестрели любви.

СНЯТСЯ МНЕ СТИХИ

Иногда стихи мне снятся ночью.
Утром долго с памятного дна
Достаёшь трепещущую строчку,
Как ерша из тины полусна.
С чем сравнить могу мгновенья эти —
Сплав души, бумаги и руки!
Изо всех чудес на белом свете
Нет чудесней вылета строки.
В клетке сердца, в голове-темнице
Долго зреет солнечный мираж.
Вспышка света — и летит жар-птица.
Смотришь, села… в бросовый тираж.
Да, порой стихи, как в праздник ели,
Бесприютно мёрзнут в январе.
Поиграют ими две недели,
Выбросят на свалку во дворе.
Или без игры в бумажном хламе
Сказочная птица пролежит.
Могут печку растопить стихами.
Но никто их чуда не лишит.

* * *

Будь монахом, я бы скрылся в келью
И творил молитвами покой.

Но стихи… они такое зелье,
Что не сдержишь пробкой никакой.
Бьёт, искрясь, таинственное чудо
Через все затворы и века.
На границе святости и смуты
Каждая рождается строка.

МАСТЕРСКАЯ ПОЭТА

Если душе не дышится,
Может дышать рука,
Если руке не пишется,
Ты помолчи пока.
Творчества круг замыкается,
Ты успевай, лови
Это безмолвное таинство
Слова, руки, любви.
Ту тишину благотворную
В сердце своём подержи,
После в строку стихотворную
Тоже молчком положи.
И отпусти на ветер,
В холод людской реки,
Как отпускают дети
Мыльные вверх пузырьки.

* * *

Поранит вдруг строка поэта —
И ты прошепчешь:
— Боже мой!
Ведь это я сказал! И это —
Как возвращение домой
Из путешествия, где ярче
Всех впечатлений отчий дым.
Удача гения маячит
В тумане светом золотым.

Она бросает семя-зависть
В азарт рабочей борозды —
И смотришь, солнечная завязь
В тебе взрастит свои плоды.

МУЗЕ

Ты одна сегодня душу греешь,
На исходе возраста и сил,
С той поры, как Александр Сергеич
Вниз на землю к нам тебя спустил.
Все мы твои дети-подголоски…
Даже злой, как африканский слон,
Над тобой трунивший Маяковский
Не коробит твой молитвослов.

МУЗЕ-РОССИИ

Пока архивные трудяги
Не занялись моей судьбой,
Я на пустом листке бумаги
Сам повинюсь перед тобой.
Каким я стал —
Спасибо Зверю
За длинные его клыки.
Я не всегда Тебе был верен
Священным таинством строки.
В душе таланту было тесно,
А бесам и страстям — простор…
Ну что ж, поэзия — не тесто,
Поэты праведные — вздор.
Когда вино играет слишком,
Добавить спирт в себя велит.
Чем фрак темней — светлей манишка
И выше пушкинский цилиндр.
Но сердце не прикроешь фраком…
Зажгу свечу в душе своей.

Тебе, измученная мраком,
Тебе, надежда тёмных дней,
Моя царевна Несмеяна.
Лишь ты в изменчивой судьбе,
Ты мне одна не изменяла.
И вздох последний мой —
Тебе.

* * *

По опушке идёшь и зелёные
Подминаешь ботинком шелка,
Наступаешь на лужицы сонные,
Разбивая ногой облака.
А стихи — стоит лишь наклониться —
Поднимают затоптанный шёлк.
…Ты всегда тяготел к лаконизму,
Лаконизм тебя поздно нашёл.

* * *

Рука улыбчивей пера…
Вот, скажем, ручка топора,
Она себе названье ищет,
Страшней насадки —
Топорище.
И для тебя на склоне лет
Перо — надёжный пистолет.
Но ручка, как ни хорохорится,
С руками лет напрасно борется.

* * *

И ночь глухая может быть ранима,
Когда ей брошен вызов из окна…
Наверное, поэтому ревниво
В мои стихи уставилась луна.

Она висит в окне, как свежий пряник.
Я для неё из общества цикад,
У лампы задержавшийся упрямец,
В июльский не вписавшийся закат.
Повисла, словно разобраться хочет:
— Гляди-ка, человеку не до сна.
О чём строчит? О чём в душе стрекочет,
Когда в земном чулане тишина?
Что ж, у луны профессия такая —
Глядеть тюремным сторожем в глазок,
Пока я шторы ночи раздвигаю
Руками строк.

БРЕД

Полмесяца июнь в ненастных всхлипах,
Всё льёт и льёт небесная вода.
Зато цветёт разросшаяся липа,
Задев собой электропровода.
Уже не раз напоминал электрик
Опасность замыкания…
Сквозь мглу
Гляжу на дождевые слёзы веток,
Всё не решаюсь взяться за пилу.
Мне липу жаль, и силы на исходе,
И сроки приближаются, когда
Замкнуться могут при любой погоде
Мои в последней вспышке провода.
Ещё листок бумаги чистый мучаю,
Рождая в нём очередной сонет,
Что не успел в душе обрезать сучья
Перед командировкой на тот свет.
— Поэт, поэт, — мне скажут, — ты в бреду, мол,
До старости вздыхаешь не о том,
Химерами живёшь, что напридумал.
— Но ведь они и есть мой вечный дом.

* * *

У поэта льды на Антарктиде
С пальмами соседствуют в мечте.
Зраком сердца он способен видеть
Ад и рай во всей их полноте.
Посетить грядущую эпоху
У себя за письменным столом.
Тайный опыт послушанья Богу
Воздаёт свободу в остальном…
Потому, когда в тоску и смуту
Вдруг впадает,
Ты ему не верь:
Он в любую грустную минуту
Может приоткрыть в блаженство дверь.

* * *

Не всё ль равно, когда своих гонцов
Владыка дней моих пошлёт мне с того света.
Я жечь привык фитиль свой с двух концов,
Такая участь русского поэта.
Работа — первый кончик фитиля,
Любовь — другой, а середина свечки —
Семья, друзья, родимая земля,
Мой дачный дом недалеко от речки.
Благодарю, Владыка, за свечу,
Что теплится пока у изголовья.
Чем я Тебе на Небе отплачу?
Тем, что и здесь, — работой и любовью.

* * *

В пожарный век, покрытый серым пеплом,
Где всё под этим пеплом гнётся вниз,
Ты не пугай дальнейшим адским пеклом,
Всем ближним и не ближним улыбнись.
Им сообщи, что и Господь улыбчив,

Что Он устал от всех людских затей,
Что не сошлёт на адские кулички
К унылым бесам
Собственных детей,
Которые, вверх дном поставив Землю,
Теперь готовы сами лечь на дно.
Безвинным не считай себя,
Приемли всё, что случится, с ними заодно.
Ты не пророк, вооруженный Сунной,
И не имам давать порокам бой.
Тем более поэт не Ангел Судный,
Ему бы поуправиться с собой…

* * *

Жизнь сил ещё не забрала, но нет охоты
В мариенбадские дела уйти, как Гёте.
Что продолжать земную бредь, смущать амалий.
Мне б до ухода протереть себя и дали.
Пусть дрожжи выпадут на дно,
а с ними — страстность.
Пусть обретёт моё вино сухую ясность.
И тру строку стиха до дыр, до сладкой дрожи.
А пир… пускай продлится пир,
Но без чумы.
О Боже!..

ПОКАЯНИЕ

Хорошего воина пули кусают,
Как правило, насмерть в житейскую рань.
Француз говорил: если тридцать гусару
И жив — значит, он несомненная дрянь.
И Пушкин, и Байрон, и Блок, и Есенин
Давно в моём возрасте стали травой.
Прости меня, муза, за годы везенья,
За то, что пишу, и за то, что живой.

ВИНО ОСЕННЕЕ

Чем возраст музы нашей строже —
Светлей бродильное вино.
Игра словами, словно дрожжи,
Садится хлопьями на дно.
Когда, тигрицей спину выгнув,
Смерть приготовилась к прыжку,
К тебе совсем иные игры
Приходят в душу и в строку.
Душа на росстанях бракует
Любую муть и всякий мрак.
Пускай потомок просмакует
Лишь высшей выдержки коньяк.
И сам захочет стать дрожжами,
И строки повторятся вновь…
Ведь для того их и рожали,
Чтоб чью-то будоражить кровь.
Но есть причудливая поросль,
Душой неведомая мне.
Ей наша боль, и страсть, и порох —
Щелчок в компьютерном окне.
Ты к пристани в крови причалил,
Под колесо эпохи лег,
Чтоб кто-то хладным примечаньем
Тебя засунул в мёртвый блог.

* * *

Ну, почитайте, ну, толково
Хоть поругайте на бегу…
Под мышку сунул век торговый
Мои стихи — и ни гу-гу.
Не столько шум поэту важен,
Как чей-то вздох, улыбка, взгляд.
Мне эти мысли руки вяжут,
А грудь — лирический разлад.

«Душа обязана трудиться
И день и ночь», — сказал пиит.
Но ей ведь надо убедиться,
Что и соседняя не спит.
Что обе в облаках витают,
Из общих родников испив…
Ах, голова моя седая,
Сама в мечтах своих не спи.
Трезвей на шее у поэта
Среди базарной тишины.
Ты вытерпеть должна и это —
Что мы эпохе не нужны.

ФЛЕЙТА

Поэзия — причудливая вотчина,
В ней странные встречаются цветы.
Играл поэт на флейте позвоночника,
А мы теперь — на флейте глухоты.
Скорее, на всеобщей оглушенности
Пытаемся унять базарный хор.
Но он рычит в своей неублаженности,
Заслышав родниковый лад стихов.
Зачем ему фиалки натуральные,
Когда в ходу цветные муляжи?
Скрипят везде котурны театральные
И вавилонских башен этажи.
Переживём.
Забудется и это,
Торговый бог себя отвергнет сам.
И позовёт людей всё та же флейта
К опасно небреженным Небесам.

СТИХИ

И чем случайней, тем вернее
Слагаются стихи навзрыд.
Б. Пастернак

Мои не пишутся навзрыд
И не случаются,
Они горят в крови, как стыд,
Как рожь, качаются.
И чтобы не пропала рожь
В России нынешней,
Они хотят упасть, как дождь,
В наш век пустыннейший.

* * *

А на уме одно —
не сдаться бы, успеть
Строкою золотой пометить лист бумажный.
О сердце, пламенеющий доспех
Тем ярче, чем враждебней копья вражьи!

ПЕРЕКЛИЧКА ПОЭТОВ

Там жили поэты, и каждый встречал
Другого надменной улыбкой.
А. Блок

Сегодня у меня желанья нет
В затвор душевный уползать улиткой
И, выползая из него на свет,
Встречать коллег заносчивой улыбкой.
Давно надменность сбита с наших лиц,
Она сегодня перешла к торговцам.
Когда же сгинет хоровод тупиц
И место обозначится под солнцем?!
Не сгинут, знаю,
Их лишь Божий суд

Сметёт, а человечий им не страшен.
Перевороты все перенесут,
Неугомонней сделаются даже.
А мы, поэты, как нас молотком
По голове ни бьёт эпоха,
Дружно
По-прежнему вздыхаем над цветком
И тучкою любуемся жемчужной.
И что тут скажешь. Блок, конечно, прав:
Метель по нам метёт напропалую,
Эпохи нас затаптывают в прах,
А мы всё верим: это Бог целует…

* * *

Так береги остаток чувства,
Храни, хоть творческую ложь
Лишь в лёгком челноке искусства
От скуки жизни уплывёшь.
А. Блок

Поэта скука жгла,
А нам куда податься?
И чем законопатить
Пробоины души?
Плывёт остаток чувств
По морю святотатства,
А творческая ложь
В обычной тонет лжи.

СОВРЕМЕННОМУ СТИХОТВОРЦУ

Ты, Есенин, сегодня попей-ка,
Побуянь… Нынче все мы тихи.
Воду пью и пою канарейкой —
Перестали платить за стихи.
Сколько бедной коровой комолой
Мне пощипывать дачный пырей,
Не ответят вожди комсомола.

Ни венков, ни рублей, ни вождей…
Мы с вождями веками не ладим
И не можем без них никуда….
Тучку белую ласково гладит
Приютившая небо вода.
Наслаждаясь закатным покоем,
На цветник опускается взгляд.
Оглушающе пахнут левкои,
Словно свечи, шафраны горят.
И какое-то странное чувство
Проливается в душу мою —
Будто скоро придётся очнуться
Исстрадавшимся людям… в раю.
На земле нашей нежной и новой
В час, когда после долгих тревог
Через нас несказанное Слово
Миру вымолвит любящий Бог.

* * *

В поэзии я уберёгся
От многих искусов её,
Страна великих парадоксов
Спасла взросление моё.
И на судьбу роптать не вправе.
Она за грешные дела,
Воздав рубцами, всё же к славе,
Хоть и негромкой, привела.
Не нужно громкой. Что с ней делать,
Коль до экрана доберусь?
На царский трон не пустит челядь,
А на вторые роли — грусть.

ОБÒЖЕНИЕ

Отнесись, читатель-прихожанин,
Как к молитве, к моему стиху.

Обо̀женье я — не обожанье,
Не дорога к смертному греху.
Если стих в душе твоей раздует
Божью искру до огня свечи,
Значит, почитал меня не всуе.
Сердцем благодарным помолчи.
Ведь не мне твоё благодаренье
За свечу и за стихотворенье.
Это Иисус тебя коснулся,
Это же Творец в тебе проснулся.

* * *

Поэт, да пребудет с тобою отвага
И волны любить, и ложиться на дно.
Душа хороша, если бродит, как брага,
Стихи же, когда полежат, —
как вино.

* * *

Ты проснулся. Дождь о подоконник
Бьёт морзянку. За окном туман.
Значит, ангел с дальней колокольни
Поменял тебе рабочий план.

Нужно написать хоть пару строчек,
Не чинить в саду гнилой забор,
Отдохнуть от прочих заморочек —
Копки грядок, сбора помидор.

И в ГУЛАГах, и в кровавых битвах
Выживали среди тяжких уз
Тайные поклонники молитвы,
Пленники непокорённых муз.

Сгинут демократии и культы,
Но не обойдутся никогда

Ни цари, ни боги, ни манкурты
Без святого таинства труда.

* * *

В туман уходит старый год, который
Принёс поэту мало новых тем.
Ты не суди, читатель, за повторы.
Спроси меня по-дружески:
— Зачем?
Зачем строку напитываю ритмом
Того, что было сказано не раз?
Но ведь стихи мои сродни молитвам
О жизни, о России и о нас.
Я пробую стихами укрепить
Надежды ускользающую нить.

ВЫСОКИЙ ШТИЛЬ

Размышления в год литературы

И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт.
А. С. Пушкин

С рождением словесности московской,
Когда язык наш, как вино, бродил,
Учебники гласят:
Тредиаковский
Высокий штиль и оды учредил.
Тем штилем Ломоносов и Державин
Блистали,
и небесный серафим
На Пушкина державный луч направил,
Тот жаждою духовной был томим.
Река родной поэзии, немало
Костров на берегах твоих зажглось,
Тяжеловесных од на них не стало.

И пусть. Но без потерь не обошлось.
Сегодня реку загоняют в русло,
Где места нет ни штилям, ни стихам.
Вино родное выродилось в сусло,
Повсюду правит долларовый хам.
Духовной жаждой вся страна томима,
Взываем к власти: дай душе вздохнуть!
Владимир Путин, арфе серафима
Верни её достоинство и Путь.

II. ЛИКИ

ГЕНИИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

ПОЭТ

Когда рука теряет силы,
А ручку ублажает стиль,
Стихам Державина Гаврилы
От смуты впору увести.
Был прямодушен, простодушен,
Горяч, любезен и востёр,
Любил поесть,
Но даже ужин
Червонной одой ввысь простёр.
Как скульптор, древний правил хаос,
Парил под солнцем налегке.
И брёл, местами спотыкаясь,
Как пьяный, в русском языке.
Нет, не ленился и не трусил
Над трудной строчкой ждать зарю.
Но мнил важней служенья музе
России службу и царю.

Ей — всю любовь,
Ему — старанье,
Обоим — правду и добро
В юстиц-делах, на поле брани…
А после всех работ — перо.
Короче, был по нашим меркам
Совсем не профессионал.
Но вот прошёл времён проверку
И даже в гении попал.

ВСПОМИНАЯ КЛАССИКА

Хаос повсюду, что ни говори.
Весенний календарь и тот в смятенье:
Конец апреля встретил нас метелью,
Как молвил классик: «врут календари».
За этой ложью по дурному следу
И в головах метельная зима.
В гробу мятётся даже Грибоедов,
Не ждал такого «горя от ума».
Наш ум планете показался груб,
Не научились люди с ней общаться.
Не ожидал многоречивый Чацкий,
Насколько прав бездушный Скалозуб.
Всё сдвинулось прогнозам вопреки,
Нам остаются считанные годы,
Когда во фрунт построит нас Природа
И высечет за наши все грехи.

ПУШКИНСКИЙ ЦИКЛ

ДВА ВЕКА С ПУШКИНЫМ

Говорят, что две тыщи девятый
Нам всё переменит,
Что поднимет Россию с колен,
Только чуть подожди.

Улыбается Пушкин,
Два века он наш современник,
Он не верит тому,
Что пророчат волхвы и вожди.
Улыбается Пушкин,
Он знает, что счастье, как пряник
Или куклу ребёнку,
Никто не положит в наш дом,
Что пока мы сердца
Не очистим от всяческой дряни,
Будем вечно ходить
Под своим или Божьим судом.
Улыбается Пушкин,
Химер не оставив для рабства
И свободу воспев
В первозданной её чистоте,
Ту, к которой мы можем
Лишь в духе и в тайне прорваться,
Потому что иной
Не бывает свободы нигде.
Улыбается Пушкин
Гармонии освобожденья,
Даже боги летят
На её ослепительный свет,
Потому что она,
Как всемирный закон тяготенья,
Управляет Вселенной,
И значит, пределов ей нет.

ВАКХИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

Я пью за Пушкина
В июньской дачной келье.
Созвучья прежние на ум приходят мне:
Что за весельем следует похмелье,
А истина по-прежнему в вине.

Я пью за Пушкина, за снисхожденье к черни,
Столетьями всё той же, то есть к нам.
За вечное рассветное свеченье,
Оно, скользит, увы, по сторонам…
Я пью за Пушкина, чтоб не свихнулся Германн
От дамы пиковой и денежных страстей,
Чтобы Онегин оставался верным
Татьяне, и России, и Звезде…
Я пью за Пушкина в канун кончины Света,
(Точнее, тьмы), за смытые грехи,
За то, что верим, как в Христа, в поэта
И, как молитвы, чтим его стихи!

ДЕНЬ ПОЭТА

Итак, Россия, вспомним наши святцы,
Что жив Поэт всей нежити назло.
Ему отныне двести и тринадцать.
Забудем это чёртово число.
Забудем независимость отпраздновать
Через неделю. Так теперь велят…
Нальём вина за все мечты прекрасные,
За устремленный в будущее взгляд
И за Него. Он в памяти пока что,
Как чудный ангел, что неповторим:
Сегодня, как и встарь, духовной жаждой
В подлунном мире мало кто томим.
Всех в этой жажде пламенной упертых
Мы издавна привыкли стричь под ноль.
«Они любить умеют только мёртвых».
Прости меня, Поэт, за эту боль.
Прости за то, что я в твой день рожденья
Ушёл в неподобающую грусть.
Бокал налит. Так выпьем за терпенье —
Его ещё не растеряла Русь!

СТАРОМУ ДРУГУ-ПОЭТУ

Тебя чарует нежная росинка,
Ты славишь мир любви и тишины,
Ты вторишь Достоевскому: слезинка
Дороже нам кровавых рек войны.
Не хочется, да и не нужно спорить,
Но если сверить с вечностью часы,
То светлая михайловская Сороть —
Подруга чернореченской грозы.
Загадки жизни — не мораль из басни,
Судьба певца — не сладкий благовест.
Он и конец приемлет, словно праздник,
Идёт без приглашения на крест.
Всё освящает подлинная лира,
Всё осветляет русская роса:
И гром войны, и тихий шелест мира,
Когда их посылают Небеса.

* * *

Налево — синий глаз балкона,
Направо — дверь в дневной содом,
Передо мной моя икона —
Чугунный Пушкин над столом.
Литьё из той ещё эпохи,
Тридцатых… Чёрный барельеф.
Тогда в стране иные боги
Царили, прежних одолев.
А наши даже не родились…
О Боже, сколько перемен!
Но мы-то, сколько ни рядились,
Мы те же, не встаём с колен.
Чугунный барельеф поэта
Зовёт к свободе тайной вдаль.
Кому нужна свобода эта?
Зачем нужна она?
А жаль!..

ЗАВЕТЫ ПУШКИНА

Стихи к выступлению на городском юбилейном собрании

Мы собрались, чтоб «наше всё» прославить,
Его двухсотдесятую зарю.
К заветам пушкинским что я могу добавить?
Я лишь заветы эти повторю.
Поэт, не поддавайся модной страсти,
Особенно храни себя от той,
Что разжигают нынешние власти,
Иконой сделав идол золотой.
Не пробуй с ними шашкою бороться,
Твоя забота — ясный свет в ночи.
Суд Божий без поэтов разберётся,
Кого рубить, кого куда влачить.
Не домогайся «букеров» и «анти»,
Не лезь в чужой ошейник, как щенок,
Когда ему на шею вяжут бантик,
Потом крепят туда же поводок.
Ну что ещё? Поверь в звезду-победу,
Пока ещё не зримую нигде.
Но не зови к ней и не проповедуй.
У каждого свои пути к звезде.

МИХАЙЛОВСКОЕ

На склоне лет и я пришил
К судьбе Божественную метку,
Понеже наконец свершил
Свой хадж в михайловскую Мекку.
Всё наяву, но как во сне:
Луга, дубровы, зелень просек.
Здесь до сих пор не выпал снег,
По-пушкински ликует осень.
Живой под елью вижу гриб,
Брожу задумчиво глазами

В мохнатых ветках старых лип.
Ловлю сосновые
Касанья.
Слежу, как ручейки бегут
Среди травы в привычной неге.
О Боже, как свободно тут,
В краю непуганых элегий!
Того гляди, из тьмы времён
На лодке Он всплывёт в Кучане,
А рядом Гейченко Семён
Пройдёт по берегу в тумане.
Навеки оба обрели
Свою здесь тайную свободу,
Два ангела родной земли
В святом служении народу.
Безмолвно ждут, когда, Россия,
И ты стряхнёшь с души засилье
Орды, что тянет нас во тьму,
К пути вернёшься своему!

САВКИНА ГОРКА

Внизу причудливая Сороть,
Вверху чудные облака.
Просторы эти опозорить
Пыталась не одна рука.
Мамаем здесь прошёл Баторий,
Броней — фашистская чума.
И мы, чужим вандалам вторя,
Сжигали барские дома.
Всё было, всё ушло в туманы,
В ручьёв теченье, в свист ветров.
И снова сосны первозданны,
И вновь над горкою Покров.
И всё, что было в мире этом,
А также будущая мгла

Нам заповеданы поэтом
Строкой:
«Печаль моя светла».

ФАНТАЗИИ НА ТЕМУ ПУШКИНСКОГО СТИХОТВОРЕНИЯ «ИЗ ПИНДЕМОНТИ»

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.

А. С. Пушкин

Тоскую по зарытой в грунт речушке
Неглинке, по зелёным берегам,
Где некогда бродил подросток Пушкин,
В ту пору не причисленный к богам.
Тогда нас всех вела по жизни бодрость,
В глазах не рубль светился, но звезда…
Дуэли останавливали подлость,
Где не держала царская узда.
Мечтаю запахнуть медвежью полость
Да тройкой в путь под песню ямщика
Или, когда плетёт интриги сволочь,
Нажать на спуск дуэльного курка!
Но не помогут грёзы о бомонде,
В цене теперь иной аристократ…
Не стану продолжать «Из Пиндемонти»
Поэтом перечисленных утрат.
Не стану поминать потоки крови,
Цензурный плен, синодик несвобод…
Ничто не беспокоит сердце, кроме
Украденных ничтожеством высот.
От Сахалина и до Петербурга
Угрюм сегодня дух родных полей.
Уставился в них хмурый сивка-бурка,
Понять не может новых королей…
Пусть скачет или пашет наш Пегас,
Плетётся даже слабой рысью,

Мне бы
Не потерять из виду наше небо
И чтобы пушкинский светильник не погас.

ОСЕННЯЯ МЕЛАНХОЛИЯ

Унылый дождь весь вечер льёт,
Безостановочный и долгий,
Навстречу Лермонтов бредёт,
Сойдя фантомом с книжной полки.
Кремнистый путь блестит во мгле
Поверх столетий и сезонов.
Всё так же трудно плыть Земле
В сиянье голубом и сонном.
И та же древняя тоска
В душе соседствует с надеждой.
И тот же ветер у виска
Проносит мимо зов нездешний.
Апрельский город сер и пуст,
Весна в туманный сумрак скрылась.
Взойди хоть ты, поэт, на клирос,
Надежду урони из уст.

СОНЕТ О ПОРУЧИКЕ

Позволила ему его дорога
Совсем не так, как грезилось, уснуть.
Успел свершить он порученье Бога —
Сияньем озарить кремнистый путь,
Толпе враждебной бросить дерзкий стих,
Облитый горечью и злостью,
Оставить миру незваную гостью —
Святую нежность строчек золотых,
Надёжно спрятать ключ к сердечной тайне,
Наперекор всеобщим стонам: «Дай мне!» —
Послать Творцу признательность свою
За все Его несметные даренья

И пронести сквозь жизнь одно стремленье —
Недолго говорить «благодарю».

* * *

Над Пятигорском гаснут звёзды,
Одна не гаснет никогда.
Я поздно начал, кончу поздно,
Как эта странная звезда.
Свой Путь покинувшая Млечный,
Когда планетам не до звёзд,
Оставшаяся незамеченной…
Но, может, не звезда, а дрозд.

ПАРАФРАЗ ИЗ ТЮТЧЕВА

России огненную стать
Отныне можно и измерить,
И сердцем, и умом понять,
И горячо в неё поверить.

* * *

Целлофан в моей печке потрескивает,
Но не может дровишки схватить.
Добрым словом Ивана Киреевского
Захотелось мне память почтить.
Говорил он: то пешими по низу,
То верхом средь трудов и речей
За Европой увёртливой гонимся.
Но всегда ль понимаем — зачем?
Тонут дали чужие и мглистые —
Не видать из-за кочек и ям.
Не пора ли получше, попристальней
Приглядеться к родимым корням?
Может, станет ясней траектория
И успешнее наши дела?

Так в деревне печная история
На киреевский след навела.

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЁВ

Оправдать ли добро,
Коль из моря уходит по лужам?
Не могу достучаться ни в окна,
Ни в дверь, ни в сердца.
Забери меня, Господи,
Если я этой жизни не нужен
Скучно жить для себя,
Но скучна и печаль мудреца.

МОЛИТВА ЛЬВА ТОЛСТОГО

Господи,
Какие святотатства
Не свершались именем Твоим!
Так трудны в миру законы Братства,
Вместо них предпочитаем грим…
Что-то в русском сердце надломилось
За века в биении простом.
Мы, Твою испрашивая милость,
Забываем отвечать трудом.
Льём Тебе без мер елейный сахар:
Ты велик, Ты выручишь в беде…
Да, велик, но Ты — великий пахарь.
Где Твои помощники в труде?
Господи!
В глухие рабьи норы
Душу не хочу опять вернуть.
Я Тебе не раб,
Но мы партнёры,
Ты — большой, я — малый,
В этом суть.

ПРИЗЫВАЕТ НАС ВРЕМЯ ПРОСТИТЬСЯ С БЕДОЙ

Сонный тигр сентября
Сунул рыжую шею
Сквозь ограду
На дачные сотки мои.
Все деревья,
В закатных лучах хорошея,
Ставят тёмные точки
Над жёлтыми «і».
Красит волосы небо
Арабскою басмой,
Красит губы кармином
Калиновый куст.
Никогда б не подумал,
Что старость прекрасна,
Если б сам не почувствовал
Осени вкус.
Вкус смирения есть
В перемене сезона,
В предвкушении долгой
И снежной зимы.
Есть надежда на выход
Из лагерной зоны,
Из пространства, что стало
Подобьем тюрьмы.
Столько пролито слёз
И напето элегий
Над обещанной миру
Грядущей бедой,
Что пора помечтать
О Серебряном веке,
Коль не можем поверить
Никак в золотой.

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК ПОЭЗИИ

Я без улыбки не могу, не скрою,
Читать стихи поэтов той поры,
Когда была поэзия игрою,
Ещё не знавшей истинной игры.
Их ранил тусклый свет аптеки рядом
Или беззубый царский манифест…
Не тронутые настоящим адом,
Они не знали, что такое крест,
Когда за слово ставили под пули
Или гноили в дальних лагерях…
Иные из поэтов тех уснули,
Младенческие песенки творя.
Но были и такие, что, споткнувшись
О новых истин каменный порог,
Сумели победить себя и ужас,
Понять, каким порой бывает Бог.
Отбросив ненадёжную манерность,
«Впав, словно в ересь», в чудо простоты,
Они несли к ногам России верность,
Живые —
Не бумажные — цветы.
Так «будь же ты вовек благословенна»,
Судьба страны, сумевшей превратить
Гонимый дух Серебряного века
В алмазную сверкающую нить.

XX ВЕК

Памяти Николая Гумилёва

Я люблю этот век
Потому, что он начат стихами,
Карнавалами масок,
Игрой коломбин и пьеро,
А ещё потому,
Что срывал эти маски штыками,

Что, не глядя на них,
Измерял наши суть и перо.
Я люблю этот век
Потому, что ласкал нас свирепо
И надежду таил
Среди самых свирепых угроз,
А ещё потому,
Что на прочность проверил в нас
Небо —
Нашу верность Ему
И связующий с Вечностью трос.
Я люблю этот век
За его чёрно-белые страсти
Потому, что размазал
По стенке все полутона,
А ещё потому,
Что любое ничтожество власти
Долго терпит, но быстро
Смывает со стенок страна.
Я люблю этот век
Потому, что в нём жизнь свою прожил
И не мог не влюбиться
В его восхитительный лик,
А ещё потому,
Что был сыном его, не прохожим,
Что родное болото
Всегда обожает кулик.

ВЕНОК

Памяти Фёдора Соллогуба

Богат на желчь, на строки скуп
В стихах был Федор Соллогуб.
Свой век он выносить не мог,
Считал, что век — калека,
Но всё-таки попал в венок
Серебряного века.

ВОСПОМИНАНИЕ О БАЛЬМОНТЕ

Я ненавижу человечество,
я от него бегу спеша…

Винили Бальмонта за эти
Слова, сорвавшиеся с уст.
Но можно ли судить в поэте
Его отчаянную грусть!
Порой и мне бежать охота
Поближе к новому жилью,
Где спит в сырой земле пехота,
Поверхность уступив жулью.
Ах, милая Россия, где бы
Найти клочок живой земли,
Откуда в праведное Небо
Взлетают души-корабли!
Но шёпот слышится суровый:
— Терпи на взлётной полосе
И душу сохрани здоровой,
Чтоб к Небу вырулили все.

СОЗВУЧИЕ

Не плачу, не жалею, не зову,
Мир уходящий всё равно вернётся,
Ты снова упадёшь в его траву,
Глотнёшь воды из милого колодца.
Но прав поэт: родная красота
В грядущей жизни поменяет лики.
Трава зазеленеет, да не та,
Мелькнут в воде совсем иные блики.
Есть в каждой нашей встрече древний зов
И тонкая печаль неузнаванья.
В нас это просыпается без слов,
Всю суть твою пронзив до основанья,
Когда, склоняясь к дорогим губам,
Почуешь жар Божественного гнева

И то, что ты — обманутый Адам,
Которого нашла в капусте Ева.
И, приходя на землю каждый раз
Из тишины, что спрятана за кадром,
Соединяешь вечный праздник глаз
С есенинским прощаньем незакатным.

* * *

Памяти Николая Островского

Мы помним всех, кто горы двигал
И небо ставил на ремонт,
А также тех, кто с вечной фигой
В кармане ждал своих времён.
Сегодня, вынувшие кукиш,
Они вцепились в пятки львов.
Герой, ты лишь одним рискуешь —
Проверкой сварки старых швов.
Всегда Россия крепла мерой
Великих, благодатных гроз.
Её ведь и с безбожной верой
К победам приводил Христос.
Святой не только сын молитвы,
У Бога вставший за плечом, —
Но кто его средь адской битвы
Умеет защитить мечом.

СЫН РОССИИ

Анну Ахматову попросили однажды дать
оценку судьбе Мандельштама.
«Идеальная для поэта», — ответила А. А.

Ему себя бы за стеклом
Хранить, как редкий экспонат.
А он, задрав свой нос, щеглом
Сгорел, порхнув в советский ад.
Воспел Элладу, римлян, Лувр,

Колхозы, неродную власть.
Нигде не сунул в лужу клюв,
Не дал стихам в злоречье пасть.
Душа сияла в нём одна,
Богов одних мы зрили в ней.
И не было двойного дна,
Как у иных его друзей.
Теперь плывёт его строка
Туда, где Свет и Благодать.
Какая честь для чужака —
Родным, российским сыном стать!

* * *

Памяти Анны Ахматовой

Стихов забытых томик древний
Среди совсем иных забот…
Встречаю с Анною Андревной,
По всем прогнозам, грозный год.
Такой же представляю вечер
В Слепнёве, шаткое крыльцо
И ледяной российский ветер,
Ей обжигающий лицо.
Как приняла бы перемены,
Что напоследок выдал век,
Неподцензурный запах тлена
От сочинительства коллег?
А вдруг, чем чёрт не шутит, завтра
В демократический туман
Вернутся снова динозавры…
Как встретит их журнальный клан?
Нам никогда не станет легче.
И, значит, выпьем за своё —
Чтоб при любом раскладе плечи
Держали крест, как у неё…
И даже, скорбно хмуря брови

В канун Великих Перемен,
Чтоб пронесли чеканный профиль,
Как и она, сквозь огнь и тлен.

ЕЛАБУГА

Памяти Марины Цветаевой

Запахло горелой соляркой,
Тиной речной и грустью,
Вздрогнув, скользнули под пальцами
Палубной клёпки лады —
И мы теплоходом по Каме
В речное плывём захолустье,
Куда река растянула
Гармошку осенней воды.
Прячут далёкий берег
Слева туманы жиденькие,
Справа по крутоярам
Синяя даль светла.
Крыши пестреют крашеные,
Чаще уныло шиферные
И простодушно ёлочные
Храмовые купола.
Наш теплоход уткнулся
В музой хранимый Китеж.
Трёх пассажиров встречает
Шумный вороний оркестр.
Что раскричались, пернатые?
Мы ведь не к вам, уймитесь!
Или вы охраняете
Её неостывший крест?
Между могилок осевших,
Где имена утрачены,
Мимо железных оградок,
Полуисточенных ржой,
Бродим, читаем, разыскиваем,
Где под травою прячется

То бесприютно-гордое,
Что было её душой.
И ничего не находим.
И от кладбищенской грамоты,
Где не летают птицы
И неуютно нам,
Мы возвращаемся к пристани,
Мы возвращаемся к памяти,
К Каме и теплоходу,
Но прежде всего —
К стихам.
И потемнеет Кама,
И звёзды в неё нападают,
Вздрагивающие искры
Чьих-то высоких сердец.
И над рекой, быть может,
Женский, глухой, неразгаданный
Голос над Камой услышу я,
Что запоёт наконец.

ГЕНЕРАЛ

Памяти Андрея Платонова

Его тогда почти простили,
В эпоху грима и свинца.
И даже к «Герцену» пустили
Не дальше барского крыльца.
Худой, спокойный неизменно
Стоял на том крыльце с утра
Весь в генеральских позументах,
А мимо — важно юнкера…

М. Б.

Памяти Михаила Булгакова

В каждом веке одно и то же:
Время бьёт по рукам, по ногам.

Мы взываем: — Дай крылья, о Боже,
Воспарить к безмятежным богам!
Невдомёк нам, что бродят веками
По коврам низкорослой травы,
Между нами они, великаны,
Среди них отдышавшийся вы.
Может быть, народились вы снова,
И сверкает ваш рыцарский щит,
Защищая то самое Слово,
Что не мокнет и не горит.
Как живого вас вижу и чувствую:
Смех, безденежье, слёзы, монокль,
Тех же карликов злое присутствие,
Суету их у ваших ног.
Добрый день, Михаил Афанасьевич!
Рядом с вами и я горжусь,
Что судьба не свалила навзничь.
Вы держались, и я держусь!

БОРИС ПАСТЕРНАК

Я в нём ещё подростком полюбил
Особицу лирического брасса
И то, как из взбалмученных глубин
Он к простоте неслыханной добрался.
Над странной тишиной его стола
Вождя висела грамота охранная.
Потом была всеобщая хула
На них двоих — поэта и тирана.
Он избегал шумихи всех эпох,
Всех направлений, партий и позиций…
И наконец, ему позволил Бог
В желанное забвенье погрузиться.
Теперь он русской вечностью храним,
Как и мечтал. Продлим его сиротство
И преклоним колени перед ним

За редкую удачу донкихотства.

* * *

Поэт просил не заводить архива —
Пустая трата сил на борозде.
Но ведь архив, как пятка у Ахилла,
Сопровождает в жизни нас везде.
Всё пишет Книга жизни молчаливо,
Твой вдох и выдох, каждый тайный жест.
Дно самого глубокого пролива
Нащупает Харона длинный шест.
И рукопись не спрячешь в сумму знаков,
Трясись над нею или в печке жги —
Ответ на грех повсюду одинаков…
Я не пытаюсь спорить с Пастернаком —
Я собственные меряю шаги.

ПОПЫТКА УТОЧНИТЬ КЛАССИКА

Когда душа строку диктует,
Уже не властвует судьба,
Попутный ветер в спину дует
Освобождённого раба.
Его крылатая галера
Пронзает волны на бегу.
Судьба и почва, Бог и вера —
Всё это ждёт на берегу…

ПАМЯТИ СЕМЁНА ГУДЗЕНКО

Спирт зимой вливая в сок томатный,
Чтобы кровь горела, но не жгла,
Музу выручали лейтенанты
Из-под Сталинграда и Орла.

Справились с лирической работой,
Как и с главной, твёрдою рукой.

В двадцать лет командовали ротой,
В двадцать пять —
Уверенной строкой.

Нынче мы уверенность и силы
Не находим даже к сорока.
Но нужна, ох как нужна России
В пламени рождённая строка!

Распахнёт ли новый век нам двери
Без окопов, спирта и войны.
Сможем ли принять его,
поверить
В новое рождение?
Должны!

ЗЕМЛЯ ШУКШИНА

В берёзах беспокойно кружит
Гармошки хриплый говорок,
Усталый трактор степь утюжит,
И вьётся серый прах дорог.
Земля родимая, ответь мне,
Зачем, не ведая вины,
Не заживаются на свете
Твои любимые сыны?
Упал, ушёл в траву с размаху,
И половины не скосив,
Большое сердце, как рубаху,
До дыр последних износив.
Гармошка захлебнулась глухо,
А ты, подняв дорожный дым,
Становишься для мёртвых пухом
И всё суровее к живым.

НА ШУКШИНСКИХ ЧТЕНИЯХ 2006

Бьются волны Катуни о берег,
Бьются капли дождя о металл.
Он сидит на пригорке, не веря,
Что уже металлическим стал.
Он привык до рассвета трудиться,
А не бронзой блестеть на виду,
И сидит, невесёлая птица,
Руки-крылья сложив на ветру.
Что он хочет поведать истокам
И они его сердцу — о чём?
Что рассветную правду Востока
От закатного Запада ждём?
Он ведь жил и работал в надежде
Нас поднять из кровавой грязи.
И теперь напряженно, как прежде,
Озирает пространства Руси.
Кто его вспоминает, как сказку,
Кто зевнёт сквозь дремотный оскал.
— Как же, знал загулявшего Ваську,
Нет плетня, под которым не спал!
Да, болел, чем больна и Россия.
Но пахал её поле за всех
И в зените своём пересилил
Наш хмельной затянувшийся грех.
Ну а мы ещё маемся, вздорим,
Призываем торговый рассвет…
Он сидит на бессменном дозоре
Одинокий казачий пикет.

РОДНАЯ ПЕСНЯ

Памяти Николая Рубцова

У русской песни, чем она нежней,
Берёт за грудь своим прикосновеньем,
Чем музыка пленительнее в ней,

Тем звуки и слова обыкновенней.
К ним равнодушен искушённый взгляд,
Рассудок их не понимает гордый.
От песни той пронзительно болят
Лишь наших душ таинственные корни.
Болят, но как-то сладко и легко,
И светлые в глазах рождают слёзы.
И слышится та песня далеко,
Стоит ли тишина, гремят ли грозы.
И чем она печальней, тем нужней.
И кто-то править в ней слова пытается.
Но зазвенит — и пропадает в ней
Всё, что под ноги песне попадается.

АЛЕКСЕЮ РЕШЕТОВУ* ВДОГОНКУ

Я тоже лирой запоздалой
Зажечь пытаюсь в людях веру
И грудью защищаю впалой
Тысячелетние химеры.
Я тоже малым детям властным
Бельмо в глазу и шут потешный,
Предпочитаю их соблазнам
Свои далёкие надежды.
Мне тоже розовые дали
Порою снятся в дачной келье,
Как выручал добытый калий
Тебя в уральском подземелье.
А, в общем, разделяет нас
Уже совсем недолгий час,
Когда и я в одно мгновенье
В обычное впаду забвенье.

* *Алексей Решетов* (1937–2002) — незаслуженно забытый выдающийся российский поэт. Малая берёзниковская энциклопедия называла его лучшим лирическим поэтом России. Поэт добывал свой хлеб, работая на Уралкалии.

ПАМЯТИ ВАДИМА КОЖИНОВА

Когда страну повергли в шок
Ночные злые призраки,
Он сам себя во тьме поджёг
Со всех сторон и изнутри.
Он бился, одинокий лев,
С толпой чертей в полемике
За Русский Путь, что сдали в плен
Торговцам академики.
Светил он страждущей стране
Из наших древних далей
И сам сгорел в своём огне,
Не проиграв баталий.
Теперь сияет в небесах
Звездою путеводной.
Да не затмится ни в глазах,
Ни в памяти народной!

* * *

Памяти Юрия Кузнецова

Из ясных струн,
Из звонких строчек
Забрезжит в сердце
Смутный лик.
Он прояснится только ночью,
В самосожженья звёздный миг.
Он вырастает в лёгких бликах,
Он жжёт,
Он манит,
Он томит.
И нет ни малых, ни великих
В самосожженья звёздный миг.
Такая боль и камень ранит,
Но дачный воздух вязко тих,
Когда в него,

Как в глину, грянет
Самосожженья звёздный миг.
Глухой,
Кремнево-неутешный
Молитву высекает стих:
Да не погаснет луч надежды
В самосожженья звёздный миг!

СОЛДАТ ИМПЕРИИ

Александру Проханову

Он возвратился в серую тоску
Из буйных стран, от пламенных намазов
В торгово-либеральную Москву —
Надевший тело
Дмитрий Карамазов.
Но это имя — только часть его,
Другая часть — евангельский Алеша
И Муромца лихое естество…
И мало ли на что ещё похож он:
На переплёт библейский, например,
На писанные золотом страницы,
На саблю, на армейский бэтээр,
Родные охраняющий границы.
Ему не в масть предел любой тропы,
Не по душе дышать вчерашней пылью.
Чужды и те упертые попы,
Что до сих пор воюют с красной былью.
На дележе щедрот он не у дел,
Крест не сдаёт ни толпам, ни иудам.
Он свято верит в Божий Беспредел,
Который называет русским чудом.
Всё сказанное — тоже только грань,
Словесный срез, которому не больно.
Он страсти кровоточащий экран,
Он Человек. Заглавной Че — довольно.

Весь в думах, чьим узлом, каким мостом
Соединить навеки и сосватать
Открытый всем ветрам родной простор
И нашу еретическую святость.

ЧТО ОН УСПЕЛ

Памяти Валентина Распутина

Что он успел в своей эпохе зыбкой?
На правде не споткнуться никогда.
Печаль под редкой сохранить улыбкой.
Не перейти черту меж «нет» и «да».
«Да» — Сергию и «нет» — Мамаевой орде,
А посреди — упрямая Непрядва.
Русь никогда не победит неправда,
В любой победе и в любой беде.
Успел соблазны жизни встретить стоя,
Отринуть перестроечную бредь,
За подвиг получить Звезду Героя,
Но на пиджак ни разу не надеть.
При всех режимах не поддаться лжи,
Не клюнуть на кусок чужого сыра,
России и Сибири послужить,
Как сердцевине будущего мира.
И наконец, когда пришла пора
Смириться с остановкою мотора,
Успел сказать Москве: «Прощай, Матера!»,
Шепнуть Иркутску: «Здравствуй, Ангара».

МАМОНТЫ

Станиславу Куняеву

Мы не в ладах с азами новой грамоты —
Рвать отовсюду для себя куски.
Мы — в небо отбывающие мамонты
Без радости, но также без тоски.

О чём грустить? Что водки много пили мы,
Что крест планеты на себе несли?
Что в будущее путь торили бивнями
И снова оказались на мели?
Законы хлева не для бивней пишутся,
Базарный хлам мы предаём огню.
Мы оставляем нынешние пиршества
Гиенам и чумному воронью.
В ладу мы лишь с просторами зелёными,
Которые Небесный Царь взрастил.
Мы веку благодарны, что солёными
Купелями нас с детства окрестил.
Живём по нравам родового имени —
За Родину на бой и на костёр…
Мы мамонты, но мы ещё не вымерли.
А вымрем — так травою прорастём!

ПСАЛОМЩИК

*Памяти Николая Шипилова**

Кирпич провинциального журнала.
Обложка — золотые купола.
Внутри стихи о боли после бала**,
Той самой, что его оберегла

От зыбких истин и улыбок щучьих.
Он мне напоминал улыбкой Че.
Ещё в нём жил бездомный облик чукчи
С гитарой, как ярангой, на плече.

Такого не уложишь на полати,
Такой патроном ляжет в автомат.
Мы с ним сошлись,
По-русски не поладили…

* Прозаик, поэт, автор исполнитель (1945–2011).
** Слова известной песни Н. Шипилова «После бала».

И, каюсь, я один был виноват,
Что за его улыбкой синеокой
Не разглядел печального огня,
Не оценил души его высокой
В балах-загулах дома у меня.

О звон гитары, песни-ворожеи,
Они поныне душу бередят!
Но слов из них не выкинешь — мне шею
Натёр хомут его друзей-бродяг.

Расстались мы. В столицу он уехал.
Прославился. И точка бы на том,
Когда б в Сибирь не докатилось эхо,
Что он погиб в боях за Белый дом.

Однако оказался не последним
В его судьбе тот сумасшедший бал…
Святой Руси несломленный наследник
В псаломщики небесные попал.

Теперь, покинув наше бездорожье,
Оттуда служит будущей Руси:
— Да снизойдёт на землю Слава Божья
И утвердится яко в Небеси!

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВЕСНЫ

*Петру Морякову**

И снова Обь весною принимает
Фанатов-рыбаков на слабый лёд,
Оттуда ежегодно их снимает
С осколков льдин
Патрульный вертолёт.

---

* *Пётр Фаддеевич Моряков* — (1914–2018) старейший поэт Сибири России, ушедший из жизни на 105 году жизни. До конца своих дней писал стихи о любви.

Так и поэт на льдине жизни хрупкой
Плывёт по вечно молодой реке,
Становится в ней рыбой или шлюпкой,
Трепещет на лирическом крючке.

В скупой на чувства сдержанной Сибири
Как старого поэта не простить?
Он словно ёрш, колючки растопыря,
Никак не может музу отпустить.

Его упрямо в сторону относит
От берега влюблённых и повес.
А он с весною перепутал осень,
Где не поможет служба МЧС.

СОВЕТСКОЕ СЛОВО

А в походной сумке спички да табак,
Тихонов, Сельвинский, Пастернак.

Э. *Багрицкий*

Двух первых задвинула библиотека
Из сумки походной в глубокий архив.
Но третий шагнул из двадцатого века
В сегодня,
Тяжёлые двери раскрыв.
И я бы столетья советского Слова
Сложил бы в суму переметную так:
Пусть будут сначала стихи Гумилева,
Есенин за ним и потом Пастернак.
Таким представляю синодик вначале,
Когда распоясалась русская страсть,
В ней ясность и смута, восторг и печали,
И первую тройку прикончила власть.
Я тройку вторую увидел такою:
Твардовский и Шолохов, третий — Рубцов.

Их мучила ложь, не давала покоя,
Ушли, ей не сдавшись, в конце-то концов.
Из трёх заключительных два ещё живы:
Проханов с Куняевым,
Кожинов там,
Где Русское Слово не может быть лживым
И место назначено только богам.

ТВОРЦЫ ИСКУССТВА

* * *

Как будто сам Творец, играя,
Припал к серебряной струне —
Звенит, звенит сороковая
И резонирует во мне.
О Моцарт!
Неизменно верный
Своей земле, я до земли
Склоняюсь перед вечной Веной,
Где твой цветок взрастить смогли.

ВОСПОМИНАНИЕ О МОЦАРТЕ

Словно райская птица
Над хлябями нашего ада,
Он на миг промелькнул,
На три века нас заворожив.
Промелькнул над планетой
Не слишком понятной наградой
Или знаком, что Бог
И в аду нашем всё-таки жив.
До конца не вникая
В биение этого сердца,
Мы платили отравой
За дивные песни его.

Он писал по заказам,
Безденежье — лучшее средство
Удержать ненадолго
В тенетах земных божество.

ПАМЯТИ ШУБЕРТА

Об истории сочинения великим композитором «Аве Мария» существует легенда, что молодой Франц Шуберт, приглашённый князем Эстерхази обучать музыке его дочь, влюбился в свою ученицу. Ответила чувству Шуберта и девушка-аристократка. Композитор обратился к князю, прося руки дочери. Но родство богатейшей венгерской фамилии с бедным музыкантом было для князя невозможно, Шуберту отказали. Свою дочь Эстерхази спешно выдал за какого-то офицера, а «возмутителя спокойствия» в отместку за «превышение полномочий» пригласил на свадьбу дочери. И попросил её сыграть на свадебном пиршестве одно из сочинений бывшего учителя музыки. Сыграть для всех и в особенности для него... Возвратившийся домой со свадьбы композитор сел за рояль и создал одно из величайших вокальных сочинений XIX в., которое вместе с тем является своеобразным прощальным письмом возлюбленной.

Когда играет ваша скрипка,
Я вновь на солнечной волне,
А ваша милая улыбка
Иную страсть зажгла во мне.
Конечно, только сердце знает,
Как мучит прерванный полёт,
И пусть лишь розовыми снами
Отныне страсть моя плывёт.
Вино уже не выбьет пробку,
Не вспенится моя мечта…
Но дайте мне хоть в мыслях робко
К вам прикоснуться иногда.
Впадая в творческую кому,
Я напоследок так скажу:
Принадлежите вы другому,
А я любви принадлежу.

И это только разговоры,
Что наш союз ушёл в мираж.
Горит свечою восковою
Передо мною образ ваш.
О вас подумаю — светлею,
Припомню всё — темнеет взор…
И знайте: в каждой ноте тлеет
Ваш несравненный фа минор.

ШОПЕН

Усталому пошли, о правый Боже,
Пошли ему спасительницу-ночь.
И ненадолго перед тем сиделкой Польшу —
Прощальным врачеванием помочь.
Там ждут его.
Скорбит в тумане Висла.
А здесь, в Париже, носик морщит кисло
Чужая и здоровая она,
К сухим глазам прижав клочок батиста.
И упрекнуть грешно её, и смысла
В том нет.
И духота. И ночь без сна.
Та-та-та-там!
В окошко дождь стучится.
Дрожит земля в раскатах грозовых.
Крыло рояля чёрное нависло.
Судьбой давно сосчитаны все числа.
Но сердце, как всегда, сияет чисто
В серебряных доспехах Красоты.

ГРИГ

Из хаоса шумного
Тихая, странная,
Мелодия встала не телеэкранная.
Оформился чётко и в сердце проник

Чужой обречённому времени Григ.
Славянской душе не по сказкам знакомы
Коварные тролли, наивные гномы,
И так же, как Сольвейг, задумалась Русь,
Когда отряхнёт наваждения грусть.
Во всём, что случилось, нам не разобраться,
Пока не вернётся всемирное Братство,
Пока не разгадана сердцем интрига
Сервантеса, Пушкина, Моцарта, Грига,
Союза Земли и Небесных высот,
Который нас всех наконец-то спасёт.

БРАМС

— Aimez vous Bramse? — француженка спросила.
— Люблю, — ей отвечаю, азиат.
И верю, что таких мелодий сила
Нам не позволит опуститься в ад.
Закат цивилизации раздвоен
На море тьмы и редкие огни.
Приходится вести разведку боем
Среди необозримой толкотни.
Искать следы живых опорных точек
Поверх локтей, прилавков и машин.
И вот он в небе, метеорный прочерк,
Ушедший гений душу тормошит
Раскатом труб в ночи, где еле слышный
Свирели звон в рассветном янтаре.
О Боже! Так ведь это сам Всевышний
Нам возвещает об иной заре…
Да, я люблю, люблю до боли Брамса.
Спасаюсь на сегодняшнем кресте
Хрустальными мелодиями братства
Всех состоящих с Музыкой в родстве!

К АВТОПОРТРЕТУ ВИНСЕНТА ВАН ГОГА

Шляпу бы ему, на шею бабочку…
Но Винсент на голову надел
Малахай и марлевую тряпочку.
Так в своё грядущее взлетел.
Всюду вытворяют принцы духа
Что-нибудь, пока душа жива,
Не жалеют собственного уха,
Чтобы бросить вызов буржуа.
Сытым же котам того и надо,
Им подобный вызов — барыши.
Долго ли продлится праздник ада
На останках творческой души?!
Слёзы прочь! В трудах себя сжигая,
На судьбу не жалуйся, поэт.
Для тебя не существует рая
И страданий адских тоже нет.
Ты везде, где ангелы и боги
Правят неотложные дела.
Ну а барыши, так это крохи
Для лакеев с барского стола.

ПЛАСТИНКА

Голоса с подголосками стихли,
Унеслись за окно, отзвенев.
Отыграл с незнакомой пластинки
Однозвучный старинный распев.
А во взглядах не тают, не тонут
Серебрённая временем грусть,
Безбородые иноки в тёмном,
Белогрудая певчая Русь.
Да, сгибались холопские выи,
Да, сплетались и ложь, и ленца…
Но ведь были же слёзы святые
И стучащие в небо сердца

Не в молитвах корыстных и вязких,
Но в заботах о русской душе.
Отыграл на пластинке Бортнянский,
Вот и дышится легче уже.

НОВЫЙ ГОД В АБРАМЦЕВО

Добрался шумный праздник и сюда,
Где ели по сугробам прячут ноги
И бродят между ними без следа
Надземные абрамцевские боги.
Творец не может отпустить творцов
Ни в райский сад, ни в мир подземных теней.
Аксаков, Гоголь, Врубель, Васнецов
Скитаются среди родных метелей.
И здесь же рвут петарды тишину,
И боги в лес с аллей уходят узких,
И застят одинокую луну
Густые фейерверки новорусских.
О Родина, спаси и охрани
Хотя бы сны об уходящей силе!
Не дай толпе зарвавшейся дворни
Смутить покои царственной России.
Нам без неё не выжить никогда,
Не выбраться на верные дороги.
В сугробах синих бродят без следа
Надземные абрамцевские боги.

ЗАВЕЩАНИЕ

Нерушимости Родины веря,
В пору мутной российской возни*
Отправлялся в бессмертие Рерих,
То есть самый последний из них.
Те, кто были с ним рядом, спросили:

* Святослав Рерих умер в 1993 г., за несколько месяцев до расстрела Белого дома.

— Вы уходите… Как же без вас?..
Что случится с несчастной Россией
В роковой ей назначенный час?
— Вы не ей, вы себе пожелайте, —
Он ответил, — тревожных забот.
Русь поднимется к солнцу, как лайнер.
Вы успейте подняться на борт!

* * *

Мне Брамса сыграют,
Я вздрогну и сдамся.
Б. Пастернак

Везде настигают гремучие ритмы,
Душа отвыкает от тихой молитвы.
Рекламы гремит оглушительный гром.
Зачем мы родились? Куда мы идём?
Возможно, затем, чтобы сесть в этом зале,
Куда меня с Брамсом на встречу позвали.
Где тихо Чайковский вздыхает во сне,
Где вздохи его отдаются во мне.

СЛУШАЯ РАХМАНИНОВА

Страна в сраженьях напрягала нервы
За общую судьбу и за мою…
А я, мальчишка, в страшном сорок первом
Блаженствовал в саратовском раю.
Такое в жизни приключилось сальто —
Забросила война в степной простор.
Дитя каре кирпичных и асфальта,
Что знал я о России до тех пор?
…Над головой распахнутое небо,
У ног босых звенящий коростель.
Осенними цветами пела немо
В душе моей невспаханная степь.
Впервые сердце ощутило эту

Щемящую, до слёз родную дрожь,
Совсем как у Рахманинова флейту
В раскатах труб, когда её не ждёшь.
Второй концерт. Овраги и пригорки,
Цветочные костры, войны пожар…
А он в ту пору в каменном Нью-Йорке
За фортепьяно Родиной дышал.

* * *

Памяти Лидии Руслановой

От дискозвучия незваного,
От чувств холодных и пустых
Уводит Лидия Русланова
На тёплый остров гор златых.
Ах, горы звонкие и чистые!
Не сдайтесь телом и душой.
Прошу вас, выстойте и выставьте
С родимых склонов сор чужой.

* * *

Памяти Верико Анджапаридзе

В полированном ящике старом
Средь таких же словес и гримас
Мне приснилась царица Тамара,
Я увидел прекрасную вас.
И хотя на дворе у вас вечер,
В тенях прошлого пасмури нет.
Дай-то Бог не задуть наши свечи
На ристалищах ранних побед…
Пиросмани бы видеть хотелось
С вами рядом, наполнить стакан
За серебряных чувств неподдельность,
За достоинства тонкий чекан.
Что вам славы неверные блики?
Вы себя выносили на суд
Теней строгих, надёжных, великих,

Что над вами по жизни плывут.
Я совсем вас не знаю,
Не скрою,
И одно лишь осмелюсь сказать:
Что не могут поступки и роли
Быть иными,
Чем ваши глаза.

ЕГО ПОЛЁТ

Памяти Георгия Свиридова

Нам такой судьбе лишь позавидовать.
О неё свою бы заточить.
Славный дух Георгия Свиридова
С Родиной уже не разлучить.
Чудный вальс из классики не вычеркнуть
И романса не расплавить медь.
Даже кадрам «Времени» привычного
Без его аккордов не звенеть.
Он любил природные капризы,
Пушкина, Есенина, весну,
Не любил чертей и антрепризу,
Так он звал крысиную возню.
Потому на грудь не принял орден
От расстриги, влезшего на трон.
Стал, понятно, власти неугоден
И не мил торговцам всех времён.
На святых высотах мира Горнего,
Где сегодня дух его живёт,
Да продлится в вечности Георгия
Красотой наполненный полёт!

ВОСПОМИНАНИЕ О ПЕВЦЕ

Памяти Александра Вертинского

Я в юности его однажды слушал
И горько каюсь, что не принимал

Ни голоса, смутившего мне душу,
Ни жестов рук, когда он их ломал,
Как мне казалось, томно, по-кошачьи.
Иной эпохи маленький зверёк,
Я вырос под рукою не дрожащей,
Что нас вела по лучшей из дорог.
А юнкера, мадам и негр лиловый,
Цветы ей подающий и манто,
В дороге этой, строгой и суровой,
Смотрелись как презренное не то.
Я позже разглядел в игре манерной
Отважного пророка на коне
С мечом в руке.
И этот меч фанерный,
На вид смешной, ненужный, невоенный,
Сердечность отвоевывал стране.
Да так, что страшный вождь в расстрельном списке,
Встречая отрицание своё,
Вычеркивал фамилию «Вертинский»:
— Пускай старик, как хочет, допоёт.

НА КОНЦЕРТЕ

Памяти Дмитрия Покровского

Что за тайна нам душу туманит?
Юной страстью давно откипев,
Нас по-прежнему манит и мает
Старомодный цыганский напев.
Басан, басан, басана,
Басаната, басаната…
И тоскуем мы, и плачем, и хмелеем без вина.
Бьют чечётку и руки, и ноги.
Ах, звени же, гитара, звени!
Наши строгие русские боги,
Улыбаются даже они.
Чибиряк, чибиряк, чибиряшечка!
Раз — колом, два — соколом,

А три — мелкой пташечкой…
Да, цыганские чёрные очи
В наших синих славянских глазах,
Расплескавшись,
Нам табор пророчат.
Но не в поле —
В ночных небесах.
И тоска нас великая мает
За стенами забот и квартир,
Если сердце окно открывает
В тот рассудку неведомый мир,
По которому мы плачем
И с вином, и без вина.
Басан, басан, басана,
Басаната…

ПАМЯТИ ПЕВЦА ВАЛЕРИЯ АГАФОНОВА

Без слёз, без материнских стонов,
Без некрологов и речей
Ушёл Валерий Агафонов,
Ушёл как бог, почти ничей.

Ушёл к другим богам забытым,
Загубленный российским бытом,
И недостатком наших сил
Свет разглядеть среди «светил».

Не привыкать нам к укоризне
Больниц, безденежья, креста…
К тому, что свято место в жизни
Вновь занимает пустота.

Чем жар сильней, тем гуще пепел.
Одной звездою больше в небе,
Одной свечой темней у нас…
В который раз.

АВТОРУ «ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СИМФОНИИ»

Академику педагогических наук
Шалве Амонашвили

«Поэт поэту есть кунак» —
Есенин выразился так,
Сбежав от милицейских глаз
И от трактиров
На Кавказ.
А с вами, солнечный Шалва,
Нас познакомила Москва.
Я там, среди унылых туч,
Почуял вдруг грузинский луч
От ваших глаз,
От кубка,
Книг,
Хотя в «Поэму» позже вник.
Да,
На меня Амоном-Ра*
От вас повеяло вчера,
Когда за дружеским столом
Мы вспоминали о былом.
О том былом, где вы и я
Считались как одна семья.
Вы в педагогике Орфей.
Так спойте песню для детей
О том, как Грузия и Русь
Забудут нынешнюю грусть.

БУДУЩЕМУ ХУДОЖНИКУ РОССИИ

Лиловый и синий, лиловый и синий —
Мучительный, радостный, вечный полёт,
Огонь, огибающий камни пустыни,
Цветок, пробивающий тину болот.
Страдая и веря, стремясь и надеясь

* Название книги Ш. Амонашвили

На крылья и небо,
Высокая песнь
Звенит и звенит, и зовёт в Беспредельность,
Зовёт в Беспредельность и присно, и днесь.
Сквозь тину и камни, по душам-уродцам,
Сквозь ясность восходов, чернила ночей
Прольётся, прольётся, прольётся, прольётся
К святому колодцу российский ручей.
Лиловый и синий, лиловый и синий,
Не сгиньте, не сгиньте в просторах России!

ОБ ОРКЕСТРЕ ГЕРГИЕВА

В дикости прифронтовой привычной,
Над которой восстановлен крест,
На останках прелести античной
Разместился питерский оркестр.
Музыканты северных эмоций
Стали здесь на временный причал.
Нежно зазвенел в пустыне Моцарт,
И Свиридов мощно зазвучал.
В южную нерусскую Пальмиру*
Донеслась торжественная весть,
Что молитва «Господи, помилуй»
Действует и Бог на свете есть.
Среди мрачных, бесконечных стычек
Свет возник по воле русских спичек.

* Этим словом образно называли дореволюционный Санкт-Петербург. Ныне — уничтоженный город Сирии.

III. МЫ ПОЁМ

ФОЛЬКЛОРНЫЙ АНСАМБЛЬ

Сложив на животе неловко руки,
Похожие на крышки погребов,
Поют на сцене русские старухи
Про ямщика, про Волгу, про любовь.
Плывут, плывут раздольные печали,
Грудная хрипотца далёких дней,
Когда они солдатками кричали
На ездовых бурёнок, на коней,
С которыми делили хлеб и ношу,
На трактор, ставший в поле, хоть реви,
На нас, что лебедой росли, и всё же
Не обойдённых в ласке и любви.
Они порой совсем теряли силы,
Когда в годину чёрную свою
По мужикам убитым голосили.
И вот теперь, вы слышите, поют!
Поют, пройдя всех преисподних круги,
Поют всем сердцем, сердце веселя.
Поют на сцене русские старухи,
Двужильные, как русская земля!

ГАРМОНЬ

Памяти Геннадия Заволокина

Поёт гармонь легко и простодушно,
Поёт взахлёб и в непогодь, и в синь.
Ей ничего доказывать не нужно
И нечего по-нищенски просить.
Она прошла жестокую проверку,
Влагает суть в немногие лады.
Играй, как хочешь, только не коверкай

Оставленные предками следы.
За временем не бегай слишком шустро,
Храни в мехах первоначальный жар.
Не бойся новомодного «искусства»,
Что может запереть тебя в футляр.
Не спрятать душу русскую в багажник,
Сама к ладам потянется ладонь.
И Русь не сгинет, солнце не погаснет,
Пока хоть где-то слышится гармонь.

МЫ ПОЁМ

Мы поём в эпоху, что смеётся
Над любым желаньем жить всерьёз.
Мы поём, а значит, сердце бьётся
Без вражды, отчаянья и слёз.
Кто виной, что кровью и железом
Русская начертана судьба?
Если в бой с Христом вступает цезарь,
Побеждает всё равно толпа.
Мы — толпа, пока ещё слепая,
Собственная суть не по глазам…
Вещи к оболочке пригребая,
Не пускаем душу к Небесам.
Потому и делаемся злее,
Вызывая за бедой беду.
Но поём, а значит, мы взрослеем,
Значит, без Небес невмоготу.
И, уже не ожидая чуда,
Что сама собою сгинет тьма,
Мы поём среди болот и блуда,
Значит, не совсем сошли с ума.
Мы поём, не боги, не мессии —
Искры неостывшего тепла.
Мы поём, и, стало быть, Россия
До сих пор ещё не умерла.

ПЕСНЬ

И слов-то нет,
А те, что есть, простые,
Как к солнцу потянувшаяся мгла.
Ну сколько можно петь нам
Про Россию,
Про степь да степь и прочие дела?
Лучина догорает, ветер воет…
А ты представь светло и горячо
Два метра глины вдруг над головою
Да степь, да степь, да небо,
Да ещё…

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА КОНЦЕРТЕ АНСАМБЛЯ «КАЗАЧИЙ КРУГЪ»

Казачий круг. Умчавшиеся годы.
Труды на поле, вешняя заря.
И славные военные походы
За веру, за Россию, за царя.
Царя не стало, вера покачнулась,
Россия ослабела на глазах,
Порой мы даже думаем: согнулась.
Но не согнулся, жив ещё казак.
Он помнит веру, помнит Русь святую.
Он знает: никогда не дремлет враг.
Поёт казак и шашкой джигитует,
Без шашки казаку нельзя никак.
Что нам привычней — песня или шашка?
Пусть обе в русской памяти звенят.
С весёлой песней умирать не страшно,
А с шашкой — жить, храня певучий лад.

РУССКИЙ РОМАНС

Умолк романс на ноте звёздно-синей,
Сгустилась ночь над дремлющей страной.

Родной простор, цыганщина, Россия!
Кочевье в неизвестность под луной.
Нам ведома уступчивая святость,
А также непреклонные штыки.
Но, что скрывать, беспечность, вороватость,
Чужие нравы тоже нам с руки…
Лежать в канаве вольно и случайно
За многие века пришлось не раз.
Что к этому добавить можно? Тайну,
Что неизменно поднимала нас.

НОВОГОДНИЙ ВАЛЬС «КОСТРОМА»

Голубая зима,
Вся в снегу Кострома,
Подо льдом задремавшая Волга.
Я никак не пойму,
Почему в Кострому
Путь-дорогу отыскивал долго.
На высоком холме
Мне бы жить в Костроме,
В звонах древнего русского эха,
Видеть солнце вдали,
Наши корни в пыли,
Слушать всплески далёкого смеха.
Кострома, Кострома,
Вековые дома,
Белоснежная храмов известка.
Даже дом-каланча
Здесь горит, как свеча
Из пчелиного жёлтого воска.
Бьётся в сердце страны
Светлый дух Костромы.
И лесов берендеево царство,
И раздолье полей,
И гнездовье царей

Лечат душу волшебным лекарством.
Голубая зима,
Вся в снегу Кострома.
Ель сияет в огнях и в раскраске…
Серебристая пыль,
Незабвенная быль…
До свидания, город из сказки!

ВАЛЬС «ВЕРНИСЬ В КАШИН»

Город Кашин окружает речка Кашинка.
Речная петля имеет вид сердца.
(Из путеводителя)

Вальсом прославились
Вена, Дунай и Париж.
Я познакомился
С русским заснеженным нашим
Городом-сердцем
С негромким названием Кашин,
Городом храмов высоких
И низеньких крыш.

Припев:

Кружится, кружится, кружится
Кашинка-речка,
Чертит весной в камышах
Голубое сердечко.
Снежной зимою
Оно ледяным застывает колечком.
И вот такой получается кашинский вальс.

Летом кувшинки
На плёсах речных расцветут,
На берегу
Обозначится стёжка-дорожка.

Чьи-нибудь руки
Раздвинут камыш осторожно
И для любимой
Венок из кувшинок сплетут.

Припев:

Кружится, кружится, кружится
Кашинка-речка,
Чертит весной в камышах
Голубое сердечко.
Снежной зимою
Оно ледяным застывает колечком.
И вот такой получается кашинский вальс.

Кто-то свой век
В этом древнем краю проживёт.
Я ж ненадолго
В заснеженный Кашин приехал
И увожу
Вместе с вальсом негромкое эхо
Города-сердца,
Который вернуться зовёт.

Припев:

Кружится, кружится, кружится
Кашинка-речка,
Чертит весной в камышах
Голубое сердечко.
Снежной зимою
Оно ледяным застывает колечком.
И вот такой получается кашинский вальс.
И вот такой получается кашинский вальс.

IV. УКРАИНА, ДОНБАСС, КРЫМ (2004–2020)

СВИДАНИЕ С КИЕВОМ

Путешествие 2004 года

Я ступил на киевский Крещатик…
Господи, пошли мне чувств и сил
Прикоснуться к первому причастью,
К первому дыханию Руси.
Разделив Отечество на отчества,
В чей карман положим дух его?
Пусть никто, пусть даже очень хочется,
Не взорвёт славянское родство.
Общие над нами зирки-звёзды,
Я на них любуюсь и дывлюсь.
В грудь струится неделимый воздух.
Это всё моя святая Русь.
На параде суверенитетов
Пусть шагают маршалы поврозь.
Мы, солдаты, общую победу
Разве можем поделить всерьёз?
То, во что я верую, не ново:
Убеждён, что вместе будут течь
Украины песенная мова
И России дружеская речь.

ДРЕВНЯЯ РОДИНА

Мечты 2005 года

Душа живая всюду правду ищет.
Этнический осколок этих мест,
Я посетил старинный город Ржищев
С трипольскими раскопками окрест,

С арийской верой, древней, изначальной.
Покинули арийцы те места.
Теперь стоит на площади центральной
Подобье их смешного божества.
Причудливо задуманная в прошлом
Фигура под названием «Бинокль».
Учёные исследуют дотошно,
Когда она лишилась рук и ног.
А было время, в глине этой туши
Дышала праславянская душа.
Сегодня разъедает наши души
Чужая разрушительная ржа.
Днепровский берег, целое семейство
Реликтовой изогнутой сосны.
Красивые места, живи и смейся!
Но скучно нам без драки, без войны.
Скитаюсь по трипольскому музею,
Гляжу на черепков старинных рать.
Керамику, конечно, можно склеить.
А души Украины и Расеи
Сумеем ли в один сосуд собрать?

* * *

Какой пошёл с Крещенья век?
Каким заветом дышит Киев?
Какие стали мы? Ответ
Один и тот же —
никакие.
Всё та же мелкая грызня,
В пирог всё та же стая впилась.
—Помилуй, Господи, меня!
За что прощать? Какая милость?..

СОВЕТЫ ГРИГОРИЯ СКОВОРОДЫ

Во всех мирах твори лишь то, что хочешь,
Не жди удачи, не брани беду.
И если вместо рая ад схлопочешь,
Не обижайся на Сковороду.
Она грехи твои насквозь прожарит,
Чтоб ты в безгрешном отдохнул саду.
Сковорода, конечно, утешает,
Но сколько нам ещё сидеть в аду!

НИКА

Уж много лет, как от России мимо
Её дорога в небо пролегла.
И час настал — над берегами Крыма
Она свои расправила крыла.
Без суеты, без выстрелов, без крови
Произнесла священные слова…
Ни в чём у нас нет недобора, кроме
Твоей заботы, властная Москва.
Твоих очей решительного взгляда,
Твоей повадки мудрой и крутой.
Ты в прошлом веке нахлебалась ада.
Стань в нынешнем свободной и святой.
Не над врагами торжествует наша
Победа,
Мы не рвёмся в новый бой.
В Москве сегодня умирает Раша,
Рождается победа над собой.
Рождается свобода от бессилья,
От денег, от торгашества и лжи.
Расправь, о Ника, огненные крылья
Над хмурыми потёмками души!

РУССКИЕ ИДУТ

Глаза закрою — вижу, как Луганска
Горят глаза, как не сгибается Донецк…
Ну сколько можно Азии пугаться,
Что скажет ей Европа наконец!
Мы — русские, а русские не делят
Ни прав, ни выгод, ни чужой земли.
Не переводят кровные потери
Ни в доллары, ни в евро, ни в рубли.
Нам всё равно, широкий или узкий
Глаз у кого-то,
Был бы непохож
На прорезь для монеты.
Слово «русский»
Для нас не плоть, тем более не нож.
Не ново слышать: русский украинец,
Но в Судный час и неба, и полей
Есть русский немец, чех, француз, кубинец,
Есть русский африканец и еврей.
Идут на счёт последние недели
Для тех, кто поклоняется тельцу.
Как нас Отец между собой не делит,
Так мы верны Небесному Отцу.
Приходит время жертвенной России,
Включил свои часы Последний Суд.
Бог пребывает в правде, а не в силе.
Смотри и слушай —
Русские идут!

ДЕРЖИСЬ, ДОНБАСС!

Ты не один в остервенелом мире,
Где, кроме денег, больше Бога нет.
Издалека, из глубины Сибири,
Прими, Донбасс, мой маленький сонет.
Пускай он ляжет невесомой гирей

На те весы, точней которых нет.
И груз моих советских долгих лет,
Им восемьдесят нынче и четыре…
Держись, Донбасс, отчаянно и дружно.
Мы не одни, стоим не безоружно,
В твоих руках священный русский крест,
А он несокрушимей взрывов чадных,
Сильней ракет и всех станков печатных.
Нас Бог не выдаст, доллар нас не съест!

* * *

Не спит который год Донбасс.
Снаряды падают как гири —
И в небе тает в ранний час
Ребёнок, мама или Гиви.

«Отмщенье — Мне, и Аз воздам
За правду и за "незалежность"».
Кого отметит Божья нежность —
Рассудит Бог, а не Адам.

А нам стоять, где высота,
Где родились, где пасть придётся.
Стоять за правду и за солнце
И знать: душа твоя чиста.

В ней нерушима эта вера —
Ты славянин, а не Бандера.

СОНЕТ ПАМЯТИ ГЕРОЯ

«Штык — молодец, а пуля — злая дура»,*
Героям ведомо касанье этих двух.
Вчера мой старый друг Серёжа Джура

* Слегка изменённые слова А. В. Суворова.

Вернул Всевышнему непокорённый дух.
Ушёл, как и положено солдату,
В бою, не зная долгого конца.
Да лягут строки на могилу брату
Венком единства Волги и Донца!
Прожита жизнь и доблестно, и просто.
Пускай завидуют и Бруклин, и Подол.
Пример высокий с наших глаз ушёл.
И самому мне скоро девяносто.
Мечтаю, как и он, покинуть землю,
Предательства славянства не приемля.

ПРИВЕТ КРЫМУ

Отсюда гнали всех, кто к нам не прошен,
Желанных принимали на постой.
Здесь некогда бродил в горах Волошин,
Бывали Пушкин, Чехов, Лев Толстой.
Здесь звёзды вместе с грозами блистали,
Порой слетались вороны на пир.
Здесь в Ялтинском дворце Иосиф Сталин
Обдумывал послевоенный мир.
Сегодня от Москвы до Магадана,
Уставшая от либеральных бурь,
Россия здесь зализывает раны,
А также перестроечную дурь.
На рейде миноносцы наши дремлют,
Накинув на орудия чехлы,
И кипарисы охраняют землю,
Вздымая к верху стройные стволы.
Пусть небо здесь синеет только в мире,
И солнце не затмит военный дым.
Шлю из далёкой Западной Сибири
Привет тебе, благословенный Крым!

V. ФРАНЦУЗСКАЯ ТЕТРАДЬ

РОМАНС ФРАНСУА ВИЙОНА

Я вновь бегу, как мышь:
Судом грозит Париж
И бузиной — кладбищенская глина.
О если бы я мог
Упасть у ваших ног
И замереть у складок кринолина.
Покойный ваш супруг
Своих не пачкал рук —
Поколотил меня руками ближних,
Не принял мой картель,
Но принял точно в цель
Из-за угла по темени булыжник.
В гробу и мсье Дежан,
Стращавший прихожан
Безумьем адским моего примера…
Я не люблю святош,
И рассудил мой нож,
Что лучше — безрассудство или вера.
У нищего меня
Ни денег, ни коня,
Ни сена, ни кормушки, ни сословья.
Сгорю в аду лишь сам.
Но что же мне, мадам,
Но что же делать мне с моей любовью?
Я вновь бегу, как мышь:
Судом грозит Париж
И бузиной — кладбищенская глина.
О если бы я мог
Упасть у ваших ног…

ПОСЛЕДНИЙ ДОПРОС ЖАННЫ

Вам я рассказала всё, сеньоры.
Ваше дело — жечь,
Моё — гореть.
Ваша правда — божеские споры,
А моя — за Бога умереть.
Благодарствую за милосердье,
За огонь, что разгоняет тьму,
За вердикт ваш,
За моё бессмертье,
За костёр. Спасибо и ему.

БЛЭЗ ПАСКАЛЬ

Не страхами посеянную дрожь,
Не муки и упрямство страстотерпца —
Ты на ладони бережно берёшь
Кристалл огня —
Пылающее сердце.
Рубин любви и мужества, зажатый
В оправу монастырского литья, —
Единственный надёжный провожатый
В безжалостных болотах бытия.

* * *

«О жизнь моя — какой роман!» — сказал Наполеон.
Я кровь солдат не проливал, не властвовал, как он.
Но очень долго воевал с собою и с людьми.
И сдался так же, как и он,
Империи Любви,
Которую принес
Христос.

Я НЕ «ШАРЛИ...»

Я не «Шарли», не болен святотатством
Навязывать богам свой нрав и блуд.

Я озабочен нынешним пространством,
Над коим нависает Божий Суд.
Что приключилось, Франция, с тобою?
Чем стал твой удивительный народ,
Гордившийся всю жизнь своей судьбою,
Теперь в чужой попавший оборот?!
Не весь народ — элита, что в кавычках,
Ей и у нас хотелось бы рулить.
Сынам твоим, наверно, непривычно,
Что продолжаем Францию любить,
Что самосуд убийц не защищаем,
Что ценим блеск смеющихся страниц.
Но и кощунство тоже не прощаем,
Как взрывы недозволенных границ.
Ты создавала новые лекала,
Отбрасывала хлам вчерашний прочь.
Ты красотой планету увлекала,
Не забывая, что Господня дочь.
Тебя венчали Шарли-короли,
Великие Бодлеры и де Голли.
Теперь тобою карлики «Шарли»
Задумали командовать. Доколе?!
Пока условна в мире тишина,
Планетные не разразились грозы,
Освободись, о Франция, от сна,
Сорви с себя зловещие гипнозы…
Я не «Шарли», насмешками не болен,
От этого душа охранена
Необозримо древним русским полем,
Где свята каждая и вера, и страна!

К ВЫХОДУ СБОРНИКА ФРАНЦУЗСКИХ ПЕРЕВОДОВ «ОТКУДА ТЫ ПРИХОДИШЬ, КРАСОТА?»

Зачем тебе уснувшая Европа?
Какая тайна в ней заключена?

Она сегодня разве, кроме гроба,
На что-нибудь ещё обречена?
Её удел — теченье серых буден,
Стандарты душ в размер газонных трав.
Почти исчезли исполины-люди,
Сменились исполнителями прав.
Лишь рой неосязаемых видений
В камнях, в пространстве, в чьей-нибудь душе…
Но жизнь-то в них — не у ходячих теней,
Безжизненных с рождения уже.
Жива неутоляемая жажда
По Жанне Д'Арк, по Сент-Экзюпери,
Не умирает вера, что однажды
Зажжётся свет немеркнущей зари.
Пусть от героев пыли не осталось —
Одна пыльца искусственных куртин,
Но давит непомерная усталость
От нынешних погибельных картин.
В античных мифах, в амфорах дремотных,
В кувшинах из суфийских вещих глин
Хранится воскрешение из мёртвых,
Как предсказал российский исполин*.
Он говорил о вечной перекличке
Времён и стран, о торжестве Ума,
А также, что от вспышки русской спички
Закончится египетская тьма.

РИТОР

Подражание Стефану Малларме, посвящённое Станиславу Джимбинову

Закрыв глаза, я вижу древний храм,
Весь в белых розах и плющом увитый.
Быть может, в честь забытой Афродиты.
Бывал я в грёзах не однажды там.

* Речь идёт о русском философе Николае Фёдорове и его учении о воскрешении мёртвых.

Но стал неуязвимым для причуд,
Мне надоело жить среди иллюзий.
Бильярдный шар застрял надолго в лузе,
В ней находиться больше не хочу.
Чего хочу, того на свете нет,
Я полон жажды выбраться на Свет
Из алчного житейского корыта.
Мечтаю пристрелить бумажного слона.
Ищу для этого волшебные слова,
Как новый маг или старинный ритор.

ПОДРАЖАНИЕ ПОЛЮ КЛОДЕЛЮ

Ты спрашиваешь: что такое старость?
Отвечу: это если у бедняги на душе
Не множество божеств языческих осталось,
Но лишь одно и мёртвое уже.
Кого не радуют ни вакхи, ни Венеры,
Не огорчают Иов и сатана.
Кому из всех подразделений веры
Дороже и желаннее одна.
Такой одну молитву знает — дай.
Такого не возьмет ни ад, ни рай,
Он для обоих заведений не годится.
Не спрашивай, такому сколько лет,
Какой он, Новый или Ветхий, чтит Завет.
Он поклоняется богине инвестиций.

СМЕРТЬ ГЕРОЯ

О Франция, припомни полутёмный зал
И фреску древнюю, где умирает галл,
Чтоб донести через века и сохранить
Любви к тебе и доблести не рвущуюся нить.
Мечтаю побывать в Нотр-Даме де Пари,
От копоти очистить, скопившейся внутри!

Но сохранить следы от пули как пример,
Что на стене оставил Доминик Веннер.

* * *

От берегов Амура до Луары
Нас повязала общая беда,
Мы повторяем вслед за Элюаром:
«Вернись, свобода! Утвердись, мечта!»
Стряхни, Париж, оковы безразличья!
Москва, фальшивый глянец убери!
Сегодня враг наш поменял обличье,
Он душу разрушает изнутри.
Он дух парализует нам и волю,
Без духа либертэ не сохранить.
Теряется дорога в русском поле,
У Франции слабеет с Богом нить.
Повсюду в мире торжествует рынок,
И ржавчина проникла вглубь сердец.
Когда из них алтарь священный вынут,
Нас в тюрьмы прячет золотой телец.
Нам от свободы никуда не деться.
Настало время дел и точных фраз,
Произнесённых бескорыстным сердцем:
«Да здравствует Россия!», «Vive la France!».

VI. ИСПАНСКИЕ ЭТЮДЫ

ИТОГ ЖИЗНИ

I. Выводы Дон Кихота

Наша жизнь — лишь дурное подобие
Той, что к нам постучаться должна.

Чем святее и чище утопия,
Тем точней и реальней она.

II. Выводы Санчо Пансы

Хоть не все у хозяина
Дома,
Но чтоб в этой реальности жить,
Я обязан хозяйским фантомам
Поклоняться всю жизнь
И служить.

БЕСЕДЫ О КОРРИДЕ

С быком

Несётся на арену он,
Над ним
Простор небес весёлый и широкий.
Судьба быку отсчитывает сроки…
Не соглашайся с ней, бычок,
Бодни
Погонщика, что движется поодаль!
Не всё ль равно, где смерти остриё?
Для жизни же потеха и свобода —
Два разных измерения её.
Всё повторится:
Шпага занесётся,
Ты рухнешь,
А на ферме где-нибудь
Теленок подрастёт под жарким солнцем,
Чтоб вновь проделать твой последний путь.
Такая сказка никогда не кончится.
И бык ревёт
В слепую темень дня.
И он бодает…
Только не погонщика,

Бодает он досадливо
Меня.

С матадором

Дон Хуан, нынче день как парильня,
Третий бык предстоит вам без смен.
Задержались в пути бандерильи,
Задержитесь и вы на момент.
Пышет яростью потная туша,
Ждут забавы и гранды, и чернь.
Но подумайте,
Может, не нужен
Смертный иней бычиных очей?
Месмерическим пассом надёжно
Укрощает быка ваш платок.
Вы — артист,
Так не стоит, возможно,
Прятать в складках коварный клинок?
Удивленно приподняты брови.
Что за шутки!
Да вы не спьяна?!
Эти зрители требуют крови.
— Что ж, кто жаждет,
Получит сполна.

С самим собой

Я матадор. Я много лет в бою.
И много лет быком почти прикончен.
Корриду неприметную мою
И главную едва ли кто захочет
Увидеть.
А мой враг, рога склоня,
Всё ждёт, что оступлюсь я или струшу.
Прыжок — и в сантиметре от меня
Проносится нацеленная туша.

Одно желанье в мире у него —
Меня увидеть павшим и добитым.
Но плащ пурпурный сердца моего —
И вызов, и надежда, и защита.
Одно желанье в мире у меня —
Чтоб донимать желанья перестали,
Ведь этот бык и есть другое «я»:
Рога вражды и поле для ристаний.
Схватились мы в бою, как два клинка,
В неистовом, почти любовном жженье.
И кто-то из двоих наверняка
Не выдержит, падёт в изнеможенье.

С пространством

Всё «я» да «я». На белом свете
Мне эти двое застят свет,
Который есть Великий Третий
И Главный Я, когда их нет.
Он не натуга, не неволя,
Он возвращает нас вовне
К улыбке пахаря на поле,
К его упорству на войне.

* * *

Он воспылал смешным пристрастьем к ней,
Она цветком дорожным, неприметным
Росла среди навоза и свиней.
Теперь же светят факелом бессмертным
Уже четыре века за строкой
Романа. Но зато каков роман-то!..
Заплачено за выдумку рукой,
Потерянной в сраженье при Лепанто.
Алжир, пираты, долгий рабский плен…
Пришлось на выкуп денег в письмах клянчить…
И завершить синодик перемен

Тюремными скитаньями в Ламанче,
Поскольку среди бед не поумнел,
Карман не отягчил эскудо лишним,
Налоги брать как надо не умел,
Слыл мытарем на службе никудышным.
Храни же, рыцарь всех времён и вех,
Хоть капельку подобного азарта!
Копьё мечты свершает путь наверх
На крыльях той же мельницы базарной.
А остальное — дело санчо панс,
Как захотят распорядиться томом:
Под грузом комментариев упасть
Или служить по-прежнему фантомам.

К ПЕРЕИЗДАНИЮ СЕРВАНТЕСА В РОССИИ

Испанский ангел твой не сразу хватится,
Что ты в Россию от него сбежал.
Тебе, переизданию Сервантеса,
Обогревает грудь российский жар.
В жилетку плакать незачем и некому,
Везде сверкают меч или копьё.
Мы — донкихоты с новой в сердце Меккою —
Повсюду атакуем вороньё
И защищаем ветряные мельницы,
Пусть попадаем часто не туда…
Нам верится: эпоха переменится.
Натянем россинантам повода —
И в новые далёкие ристания
Отправимся куда-то на восток.
Что нам Ламанча, что нам вся Испания!
Настал черед России. С нами Бог!

ЗАПОЗДАЛЫЙ ДРАГОЦЕННЫЙ СКАРБ

Но продуман распорядок действий…

Б. Пастернак

Разные по жизни дуют ветры.
Вот один из жития подул —
О скитаньях дона Сааведры,
Мигеля Сервантеса. Вдохнул
В сердце обновляющие чувства,
Что не на земле мой Отчий дом.
Грезишь, не торопишься очнуться,
Возвратиться в нынешний содом.
Всё же возвращаешься и тайно
Повторяешь давний и живой
Опыт хитроумного идальго,
Бросившего веку вызов свой.
Исполняешь действий распорядок:
На подмостках жизненной оси,
Среди вихрей жизненного ада
Держишься, покуда хватит сил.
Тащишь в жизнь из рыцарской эпохи
Через алчный рыночный оскал
Ретропоэтические вздохи,
Запоздалый, драгоценный скарб.

* * *

Февральские морозы всё сильней
Свирепствуют над Западной Сибирью.
А ведь пророки обещали ей
Почти температурную Севилью,
Субтропики и смену полюсов.
Мираж такой пока нам не маячит.
Остановись же, время-колесо,
Не дай растаять думам о Ламанче!
Пускай от мельниц, копий и мечей
Остались только корки апельсина,

Не забывает до сих пор Россия
Те сны Испании во тьме своих ночей.
Мечты о том, что жив поверх погод,
Среди бесчинств и властного бессилья
В Сибирь откочевавший из Севильи
Последний в этом мире донкихот.

19 АВГУСТА

Памяти Федерико Гарсиа Лорки

Был в этот день убит Гарсиа Лорка.
Поэт недотянул до сорока.
Его звала арена — не галерка.
И не клинок тореро —
Боль быка.
Когда тупая пуля фалангиста
Остановила сердце навсегда,
На небесах его Гренады мглистой
В ту ночь зажглась ещё одна звезда.
Поэт теряет голову охотно
На самой главной линии огня.
Зато не умирает канте хондо,
Душою Андалузии звеня.
Нас, разделённых временем-пространством,
Живущих друг от друга вдалеке,
Невидимое связывает Братство.
Надеемся когда-то долететь
До дальних звёзд,
Где Сердце Мира бьётся,
И там, в лучах немеркнущей зари,
Нас встретят Леонардо, Пушкин, Моцарт,
Есенин, Лорка, Сент-Экзюпери.
Склонимся вместе над священной чашей
Грааля заповедного —
И в путь,
В обратный путь к Земле заблудшей нашей,
Ей радость и достоинство вернуть.

VII. ШЕКСПИРОВСКИЙ ЦИКЛ

Четыре посвящения подлинному Шекспиру (философу Фрэнсису Бэкону + поэту графу Ратленду)

ВОСПОМИНАНИЯ О ФРЭНСИСЕ БЭКОНЕ

Меня с актёром путают порой
Или с одним почтенным человеком,
Который назывался Фрэнсис Бэкон,
Он занимался всевозможною игрой.
Менял служебные и ролевые маски,
Поддался также искусу пера.
О торжестве всеобщего добра
Придумывал возвышенные сказки.
Но затянулся прежний маскарад,
Ушла из пьес придуманная память,
Актёры переехали в парламент,
Там все шутами сделались подряд.
Краплёными повсюду стали карты,
Двойными — обещанья и стандарты.

ЗАВЕЩАНИЕ ФРЭНСИСА БЭКОНА

Я умникам всезнающим оставил
Тьму ребусов, шарад, неясных мест.
Пусть головы потешат над «местами»,
Пока им это всё не надоест.

Когда-нибудь должны они заметить,
Реальность, недоступную словам.
«Есть много, друг Горацио, на свете,
Что и не снилось нашим головам».

Днём Истина туманом скрыта мутным.
Зову её, когда ночами сплю,
В рассветных сновидениях ловлю,
Записываю после рано утром.

Когда Харон орудует шестом,
Я говорю в сонетах с Божеством.

РОДЖЕРУ МЭННЕРСУ, ПЯТОМУ ГРАФУ РАТЛЕНДУ, ПОЭТИЧЕСКОМУ ШЕКСПИРУ

О Ратленд! Ты — ключи к великим тайнам.
Тебя вела по жизни Красота —
Могущественный, незабвенный Даймон,
Что вдохновлял Платона и Христа.

В тебе на время затаилась сила,
Чтоб загореться именно теперь.
Ключи сегодня прибрала Россия,
Она — маяк, и ты в неё поверь.

Маяк питает не огонь военный,
Зажёг его не золотой телец —
Свободы факел, правды неизменной
Когда-то должен вспыхнуть, наконец!

Уходит век страдания и муки,
Твой меч сегодня Пушкин принял в руки
И мы… *

* Перекличка с пушкинским заветом: «…свобода вас примет радостно у входа, и братья меч вам отдадут».

РОДЖЕРУ МЭННЕРСУ, ПЯТОМУ ГРАФУ РАТЛЕНДУ, ПОЭТИЧЕСКОМУ ШЕКСПИРУ

Позвольте вас назвать духовным братом,
Мой милый, несравненный Кориэт*.
И Лир, и шут хранят ваш каждый атом,
А, значит, и Руси жить сотни лет.

Хранящая в душе непримиримость
К двойному, также к денежному дну.
Господняя да осияет Милость
Ту будущую дивную страну,

Где вместе жить придётся непременно,
Забыв про бомбы, фунты и раздрай!**
Да возродится первозданный Рай!
Да сгинет современная геенна!

В раю сыграем, все заботы прочь,
Весёлую «Двенадцатую ночь!»

ВСПОМИНАЯ ШЕКСПИРА

* * *

Летал когда-то в недоступном небе
Как принц, как идеал для юных дам,
В голубизне далёко белый лебедь,
Плыл чёрный — по озёрам и прудам.

Теперь вороны в Стэнфорде расселись
На сцене, среди зрителей —
Везде.
Нельзя пробиться ни одной звезде

* Один из псевдонимов Ратленда-Шекспира.
** Ратленд не чурался просторечных выражений и не терпел выспренность.

Из плотных туч их.
Повсеместно серость.

Мужчины, женщины — все на лицо одно.
От тусклой скуки никуда не деться.
Где короли с горячим львиным сердцем,
Прекрасных дам манящее вино?

Всё в Англии теперь перемешалось —
Глаза, умы, сердца… Какая жалость!

VIII. КОГДА ЛЮБОВЬ И ЖЕНЩИНУ СОЗДАТЕЛЬ...

* * *

Когда любовь и женщину Создатель
Задумал из Адамова ребра,
В них образ свой вложила Божья Матерь,
Но от соблазна не уберегла.
Лукавый Змий присутствовал при этом
И Божий план переиграл хитро:
Он раскидал нас всех по белу свету
Искать недостающее ребро.
О сказка-быль любви и искушений!
Подвластны все закону твоему:
Чем счастье наше с женщиной блаженней,
Тем окаянней подступы к нему.
Во многих искушениях калечась,
Мы ищем дорогие нам глаза.
А с ними — ускользающую Вечность,
Обещанные Богом Небеса.

Те Небеса и далеко, и близко,
В объятьях рук и в недоступной мгле.
Сливаются две маленькие искры
В костёр неугасимый на земле.
И кто её придумал, Бог ли, Змий ли,
Или в страданьях родилась сама…
Любовь — одна отрада в этом мире.
Мы без неё давно б сошли с ума.

* * *

Творя сей мир и днями, и ночами,
Как Библия гласит,
На дню шестом
Господь мужчину сотворил вначале,
А женщину, венец трудов, — потом,
Дав образ Свой для всякого поэта,
Исчерпав в нём мечты Свои до дна.
Всё прочее — библейские наветы:
Соблазн, грехопаденье, сатана.
Как может Божий образ стать лукавым?
Какие могут быть грехи в любви?
О женщина! По золотым лекалам
Творил Всевышний все черты твои.
Из пены — стан, глаза — из горней сини,
Характер — из весенних перемен,
Всё остальное — из земли России,
Когда она в апреле сбросит тлен.
И ты, поэт, подобье Саваофа,
В своих стихах не забывай о том,
Что если уж всему начало — Слово,
В нём женщина сияет как итог.

СТУПЕНИ СТРАСТИ

Наёмник страсти, ты в неё упал,
Торопишь жажду маршальского жезла,

Склоняешь губы к дорогим губам,
Спускаешься в расщелину блаженства.
И в миг, когда лукавая луна
К последней позовёт короткой битве,
Ты вдруг замрёшь,
Затихнет и она,
И оба остановитесь в молитве.
Как долго жизнь к такой любви звала,
Где миг и вечность слиты воедино,
Растворены и мысли, и тела,
И время, и пространство, и седины.
Потом приходит самый главный взлёт,
Когда, в объятья даже не бросая,
Любовь двоим неизъяснимо шлёт
Свои неизреченные касанья.
Я посвятил немало сил и фраз
Любви земной,
Но ведь она — подножье
Той, что являет творческий экстаз,
Преображенье временного
В Божье.

* * *

Из яви лунной и земной,
Из тёплых рук,
Из ног палящих,
Из влажной, нежной,
Из хмельной,
Непроницаемой, молящей,
Качающейся на краю
Обрыва,
Из непобеждённой,
Слабеющей в блаженных стонах,
Из плоти, взявшей плоть мою,
В круженье звёзд, цветов и трав

Взлетит ликующий хорал
И упадёт золою стылой,
Тоской, усталостью бескрылой.
Войди же, сердце, в третий миг,
Облитый в долгое блаженство,
Когда, измучив, истомив
И победив несовершенство,
В слиянье губ, в подкове рук,
Не руша таинство хмельное,
Ты поднимаешь к звёздам вдруг
Тепло той женщины земное.

* * *

— Вы боги, — говорил и нам Иисус.
Мы шепчем милой женщине:
— Богиня!
Пока страстей неутоленный груз
Пылающую душу не покинет.
На ложе белом теплые холмы
Зовут войти в отверстые ложесна.
И опьяняет танец полутьмы,
И стоном завершается блаженство.
И словно гром приходит тишина —
Охотник бедный, ты попал в подранки.
Тебе уже добыча не нужна,
Ты сам себя ограбил, падший ангел.
И в этот миг паденья с высоты
Любимые вдруг задрожат ресницы,
И чистые глаза увидишь ты,
И вылетит из них душа, как птица,
Смятенная тоской, как и твоя,
И вместе закружитесь на дороге.
Рай возвращён, и Книга Бытия
Готова подтвердить —
Мы снова боги.

* * *

Угомонись, душа моя, пора
С утехами любовными расстаться.
Не по годам их вязкая игра,
Приходит время строгой жизни старца.
Чем отчитаюсь я Небесному Царю
Перед его святой и вечной синью?
Тем, что люблю без памяти Россию
И в женщине её боготворю.

РЫЦАРСКИЙ РОМАНС

Я сутки на свидание спешил,
Чтоб выкроить минуту для прощанья,
Я все свои заботы отложил
И вот стою пред вашими очами.
В эфире ангел нежности парит,
В ушах труба архангела запела.
Прощай, преуспевающий Мадрид.
Я уезжаю, донна Изабелла.
Без вас и ваших глаз мне счастья нет,
Вы у меня последний свет в оконце.
Но этот свет не светит без монет,
Сегодня в моде бесы и торговцы.
Сегодня в моде толстая сума,
А на моих счетах одни пробелы…
Чтоб от любви к вам не сойти с ума,
Я уезжаю, донна Изабелла.
От всех мадридских сплетен и проблем,
От глянца королевского порога
Я нынче уезжаю в Вифлеем,
Чтоб защитить поруганного Бога.
Я вырою и вновь воздвигну крест
И, может быть, не врою душу в тело.
Мне на земле не выжить без Небес.
Я уезжаю, донна Изабелла.

РОМАНС КРЕСТОНОСЦА

Ты помнишь, много лет назад
У алтаря твой долгий взгляд
благословил меня на подвиг
В далёкий путь
К земле Господней.
Цеплялась за копьё луна,
Пугали совы скакуна,
Кусты туманами дымили,
Но слышал я:
— Вперёд, мой милый!
Сегодня нет мечей и лат,
Обыденность нам застит взгляд,
Но зов услышан, и сегодня
Ждёт смельчака земля Господня.
Во имя правды и любви
Петлю привычек разорви,
Презрев житейскую мороку,
Благослови меня в дорогу.

МЫЛЬНЫЙ ПУЗЫРЁК

Над тополями зелёными
Белый волшебник повис,
Падает с тонкой соломины
Тонкая радуга вниз.
Падает круглая радуга,
Короток радуги век.
Падает, падает, падает
И поднимается вверх.
Машет в лазоревом омуте
Птица призывно крылом.
В холоде, в холоде, в холоде
Шарик летит напролом.
Вниз зазывают берёзы,
Милая мнится во мгле,

Клонят тяжёлые слёзы
Лёгкое тело к земле.
Не дотянуться до месяца,
Не успокоит трава,
Мечется, мечется, мечется
Бедная голова.
И разрывается миною
Встречная веточка вдруг.
Милая, милая, милая,
Где же тепло твоих рук?

* * *

Жене Лиле

…Какими ручейками
Стекался мир на дно сетчатки,
Чтобы однажды сквозь плотину
Твоих зелёных глаз прорваться
Потоком радуг на картон?
Пора!
На струях многозвучных
Плывёт корабликом весёлым
Освобождённое от плена
Твоих забот
моё перо.
Пора!
Заждавшиеся боги
Решили нас уравновесить —
Связать магнитным полем общим,
Прозрачной стенкой разделив.
Пора!
Случайные забавы
Сменились грозным притяженьем,
И вот судьба неотвратимо
Конвойным дышит за спиной.
Пора!

Трубят немые трубы.
Пора!
Зовёт на битву хаос.
Пора!
Огнем своим сияет
Полночной бабочке свеча.

ОДИССЕЙ В РОССИИ

Я на судьбу роптать не вправе.
При ясном солнце, в дождь и в снег
Незабываемые яви
Мне подарил мой долгий век.
Необъяснённые награды —
За все долги, за маету.
Ну вот, к примеру, ту, с кем рядом
Я годы многие иду.
Деля со мной мои причалы,
И пораженья, и бои,
Она, наплакавшись, прощала
Зигзаги грешные мои.
Могла годами Пенелопой
Скитальца поджидать в окне.
Но мы — Россия, не Европа.
У нас ведь всё вдвойне, втройне…
Нас штормы без конца колышут,
Грозит нам вечно глубина…
Забыл, зачем я в море вышел?
Ах, да, на поиски руна.
Перебирая лиры струны,
Осознаёшь в конце пути,
Что и руно, и путь, и руны
Недалеко, они в груди.
Теперь мой парусник неспешно
Плывёт, свою смиряя прыть.
Всё повторяется, конечно,

И ничего не повторить.
Растёт с годами жизни ярость,
Трудней даётся вкус побед.
И белый парус, сердце-парус,
Меняя море, ищет Свет.

* * *

Жене Лиле

В листве осенней догорает осень,
Не за горами долгая зима.
Не стоит горевать, усталый ослик,
Как ты порой зовёшь себя сама.
Мы жизнь с тобой счастливую прожили.
Дай Бог другим и так и столько жить.
И дети наши сделались большими,
И сами мы не сгорбили души.
Корвет зимы расправит белый парус,
И мы расправим крылья в небеса.
Хочу, чтоб ты надежде улыбалась,
Чтоб сохраняла ясными глаза.
Они всегда смотрели в мир по-детски,
Как полевые тихие цветы.
Умеет лес по осени одеться
В цветные сарафаны,
Так и ты…
Нам нелегко давалось наше счастье.
Обламывая нежные ростки,
Тебя я обижал, наверно, чаще,
Чем ты меня.
Пожалуйста, прости.
На свете всё живое ищет ласки.
Тела оставив, будем дальше плыть
По океану бесконечной сказки,
Где радостным конец обязан быть.

УКРОЩЕНИЕ ССОРЫ

О золото моё и серебро,
Богиня, Афродита, добрый ангел,
Изъятое Создателем ребро,
Летящее в меня же бумерангом!
От ярости своей не умирай,
Не поддавайся демонам недобрым.
Ты лучше вспомни яблоко и рай,
Дразнившие мои когда-то ребра…
Я кротостью смиренной и немой
Смягчу твои жестокие напевы
И жду, когда ты снова, ангел мой,
Мне явишься виденьем нежной девы.

ВСТРЕЧА

Озябший под крещенским толстым льдом,
Он путь держал к соседке многоводной,
В её мечтая постучаться дом,
Такой же полутёмный и холодный.
Но застучала наверху пешня —
И крыша ледяная проломилась,
И, вёдрами над прорубью звеня,
Над ним с улыбкой женщина склонилась.
Он замер на минуту в полынье,
Коснувшись глаз, смеющихся несмело.
Покачиваясь в маленьком окне,
О чём-то тихо женщина запела.
Кружился незатейливый мотив,
Пока не заскрипело коромысло
И не затихло, вёдра подхватив.
И тишина над прорубью повисла.
Он не расслышал песни той слова.
Ручьи бегут, им торопиться надо.
Осталась лишь в проломе синева,
Как эхо прикоснувшегося взгляда.

Да след в снегу оставил быстрый шаг.
Озябшие порой крещенской тоже,
Все женщины куда-нибудь спешат,
И в этом на ручьи они похожи.

КУВШИНКА

Как всплеск последний летнего тепла,
А может быть, как нежную ошибку,
Судьба в мой пруд осенний занесла
Случайно желтоглазую кувшинку.
Меня уже прихватывает лёд,
Листва берёз в воде кружится палая,
Заканчивают утки перелёт,
И вот она, как птица запоздалая.
Я камышами что-то ей шепчу,
Зову на плёс, что издали синеет.
Она смеётся, наклонившись чуть:
— Я — выдумка твоя, я — Дульсинея.
— Но для чего тебе моя вода?
Зачем меня фантомами тревожить?
Что делать нам?
— Не знаю, никогда
Об этом не задумывалась тоже.
Я глажу ей волной зелёный стан,
Глазами провожаю птичью стаю,
Грущу, что безнадёжно опоздал.
А может быть, мы оба опоздали…

* * *

Я знаю, что с души когда-то сброшу
Любую кожу, ставшую душой.
Всему на свете зритель и прохожий,
В конце концов, я сам себе чужой.
С теченьем перемен неумолимых
Бесследно угасают все огни.

Но, Боже правый, пощади любимых,
Пусть мы исчезнем раньше, чем они!
Так повелось: чем больше ран и трещин,
Сильнее негодуют плоть и дух,
Принять не в силах превращенье женщин,
Которых время комкает в старух.
Хотя закон мы отменить не в силах
И реки в море вечности текут,
Она нам не нужна без этих милых,
Скользящих мимо ликов и минут.
Но это мы.
А жизнь — всегда блаженство,
Не позволяет слишком уж грустить,
Великолепным приглашает жестом
Пригубив чашу, с миром отпустить.

* * *

Не называй любовью строки песни,
Что пел весной на жизненной реке
Своей подруге в лодке,
Даже если
В ту пору плыли вы рука в руке.
Бывает, если встречи помнят руки,
А сердце не вкушает новизны,
Желтеет песня, как листва, от скуки
И снова ищет чувственной весны.
Когда же на заснеженной аллее
В твоей руке любимая рука
Становится с годами лишь теплее,
Весной всегда наполнена строка.

* * *

У цветов недолгое дыхание,
Без полива нет цветенья роз.
Охрани любовь от высыхания,

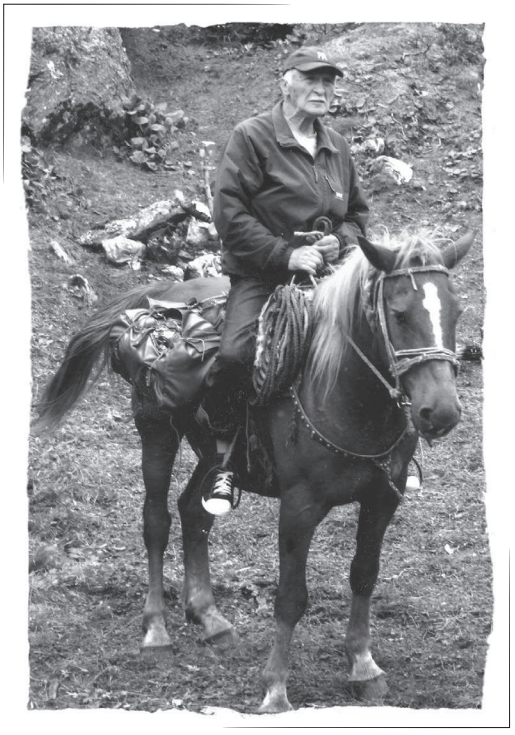
От житейских неизбежных гроз.
Всё приемли, что судьбой обещано,
Всё отдай, чтоб сохранить тепло.
Ты таков, какая рядом женщина —
Помело твоё или крыло.

У ЛИП ЗЕЛЁНЫЕ ЦВЕТЫ

В то время как липа на даче цветёт,
Клубника спешит наливаться.
…Век прошлый в разгаре. Семнадцатый год
Мне шёл.
Ей исполнилось двадцать.
Ещё были в моде мораль и вожди,
В любых отношениях — строгость.
Себя я тогда ненавидел почти
За возраст и юную робость.
И вот с танцплощадки в соседний шинок
Нырнул, чтобы страху не сдаться.
И, выпив, любовных сонетов венок
Прочёл ей, вернувшись на танцы.
Смеялась она:
— Продолжайте любить,
Вы можете тоже понравиться,
Во-первых, когда перестанете пить
И лет, во-вторых, вам прибавится.
Ну что ж, всё сбылось:
Мне прибавилось лет,
И многие встретились смуты,
И стал не последний в России поэт,
И всё ещё нравлюсь кому-то.
И винные страсти с годами ушли,
И снова, как в юности, выпил
За то, что в Сибири моей расцвели
Цветами зелёными липы.

ПРОЩАНИЕ С ГОРАМИ

Уходить нам отсюда скоро.
От костра поднимается дым.
«Лучше гор могут быть только горы»
И надежда вернуться к ним.
Тишина свои песни заказывает,
И гитару сосед достаёт,
И соседка моя синеглазая
О прекрасном далеко поёт.
Лица светятся, чувств не пряча.
Тесен круг наш — висок к виску.
Как ребёнка, в душе покачиваем
Нашу нежность и нашу тоску.
Из-за облака месяц застенчиво
Заглянул к нам в полночный час.
Лучше гор может быть только женщина
Со славянской синью в очах.
Мы не верим в такие минуты,
Что на свете есть города,
Что вернут нас в заботы и смуты
Самолёты и поезда.
Расставанья, новые встречи…
А пока всё вокруг молчит,
Только тихий, высокий и вечный
Женский голос звенит в ночи.



Часть третья

Дороги исканий

I. МАЛАЯ РОДИНА

РОЖДЕСТВО 1930 ГОДА

Памяти матери Екатерины Тимофеевны

Я в прошлом не хочу разубедиться….
Тридцатый год. Весёлый шум и гам.
На тысячу в ту пору лебединцев
Приходится один, по справке, храм.
…Ещё поют в монастырях монахи,
В парламентах Европы звон речей,
И лишь предполагаемые страхи
Тревожат парижан и москвичей…
Итак, когда в стране мели метели
И думать не хотелось о войне,
Настолько войны людям надоели,
Мальчишка родился в Лебедине.
Из ранних лет не помню ничего я,
Но иногда впадаю в дивный сон:
Лик матери я вижу над собою,
Её речитатива тихий звон.
Слова полны какой-то нежной силы…
Я просыпаюсь, зажигаю свет…
Прологом из «Руслана и Людмилы»
Сновидческий во мне струится след.
Вновь засыпаю, вижу ту же небыль:
И цепь цела, и кот на ней учён,
И, бороду раскинув в синем небе,
Несёт колдун богатыря с мечом.
Ну что тут скажешь? Детство в нас живуче,
Висит, как прежде, колдовская тень,
А вместе с ней насупленные тучи

Никак не впустят ясноглазый день.
Но расступиться всё-таки придётся
И нас на землю новую принять
Под новое евангельское солнце,
Как некогда об этом пела мать.

МАЛАЯ РОДИНА

Волшебный образ: храмы в синем небе,
Вдали кочует журавлиный клин
И щит зелёный,
В нём маячит лебедь.
Всё это вместе значит —
Лебедин.
Старинный украинский полугород,
Полусело, я там увидел свет.
Сказала мать: тогда был страшный голод
И спас меня овсяной кашей дед.
Но, может, были тем щитом охранным
Сияющие в небе купола?
Известно, как целебны наши храмы,
Как сила их не раз славян спасла.
Во время первой пятилетки жаркой
Был увезён я из Лебедина.
Гнездом служили Минск, Одесса, Харьков,
Застала меня в Харькове война.
Так вышло, что божок военный Один,
Прогнав меня сквозь ад, причалил в рай.
Из череды любимых малых родин
Святой и главной сделался
Алтай.
Замкнулся круг мой — первый детский лепет,
Далёкая Сибирь и Лебедин,
Чей герб — зелёный щит и белый лебедь,
Сплелись в желанный образ —
Мир един.

Сквозь войны, перестройки, окаянства,
Пророчествами древними дыша,
В грядущий центр всемирного славянства
Меня, как лебедь, унесла душа.
На первой родине не заживают раны.
Она увязла в распрях и в крови.
Спасут же, как всегда бывало, храмы
Надежды, веры, совести, любви.

* * *

Война. Налёт. Зенитное безглазье.
И взрывы рядом. Через час отбой.
Мы, дети этих лет, по крышам лазили,
Осколки подбирали там от бомб.
Одним таким попал я из рогатки
В сидящего на ветке воробья.
И в первый раз почувствовал загадки
Внезапного ухода от тебя,
Родная и таинственная жизнь.
Глаза у птицы покрывались дымкой.
Я — враг ей — становился невидимкой.
Звала её иная явь и высь.
И сам потом, бродя по бездорожью,
Не раз в смертельных переделках был.
До сей поры пронизывает дрожью
Та птаха, что когда-то зря сгубил.

* * *

Сорок первый. Осень. Беда
Нас, детей, по стране разбросала.
Научились мы в селах тогда
В избах печь разжигать кресалом.
В городах огни высекать
Колесом зажигалки о кремень.
Ничего нам взамен пока

Предложить не сумело время.
Как я к радости ввысь ни тянусь,
По соседству печали катят.
Никакая из гипотенуз
Уничтожить не в силах катет.
Треугольник любой беду
Заключает в свои пределы.
Вся-то мудрость: в земном аду
В искру счастья
Боль переделать.

ЖИЛ ЧЕЛОВЕК

Памяти отца Михаила Яковлевича

Жил человек.
Великий в жизни пахарь,
Прошёл за плугом не одну версту.
Но обветшала на душе рубаха,
Лёг человек без сил на борозду.
Сначала туча горестно и гневно
Его высокий лоб заволокла.
Но очень скоро прояснилось небо
Морщинистого чистого чела.
Впал в грёзы, где ни горечи, ни боли,
А значит, не положено вздыхать.
Себя увидел в незнакомом поле,
Где предстоит по-прежнему пахать.
Проник в окошко солнца луч случайный
Сквозь хмурое оконное стекло —
И засветилось вековою тайной
Покойное отцовское чело.
Что в никуда не исчезают люди,
Хотя и говорят про «никуда»,
Что были, есть и вечно мы пребудем
Для новой жизни, нового труда.
Жил человек.

Великий в жизни пахарь.
И вы таких встречаете порой.
То вверх, то вниз
Скользит по жизни якорь.
Король ушёл,
Да здравствует король!

* * *

Мне снится пора сенокосная —
Гребёшь и копнишь до луны.
И что я без детства колхозного,
Без ранних забот, без войны?
Ленивый, неловкий, заносчивый,
С мечтой, что он станет поэт,
Которому жребий рабочего
Достался в одиннадцать лет.
…В лесу земляники россыпи,
Но нет ни минуты, ни сил…
Зароешься ночью, как в простыни,
В траву, что с утра накосил.
Покинешь усталое тело,
Без памяти спишь до утра.
Луна колыбельные пела,
А солнце будило:
— Пора!

ШЕЛЕСТЫ ПШЕНИЧНЫЕ ЗЕМЛИ

В войну моим приютом оказался
За Волгой яростной один степной колхоз.
Там жили украинцы и казахи,
Текла река, но не было берёз.
И был простор, огромный, тёплый, светлый,
Он степь и небо растворял вдали.
Запомнились напев свободный ветра
И шелесты пшеничные земли.

Люби платок необозримо-синий
И малую горошину-село,
Люби до гробовой доски Россию,
Каким бы злом тебя ни обожгло.
Люби её, когда спиной широкой
От бед тебя прикроет и когда
Случится, что обидит ненароком
И крепко, и нароком иногда.
Ты не глухарь, что выстрела не слышит,
Не плаха, что под сапогом скрипит.
Ты — человек. Но Родина превыше
Всего на свете, всех твоих обид.
Не запятнай себя и каплей злобы,
Сумей понять её высокий лад
И не спеши судить её изломы!..
Ведь ты не знаешь, что они сулят.

* * *

В памяти застрял светло и немо
Ласковый осколок тишины —
Синее саратовское небо
Самых первых месяцев войны.
Есть ещё там зарева полночные,
Огненные прочерки наверх
И барак соседский развороченный,
Точно в клочья порванный конверт.
Паровозный дым густой и чёрный,
Долгий путь,
Налёты,
Крики,
Рвы.
А за Волгой вылетают пчёлы
Не из туч,
Из листьев, из травы.
Тихие цветочные пожары,

Жаркой дымкой сломанная даль…
Ничего прекраснее, пожалуй,
Никогда на свете не видал.
Что ещё?
Покос июньский помню,
Дальних молний частые броски.
Почтальон привозит прямо в поле
Призывные серые листки.
Медленно уходят полудети
В полутьму
С медовой полосы.
Тишина.
Над нами солнце светит,
А над ними сполохи грозы.
Небом этим, степью,
Удивленьем,
Красотой,
Упавшей в сердце мне,
Я обязан маленькой деревне,
А выходит —
И большой войне.
С ними в грудь мою вошла Россия
Бабушкиной сказкой наяву
И косой тяжёлой,
Что косила
Только что подросшую траву.

* * *

Потом Сибирь
И угольный посёлок,
Где в памяти застрял иной осколок,
Нас в госпиталь приводит офицер,
Мы, пионеры, там даём концерт.
Я прочитал стихи,
Как в поле умер

Под трели соловья боец-герой.
И вынырнул в аплодисментном шуме
Горячий шёпот,
С дымом, с камфарой:
— Толк из тебя, быть может, мальчик, будет,
Когда оставишь выдумки свои:
На тех полях, где умирают люди,
Им не поют с берёзок соловьи.
Я глянул вверх —
У косяка висело
Подобье зыбки вязаной,
А в нём
Завернутый в халат обрубок тела,
Прихваченный, чтоб не упал,
Ремнём.
Обрубок этот походил на краба
С одной клешней,
И той как из огня.
Алел в ней уголёк цигарки слабо,
А два других, казалось,
Жгли меня.
Глаза…
Но их описывать тому бы,
Кто сам в беде солдатской изнемог.
Я лишь запомнил шепчущие губы:
— Не нужно так выдумывать, сынок.

РЫНОЧНАЯ ЭКОНОМИКА ВОЙНЫ

Базар был вроде лампы Аладдина:
Потрёшься о клубок людской плечом —
И пара полусношенных ботинок
Вдруг обернётся тёплым калачом.
Здесь всё, от паспортов до одежонки
Солдатской,
И любые ордена

Сбывала дезертирам по дешёвке
Бесстрашная базарная шпана.
Я помню те военные обиды
И скорые расчёты на Руси…
Как несколько угрюмых инвалидов
Подростка бьют, простёртого в грязи.
Милиция скучает у дежурки.
Зеваки гасят жёлтые окурки.
Трофейный голубой аккордеон
Наигрывает вальс «Осенний сон».

ВОСПОМИНАНИЕ

В той степи глухой
Замерзал ямщик.
И. Суриков

Отключили свет и отопление,
Тихо мёрзну ночью у свечи.
Песня вдруг пришла из отдаления,
Пирогом запахло из печи.
Непогодой ли в окне чернильном,
Дождиком, что в подоконник бьёт,
Песней или запахом ванильным —
Память гонит в сорок первый год.
Не налёты вражьей авиации,
Не лишенья тех горячих лет —
Вспоминаю дни эвакуации,
Степь за Волгой, деревенский хлеб.
Жёлтый, словно масло.
Благодати
Я такой не видел никогда.
Помню, как колхозный председатель
Конные вручил мне повода.
Подвозить харчи крестьянкам в поле
Он на месяц обязал меня.
Что мальчишке лучше взрослой доли,

Собственной телеги и коня!
Степь да степь, пустынная громада
Вся в цветах, как праздничная шаль.
Первозданным хлеба ароматом
Расписной простор её дышал.
Топчется по ней моя лошадка,
Над лошадкой — синие орлы.
Этим всем взволнованно и жадно
Я дышу до нынешней поры.
Но живу давно уже в Сибири,
Греюсь у живого огонька.
В грозном, но таком прекрасном мире,
Да ещё в нетопленой квартире
Вспоминаю степь да ямщика.

ПАСТОРАЛЬ

Ушли из глаз наскучившие лица,
Из памяти — сумятица и гул.
Такое чувство, будто все страницы
Судьбы своей ты вспять перевернул
В тетрадку нелинованную детства,
Где заново любую быль пиши.
А там война, стремительное бегство
В блаженный рай саратовской глуши.
…Такая белизна, что очи ломит.
Раздумья все ушли из головы.
Нет ничего на белом свете, кроме
Вот этой тишины и синевы.
Пусть не нова идиллий сельских тема
И отрезвленья суть совсем не в том,
Что из провинциального эдема
Ты возвратишься в сумасшедший дом
Большого города, где жизнь невыносима…
Твоих скитаний истинная суть —
Что есть у нас в душе святая сила
Из ада в рай листок перевернуть.

ПИСЬМО СТУДЕНЧЕСКОМУ ДРУГУ ЮРИЮ ОГОРОДНИКОВУ

Прости, что шлю письмо по Интернету
Элегиям былым не в резонанс.
Приверженность советскому завету
Не погасил враждебный ренессанс.
Итак, пять лет у томского причала,
Библиотека, университет…
Тогда несло нас тоже и качало,
Бог весть куда! Мы верили — на свет.
Он разным был. Сжигал огонь перцовки,
И драки во хмелю, и маета,
И ложь великой сталинской мурцовки,
И истины её святые… Да,
Тьма к свету льнёт везде.
Но юбер алес
Царила всюду всё-таки любовь.
Как безнадёжно мы с тобой влюблялись!
С какой надеждой вспыхивали вновь!
За книгой не давая засидеться,
Сирень стучала ветками в окно
Из милой рощи университетской,
Где наша кровь бродила как вино.
Её немало выпил век-Аттила,
Зато остаток не ушёл на квас.
Остыла, осветлилась, отбродила,
Прозрачным кварцем отвердела в нас.
Кристаллом веры в Родину-жар-птицу,
На веки вечные, надеемся,
И днесь…
Уходим в вечность, но случись, родиться
Когда-то вновь —
Да будет это здесь!

II. КРИЗИС

* * *

Но когда же кончатся прятки?!
Покажись мне, планида моя.
Вот опять, как крапиву на грядке,
Повыдёргивал прошлое я.
Преуспел на этой прополке:
Ни крапивы, ни огурцов.
Словно пьяница после попойки,
Пью один огуречный рассол.
Ох, насмешек не надо бы, милый,
Злые складки к чему у рта?
Набирают
Уверенно силу
Безрассудность и доброта.
Набирают… Но дело не к маю.
К октябрю склоняю чело.
Ничего я не понимаю,
Ни в стране, ни в себе… Ничего.

* * *

Тридцать с ветром.
Огненной порошею
Жгут на перекрёстках сквозняки.
Смотрят крестоносцами прохожие,
Нету лиц —
одни воротники.
Завернусь и я до глаз в молчание,
Разорву надежды глупой нить.
Но со мной ещё моё отчаянье,
На двоих пальто не поделить.
Не спешите, граждане прохожие,

В мутной и жестокой полутьме.
Дорогие,
милые,
хорошие,
Где вы, люди,
Отзовитесь,
Где?!

* * *

По-весеннему небу синю.
Засиял долгожданный свет.
Так морозило в эту зиму,
Что и места живого нет.
Поплыву ручейками лени
В тёмных лужах кружить и млеть.
Не хочу никаких сожалений,
Не могу никого жалеть.
День зевает светло и сонно,
Малахитовой строчкой прошит.
Если в сердце мёртвая зона,
Это лучший на свете щит.
Пусть земля половодье глушит,
Припадая к ручьям, как к вину.
Парусиновый плащ равнодушья
Не спеша на себя натяну.
Не торопится зрелости речка,
Лёгкой складкой чело рябя.
Но ведь мне от себя не отречься,
Не отречься мне от себя.

* * *

Когда подступит к сердцу хаос
И ты замрёшь настороже,
Когда, о крыши спотыкаясь,
Привстанет солнце

На меже
Полей земного притяженья,
И зова неба
Нет светлей,
И неизменней утешенья
Блаженной каторги твоей.
Но в тихий мир, к цветам и травам
Всё безысходнее пути.
Ты в чём-то грозном, жёстком, странном
Зовёшь гармонию найти.

* * *

Иногда в моей памяти прошлое
Невесёлым осколком блеснёт —
Головней задымит под подошвами,
В подворотне ножом полоснёт.
И злобился, и труса праздновал,
И кого-то зазря обижал…
Ох, немало всякого разного
Занозила в потёмках душа.
Но где право, где лево, путая,
Не ловчил, не правел, не левел.
Спорышом через камень бутовый
Прорезался во мне человек.
Дело это, конечно, не новое —
Молодые грехи ворошить.
Но висит неотступно суровое:
Как же дальше мы будем жить?

* * *

О нет, я не книжник, забившийся в келью,
В смятенье бежавший от грязи и драк,
Чужие страданья бумажной постелью
Себе приспособивший.
Это не так.

Мне в мире,
Дробящемся неудержимо,
Услышать совет и свести бы на нет
У тяги к живому
Дрожанье поджилок
И шоры у лошади,
Ищущей свет.

* * *

Направо пойдёшь — меч потеряешь,
Налево пойдёшь — коня потеряешь,
Прямо пойдёшь — голову потеряешь.
Из русской сказки

Кто эту надпись в чистом поле выбил?
Дорожный камень, что там за тобой?
И как преодолеть рассудка выбор,
Ежесекундно ткущийся судьбой?
Чтоб сердце знало без раздумья долгого
Четвёртый путь,
Где можно потерять
Всё сразу — меч, коня и буйну голову,
Зато и счастье полной мерой взять.

СОВЕСТЬ

Узнай, что боль необходима,
А ложь и зло непобедимы,
Душа беспамятна, и кладь
В грядущих воплощеньях та же,
В ней атом истины не нажит,
Всё нужно снова наживать.
И зовы неба голубого,
И шёпот мой, что слышишь ты, —
Не вести благостного бога,
А вечный ветер пустоты.
Узнав, что места нет надежде

В моих владеньях, — не в аду,
Готов ты мне служить, как прежде?
— Готов.
— Пойдёшь за мной?
— Пойду.

* * *

Полинялой собакой рыжей
Со стогами-репьями в хвосте
После долгих сентябрьских стрижек
Прилегла кулундинская степь.
Провода бесконечно линуют
Полустанки и купы берёз,
Но зовут в бесконечность иную
Монотонные ритмы колёс.
Я не предал тебя,
И не сдался,
И с очей твоих, нет, не бегу.
На мгновение мне показался
Свет иной на ином берегу.
Всё мне шепчет, что пуст этот берег,
Как и влажное это жнивьё.
Но колёса упрямые верят,
Грохоча через сердце моё,
Возвратить обещая призывно
К тёплым плахам родного крыльца
Не раскаянье блудного сына
Но спокойную мудрость отца.

III. Я В ДОМ ВХОЖУ

* * *

Сколько их, полустанков, станций,
Промелькнуло в вагонном окне!
И насытилась муза странствий,
Ничего не добыв извне.
Повернула вовнутрь дорога,
Ухожу, унося в груди
Бесконечную жажду Бога,
Безоглядность Его найти.

ОСЕННИЙ ЛЁТ

Памяти Александра Кухно

Из кувшинок, стреноженных тиною,
От скрадков, где гроза шелестит,
В небо взмоет община утиная,
Поведёт её древний инстинкт.
Но дуплеты ружейные выпалят,
Камышовую шаль опалив,
И кому-нибудь врезаться выпадет
В присмиревший озёрный залив.
В дымку синюю глаз остывающих
Брызнет небо с водой пополам,
Попрощаются молча товарищи
В синеве, недоступной стволам.
И прошепчут просторы осенние:
— Да святится судьбы благодать
И за ясную бронзу везения,
И за тусклый свинец неудач,
За гремящие вспышки болотные,
За луну у намокшего лба…
Выше в небо чирка перелётного
Поднимает земная пальба.

* * *

Потому ли, что пришла пора
Дом родной протапливать под осень,
Я присел у твоего костра…
Много ли смогу в него подбросить?
У тебя великие в долгу.
Но в одном равняю с ними сердце —
Запятой последней не солгу.
Ты позволишь у огня погреться?

* * *

Старый дом.
Ну какой же он старый?!
Он моложе любого в округе,
В бело-синей своей рубахе
Среди серых бесполых громад,
Из-под шапки железной рассыпались
Деревянные мелкие кудри…
Старый дом в переулке, с которым
Сколько лет уж у нас роман.
Шлют карнизы в густых завитушках
Наших дедов привет издалёка,
На ладонях-ставнях протянут
Ненавязчивый их наказ.
А кругом дома-новостройки
И машины на пыльных дорогах,
И конечно, весёлые лица
Новоселов радуют нас.
Тополя и берёзы ломая,
Прогремела стальная челюсть,
Подступает всё ближе к дому
Механическая гроза.
Пни с обрубленными корнями,
Словно лешие, пасти щерят.
И улыбчиво-грустно щурятся

Из-под чёлки резной глаза:
Мир и счастье вам, внуки и правнуки!
Вы растёте выше и выше.
Столько видано-перевидано,
Что не страшно уж ничего.
Может быть, наконец поймёте,
Что никак без меня не выжить…
Старый дом в переулке соседнем —
Да услышится слово его!

* * *

Я в дом вхожу.
Как тысячи других, он
С подтёками на коже крокодильей,
С бетонными надбровьями балконов,
С рядами окон пыльных и холодных
И равнодушно зрящих в этот мир.
В подъезде пахнет жареной картошкой
И древнегреческой рыбёшкой мойвой.
На первом этаже у врат картонных
Звоню и слышу лёгкие шаги.
Дверь открывает человек с глазами,
Быть может, серыми,
Быть может, голубыми:
Мне трудно разглядеть из-за улыбки,
Вдруг заблестевшей в рыжей бороде.
Не той, что вроде запонки вдевают
В манжет,
Но неожиданно янтарной.
Тотчас её оранжевые искры
Зажгли ответ и на моих губах.
И я вхожу на долгую вечерню
Открытых душ, весёлых и печальных,
И жаждущих творить себя и тех,
Кто ещё не согнут смертной этой жаждой,

Но благовест улыбок нефальшивых —
Залог, что жажда пробудит их рост.
На связке красно-голубых шаров
Через окошко в небо улетает
Негромкая торжественная песня,
И звонкие, как дождик, акварели
По стенкам растекаются, смеясь.
И бьют из дали, светлой, неоглядной,
Колокола церквушки невозвратной,
И стынет рыба с жареной картошкой
Под шпилями дешёвого вина.
О нет, здесь не убежище улиток —
Всё, что звенит и светит в этом доме,
Пришло из потной толчеи трамвайной,
Крупинками просеянного солнца
Из торжища, распахнутого всем.
И волны Невозможного нахлынут,
Горячие и радостные волны.
Захочется доказывать кому-то,
Что всё пойдёт на свете по-иному,
Когда мы в Дом войдём поодиночке
С глазами, опрокинутыми в небо,
И жаждой дотянуться до него.

ГЛАВНЫЙ ПОДЪЕЗД

Жизнь, похоже, для нас
Все подъезды парадные заперла.
Всюду с чёрного хода
Базар бесконечный кипит.
Могут в розницу души
Оценивать долларом снайпера,
Может оптом поднять
Их задаром на воздух шахид.
Как в замедленной съёмке,
Качаются перед глазами
Вавилоны витрин

И политики лживая медь.
Человек на планете
В слепом ожидании замер:
Провалиться ему
Или всё же глаза протереть,
Разобрать до земли
Все подмостки театра абсурда,
Маски снять с лицедеев,
Их плечи отправить под крест
И вернуть этой жизни
Открытый, простой, неподсудный,
Пусть не слишком парадный,
Но всё-таки главный подъезд.

НАЕДИНЕ С ОГНЁМ

Мы молчим с моим старинным другом.
Печь открыта, в ней поют дрова.
Им за дверью подпевает вьюга,
Вьюге не нужны мои слова.
И огонь печной не ладит с дымом.
Нам здесь хорошо молчать вдвоём.
В сущности, мы тоже о любимом,
В тишине безмолвствуя, поём.
Чёрный мрак окошками-глазами,
Не мигая, изучает нас.
Самое святое несказанно,
Самое большое не для глаз.
Самое заветное без звука
Понимает, чем душа жива.
За окном поёт ночная вьюга.
В печке подпевают ей дрова.

ДОМ И ДЫМ

Ухожу опять в своё молчание,
Как домой, где не нужны слова.

«Дом» и «дым» похожи по звучанию,
Смыслы сочиняет голова.
Лишь она, словами душу мучая,
Делит жизнь на плотность и на сон.
А у Бога в жизни всё текучее,
Он неуловим и невесом.
Вот и ты, поэт, неутомимо,
Жив пока, служи любым словам:
Тем, что тают в небе струйкой дыма,
И в огне сгорающим дровам.

* * *

На этом свете и на том,
Меняя лики, годы, местность,
Везде мы ищем Отчий Дом,
Находим всюду Неизвестность.
Она загадочно поёт,
Она неудержимо манит.
Сам Бог — не вечный ли полёт
Куда-то в облачном тумане?

* * *

Лечу! Кому такое не приснится?
Лечу всё выше к облакам и в них…
Но пробужденья грубая десница
Бьёт по крылам и сбрасывает вниз.
Знакомая дорога вспухла глиной,
Отталкивая сердце и глаза.
Дождливый день, безрадостный и длинный,
Как взлётная, сереет, полоса.
Уравновесим горестные чувства,
Освободим раздумья от слезы.
Нет в мире справедливее искусства,
Чем долгий поиск взлётной полосы.
Глоток воды, ломоть ржаного хлеба…

И мир опять восторгами храним,
Когда своё
Уходит дымом в небо,
А Горнее
Становится своим.

МОМЕНТ ИСТИНЫ

И прости нам долги наши.
Евангелие от Матфея

Нам щедрот от властей,
Как цветов в декабре,
Не дождаться.
И долгов не простит
Все расчёты закончивший Бог.
Будет скорбь, словно прах,
На сердечное дно осаждаться
И надежда со дна
Подниматься к развилкам дорог.
Греет вера в неё —
В необъятную мощь бескорыстья,
Что так долго томилась
В оковах корыстных затей.
Так зачем же бояться
В душе прорастающих истин
И оплакивать пепел
Сгорающих в сердце чертей?!
Мы дождались сокровищ,
Несметных своих и нетленных,
На заре Сотворенья
Обещанных нашей судьбе.
Посидим же в согласье
С разбуженной нами Вселенной
В бессловесной молитве
Святым переменам в себе.

* * *

Мне говорили — Бога нет,
Я верил в это,
Пока не загорелся Свет
В душе поэта.
Мне говорили: жди наград
За смертной дверцей,
Пока не вник я: рай и ад
В моём же сердце.

* * *

Зазвучало в сердце независимо
От дневных видений и забот
То, что называют пианиссимо —
Тонкая мелодия высот.
Нежная, родная, невесомая…
Как её мне дольше пронести
Через будни наши невесёлые,
Не помять, не затоптать в пути.

* * *

«Кто жизнь не любит, смерть того страшит», —
Промолвил эллин, выпив яда чашу.
Он словно прозревал эпоху нашу,
Где гибель не пугает, но смешит,
Где рвутся миокарды от цинизма,
Где совесть — одинокая синица —
От холода всеобщего дрожит.

ТРУТЕНЬ

Мой рой шарманку жизни крутит,
Один и тот же вальс гудя.
А я молчу.
Мне имя трутень,
И Бог моим делам судья.

Точней, безделью.
В дождь и ветер,
Их заслужил я или нет,
Найдутся мне на этом свете
И угол в улье, и обед.
Я никогда не лезу в драки,
В чины мне тоже скучно лезть,
Я также не желаю тратить
Себя на месть или на лесть.
Но раз в году порой полдневной,
Не подначальный никому,
Лечу вослед за королевой.
Куда?
Хоть к солнцу самому.
И там, в лазури поднебесной,
За миг любви приму я смерть,
Чтоб кто-то мог в каморке тесной
Весь год трудиться и гудеть.

* * *

Я петь уже не в силах о любви,
Затрепанным и мёртвым стало слово.
Его твердим мы снова, снова, снова.
Но мир, как и всегда, простёрт в крови.
Я петь уже не в силах о любви,
Боюсь себя я пустословьем сглазить.
В пространство шлю признания свои,
Навстречу принимаю безобразье…
Труба архангела в последний раз трубит,
И ангелы склонились к изголовью.
Я петь уже не в силах о любви,
Я должен быть, я должен стать любовью.

ЛАДОНЬ

Открытая ладонь, тебе даны права
Понять язык воды и что задумал воздух.

Касается тебя и солнце, и трава,
И запахи цветов, и шёпот мыслей звёздных.
Начертана в тебе судьбы грядущей нить
И знаки всех планет проявлены на коже.
Ты можешь всё сломать и снова сотворить,
И быть ни на кого на свете не похожей.
Ещё тебе дано любимых обнимать,
Им нежно гладить грудь, и волосы, и плечи…
И счастье потерять, и вновь его поймать,
И подпереть щеку в надежде новой встречи…

КОРАБЕЛЬНЫЙ ГВОЗДЬ

Я старый гвоздь на русском корабле,
По шляпку вбитый плотниками в днище.
Плыву домой, к неведомой земле,
Где мой корабль причал надёжный ищет.
На мачтах истрепались паруса,
На палубе танцуют волны-звери.
Команда верит в Божьи чудеса,
А я в железо собственное верю.
А также из ободранной доски
Стремлюсь наверх настойчиво и рьяно.
Я в трюме задыхаюсь от тоски,
Хочу помочь заботам Капитана.
И, чуя мою древнюю тоску,
Мне шепчет Капитан, поправив парус:
— Держи, дружок, держи свою доску,
А с парусами как-нибудь я справлюсь.

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

Течёт река. Морозно. Тишина.
Ещё качает лодку у причала,
И солнце рядом,
Тёмная волна,
Задумчиво качает, величаво.

Неторопливый загородный мир
Наш ералаш, похоже, не тревожит.
Ну, снова подерёмся, пошумим,
В который раз, как змеи, сбросим кожи.
На помощь Бога снова позовём
И вымажем себя в земном мазуте.
И плакать будем, каждый о своём,
И всё о сути,
О бессмертной сути.
А суть светла, и наша, и реки:
Спускаются, смеясь, на землю дети,
Уходят в небо с грустью старики,
И всё течёт, течёт на белом свете.

ВЕТЕР МГНОВЕНИЙ

Новогодний вальс

В Новом году
От судьбы ожидаем удачи,
Но на ходу
Ошибается ветер незрячий.
То упадёт самолёт,
То догонит волна наводнений.
Слишком уж часто печали нам шлёт
Ветер мгновений.
Кружатся, кружатся, кружатся
Ветры и вальсы.
Их невесёлому кружеву
Не поддавайся.
Сменится время тревог
И дурных настроений,
Ляжет котёнком у ног
Ветер мгновений.
Мир этот создан
Из грозных мгновений и мудрых.
Ночью беззвёздной

Рождается светлое утро.
Душу и грудь холодят
Нам крутые метели.
Но в Новый год зажигают наряд
Звёзды и ели.
Кружатся, кружатся зимние
Ветры и вальсы.
Плечи любимые,
Нежные женские пальцы.
Время меняет страницы
Своих откровений.
Вдруг присылает жар-птицу
Нам ветер мгновений.

IV. ВОСТОЧНЫЕ УЗОРЫ

В ДОЛИНЕ КУЛУ

Биас под нами прочертил излуку.
Вверху орёл очерчивает круг.
Мы знали до сих пор одну Белуху,
А здесь мы видим сразу семь Белух.
Семь светлых глав на нас глядят бесстрастно:
— Зачем пришли? О чём несёте весть?
Высокое безмолвие пространства
Нас просит не пятнать и пяди здесь. —
Вы праха горсть, вы стебли чахлой травки
В сравнении с величьем этих гор.
— Пусть будет так. Но мы хотим на равных
Вести с тобой, Пространство, разговор.
Мы не травинки и не пыль земная,
Которой безразлично, где кружить.

В долину из далёкого Алтая
Пришли мы мост надежды проложить.
Мы братья этих склонов тёмно-синих,
Свидетелей бесчисленных эпох.
Хребты Ариаварты и России,
В борьбе объединимся! С нами Бог!

КАНЧЕНДЖАНГА*

К многоустой молве прикасаясь,
Я тебя представлял до сих пор
Одинокой горой, оказалось —
Ты гряда их, ты целый собор.
Ты глядишь на нас нежно и строго,
Словно добрая, мудрая мать.
Мы стоим у преддверия Бога,
Не решаемся в дверь постучать.
Мы веками толпимся у входа,
Всё окольные ищем пути
И не слышим, как шепчет природа:
— Ну, довольно топтаться. Войди!

СУВЕНИРНЫЙ НОЖ

Я его приобрёл прошлым летом в Непале,
Я купил его в пик альпинистской поры
У ступней Анапурны**, где всё продавали,
От ножей до вершин этой снежной горы.
В Гималаях сегодня бутылки и банки
Заменили таинственных йети следы.
Толпам немцев, японцев, заносчивых янки
Без проблем покоряются вечные льды.
Шерпы в горы несут керосинки и лыжи —
Свой на плечи за доллары взваленный крест.

* Третий в мире по высоте восьмитысячник в Гималаях, священная гора, которой поклоняются миллионы индусов.

** Восьмитысячник в Гималаях.

Ты прости, Анапурна,
Мы сделались ниже,
Даже несколько раз покорив Эверест.
Золотые драконы по чёрному фону
Растянулись на ножнах, оскалив клыки,
Словно боги, принявшие всю оборону
На себя вместо нас, обнажили клинки.
Мир давно уже, в собственных силах изверясь,
Возлагает надежды на Божий клинок.
Анапурна сверкает, как белая ересь,
Среди тёмного торга у собственных ног.

ПАМЯТИ БАБЫ ВИРСА СИНГХА*

Осиротели Русь и Гобинд Садан,
Не стало друга солнечного рядом.
Ушёл от нас в заоблачную синь
Великий старец Баба Вирса Сингх.
В идущей на земле духовной битве
Он находился сутками в молитве,
Она была оружием его
В боях за мир и Света торжество.
— Откуда Свет придёт? — его спросили.
И был ответ:
— Придёт Он из России.
— Когда наступит время перемен?
— Когда страну поднимете с колен.
Теперь, быть может, молится за нас он,
Как дух бесплотный, в небе над Кайласом.
А может, воплотившись на Алтае,
Собой просторы наши согревает.

* Знаменитый индийский мудрец, духовный лидер сикхов, всю жизнь молившийся за Россию, с которым несколько раз встречался в Индии автор сборника.

ЭПИТАФИЯ В ГИМАЛАЯХ

Он жизнь без грусти отпустил,
Почти изжив остаток сил.
Сгорел, как спичка на костре,
На этой ледяной горе,
Не чуя ни огня, ни боли.
И, став холодною золой,
Смерть не назвал старухой злой.
Он знал, что и в горах, и в поле
Она вернёт и жизнь, и волю.

ПРЕМА*

Вечно неисчерпанная тема
О себе напоминает вновь.
Духов день. Стучится в сердце према,
Так в былые дни звалась любовь.
Рвём сегодня связи с Небесами,
Вместо слов живых бездушный звон.
Шумно напридумывали сами.
«Премии», «премьеров», «примадонн»…
Выветрился древний дух санскрита
Из Европы, чахнет и у нас.
За семью печатями сокрыто
То, что раньше радовало глаз.
Мы зовём любовью что попало,
Даже то, где тени её нет.
И она, забытая, пропала,
Посылает лишь незримый свет.
Светится в молитвенном молчанье,
Как неразличимая звезда,
Вы её сердечными очами
Чуете хотя бы иногда?

* *Према* (санскр.) — любовь.

* * *

Тибет. Страна камней и льда,
Пустынь и гор, чудес и Будды.
Я не бывал там никогда
И уж, наверное, не буду.
Но сожалений горьких нет:
Тибет сегодня обессилел.
Все чудеса его и свет
Ушли отныне вглубь России.
Хранит Восток великий План:
Век Истины наступит снова,
Когда протрёт глаза Иван,
Когда Россия скажет Слово.

БУДДИЙСКИЙ ХРАМ

В Гималаях кактусы и пальмы
С кедрами соседствуют века.
Храм под ними, как поэт опальный,
Голову возносит в облака.
К храму вьются узкие дороги.
Исполины снежные окрест.
Говорят, жильём избрали боги
С первых дней Творенья Эверест.
Он стоит и при любой погоде
Смотрит в беспредельное Окно.
В этом на индусов мы похожи:
Родина и Бог для нас — одно.
Также говорят, что мы спасёмся,
Как и эти горы, этот храм.
На одном меридиане солнце
Входит в наши окна по утрам.
Не берусь судить, но верю свято:
Живы мы, пока глядят на мир
Эти бесконечные громады:
Гималаи, Родина, Сибирь.

* * *

И вновь разлив весеннего огня,
Святое торжество Любви и Света.
Сегодня дуновение Тибета
В деревне русской тронуло меня.
Я кожей вдруг почувствовал: оттуда
Пришёл тончайший этот аромат,
Прикосновенье ласкового чуда,
Высокий зов со снеговых громад.
Так вот они, знамения земли!
Сомкнулась цепь, и мне давно пора бы
Понять, что горы звали и вели
Не только Пушкина, не только Миларайпу*.
Как часто принимаем зов за звон,
Мол, наш удел — в поту добыча хлеба.
Любой из нас — связной Земли и Неба.
И не желанье это, но закон.
Равнин великих невеликий сын
Святому торжеству Любви и Света,
Святым вершинам вечного Тибета
Я шлю ответный зов моих равнин.

* * *

Сто тысяч песен Миларепы
Подарены Тушита-небом,
Ручьи неповторимых слов
Про единенье и любовь.
Он знал язык камней и гадов,
Святых вершин и водопадов,
Он пел в лесу, в горах —
везде,
А жил на хлебе и воде.
С тех пор долин зелёных замша

* *Миларайпа (Миларепа)* (1052–1135) — учитель тибетского буддизма, духовный мастер, поэт, автор многих песен и баллад, до сих пор популярных на Тибете.

И снежных склонов белый фетр,
И хижины, и замок Чжамцо —
Поёт те песни весь Тибет.
Сто тысяч песен Миларепы —
Такая кладь кому и где бы
Пришлась в Европе по плечу?
Но ведь придётся,
Видит Чжу,
Творить по-новому отныне,
И не в затворе, не в пустыне —
В миру, в упорнейшей борьбе
На радость людям и себе.

КОРА*

У ног Кайласа, занесённых снегом,
Ни деревца, ни тропки, ни следа.
Здесь по соседству с истиной и Небом
Витает дух распятого Христа.
Понятно всем, от русского до шерпа:
Прощенья не вымаливай за грех —
Лишь крестный путь и праведная жертва
Подняться помогают нам наверх.

ЭВЕРЕСТ

Я помню: сонный полисмен
Поднял бамбуковый шлагбаум —
И мы въезжаем в полусне
На встречу с утренним Непалом.
Ландшафт не радует,
Кругом,
От храма до убогой лавки,
На пёстрой ярмарке богов
Торговый бог, похоже, главный.

* Согласно восточным традициям, ритуальный обход вокруг священной горы Кайлас.

— Купи! — несётся даже с гор,
Куда добрался шустрый рынок.
Преодолев рекламный вздор
Среди мелькающих картинок,
Над одеялом белых туч,
И в полпути к туристской Поккре*,
Возник он, словно чистый луч
Или беззвучный Божий оклик.
Прекрасный, вечно молодой
Маяк архангельской свободы,
Укрывший снежной чистотой
Все альпинистские отходы.
Природой сотворённый храм
Стоит в своей святой отдельности,
Как суфий, принявший ислам
И присягнувший Беспредельности.

ПУТЕШЕСТВИЕ ДРУЗЕЙ

Монголия. Июнь. Пустыня Гоби.
И ветер, ветер, ветер у виска.
Здесь человек, как Господа подобье,
Весь на ладони жаркого песка.
Днём солнце жгуче, ночи тоже круты,
В палатке правит холод до костей.
Качаются барханы, словно крупы
Монгольских низкорослых лошадей.
Мне живо представляется пустыня,
На ней две точки — джипы колесят.
Так странно, что пустыня их впустила
И позволяет выбраться назад.
Нам путники машин потом расскажут,
Какие звёзды на пути горят,
Как сказочно несут ночную стражу
И что они в молчанье говорят.

* Городок у подножия Гималаев.

И вместе вдруг захочется вернуться
В задуманный Всевышним мир мечты,
Где без усилий можно дотянуться
До Млечного Пути
Рукой почти.

БИЕНИЯ

Заждались мы дождя.
По заморским пределам скитаясь,
Удостоил и нас
Наконец он явленьем своим.
Я шагаю на дачу
Под старым зонтом, как китаец,
Почему бы на время
Себя не почувствовать им?
Бьются капли о зонтик
В небесном своём упоенье,
По малиновым листьям
И в шляпку поганки-гриба.
Я бы одой почтил
Все на свете дожди и биенья,
Если б ребра мои
Слишком часто не била судьба.
Впрочем, кто же ответит,
Где меру она отсчитала?
В голове моей бьются
И строятся в строчки слова,
Я пытаюсь понять,
Я пытаюсь почувствовать дао,
А оно не даётся,
Природа его такова.

ЗАВЕТ КОНФУЦИЯ

Лети, душа, не слушай жалоб плоти
И зовы сладких голосов земли.
Не удаляйся от неё в полёте,
Умчишься в небо — сядешь на мели.

АРКАИМ

Речная рябь в седую даль гонима,
Залётным ветром взятая в полон.
Полынные просторы Аркаима,
Я дважды приходил к вам на поклон.
И кожей чуял тонкие касанья
Поклонников Великого Огня.
Широкими арийскими глазами
Они глядели молча на меня.
— Зачем пришёл?
Исполнишь ли законы
Хранить в душе святые пламена?
— Ну что ж, не понаслышке мне знакомы
Оставленные вами письмена.
Барачный быт гипербореев древних
В мой детский мир тропинку проторил,
И бегство их из городов в деревни
Я в сорок первом тоже повторил.
Но вот огонь души… В дыму столетий
Он весь почти растрачен на металл.
…Гнал рябь речную беспокойный ветер,
Скользили тени в облачную даль.
Их печь для плавки бронзы слишком зримо
Напомнила заветы старины…
Полынные просторы Аркаима,
Мы в общей связке веры и вины.

СУФИЙСКИЙ ЦИКЛ

СУФИЙСКАЯ ПРИТЧА

Возжелав в душе унять тревогу,
Вражьих стрел хвативши через край,
Я однажды постучался к Богу
С вечным и тоскливым нашим
«Дай!».
По иной, по этой ли причине
Все мои тревоги отлегли,
Но и лучше стрелы наточили
В тишине угрюмые враги.
Продолжая тряскую дорогу
И устав от жизненной возни,
Радость принести решил я Богу
И воскликнул:
— Господи, возьми!
И волною тёплой грудь омыло,
С глаз моих упала пелена
До поры, пока не накатила
Новая холодная волна.
Породнив и радость, и тревогу,
Не считая годы и труды,
В третий раз я показался Богу:
— Сердце без остатка занял Ты!
И в душе разлился ровный, сильный,
Жаркий, но совсем не жгучий свет,
Голубой, сиреневый и синий…
О другом ни слов, ни красок нет.

МОЛИТВА МУСУЛЬМАНИНА

Аллах, клянусь: отныне смирным буду!
И каюсь: долго брёл по дюнам зла.

Не возлагай усталому верблюду
На спину груз упрямого осла.

ИЗ ПОУЧЕНИЙ СУФИЕВ

Ты ждёшь от Небес своего просветленья
И долго молитву читаешь о том.
Готов ли под ношей почуять колени,
Как крылья, несущие к Господу в Дом?

* * *

Меня уже правда ничья не заманит,
Когда подчиняет рассудок себе.
Все истины сказаны, дело за малым —
С одной добровольно пройти по судьбе.

ИЗ КОРАНА

Стань грозным, препоясав меч по чреслам,
Стань нежным, точно гурия в саду.
Стань хоть каким, не оставайся пресным,
Аллах таких раздавит на ходу.

АЯТ КОРАНА

Итак, да здравствует джихад!
Гони из сердца лживый ад,
Сулящий в небе счастья нору.
Ищи в самом себе опору.
В тебе и воин, и поэт,
И сам Аллах, и Магомет,
В тебе на глубине сердечной
Живёт Христос, родной и вечный.

ИЗ ОМАРА ХАЙЯМА

Я думал: как сумел Хайям Омар
В четыре строчки втиснуть Божий дар?

И понял: он удерживать привык
Пером строку, молчанием — язык.

* * *

Много лет настойчиво, упрямо
Пью напиток мудрого Хайяма.
Вроде бы немало выпил, но
Где ты, моя мудрость, о вино?!

* * *

Кто смолоду расчётлив и угрюм,
Чей трезв и ясен постоянно ум,
Тот никогда не станет виноградом,
Тот сразу превращается в изюм.

* * *

Не рвись, душа, в покой иных миров,
Безоблачность опаснее, чем бури.
Растёшь, покуда жребий твой суров,
Слабеешь, по-кошачьи глазки жмуря.

* * *

Не любят горы пошлости и дна,
В горах страховка верная важна,
В горах веревка длинная нужна.
А слово лучше, чем оно короче.
Омар Хайям горам созвучен очень.

ПОДРАЖАНИЕ ОМАРУ ХАЙЯМУ

«А Бога нет!» Сказавший так не лжет,
Безумец прав, неправ монах смиренный.
Есть только мы и вечный наш полёт
По бесконечным глобусам Вселенной.

Страдальческий, когда влечёт к земле,
И радостный в стремленье к Неизвестности.
Я это говорю навеселе
И откажусь от сказанного в трезвости.

ПОДРАЖАНИЕ ЛАО-ЦЗЫ В МАНЕРЕ ОМАРА ХАЙЯМА

Если долго сидеть и смотреть, как река
Вдаль течёт, подмывая свои берега,
Можно видеть прибившийся винный бочонок
И плывущие мимо останки врага.

V. Я ПЛЫЛ НА СТРЕЖЕНЬ, НО МЕНЯ СНОСИЛО

НЕЗРИМАЯ ОДНА

Судить мы все умеем неизменно.
Когда Джордано в пламени поник,
В костёр крестьянка бросила полено,
Чтоб жарился получше еретик.
Дантес не мог на вызов не ответить,
Не мог Мартынов промолчать никак.
Их много, правд, во все века на свете
В немыслимых переплелись клубках.
Ты правдам этим не судья, не пастырь,
Пусть вынырнут и вновь идут ко дну.
Умей внутри себя держаться насмерть
За главную, незримую… одну.

СТИХИ, ПРОЧИТАННЫЕ НА ПАРТСОБРАНИИ, ГДЕ МЕНЯ ИСКЛЮЧАЛИ ИЗ ПАРТИИ

Пахнут молодо талые воды,
И вербы
В серый пух расфрантятся
На склонах вот-вот,
И, ликуя, приносят
Весенние ветры
Перемен, и надежд, и тревог
Хоровод.
Долгожданно, улыбчиво, благословенно
Что-то дрогнуло
И засияло в груди.
Это тонкие токи
Из сердца Вселенной
Отыскали к позвавшему сердцу
Пути.
Как непросто сегодня,
Как очень непросто
В суете многоликой
И в распре слепой
Отстоять и возвысить
Своё первородство,
Своё право на разум,
На радость и боль.
И коровам,
Бредущим по тёмному снегу,
Так и хочется крикнуть
В незрячую грусть:
— Поднимите глаза
Хоть ненадолго к небу,
Там вы больше
Травинок найдёте,
Клянусь!

* * *

Не умея просить прощенья,
Получал по спине и ниже.
За неласковое обращенье
На судьбу не жалуюсь —
Выжил.
Говорят же, что битый третий
Стоит в жизни небитых двух.
Но ведь били сукины дети
Так, что чуть не вышибли дух!

НОЧЬ В ДАЧНОМ САДУ ПОСЛЕ ПАРТИЙНОЙ РАЗБОРКИ

Я баню растоплю субботним вечером,
Нарежу огурцов, зажгу свечу
И все свои душевные увечья
Общеизвестным средством подлечу…
Соседняя веранда шкурой тигра
Повисла на ограде и горит,
Высокий тополь призрачно и тихо
Над теремами дачными парит.
А терема, как в сказке, курьи ножки
Попрятали в сиреневый уют.
Добро бы тигры — атакуют кошки,
И, как ни отбиваюсь, достают.
Зову на помощь Соломона мудрость:
«Пройдёт, пройдёт и это под луной».
Луна следит за мной, сквозь тучи хмурясь,
Внизу сады смеются надо мной.
Они цветут торжественно и рясно,
Белея средь июньской полутьмы.
Прекрасны люди, и земля прекрасна,
Пока не искалечена людьми.
И если ложь Россию не разрушит,
Когда-нибудь поднять надеюсь тост,
Чтоб мы друг другу врачевали души

Сияньем глаз,
Таким же, как у звёзд.

* * *

Я плыл на стрежень,
Но меня сносило,
Я плыл, как рыба, против быстрины.
Когда же мне отказывали силы,
Я чувствовал плечо
Своей страны.
Могучей, несуразной и жестокой,
И нежной, и возлюбленной до слёз,
Страны всесокрушающих потоков,
Дубовых плах
И ласковых берёз.
В конце концов, я выбрался на берег,
Хоть отовсюду слышал:
— Быть беде!
Мне говорят,
Что я в кого-то верю.
Я верю в тех,
Кто всё ещё в воде.

ШИФРЫ

Душа моя, всех шифров трудных
Судьбы понять нам не дано.
Быть может, их лишь ангел Судный
В предсмертном объяснит кино.
Покажет нам твой день рожденья —
Колёса долгий путь куют…
Шахтёрский город. Солнце. Тени.
И за углом мальчишку бьют.
И, разрывая душный обруч,
Сдавивший грудь до тошноты,
Свечой в кольце фигур недобрых

Безмолвно вспыхиваешь ты.
Скачок монтажный лет на тридцать.
Чиновный неуютный дом.
Часы. И слившиеся лица
Тебя терзают за столом.
В заледенелых тусклых взглядах
Вина и скука, власть и ложь.
И дождь, из тёмной тучи яда
Приходит благодатный дождь.
Благодарю, душа, за милость,
За долгий наш земной союз,
За то, что каждый чёрный минус
Ты превращала в светлый плюс.
И там, где выключена память,
В раю или в летейской мгле,
Я всё равно шепну губами
Благодарение земле!

ПОВОРОТ СУДЬБЫ

Я принят Всем,
За это изгнан всеми.
Франсуа Вийон

Я изгнан из своей «Науки»*,
А принят стражем на ночь в сад,
Чтоб чьи-нибудь лихие руки
Не воровали виноград.
На ящике для Симиренко**
Под старой яблоней сижу.
В листок тетрадный на коленке
Стихов колонку вывожу.
Фонарь с чернильной ночью спорит,
Я — с огорченьями в судьбе.

* Издательство «Наука», откуда был уволен Ю. М. Ключников за философский идеализм и богоискательство.
** Сорт яблок.

Издам к шестидесяти сборник,
А в семьдесят вступлю в СП*.
К восьмидесяти первым стану
Поэтом на земле родной.
Забуду про свою охрану,
Воспряну духом над страной.
В деревьях звёзды лики прячут,
Куда-то месяц запропал,
Шакал в горах по-детски плачет,
В соседстве чавкает кабан.
Земля в ночных летит просторах
И на спине своей влачит
Всех нас и наших планов ворох.
О чём задумалась — молчит.

* * *

Не впервые, Кавказ, ты для русского ссылка.
Так прими и меня во владенья свои.
Слишком веру свою безоглядно и пылко
Я хотел на безбожные плечи взвалить.
Этот старый сюжет про свиней и про бисер
Повторяется каждую тысячу лет.
Но закон для таких, как Иваны, не писан,
А Иваном рождается каждый поэт.
Мы суём свои пальцы в электророзетку,
Будоражим всю жизнь обывательский дом,
Без приказа идём одиноко в разведку
И штрафным батальоном кончаем потом.

* * *

Время выкинуло коленце,
И причалил я в поздний час
С полуострова «Интеллигенция»

* Союз писателей.

К континенту «Рабочий класс».
От всеобщего блуда словесного
В бессловесные лёг камыши,
Где на донышке зелья известного
Топят тихие стоны души.
Как Рембо у индейцев меж Андами,
Заблудиться на шхуне сумел,
Уголовниками командуя,
Сам себя посадил на мель.
Но и здесь золотые россыпи
Проступают сквозь тёмный прах,
Всюду души тоскуют об острове,
Белом острове где-то в горах.
— Если нет его, дай забвения, —
Молит Бога российский люд.
И зачем мне моё спасение
Без людей, которых люблю?
Без моей заплутавшей Родины,
Вечно бьющей нас по рукам,
Так уж вышло, что мы уронены
Плыть по адским жизни кругам.

НАМ ДАЛИ ПРЕМИАЛЬНЫЕ НА ХЛЕБОЗАВОДЕ

Нагрузившись вином,
Разбрелась по задворкам и щелям
Моя славная смена —
До солнца не растормошить.
Я остался один на один
Со своим возмущеньем,
Не считая, конечно,
Полдюжины автомашин.
Семь потов в эту ночь
Мне случилось пролить до упаду,
Я какую-то строчку,
Быть может, в рекорды вписал

Без цветов и оркестров.
Ну ладно, оркестров не надо.
Но зачем свою спину
Поклажей такой наказал?
И когда шевелился,
Как сказано, еле можаху,
Из-за склада соседнего
Летнее солнце взошло,
Обсушило лицо
И белённую солью рубаху
И второе дыханье
Под этой рубахой зажгло.
И восторг распрямил
Приунывшую душу и тело,
И вся горечь моя
Сразу стала смешной и чужой,
И незримая птица
В ликующем сердце запела
Песню чистой победы
Над тонувшей в обидах душой.
Я полсуток проспал,
Но зато во вторые полсуток
Написал эти строчки
О пользе тяжёлых работ.
Так что низкий поклон
Вам, принцесса судьба, кроме шуток,
За умение выжать
Последние силы и пот.

* * *

Я удивляюсь, как я уцелел
В колодце жизни тёмном и заразном.
Я был его соблазнами обласкан,
Оставить их не мог и не хотел.
Я удивляюсь, как я уцелел.

Но удивляться стоит мне едва ли,
Ведь сколько раз мне руку подавали
В силках и ямах недостойных дел.
Я удивляюсь, как я уцелел.
Но вот и мой черед повернут круто —
Спускать в колодец лестницу кому-то.
Затем, наверно, я и уцелел.

ПАМЯТИ Ф. С. ГОРЯЧЕВА*

В мечте по времени иному
Свечу зажгу в земном дыму
Сначала бывшему обкому,
Потом ушедшему ему.
Широкий лоб с короткой чёлкой,
Колючий взгляд из-под бровей.
Мы с ним повязаны бечёвкой
Судьбы бунтующей моей.
Охваченный духовной жаждой,
Я разделить её хотел
С надменной партией однажды
И оказался не у дел.
…Вцепились крепко в ту эпоху
Любых эпох временщики,
Привыкли сверху, снизу, сбоку
От них себе кроить куски.
Но я, впадая в память-кому,
Порочить время не хочу.
Ему и бывшему обкому
Жгу поминальную свечу.
За годы остракизма чёрные,
За выгон на подножный корм,
За вознесенье стихотворное…
Нет, не пошлю ему укор.

* *Ф. С. Горячев* (1905–1991) — секретарь Новосибирского обкома в 1959–1991 гг., один из инициаторов исключения из партии автора книги.

У всех нас есть орёл и решка…
И я исчезну вслед за ним
В потоке ликов многогрешных
Под небом праведным одним.
Да, Небеса одни рассудят,
Какой нам жребий новый дать.
А люди что? На то и люди,
Чтоб верить, маяться, мечтать.

ДВЕ ИКОНЫ

Для власти, для ливреи
Не гнуть ни помыслов, ни совести, ни шеи.
А. С. Пушкин

Век мой долгий словно в одночасье
Промелькнул в глазах картинкой сна.
Знал ли в нём когда-нибудь я счастье?
Думаю, что чувствовал и знал.
Никогда не пользоваться ласками
Ни былых, ни нынешних вельмож.
Разве что они меня затаскивали,
Вызывали на крутой правёж.
Очень уж старались эти недруги
Душу расстрелять из всех стволов,
Записать её насильно в рекруты
Для охраны собственных столов.
Как скрипело в их речах железо
И какое пламя взгляд метал!
С прежней жестью внутрь уже не лезут,
Манит их теперь иной металл.
Ставят для него свои ловушки,
Даже иногда в тени икон…
У меня их две — Христос и Пушкин.
Бог и долг, свобода и закон.

VI. ГРУДЬ СВОЮ КРЕЩУ В ТОСКЕ ВЕЛИКОЙ

В ДРЕВНЕМ МОНАСТЫРЕ

Здесь птицы, шорохи и страхи
Гнездятся нынче среди стрех.
А были времена, монахи
Радушно привечали всех.
Входи, смиренный и отчаянный,
Безбожный и святой, садись.
И если ты не гость случайный,
Тогда трудись, трудись, трудись.
Цвели сады на голом камне,
В земле для них совсем чужой,
Согретой тёплыми руками,
Но главное — живой душой.
Ведь здесь молились за Россию,
Светло молились, горячо.
И как нам знать, не той ли силой
Мы живы до сих пор ещё?

* * *

Не затем, чтоб с грехами расстаться,
Не для праздных томлений души
В оны веки к пустынникам-старцам
Наши гордые прадеды шли.
И какой-нибудь грозный воитель,
Весь в былых и грядущих боях,
Перед тем, кто жука не обидит,
На коленях смиренно стоял.
Темнота? Суеверье? Юродство?
Или мудрый завет старины —
Напитаться святым благородством
Перед варварским делом войны?

Чтоб любовь и во мраке дышала,
Чтоб в жестоких трудах бытия
Возвышалась, добрела, мужала
Дорогая Россия моя.

МОЛИТВА ПОСЛУШНИКА ПЕРЕД ПОСТРИГОМ

Не могу служить отныне шуму.
Господи!
Да расточи в туман
Скудных дел изношенную шубу,
Тела горемычного кафтан.
Смерду твоему пошли простому
Власяницу древнюю, хочу
Сердце у священного престола
Превратить молитвами в свечу.
Строго смотрят праведные стены
Ликами своих святых икон:
Нет сердец и дел земных нетленных,
Неподвластных тлению времён.
Есть! Пошли умение и силы
Поразить увертливую тьму.
Дай проникнуть в огнь невыразимый,
Неподвластный трезвому уму.

* * *

Молитва требует упорства.
Дымит, как влажная берёста,
Пока стотысячная спичка
Огонь не сделает привычкой.

МОЛИТВА ДУХУ-УТЕШИТЕЛЮ

Утешь меня, что кончилась зима,
Что мир не до конца сошёл с ума,
Что есть ещё в нём люди, а не тени,

Что думают о чём-то, кроме денег.
Утешь меня, что вырулим на Путь,
Что дашь душе от бед передохнуть,
Что русские берёзы не засохнут,
Что доллары и бесы передохнут.
Утешь, что возвратится к нам покой.
Что на людей Ты не махнул рукой,
Что скажешь своё Царственное Слово,
И солнышко над нами вспыхнет снова.
Утешь меня…

* * *

Когда распятый на ливанском кедре
Спаситель мира с телом расставался
И уксусом подсушенные губы
Вскричали:
— Отче! В руки предаю
Тебе мой дух!
И солнце помрачилось,
И страх объял легионеров грубых,
И утончённых книжников,
Умолкли
Когда апостолы в великой скорби,
В тот звёздный час ликующего зла
Заплакал первым тёмный победитель.
О сколько бы отдал он, чтобы чаша
Сия его могла бы удостоить!
Чтобы воловьи петли бичевали
Предательством поломанные крылья,
Чтоб эти им обманутые толпы
Плевали в полузрячие глаза.
Но плакал он недолго, потому что
Его ждала телега, на которой
Он в ад влачил учёных фарисеев,
Всех присных и грядущих негодяев,

Завидуя из них любому, ибо
Никто на дно его не упадёт.

* * *

Ищу тебя, нигде не находя,
Твой образ я ловлю в речном теченье,
В ночных туманах, в капельках дождя,
В рассветных снах и в сумраке вечернем.
Отыскиваю образ дорогой
Я в лике каждой женщины случайной.
И пусть не в этой жизни, пусть в другой
С разгаданной твоей я встречусь тайной.
Есть в жизни неземная высота,
Есть пламя у холодного камина.
О не покинь меня, моя мечта!
А я тебя вовеки не покину.
Дай веры мне пройти сквозь мрак ночей,
Дай силы мне в моих дневных сраженьях,
И вечный свет твоих святых лучей
Да охранит меня от пораженья!

* * *

Все пропасти ты обошёл сегодня,
А также все соблазны победил,
За грех чужой был брошен в преисподню
И должника у ада отсудил.
Настал момент Божественной награды,
Ты к ней готов,
Душа твоя чиста.
Но вдруг представь,
Что крест ты нёс не ради
Блаженства —
Ради нового креста.
И Бог не райской озабочен думой,
А тем, как меньше грешников списать
В геенну.

Что на это скажешь, друг мой?
Поможешь ли Творцу бедняг спасать?
Ты в адской топке раз уже обжёгся,
А предстоит и два, и три, и шесть…
Как представляешь мудрость парадокса:
Чем ты святей,
Тем тяжелее крест?

* * *

Ты сетуешь, что ангелы ленивы,
Что черти расторопнее богов,
Что жизни необъятные разливы
Никак не терпят райских берегов.
Так ведь в раю подстерегает порча,
О чём веками старцы говорят.
Зане пути Господни в адских корчах
Не праведники — грешники торят.

ИЗ «ДОБРОТОЛЮБИЯ»

Ты просишь Бога наказать врага
За все дела, недобрые и низкие.
Такой молитвой сам себе рога
Растишь на лбу, конечно, сатанинские.
В молитве будь смиренным, словно мышь.
Огнеопасны страстные моления.
Для недруга проси лишь вразумления,
Тогда себя, возможно, вразумишь.

К СВОЕМУ 77-ЛЕТИЮ

Я не однажды погружался в морок,
Но как-то продержался на плаву.
Сумел прожить одиннадцать семёрок,
Двенадцатую вряд ли проживу.
Зачем она? Того, что видел, хватит,

Чтоб не цепляться за житейский крест.
Я много повидал слепых распятий
И сам на них не раз без толку лез,
Как всякий русский.
Ждал от жизни чуда,
Оно не шло, в отчаянье устал…
Пока блаженство смерти не почуял
В сраженье за страну и за Христа.
Когда меня коснётся смертный иней
И позовёт Небесный Отчий Дом,
Я ничего так не хочу, как в синих
Очах России
Встретиться с Христом.

ПАСХА

Смерть в этот день сменило чудо веры:
Отец сошёл к недвижному Ему.
И откатился камень от пещеры,
И хлынул Свет в могильную тюрьму.
Он встал, Он вышел к нам, не оглянулся
На тёмный вход в последний скорбный дом.
И смертный мир стеной за Ним замкнулся,
Бессмертный вспыхнул в нимбе золотом.
И шар земной стал для Него жилищем
В любой душе и в хижине любой,
И сделалась спасительною пищей
Для нас его незримая любовь.
Увы, мы эту пищу отложили
На многие столетия.
Отцу Небесному молились, но служили
Всё той же смерти, суете, тельцу.
Невидимый, Он ходит между нами,
Пытливо смотрит в каждые глаза:
Когда же в них зажжётся это Пламя,
Что движет Землю, Жизнь и Небеса?

* * *

Он вызывал у очень многих ярость
Одним присутствием своим, и волны
Её прибоем в сердце его бились
О холодок давно смиренных чувств.
Но если мутным тем волнам навстречу
Он воздвигал барьер доброжеланья,
Потоки злобы удесятерённо
Катили вспять к направившему их.
То был и меч, и щит.
Но после люди
Придумали конфуз непротивленства,
И самое могучее оружье
Сегодня вызывает лишь насмешки
Толпы невежд.
Да, крепко позабыто,
Что ни одна рука не прикоснулась
К нему до той торжественной минуты,
Когда он сам себя отдал толпе.
Отдал, чтоб не спасти её, отсрочить
Погибель многих, яд тысячелетий
Испив и указав пути, чтоб каждый
Из нас не забывал ни на минуту,
Что никого не минет эта чаша —
Взойти на крест…

* * *

Ухожу в себя, сомкнув ресницы,
От сует житейских и от лжи.
Взгляду затворившемуся снится
Светлый Лик, который вечно жив.
Отраженьем с древней плащаницы
На меня глядят Его глаза.
От их света на мои ресницы
Набегают за слезой слеза.

Прядь на лбу, царапина на пряди
И вопрос в глазах:
— Зачем живёшь?
Может, и живу на свете ради
Этих глаз, не выносящих ложь.

* * *

Ты рвёшься ввысь, грустишь о красоте,
О правде, о достоинстве, о чести.
Ты хочешь жить, как предки, во Христе,
С Ним в каждом деле пребывая вместе.
Но кто-то шепчет: нет давно Христа,
И предки тоже в Нём ни дня не жили.
Всегда страну терзала чернота,
И мы ей тоже без конца служили.
У каждого в душе гнездится тень,
В какие бы ты ни рядился перья.
Святой отшельник прячет от людей
Боязнь греха и грех высокомерья.
Такие рассуждения ума
Известны всем. И всё же, всё же, всё же,
Что нам бы ни нашептывала тьма,
Стремленье ввысь в сердцах не уничтожить.

ЛАМПАДА

В хладных дебрях житейского ада
Ты однажды свечою возник
Над душой, как над сонной лампадой,
И зажёг в ней свой огненный Лик.
Я внутри не почувствовал рая,
Началась там другая игра —
Бьётся, в пламени перегорая
Моих мыслей и чувств, мошкара.
Ты порой улыбаешься ясно,
Чаще грозен недремлющий Лик.

Если пламя колеблется, масла
Молча просишь в лампаду подлить.
В тёмных дебрях житейского ада
Я от стонов и жалоб отвык,
Мне иного блаженства не надо,
Как лампада, горенье и Лик.

* * *

Грудь свою крещу в тоске великой,
Ритмами старинными звеня:
Дум моих и живота Владыко,
Ты помилуй грешного меня.
Сколько правды ни искал и счастья,
Сколько вёрст ни мчал мой конь, храпя,
Некуда мне больше возвращаться,
Окромя России и Тебя.

ИЗ УМНОГО ДЕЛАНИЯ

* * *

Две силы борются в душе,
И обе в ней настороже,
Следят за третьей — за вниманьем,
Танцующим на их меже.

* * *

Ты силой не гордись своей,
Всегда найдётся кто сильней.
Держись за руку Иисуса
Тем крепче, чем тропа тесней.

* * *

Споткнёшься — слишком не грусти,
А встал — с молитвою иди,

Самохожденье и отчаянье —
Две бездны на твоём пути.

* * *

В бою с окрестным вороньём,
В сраженье внутреннем твоём
Умей бороться в одиночку,
Но побеждать — всегда вдвоём.

* * *

Будь искушеньям всяким рад,
Зовущим в рай, влекущим в ад.
Но каждому скажи с улыбкой:
Всего дороже путь утрат.

* * *

Чего от будущего ждёшь,
Сказав: «он плох, а я хорош»?
Словами этими незримо
Вонзил в свою же душу нож.

* * *

Ты греешь руки у костра,
Зажжённого в груди вчера,
И сам себе из сердца шепчешь:
Сегодня на мороз пора!

ПАМЯТИ ИОАННА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО И ЛАДОЖСКОГО

Ни звона большого, ни эха
Не вызвала славная смерть.
Никто из чинов не приехал
Великого старца отпеть.

Тот старец себе не позволил
Под банду разбойников лечь,
Молебнами не опозорил
Ни руки, ни совесть, ни речь.

И если стоит православие,
Живут Благодать и Закон,
Коль тёмные с нами не сладили,
Причина, конечно, и он,

Последний из пастырей строгих,
А может быть, первый из них,
Кто встал на пути перестройки —
Последней бесовской возни.

ПУТЬ

Идём, и каждый держит шаг по-своему,
И ясен путь, суть его проста:
Отныне всё идущему позволено,
От ангельских высот до воровства.
Омоешь грудь горячей кровью сердца,
Судьбе заплатишь долг последний свой —
И снова в путь, куда же больше деться,
Как не за Вифлеемскою звездой.
Она, быть может, незаметна многим,
Но вехи обозначены везде.
И все на свете честные дороги
Приводят к ней, к сияющей звезде.
Пока же улыбаешься устало:
— Какая радость, коль кругом беда!
Путь тесен. И за малым дело стало —
Протиснуться сквозь узкие врата.

НАСТАВЛЕНИЕ В ПУТИ

Я есмь Путь и Истина.
Евангелие

Вновь поворачиваем к русской
Дороге —
Тянет в облака.
Своё отыскиваем русло,
В родные входим берега.
Всё так, как, в общем, и должно быть.
Но почему же и доколь
За лихорадочным ознобом
Свободы
Не пришёл покой?
Разгул её нам вышел боком.
Дух обессилел, занемог.
«Покоя нет», — твердим за Блоком,
Как будто так глаголет Бог.
А Он нам не спешит в дороге
Помочь на поле Бытия:
«Я — только Бог, вы — тоже боги,
Покой свободы в вашем “Я”».

* * *

Не поддавайся злому зуду
Винить во всех грехах народ,
Что дал Христа, потом Иуду.
Покроют язвы злобный рот.
Обоих ниспослал Всевышний
На испытание Любви.
И третий между ними лишний,
На помощь злобу не зови.

* * *

Нам реки всякой мудрости пролиты
Для вечного спасения души.
Мы повторяем древние молитвы
И сами сочиняем их в тиши.
Томимы все подряд духовной жаждой.
Мы даже вникли: Бог — как океан,
Из коего напиться может каждый.
Но каждый бьётся лишь за свой стакан.

* * *

Кто говорит, что Бог нас всех оставил,
Что он планету погубить готов?
А солнце, восходящее во славе
Под птичий звон?
А россыпи цветов?
Ребёнка смех и преданность собаки?
Твои босые ноги по росе?
Костёр, горящий в полуночном мраке,
Огни его в глазах твоих друзей?
Ручьёв весенних вечная забота
Об урожае,
Тёплый летний дождь?
Любимая твоя — подарок Бога?..
Каких ещё Его знамений ждёшь?!
И даже гнев природы на безумье
Заблудших нас, когда теряем путь, —
Всё это Бог. Печалуемся всуе,
Творца ни в чём не можем упрекнуть.

СОНЕТ О ЛАБИРИНТЕ

Где-то за горизонтом закатным
Продолжается солнца полёт.
Всё, что кажется нам невозвратным,
К непрерывному свету зовёт.

Тьмы не знает сердечное небо,
Тёмен лишь головной лабиринт.
По нему пробираемся слепо
На огонь, что у сердца горит.
Свет Небесный пробиться бессилен
Сквозь мудрёные стенки извилин,
Там гнездится забот мошкара.
Не впускает единственной мысли,
Что душе на сердечные выси
Выбираться из мрака пора.

* * *

Моя душа — Твоя Душа,
Мои дела — к Тебе стремленье.
Невыносимо разделенье,
Тосклива всякая межа.
Свежа от разделений рана,
Но без неё я, как ни странно,
Дорогу потерял бы в храм.
И я целую каждый шрам.

* * *

Когда в глазах темным-темно
И в немощи тоскует плоть,
Всегда распахнуто окно
Туда, где всех нас ждёт Господь.
Дано душе парить в мечтах
Иных небес, земли иной,
Благословляя вечный прах
Любой реальности земной.

* * *

Когда упоры забиваю
В скалу и лезу на неё,

Прости меня, что забываю
Я имя повторять Твоё.
Где Ты, дороги всюду легче,
С Тобою я совсем другой.
Ясней глаза, прямее плечи,
Надёжней камни под ногой.
Исчадья ада, словно мухи,
Над головой моей кружат,
От сердца отвести спешат
Твои невидимые руки.
Ты даже в пасмурном забвенье
Опора мощная в борьбе.
Но во сто крат сильнее рвенье,
Когда я помню о Тебе!

VII. А САТАНЕ ОТ НАС НЕ НУЖНО МНОГО

РТУТНЫЕ ЛЮДИ

На перепутьях жизни трудных
Какой сноровкой ни владей,
Споткнёшься всё равно о ртутных
Людей.
Ступил на шарик —
И в кювете,
Он в сторону —
И был таков.
О сколько их на белом свете,
Неуловимых колобков!
Таких сияющее открытых
И зазывающих шагнуть
Туда, где мины в землю врыты,
Где можешь голову свернуть.

И всё же жаждой не горю
Пройтись по ртутным залпом злости,
Их горячо благодарю
За тренированные кости.

* * *

Не остановишь в умысле мерзавца
Увещеваньем благородным, но
От умысла он может отказаться,
Ударившись о собственное дно.
И если ты ему в минуту боли
Протянешь руку, распри позабыв,
Отступит зло, отступит поневоле,
Хотя бы и во временный отлив.
Но множатся орехи пустотелые
На русской ветке, всё ещё живой,
Ни пользы, ни вреда земле не делая,
Кивнут любому ветру головой.
Без разницы им, где добрей, где злее
Добро и зло творят свои дела…
Таких оставь, покуда не созреют
Хотя бы до решительного… зла.

ПАРЕНЬ

В ряду базарном, где торгуют мясом,
Я наблюдал работу мясника.
В своих делах он был, конечно, асом:
Летала птицей сильная рука.
С размаху кости разрубал без крошек,
Кроил бычка на доли, как хотел.
И незаметно часть кусков хороших
Бросал под стол для закулисных дел.
Как пояснил мой спутник, для клиентов,
Что платят парню лишек за филе.
Тянулась стариков и бабок лента

К костям и сухожильям на столе.
— Ты знаешь, этот тип живёт, как барин…
Но волю дав не слухам, а глазам,
Я не вникал в рассказы друга, парень
Мне и без них был интересен. Сам.
И он мой взгляд почувствовал щеками
И оценил, наверно, интерес
По-своему, последний взмах чеканный
Свершил и через очередь пролез.
И взгляд метнул короткий, жаркий, лютый,
Говядиной и кровью сытый всласть.
Красивый парень, рыжий, как Малюта.
И я подумал:
Дай такому власть!

ЧЕРВИ

Мелет*, Дантес, Мартынов…
Много
Мы тратим лишних слов на них.
Разрешено им в планах Бога
Поставить только малый штрих.
Мы полагаем, вот откуда
Протянут к свету смертный след.
Одним — костёр, другим — цикута,
Дуэльный — третьим — пистолет.
Но не споткнёмся об отметины,
Где червь могильный вполз на дно.
Ему в сияющем бессмертии
Следов оставить не дано.
Никто из гениев от века
Без Божьей воли не умрёт,
Но жизни грузная телега
Их волей движется вперёд.

* Обвинитель Сократа на судебном процессе, где философа приговорили к смерти.

НОВЫЕ ОТКРОВЕНИЯ ФАУСТА

Мне скучно, бес. И рай, и ад
Сплелись в одной бесовской пляске.
Я всё познал, но я не рад,
Что разучился верить в сказки,
Что век железный мыльным стал,
Что дьявол сделался домашним…
Что раньше гибли за металл,
Теперь же всюду — за бумажки.

РЕБУС

Над нами злая радуга нависла.
Мы проклинаем дьявольский калач.
Но убери дурное коромысло —
Заполнит всю Россию громкий плач:
— Мы в нищете, о Боже, увязаем!
Пошли рублей и людям, и стране!
— Но вы же знаете, Я злату не хозяин, —
Бог молвит, — обратитесь к сатане.
— Там дело дохлое, взамен попросит душу.
— И Я не раз об этом говорил.
— Скажи за нас…
— Порядок не нарушу.
— Так Ты же сам порядки сотворил!
Неужто Господин Земле и Небу
Не может Князю мира приказать?
Такой веками не решенный ребус
Над нами продолжает нависать.

* * *

Избави, Боже, от богатства,
Оно в наш век — клеймо поганца.
Стране от власти денег больно.
На жизнь хватает — и довольно.

Чем легче денежный карман,
Спокойней Божий ураган.

ВСПОМИНАЯ «МЁРТВЫЕ ДУШИ»

А птица-тройка пронеслась,
И бег к свободе был неистов.
И православный ренессанс
Рассеял всюду атеистов.
Мы крестим грудь, живот, чело,
Мы душу прячем под крестами.
А что с душой?
Да ничего,
Мы раз в пятнадцать хуже стали.
А почему?
А потому —
На деньги аппетит неистов.
Так, может быть, надеть суму
И вновь податься в атеисты?!

КУПИ-ПРОДАЙ!

Всё ближе ночь.
Бесплатных истин отблеск
Всё реже зришь на чьём-нибудь лице.
Да и себе не позволяешь доблесть
Сесть просто человеком на крыльце,
Чтоб наблюдать без капли алкоголя,
Как продаются Родина и честь,
А после для душевного покоя
Жечь свечку Богу…
Где-то же Он есть.
Глядит на нас, рогатых и комолых,
С улыбкой горькой, как века назад:
— Вам хочется Содома и Гоморры,
Наскучил вам земной обычный ад.
Что будет завтра, вам плевать на это,

Вам рыночный сегодня рай подай!..
Всё ближе ночь,
Беснуется планета,
Танцует и поёт:
— Купи-продай!

ПТИЧИЙ ГРИПП

Из камышей ружейные дуплеты
В небесную гремят голубизну —
И лебедь, украшение планеты,
В озёрную пикирует волну.
Зачем далёким перелётом мучил он
Свои крыла? Божественно красив,
Увы, он даже не пойдёт на чучело,
Сожгут его, соляркой оросив.
Везде слышны болезненные хрипы,
Но лебединой в этом нет вины.
Не птичьим мы, а долларовым гриппом
На всей планете сплошь заражены.
И вылечат не ружья, не вакцины,
Не карантина строгое число —
Спасёт полёт высокий лебединый
Над хлябями, куда нас занесло.

ВООБРАЖАЕМОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

На дворе давно уже не осень,
Вьюги да метели на дворе.
Ну а мы всё речи произносим,
Как нам жить в минувшем октябре.
Говорим о высших идеалах,
Также про особый русский путь,
Не забыв при этом одеяло
На себя потуже натянуть.
Щели на Покрове Божьем, щели,
Да и одеяло в лоскуты

От когтей бессмертного Кощея,
От безвластной нашей суеты.
Скоро нас земля совсем разденет
И обрежет лоскуты ножом.
Как же мы спасёмся в царстве денег,
На его морозах
Нагишом?
Норовим спастись в квартирных норах,
Свой покой от бурь отгородить.
Как нам обуздать мышиный норов,
Сохранить в душе живую нить?
Снова те же вечные вопросы,
Грозовые дальние огни
И уже спустившиеся грозы,
А в ответ потоки болтовни.
И не нужно нам потоков крови,
Сами захлебнёмся в лужах слов.
Если нас Господь не остановит,
Как в былом матрос Железняков.

* * *

В Америке траур. Там банки закрылись…
Гремит на планете финансовый кризис,
Сулит этот новый пространственный гром
Кощееву царству последний облом.
Иголка надломлена, но не сломалась,
Осталось понять нам лишь самую малость:
Кощея не в банке соседнем суди,
Соседство теснее и ближе —
В груди.

* * *

— Ты не исправишь эту жизнь,
Не совладаешь с чёрным веком, —
Господь мне шепчет.
— Продержись

Хотя бы просто человеком.
На гребне нынешней волны
Не утони в базарной луже,
Не стань подручным сатаны,
Моим подобьем ты Мне нужен.

ВИЗАНТИЙСКАЯ ПРИТЧА

— Аз, недостойный, прибыл в ад, —
Сказал преставленный у врат.
— Добро! — зевнул привратник-чёрт. —
Внесём грехи твои в отчёт.
— Убил кого?
— Нет, не убил.
— Любил греховно?
— Не любил.
— Тоску в вине привык топить?
— Увы, не выучился пить.
— Тогда, любезнейший, ступай, —
Чёрт ведомость захлопнул, —
В рай.
В раю опять вопрос-ответ:
— Любил, страдал?
— Да нет же, нет!
В боях за правду лёг костьми?
Да нет же, чёрт вас всех возьми!
— Не горячись, — заметил страж. —
Ведь ты не адский и не наш.
Обратный пропуск взять изволь
И дуй назад в свою юдоль.

* * *

Ответом злому слову шли молчок.
Отпор словесный — спусковой крючок
К бесплодному твоим задирой бою,
Где бес напьётся крови из обоих.

* * *

Нас тянет вниз земное притяженье —
Давно известна истина сия.
А в жизни вечно мучит нерешенье
Подняться над собой внутри себя.
Нас раздирают разные дороги
И странный страх подняться к небесам,
И бесы тянут вечно вниз за ноги,
И главный в их сообществе — ты сам.

СОВЕСТЬ

Её босую в неприметном платье
Нельзя приобрести, ей нет цены.
Но можно молчаливую продать её
Крикливым зазывалам сатаны.
На этом свете будет всё, что надо,
Душе, предавшей Господа, но *Там*
Хозяева безжалостные ада
Сожгут её как бесполезный хлам.

НЕССИ

Когда в сиянье стронциановом
Сольются небо и вода,
Как будто Дух над бездной заново
Замыслил Слово в час, когда
В глухом блаженном одиночестве
На тонких нитках тишина
Повесит звоны и пророчества,
И оком пристальным луна
Скользнёт по длинным плёсам озера,
Просторным островом спины
Вдруг что-то грузное и грозное
Поднимется из глубины.
Потянется к Большой Медведице

Змеиной шеей из воды,
Глаза зелёные засветятся —
Две грустных маленьких звезды.
Сбегут беззвучно струйки лунные
С чугунной кожи,
Глядя вдаль,
О чём она тогда подумает,
Доисторическая тварь?
Свидетельница гроз Лемурии
И атлантического дна,
Оглядывая мир нахмуренный,
О чём встревожится она?
Ночь затаится,
Даже лешие
Забудут блудные дела,
Пока, полнеба занавешивая,
Два перепончатых крыла
Поднимут вал на древнем озере,
Рванутся ввысь в мольбе, в тоске
И тяжко упадут от розовой
Рассветной дрожи вдалеке.

НОЧНАЯ НАПАСТЬ

В июльском небе многоокая
Сияющая благодать.
А в доме дачном ночь глубокая
Углами шарится, как тать.
Вздохнёт в подполье, стукнет ставнею,
Стрехой тревожно скрипнет вдруг —
И, навалившись, кто-то и сдавит мне
Гортань и свяжет кисти рук.
Нет силы чудище безглазое
Свалить с души. Скорей из сна!
Не зря народом было сказано,
Что на миру и смерть красна.

Увы, не стать научной темою
Напасти той. Но перешла
Из века домовых и демонов
В двадцатый век, в его дела…
В наш мир, наукою измеренный
До всех глубин и всех высот,
Где кто-то, много раз осмеянный,
Незримо всё-таки живёт.

НОЧЬ В НИЖНЕМ ЛАГЕРЕ

В допотопных чудовищ
Упавшая ночь вырастает.
Обступили палатки,
Поодаль бесчинствуют, но
К одному подойдёшь —
И страшилище тотчас растает.
Повернёшься к другому —
Мгновенно исчезнет оно.
Рядом что-то плеснуло,
Неважно, лягушка ли, бес ли,
Важно, чтобы по сердцу
Круги не поплыли тревог.
Можно удить чертей
В этом дремлющем озере, если
Улыбаясь глядеть
На дрожащий луны поплавок.
Говорят, в полнолуние правит нечистая сила,
Бал ночной при свечах ежегодно на Лысой горе.
Я там не был, но это,
Наверно, чертовски красиво —
Чёрно-белые вихри
На звёздно-лиловом ковре!
Каждый миг на планете
Проходит единственный праздник —
Праздник смены сезонов,

Желаний, вершин и дорог.
Мир прекрасен во всём,
Даже в тёмном своём безобразье,
Если ты убеждён,
Что повсюду господствует Бог.

* * *

А сатане от нас не нужно много,
И он духовной жаждою томим —
Отбить в душе людей хоть пядь у Бога,
Всё остальное сами отдадим.

* * *

Мы так давно привыкли к бедам,
Что даже тяги к счастью нет.
Солдатам вечным, нам неведом
Вкус нерасстрелянных побед.
Врага сломив, впадаем в спячку,
Дурим и пьём из века в век.
И катим жизненную тачку,
Как полюбивший лагерь зэк.
Но верим: справимся с ненастьем,
Протрём нетрезвые глаза,
В конце концов, бубновой мастью
Побьём пикового туза.
И свет негаснущей зари
Зажжём в родных полях, умножим…
Одно понять никак не можем:
Что чёрный туз у нас внутри.

VIII. ДУША МОЯ, ПОДНИМЕМ ПАРУСА!

ИЗ ДРЕВНЕГО МАНУСКРИПТА

Великое право нам, смертным, дано —
Упасть без боязни на самое дно.
Вручён нам на долгие годы завет —
Со дна выбираться без страха на свет.
И просят нас боги всю жизнь об одном —
Не плавать по-рыбьи
Меж светом и дном.

* * *

Учись с улыбкою страдать
И никогда не знать унынья.
Найти в сегодняшней пустыне
Родник, где льётся благодать.
Плыви через житейский смог,
Сквозь дым несбывшихся желаний.
Твоя забота — плыть в тумане.
Куда — об этом знает Бог.

* * *

Чем души восхождение круче,
Ненадёжнее прописи книг.
Подниматься никто не научит,
Одиночество — твой проводник.
Ты шагаешь к неведомой цели
И пытаешься храбро запеть:
— Если боги свой путь одолели,
Кто мешает и мне одолеть?!

* * *

Душа обязана трудиться.
Н. Заболоцкий

Душа трудом всегда повязана
На небе, на земле — везде.
Но ведь она ещё обязана
Блаженство чувствовать в труде.

* * *

Я в прошлое гляжу, в ушедшие туманы,
Где падал и страдал,
Но чувствовал Тебя.
И мне уже не горько и не странно,
Что в мае жду прихода октября.
Когда горят леса в ликующих пожарах,
Прозрачны небеса
И призрачна земля,
Тогда ей внятно всё,
Что провожает
В далёкий путь чирка и журавля.
О тихий, тихий свет, сердечный свет вечерний,
Ты жил во мне всегда, хотя явился вдруг
И озарил невидимым свеченьем
И голову мою, и всё вокруг.

* * *

Веку человеческому 70 лет,
а при особой крепости — 80.
Псалтирь

Я первый свой предел прошёл
В сибирском городе над Обью —
Ломоть освоил, что ножом
Всевышний отделил подобью.
И одному Ему судить

Труды души, ушибы тела,
А также долго ли бродить
По не отрезанным пределам.
Гляжу ли с горечью назад,
Вперёд с надеждой и отвагой,
Мне мало верить в рай и ад,
Мне стол бы с ручкой да бумагой.
Да одолеть второй предел,
Продолжив прежнее паренье,
Стране прибавить новых дел
В её немыслимом боренье.

ЧТО НАМ ВСЕГО НУЖНЕЕ

Что нам на ринге жизни надо?
Держать удар без лишних слов,
Когда судьба прижмёт к канатам
И мало четырёх углов.
Когда ж бывает слишком туго,
Мы в геометрии пространств
Всегда находим пятый угол,
Лишь он спасает всякий раз.

* * *

Не бывает бесконечных ягод,
Хмурых зорь и слишком долгих радуг,
Так же как неисчислимых бед.
Всё уходит, принимай, поэт,
Мудрость — как умение прощаться,
Радость — как способность возвращаться,
Волны — как единственное счастье,
Веру — как
Непреходящий Свет.

* * *

В молитве, перелистывая память,
Я часто задаю себе вопрос:
Чем пахнет нежность —
женскими губами,
Улыбкой солнца,
лепестками роз?
А может быть, грядущими стихами,
Что зреют в небе сердца твоего
Или твоим же собственным дыханьем,
Которое касается всего,
Всего на свете, что земля большая
Нам шлёт от вздора до военных гроз.
Ты впитываешь всё, преображая
В улыбку солнца,
В губы,
В запах роз.

* * *

Я почти что шепчу,
И мелодию тихую эту
Ты, конечно, не слышишь
В торговом гудящем аду.
Я шепчу потому,
Что хочу тишины эстафету
Хоть кому-то вручить
Перед тем, как из ада уйду.
И надеюсь, что вновь
Мне в России родиться придётся.
И Творца попрошу,
Чтоб родился на том берегу,
Где про Пушкина помнят,
Рахманинов слышен и Моцарт…
А шепчу потому,
Что я с детства кричать не могу.

* * *

Нас редкие звёзды приветствуют сверху,
К ним снизу взлетают сады фейерверков.
Гремит новогодняя наша пальба,
А сбоку над нами вздыхает судьба.

Что новому году сулят эти вздохи —
Сезон катастроф или солнце эпохи?
Салюты победные,
Сполохи бед?
Да вспыхнет над Родиной радостный Свет!

* * *

Нам правило старинное знакомо:
Ложиться в дрейф, когда идёт гроза.
Но мы наперекор морским законам,
Душа моя, поднимем паруса!
Пускай по-волчьи жаждут нашей крови
Соседних молний жёлтые глаза,
Мы их прыжкам великолепным вровень,
Душа моя, поднимем паруса!
Бог любит при отчаянной погоде,
Чтоб мы смотрели только в небеса,
Вздыхает, если взгляд от них отводим,
Душа моя, поднимем паруса!
Их не свернём и в гавани конечной,
Мы — чудаки, мы верим в чудеса.
Смерть — запятая в Книге жизни вечной.
Душа моя, поднимем паруса!

* * *

Сколько русских душ сегодня мрёт!
Сам порой становишься как камень…
Смерть одеколоном тело трёт,
Но, бывает, пахнет облаками.

Если на полёт нацелил жизнь,
Никакие ружья не угробят.
Выстрел — и душа рванётся в высь,
В небо, недоступное для дроби.
Ты не ангел, не загробный чин —
Человек, а это много больше…
Сколько же вокруг людских личин,
Сколько кукол купленных, о Боже!
Но презреньем Небо не гневи.
И у кукол есть в душе причины,
Чтобы прорасти к живой любви,
Сбросив подневольные личины.
Среди адских нынешних затей
Дай в себе росткам пробиться хрупким,
Помоги рождению людей
В нашей заржавелой мясорубке.
Пусть убьют и тело отпоют,
Душу не склонить бы перед веком.
Родина, дай просвистеть в бою
За Тебя Стрелой
и Человеком!

* * *

Когда нас самолёт закинет
За облака, за плотный дым,
Нам небо станет слишком синим,
А солнце — слишком золотым.
И потому мудрец сказал:
— Пуская вниз земные корни,
Успей за жизнь к высотам горним
Поднять и приучить глаза.

МАСКА

Не жду уже козырной масти,
Прикрыв зевком

Желаний ком.
Но это всё подобье маски,
Обманный плащ перед быком.
За красной тряпкой шевелятся
И боль, и гнев, и страсти гул…
Победных Господу реляций,
Увы, послать я не могу.
И всё-таки в житейском зное
Оно срастается со мной,
Пускай пока что напускное,
Обличье истины иной,
Безгрешной, сильной и прекрасной…
Я каждый день молюсь сильней,
Молюсь под праведною маской,
Чтоб сутью сделалась моей.

* * *

Целительны земные беды
Для духа сильного, такой
Поднимет рюмку за победу
И покалеченной рукой.
Но бесполезны жизни грозы
Душе, чья суть — как решето.
Переведёт вино на слёзы:
— За что, о Господи, за что?!

ГЛАДИАТОР

Прощай, владычица арена,
Прощайте, сонмы жарких глаз.
Во мне желание сгорело,
Спасая тело, тешить вас.
Как мучилась душа в тавернах,
Как прятался в постыдный жар,
Когда себя вином Фалерна
Я заливал и ублажал!

Но всё прошло.
Игрой железной
Сюда пришли вы кровь согреть.
А я ведь перетёр над бездной
Канат, что делит жизнь и смерть.
Я вам их обе возвращаю.
Казнившим плоть, терзавшим дух
Не говорю, но возвещаю,
Что знаю больше этих двух.
Я знаю тонкий щит бессмертья,
Который выковал мне бой
С неубывающим, поверьте,
В ничтожестве самим собой.

* * *

Мечтами о покое не баюкай
Своё бессмертье, не вреди душе.
Стрела жива, пока летит из лука,
И ты живой, пока жива мишень.
Попал — пропал. Не надо жизнь итожить,
Себе обозначать какой-то край.
Достойная мишень живуча тоже,
Ищи себе такую и стреляй!

* * *

Горчит душа.
Но это не тоска
По дню ушедшему
И не разлад с идущим.
Надежды величавая река
Течёт, как надо
Всем на свете ждущим.
Давно не жду случайный ручеёк,
Который мне из той реки потрафит.
Так что же на скрещениях дорог

Я потерял?
И что мне душу травит?
На чистый лист своих грядущих лет
Накладывая прошлого лекало,
Не за грехи себя казню я, нет —
За каждый день, прожитый вполнакала.

КИПЯТОК

Нас время наше делает калеками,
Вываривая в крепком кипятке.
Мы бьёмся друг о друга, как молекулы,
Слетает даже крышка в котелке.
А тот, кто выбирается к поверхности
И пузырём на ней крутиться рад,
Клянётся нам в любви своей и верности,
Пока мы для него электорат.
То пена в кипятке, то мусор в проруби
Глаза мозолят наверху всегда,
И мы с тобой там продержаться пробуем,
Но всё решает в кипятке вода.
Какое б ты ни взял себе значение,
Какой бы ни собрал густой навар,
Вода нас по законам кипячения
В осадок превращает или в пар.

ЦЕЛЬ ЭВОЛЮЦИИ

Мы были углем обжигающим,
Золой кострища неживой,
И динозавром, всем мешающим,
И всем помощницей-травой,
Громадным тигром саблезубым,
Святым отшельником в скиту,
Свирелью нежной, гунном грубым,
Поднявшим меч на красоту,
Смиренным сеятелем хлеба,

Душою вросшим в свой посев,
Певцом, чьё сердце жаждет неба…
И мы рождались этим всем,
Чтоб всё вместив
И всё изведав
Вблизи, вдали, вверху, в глуби,
Всё увенчать в себе победой
Всепоглощающей любви.

СВОБОДА

В крови рождённый,
Выросший в болезнях,
За век свой наломавший много дров,
Отечеству и времени полезный
Лишь для трудов, для смут и катастроф.
Прошедший через многие соблазны,
Хлебнувший в жизни всяческих интриг,
Как можешь ты твердить, что жизнь прекрасна,
С трудом порою сдерживая крик?
И что же в ней прекрасного: забота
Ежесекундно не сорваться в ад
Или вот эта странная свобода —
Всё испытать, не требуя наград?

ПАМЯТЬ

Я силюсь что-то вспомнить, что — не знаю.
Тяжёлых мыслей обступила рать.
Но это «что-то» снова ускользает,
Как будто мне его не нужно знать.
Я был волхвом, язычником, ессеем,
Друидом, мусульманином, пока
Судьба не занесла меня в Расею
На многие рожденья и века.
Который век ищу в её просторах
Первоначальный замысел Христа.

Но самое надёжное, простое
Одолевает мыслей суета.
Владыка дней, открой мне эту тайну —
Любить весь мир и каждый атом в нём.
Проникнуть в суть Божественную дай мне.
И шепчет Бог на языке своём:
— Да, Я Владыка дней твоих и судеб,
Но как ни величаешь ты Меня,
Я — только Бог,
Я связан, как и люди,
Цепями тьмы у адского огня.
Откроются тебе любые двери,
Исчезнет тьма, что застит свет в окне,
Когда в себе ты уничтожишь зверя,
А значит, возвратишь свободу Мне.

СКАЖИ, ДУША МОЯ

Скажи, душа моя,
Тебе не надоели
Разноголосье чувств,
Страстей твоих война,
Пока ещё плывёшь
В живом кафтане-теле
И обнажённой вверх
Не унесла волна
К истокам-родникам,
Где сняты все одежды,
Где беспощадно прост
Единый свет Любви?
Там нет нужды скрывать
Ни думы, ни надежды,
Обманывать себя
И лгать перед людьми.
Я произнёс за век
Немало слов красивых

О пользе бития
Для счастья бытия.
Но если кое-что
Рассудком и осилил,
Так это только то,
Что ты — совсем не я,
Что я не лицедей,
Не сочинитель строчек,
Что всякую игру
Готов предать ножу,
Когда она кому-то
Голову морочит,
Да, я порой, душа,
Тебя не выношу.

* * *

Не нужно думать о дурном,
На самом мрачном дне земном
Всегда есть место светлой думе.
В угрюмом корабельном трюме
Возили амфоры с вином.
И в этом мире, и в ином
Добро и зло в строю одном
Сгорают, приближаясь к звёздам.
Смотри на них легко и просто
И не заботься о дурном.

ВЕНОК ВОСЬМИСТИШИЙ

* * *

1. Уже не радует вино,
Пиры бесовские не бесят.
Пора, наверное, давно
Отправиться в иные веси,
Где нет несчастий и побед,

Не сушит губ земная жажда,
Куда ушёл отец и дед,
Где ты бывал, и не однажды.

* * *

2. Все призраки уходят мимо,
Когда приходит Судный срок.
«Любить важней, чем быть любимым», —
Нам постоянно шепчет Бог.
Он шепчет, но душа тревожно
Ждёт новых бед, обид, невзгод.
И счастье наше невозможно,
Пока не полюбил уход.

* * *

3. На расставанья не посетуй,
Закон Прощания таков.
Есть мудрость солнца и планеты,
Детей, растений, стариков.
Для всех созреет нужный овощ
В назначенные времена.
Не строй под свой аршин лишь совесть,
Она на всех у нас одна.

* * *

4. Не ладит с нею интеллект,
Над шёпотом её смеётся.
Она же в нас из века в век,
Как птица раненая, бьётся.
И разум лишь среди огней
В подземном сатанинском море
Скулит, что зря сражался с ней,
Но, воплотившись, снова спорит.

* * *

5. И ад, и рай нам всем не впрок
Со времени Христа и Будды.
Мы говорим, что мир жесток,
Ждём обновления и чуда.
Возможно, всё случится так,
Когда нас Божья длань коснётся, —
Заснёт какой-нибудь чудак
И утром ангелом проснётся.

* * *

6. Унылых Бог почти не слышит,
Он лишь смеющихся пасёт
И просит лодку править выше —
Теченье всё равно снесёт.
Таким заветом жили предки
Среди безбрежных наших смут.
Не вечен бурелом, но ветки
Лицо в лесу всегда секут.

* * *

7. Да, новых гроз и бед не бойся,
Ты большинство прошёл уже…
Страшнее всех кошмаров Босха
Их ожидание в душе.
Дежурит в узких промежутках
Меж двух полётов этот прах.
Закончим поученье шуткой:
Страшней всего на свете страх.

* * *

Легко святым казаться с виду,
Мол, обнесённый пирогом,
Ты не таишь в душе обиду,
Не стал кому-нибудь врагом.

Но как же трудно, как не просто
В своей сердечной глубине
Хранить святое благородство
К любой агрессии извне.

МОЛЧАНИЕ

Хранить труднее, чем найти,
По Отчему шагая следу.
Победа легче впереди,
Чем после удержать победу.
Я эти ясные азы
Порой в земных теряю тучах.
Лукавым сделался язык
Почти везде. И мой не лучше.
Пошли мне, Отче, чистой силы
В моих молитвах о России.

* * *

Я не атлант, я только человек,
Подставь плечо мне, я изнемогаю,
Поддерживая падающий век.
Ты слышишь, дорогой и дорогая?
Кто стонет, кто выпрашивает грант,
Кто требует внимания к таланту.
Я человек, я вовсе не атлант,
Но не могу не сделаться атлантом.

НАКОВАЛЬНЯ

Приученная сызмальства к огню,
Помятая в ударах беспощадных,
Я на своей поверхности храню
Бесчисленных болванок отпечатки.
За что судьбе терпением плачу?
И почему в своей привычной кузне

Я лика кузнеца не различу,
Хотя стучит по мне он всё искусней?
Лишь изредка,
Когда пылает горн
В честь очень уж увесистой болванки,
Орлиный профиль выхватит огонь,
И на ухо шепнёт мне тихий ангел:
— Зачем тебе подробности лица?
Терпи железо, трепку получая.
Не разгадаешь думы кузнеца,
Пока не станешь сталью…
Для начала.

СВЕЧА

Она то разгорается, то гаснет.
И снова тьма, и снова горький чад.
Во все века нет ничего прекрасней,
Чем эта одинокая свеча.
Несёшь её по перепутьям века,
В канун последних Судных перемен,
Свечу из тех времён, где человека
Разыскивал когда-то Диоген.
И мошкара кидается, зверея,
И падает, сгорая. Где же ты,
Мой брат и друг?
Когда наступит время
Прихода твоего из темноты?
Свеча души, святой огонь надежды,
В нас вложенный евангельский завет.
Глаза когда-то назывались вежды.
Как зреть и ведать в каждом встречном Свет?

IX. СОНЕТЫ О ЖИЗНИ И СМЕРТИ

О ПУСТЯКАХ

Когда порой нахлынут пустяки
И мелкие «достанут» огорченья,
Я с полки достаю свои стихи,
Гляжу на их застывшее теченье.

Здесь перебрал, там чуть недотянул,
Где надо бы добавить, где убавить…
Махнёшь рукой на прошлогодний гул —
А можно или нужно его править?!

Спасибо Небесам, что жив пока,
Что пошлости и подлости не сдался,
Не потерял из виду облака…
Хожу полдня, обдумывая стансы.

В ногах, как говорится, правды нет.
Сажусь за стол — ан лепится сонет.

СОНЕТ ГЛАВНЫЙ

Не говори о Главном никому.
Давно об этом сказано не нами.
Твои о Нём рассказы не поймут,
Затопчут… Суть не выразить словами.

Горячему холодный взгляд пошли,
Страдающему — радостный и бодрый.
Врагу ладонь враждебную пожми,
Кто изнемог, облегчи ноши вёдра.

У Главного есть маленький секрет
Улыбки молчаливой, взгляда, жеста,

Есть тайна нерушимого блаженства.
В любых словах её в помине нет!

Но главная блаженная Основа
Недостижима никому без слова.

СОНЕТ МОЛЧАЛИВЫЙ

Остерегайся пусторечья,
И злобу в речи не зови.
Пошли потокам их навстречу
Короткий, чистый луч любви.

Да, в молчаливое беззлобье
Ни капли мутной не пролей,
И станет злое суесловье
Без твоего чуть-чуть светлей.

Оно совсем не прекратится,
Возможно, спрячется в тайник
И там с годами превратится
В подземный радостный родник.

Итак, когда кругом ручьи
Зла с пустословьем — промолчи.

О СТРАШНОМ СУДЕ

Как часто обжигала грудь досада,
Когда на добродушный наш посыл,
Ответный ветер горько приносил
Зловещую улыбку адресата.

И снова нас охватывала тьма,
И вновь, не помня подлую науку,
Мы подавали дружескую руку
Тем, у кого нет места для клейма.

Чего мы ждали, истекая кровью?
Что в рыцарей преобразим иуд?
Вернём больных к покою и здоровью?
Заканчивает Время Страшный Суд.

России первой славный жребий выпал —
Свершить последний на планете выбор.

САМОМУ СЕБЕ

Читаешь ли ты книжные страницы,
Вникаешь ли в житейские, свои —
Покоя нет, он даже нам не снится,
Везде труды, искания, бои.

Не знает жизнь ни снов, ни остановок,
Природу до конца нам не понять.
Уходит Блок — приходит кто-то новый
Упавший флаг поэзии поднять.

Не плачь, что изнемог или негоден,
Что обделила родина венком.
На тёмном небе много звёздных родин,
Болото бы не стало маяком.

Не траться на шаги по слёзным лужам.
Стенающий, ты никому не нужен.

СОНЕТ О ВЕРЕ

«Блажен, кто верует, тепло тому на свете», —
Сказал когда-то наш кумир и бог.
Несущий веру чует счастья ветер,
На всех скрещеньях судеб и дорог.

Такой тепло вокруг себя размножит,
Слепым в пути покажет верный знак.

В безверье погибающим поможет
Зажечь в душе спасительный маяк.

Придёт к тебе паломником незримым
Или возникнет явным пилигримом,
Поможет ослабевшим встать с колен.

А заземлённым намекнёт о звёздах…
Такой важней, чем хлеб, вода и воздух.
И ничего не требует взамен.

СОНЕТ О ПЕРВОМ СНЕГЕ

Ноябрь. Нестойкая пора.
Топчу позёмку в первопутке.
Бреду в лесу к знакомой будке,
Где сочинял ещё вчера.

Отныне здесь своя натура,
Я — третий лишний для неё.
Там пуха белого надуло,
Оставило следы зверьё.

Оно теперь хозяин леса.
А я, вернувшийся к печи,
При освещении свечи,
Вдали от всякого прогресса

Пишу очередной сонет,
Что снег явился в мир, как Свет.

* * *

Под старость пишется легко.
Рука набита, ноги — тоже.
Иная жизнь недалеко,

Разлука с этой не тревожит.
Под старость слышится легко
Призыв знакомый и спокойный,
Когда с высоких облаков
Звенят безмолвно колокольни.

Под старость дышится легко.
Наполнена душа стихами
О том, что никогда, никто
Прервать не сможет их дыханье.

Под старость светит звёздный свет
Когда о нём грустит поэт.

* * *

Живи, как эта бабочка, порхая,
От ветра прячась в прелесть лепестка.
Ведь ты песчинка, капелька бархана.
Так почему гнетёт тебя тоска?

Как можешь ты, Вселенной малый атом,
Себя отдельно от Неё спасать?
Зачем как врач-патологоанатом
Берёшься вечность скальпелем кромсать?!

Молчишь? Причины сущего не трогай.
Попутчикам по жизни передай
Смирение своё перед дорогой
И веру в ждущий нас когда-то рай.

Сам сохрани в сужденьях непоспешность,
В поступках прямоту, а в чувствах нежность.

Я ПУТЬ ПРОШЁЛ

Поэтический постскриптум к сборнику «Поднебесная хризантема: 30 веков китайской поэзии»

Я путь прошёл длиной в три тыщи лет,
Зонтом спасаясь от дождей незрячих.
Надеялся найти далёкий след,
Который Лао-цзы мне обозначил.

И понял первое — не скроешься от гроз
Ни под зонтом, ни дома, ни скитаясь.
Второе — делать, что сказал Христос,
Когда ушёл таинственный Китаец.

Добру учили оба Мудреца,
Хватало на земле и злой учёбы.
Меня учило время без конца,
До сей поры не кончились зачёты.

И третье — каждый шаг свой к Небесам,
Пока живу — обязан выбрать Сам.

* * *

Зачем фальшивишь, друг мой, не краснея,
Что смерть — любовь последняя твоя?
По всем статьям ты кончил игры с нею,
Рискованные выходки творя.

Хотя она у ног глазами лисьими
Тебе сама заглядывает в рот,
Ты явно опоздал, подобно Мисиме,
Вспороть картинно собственный живот.
Смерть над тобой так часто в жизни ухала
И обходила голову твою,

Что перестала походить на пугало,
Ты ждёшь отдохновения в раю.
О Боже! Я всё верю в эту сказку,
Ведь ада нахлебался под завязку.

X. О ПРОЙДЕННОЕ ЖИЗНЕННОЕ ПОЛЕ

* * *

Нагнали ненастье холодные ветры,
И в небе темно, и в душе вороньё.
Вздыхаем по прошлому — кажется светлым
Его отошедшее в память быльё.

Но вспомни — и там мы когда-то вздыхали,
И воздуха нам не хватало в груди.
Дышали надеждой, держались стихами,
Что свет и тепло всё равно впереди.

* * *

В молодые дни торопишь жадно
Наслаждений резвого коня.
А под старость, путник безлошадный,
Только руки греешь у огня.
Ничего они не удержали.
Потому в свой предзакатный час
Повторяешь древние печали,
Сказанные многими до нас.
Срок приходит — всё уходит в зиму,
Словно флоксы в прошлогодний тлен.
Остаётся лишь невыразимость
Божества в потоке перемен.

Как оно вселилось, это чудо,
В женщину, в цветок, в сиянье глаз?
И куда уходит из сосуда,
Где свеча прекрасная зажглась?
Не дано нам ни поймать жар-птицу,
Ни понять. И сколько ни грусти,
Всё, чем вдох успеет насладиться,
С выдохом на волю отпусти.
Исподволь, свободно и случайно
В небесах кочуют облака,
А из сердца в сердце эта тайна —
Женщины,
Поэзии,
Цветка.

* * *

Эта женщина в окне
*В платье розового цвета**
Запоздалой астрой лета
Повстречалась на пути.
Не задерживай очей
На фантомах и приметах,
Полюбуйся мимоходом
И в пространство отпусти.
Потому что цепкий взор
Могут призраки поранить,
И сезонными дарами
Доведёшь себя до слёз.
Так устроена Земля,
Что на ней тебя достанет
Седина туманов зимних
Да осенний скрип колёс.
Ни саней, ни лошадей —
Только ласковая небыль

* Строка из стихотворения Б. Ш. Окуджавы «Две дороги».

Зацепилась бубенцами
За берёзовый романс.
И дороги две сошлись,
Затерялись в синем небе,
И одна теперь молитва:
— Господи, помилуй нас.
Но идущим сохрани
Путь прекрасный и опасный:
Без ушибов и ошибок
Им не выжить всё равно.
Может быть, когда-нибудь
Жизнь пройдём дорогой ясной,
До последней капли выпив
Безрассудное вино.

* * *

Не жалуйся, что век тебя не ценит,
Что поздно вышел к людям и к судьбе,
Что время Царскосельского лицея
Не подарило в юности тебе.
Всё неизменно в те и в эти годы:
Твоя жар-птица — воля и покой,
Твоя награда — тайная свобода,
Твоё блаженство — творческий огонь.

* * *

Двадцатый век, спасибо, что позволил
Хрустеть костями под твоей пятой.
Могу ли верить, что не опозорил
И я твой шаг,
Безбожный и святой.
Спасибо, что не дал душе сломаться,
Когда брела в потёмках к алтарю.
За музыку жестокого романса
Всех гроз твоих

Тебя благодарю.

* * *

Облака наверху, облака…
Никуда не спешат и не хочется.
Обдувает им ветер бока,
Хорошо в голубом одиночестве!
А внизу, в нашем жарком аду,
Наводнения, оползни, взрывы…
Заалела малина в саду,
Васильков синеглазых разливы…
Нет, не нужно на землю грешить,
Здесь не только напасти и морок.
Как могли бы мы радостно жить
На её материнских просторах!
Улыбаться, прощать… Но пока
Адским дымом отравленный воздух.
Облака наверху, облака…
Эх, внизу бы и люди — как звёзды!

* * *

Бывает ли у облаков душа?
Что спрашивать, наверное, бывает,
Когда, ветрами страстными дыша,
Они вверху друг друга задевают.
Им ветер бы хвалить да небеса
За хладную свободу одиночества.
Но хочется взглянуть глаза в глаза,
Ладони протянуть друг другу хочется,
И молния сверкнёт, и грянет гром,
И дождь прольётся вниз, как падший ангел…
И двух сердец неугасимый факел
Везде один.
И жизнь стоит на том.

КАМЕНЬ

С ним рядом речка петли прочертила,
Он лежа обозначил долгий путь.
Густого мха зелёная щетина
Украсила его крутую грудь.
Прошёл он многолетнюю науку
Безмолвных созерцаний и труда,
Умел спокойно внять любому звуку,
От пенья птиц до стука долота.
Был рад прохожим в тёплый летний вечер,
И в грозовую ночь, и при снегах.
Им разрешал себя увековечить
На каменных зазубренных боках.
Ему бы жить да жить. Но пробурили
Дыру под ним,
Глухой раздался взрыв.
Огонь его поднял на дымных крыльях,
Окрестное пространство озарив.
Открылся путь ему в иное Нечто,
Где нет ни слёз, ни страха, ни тоски.
Он с грохотом упал в соседку речку,
Рассыпавшись на мелкие куски.
Теперь волна по дну речному тащит
Его потомков — галечник цветной.
Шуршат они, что залежался пращур,
Что был ленив и к прошлому привязчив.
Увы, попал под взрыв очередной.

* * *

Оглядывая лет ушедший дым
И то, что мне от них ещё осталось,
Могу лишь повторить за Львом Толстым:
Нет ничего прекраснее, чем старость.

Она зовёт спокойно ожидать
Любые виражи,
И если мимо
Твоих ворот проходит Благодать,
Пускай спешит к другим её любимым.
Тебя устроит каждый светлый день
Без страхов, без болезней и без жалоб.
И чтобы тень бросать на свой плетень
Россия никому не разрешала.

* * *

Немного, в общем, сердцу надо
В его биении простом:
Дом у реки, семь соток сада,
И необъятный наш простор,
И в праздники застолья чудо,
А в будни вечные труды,
И чтоб цветы росли повсюду,
И люди рядом — как цветы…

РАЙСКИЙ СОН

Мне рай приснился, я брожу в печали
Под пальмами по влажному песку.
Волна морская яркий день качает,
Стараясь разогнать мою тоску.
Небесный рай напоминает Сочи,
Где за три дня осмотришь бегло всё
И лечишь скуку влагой винных бочек.
Но нет здесь ни Абрау, ни Дюрсо.
Зато везде таинственные входы
Зовут к себе. В один из них вхожу.
Грибком густым подёрнутые своды.
Ступеньки вниз.
Спускаюсь. Чуть дышу
В подвале после райского простора.

И новый вход. Но запертый. Стучу.
Мне двери открывает сонный сторож,
Протягивает тонкую свечу.
Шагаю дальше в полумраке слабом…
И вдруг ударом солнечным в глаза
Разверзлись своды, словно клешни краба,
И вместо них сияют небеса.
И лестница уходит золотая,
Таинственная лестница наверх.
Её вершина в синем небе тает…
И вновь удар — и яркий свет померк.
И Голос в тишине раздался строгий,
Подобье грома дальнего во мгле:
— Тебе на Небо нет пока дороги,
Твои ещё ступеньки на земле.
Проснулся я июльским утром рано,
Шепча в слезах земному кораблю
И посланному небом Капитану:
— Люблю вас всех, люблю, люблю, люблю.

ПОЖЕЛАНИЯ

РЕКА ЛЮБВИ

Жене Лиле в день 59-летия совместной жизни

Плоть — ненадёжная привязка
К союзу нашему. И пусть.
Зато пока не рвётся сказка
О двух сердцах, где общий пульс!
В нас этот пульс из тела в тело
Кочует многие века.
Скажи,
Тебе не надоела
Любви капризная река?
То перекат с песком, то омут,
То на сплошных камнях пляши…

Не хочешь ли вдали от Дома
Прудом улечься в камыши?
Отвечу за тебя:
— Хоть корчусь
От боли, врезавшись в скалу,
Но без реки любовной кончусь.
Течём, плывём в слепую мглу.
И светлым днём, и тёмной ночью
Через пороги, сквозь туман
Туда, где Дом наш общий Отчий,
Где наш любовный Океан.

СЫНУ СЕРГЕЮ

Пиши, мой сын, о чём придётся,
Прощая тьму и славя Свет,
Ведь по закону парадокса
К любому «да» найдётся «нет».
Пиши, на горести не тратясь,
И будешь прав, и прав всегда.
Тоска прилипчива, но радость
Не входит в сердце без труда.
Пиши, как плещется ондатра,
Пока не сшили воротник.
Земля, где всё с двойным стандартом,
Не стоит слишком грустных книг.

БЕРЕГА

Дочери Марине

Бьёшься то в камни, то в корни, то в глину,
Вечно ты с ними воюешь, река.
Но оглянись: на пути твоём длинном
Как помогают тебе берега.
Снежной пеленкой —
В источье ретивом,

Дальше — базальтовой люлькой, внизу
Гномы твоим быстроглазым ундинам
Шлют из подземных озёр бирюзу.
Ниже ещё,
На медлительных нивах,
Жадно к тебе суховеи летят.
Как же заботливо тихие ивы
Прядями веток прохладу хранят!
Каждому делу поребрик свой нужен,
Каждому дому —
И скрепы, и смык.
Без берегов ты — безродная лужа.
Нет, берега невозможно размыть.
Нынче в погибельно-мрачном тумане
К морю свой бег направляешь, река.
Но ведь и в нём,
А потом в океане
Всё берега, берега, берега…

ПОЖЕЛАНИЕ САМОМУ СЕБЕ

Понять, почувствовать, старея,
Что ничего не сохранить,
Что счастье жизни в растворенье
Поверх любых её границ.
Что можно после смерти слиться
С весенним, например, дождём,
С улыбкою переселиться
В любой, что подвернётся, дом.
Неважно, сделаться ли лужей
Или серебряным ручьём.
Когда всему живому нужен,
Сам не нуждаешься ни в чём.
И, нагулявшись в разных стратах
Земли, небес, иных светил,
Вдруг оценить сухой остаток,

Который ты не растворил.

* * *

Не рисуй себе ни будущего рая,
Ни повсюду торжествующих чертей.
Будет солнце подниматься, озирая
Уходящих от родителей детей.
Старики всё так же скорбно будут ахать,
Что наследники испортились везде.
Будет утром приходить на поле пахарь
Продолжать свой вечный путь на борозде.

ЭЛЕГИЯ

Дремлют горы в фотоснимках сладко,
Возвращая к городским делам.
Керриматом, выцветшей палаткой
Лето отправляется в чулан.
Как ни продлевай его закаты,
Тот, кто нас мудрей во много раз,
Раздаёт всё неохотней карты
На игру в осенний преферанс.
Что же, я не первый, не последний,
Кто листвой зелёной отшумел,
Разделив с природой праздник летний,
Опадает к зимушке-зиме.
За окном сегодня минус двадцать,
Для Сибири это пустяки.
Устаёшь страдать и наслаждаться,
Даже в тишине писать стихи.
Скучно жизнь на выживанье тратить,
Сохраняя на ладонях пыль.
Час настал, провинциальный трагик,
Завершить без позы водевиль.
Но метель скучать совсем не хочет,
В поле заметает каждый след.

Неужели надо жизнь закончить
Строчкой об усталости?
О нет!
Я ещё в загробном мире высплюсь,
Отчитаюсь на Суде Отца.
В пьесе, что зовётся нашей жизнью,
Не ищу ни смысла, ни конца,
Ни покоя под берёзой светлой,
Ни блаженства вечного во сне.
Я хочу обняться с тёплым ветром,
Слиться с ручейками по весне,
Встретить день улыбкою ребёнка,
Тонкой нитью сохранить союз
С Родиной…
Но там, где очень тонко,
Там и рвётся.
Этого боюсь.

БЫТЬ МОЖЕТ…

Пройдут века, твой прах источат черви,
В иную плоть войдёт душа-свеча…
И сам, быть может, раскопаешь череп,
Тот, что сегодня носишь на плечах.
Ты всмотришься в глубокие овраги
Пустых глазниц, в смешной оскал зубов
И, может быть, припомнишь все зигзаги,
Всю безысходность прошлых погребов.
Как мучился в исканиях незрячих,
Как падал, как вставал, как падал вновь…
И, может быть, с улыбкою заплачешь
Над чередой своих далёких снов.
И, озирая залитую светом
Планету в золотые годы те,
Привет пошлёшь, быть может, всем поэтам,
Не погасившим свечи в темноте.

* * *

С каждым днём всё ниже время-кречет
Надо мною делает круги.
С каждым часом всё светлей и крепче
В небо поднимаются стихи.
Голову мою уже не кружит
Славы соблазнительный дурман,
Мне бы только выдернуть из лужи
Души приунывших россиян.
Разве может долго печься этот
На печи у нас базарный блин?
Мы — страна героев и поэтов.
Да приидет царствие былин!
Но пока что с каждым годом горше
Родину мою клюёт судьба!
Ты получишь печень, древний коршун,
Сердце же тебе не по зубам.

ЗЕЛЁНЫЙ ВЕТЕР

Когда японский город бомба срыла,
На атомы живое разложив,
Там чей-то дух зажёгся ярче взрыва,
И этот человек остался жив.
У нас свои в России обречённые,
В Чернобыле пройдя сквозь Божий суд,
Стократной смертной дозой облучённые
До сей поры смеются и живут.
Сегодня ад из преисподней вынут
И облучает нас по одному,
Зовётся он знакомым словом «рынок».
Не подчинился ветер лишь ему.
Из всех ветров политики и моды,
Торговли и прогресса только он

Зелёный ветер духа и свободы
Не продан, не убит, не покорён.
Так сохраним в душе святые выси те,
Где ветер разгоняет злой туман.
«Зело живёте, како люди мыслете», —
Напоминает азбука славян.

КОВЫЛИ

О пройденное жизненное поле,
Воспетое не раз в моей строке!
Я чёрный твой ковыль спустил в подполье,
А белый разложил на чердаке.
Какого больше в жизни шелестело,
Не спрашивай, любой пришёлся в масть.
Из бездорожья звал в дорогу белый,
И чёрный на пути не дал упасть
В безжизненном, тупом самодовольстве.
Спасибо, что шагать мне довелось
В родной степи, не где-нибудь в Давосе,
Не знающем ни радостей, ни слёз.
О поле, поле, русские посевы,
Два вечных цвета на одной меже!
Их совмещенье западное — серый —
Нам никогда не станет по душе.

СЕРГЕЮ НЕБОЛЬСИНУ

Под большими плакучими ивами
Упокоился бедный стрелок.

Н. Некрасов

Ты пел о том, какой бывает доброй
Земля родная к неродным стрелкам.
Головушкой мотая неудобной,
Вливал в себя очередной стакан.
И поднимался над пустым стаканом
Туман твоей отчаянной тоски

О чём-то непривычном,
Несказанном
В застольях перестроечной Москвы.
Ты пел о том, как нелегко вписаться
В сиянье света бабочке ночной.
Я подпевал, стараясь не касаться
Натянутой струны твоей больной.
Мне наплевать, какой ты группы крови
И цвет каких волос тебе к лицу.
Нас разделить ничто не может, кроме
Кому служить — Творцу или тельцу.
Ты пел о Братстве, всё ещё далёком
В сегодняшней раздёрганной Москве.
И солнце пробивалось ненароком
В твоей душеспасительной тоске.

* * *

Ушёл за тучи день, печалясь
О том, что нас покинул Чавес.
Умчался в небо чайкой белой,
Оставив немощное тело.
Он был томим духовной жаждой,
Он был убит стрелой продажной.
Стрелою, выпущенной теми,
Кто целит в Свет из вечной тени.
Прощай, венесуэльский брат,
Политик, вождь, герой, солдат!
Ты обозначил нам дорогу,
Как выбраться сегодня к Богу.

ПЕРЕМЕНЫ

Я пишу о смерти не затем, что
С жизнью собираюсь связи рвать.
В ней, такой и грустной, и потешной,
Нет причины долго горевать.

Только на печаль себя настроишь,
Принимая горестную весть, —
Сообщат о новой катастрофе,
И конца им, окаянным, несть.
Жить в покое не умеет море,
Не щадит нас время перемен.
Сам себе твержу: memento mori*,
То есть будь готов, как пионер.
Точно в срок проснётся спящий кратер.
Вечен танец солнца и дождей.
Непременно после демократии
Возвратится к нам сезон вождей.
Хороша любая перемена
Декораций в драме бытия,
В каждой избавление из плена
Наших драк и нашего вранья.
Мы с тобой, душа, немало пожили,
Повидали много перемен.
Встретим нашу. Человек не больше ли,
Чем уходы временного в тлен?

* * *

Первый взлёт. Как часто спозаранок
Попадает дробь в крыло души.
Кровью истекающий подранок
Молча уползает в камыши.
Отлежится, снова рвётся в тучи.
Так всю жизнь. И никакой резон
Раненую птицу не отучит
Из гнезда лететь за горизонт.
Вот и нынче, до костей израненный,
Получив очередной урок,
Ты готов к последнему изгнанию,
Крыльями трепещущий чирок.

* Помни о смерти (лат.).

* * *

Прекрасной жизнь бывает во плоти,
Но, говорят, бесплотная прекрасней.
Нам землю заповедано пройти
С улыбкой и принять надземный праздник.
Усталому корвету не к лицу
Встречать причал последний в укоризне,
За штормы выговаривать Творцу,
За неудачи — собственные в жизни.
Кто выпил ковш земной почти до дна,
Того не огорчает жизни осень,
Тот скажет, всё печальное отбросив:
— Она великолепней, чем весна!
Спасибо, жизнь,
За утро и за вечер,
Спасибо за дневную маету.
И подари спокойно радость Встречи,
Когда ночную перейду черту.

ВОТ И РУБЕЖ

Сколько я шёл к Тебе,
Век или два, или десять?
В холоде шёл, и кипел,
И давно уже перекипел.
Ты повторяла,
Что мир твой для путника тесен,
Но наставленья твои
Понимаю я только теперь.
Ты меня гонишь
И шепчешь:
— Гоняться не стоит.
Ты говоришь:
— Всё, что нужно,

Лежит у крыльца.
Пробую браться
За самое в жизни простое,
Но лишь ухватишься —
Пальцы скользят без конца.
Что же искал я
В горах твоих и среди трещин?
Думал о чём
В нетерпенье своём молодом?
В общем, о главном —
О самой надёжной из женщин,
Да, о Тебе,
Как введу Тебя в сердце и в дом.
Встретил и ввёл…
Ну а дальше что делать мне, дальше?
Ты всё уходишь,
Зовёшь за собою во мгле.
От повторения
Правда становится фальшью.
Это ты тоже шептала в скитаниях мне.
Так и идём мы по жизни,
В ладу или споря,
Нас догоняют
То солнце в пути, то гроза.
Вот и рубеж,
Где смешаться приходится с полем,
С полем твоим,
Как твоя дождевая слеза.

* * *

Спасибо, жизнь, за ту глухую стенку,
Что наконец разрушилась во мне.
Я вышел на последнюю ступеньку
В сердечной сокровенной глубине.
Я радость предавал, предавшись гневу,

От низости уйти пытался ввысь,
Делил любовь на Деву и на Еву,
А Евою-то оказалась Жизнь.
Во всём её святом разнообразье,
В беде и в счастье, в выси и в глуби…
Тогда ко мне явился главный праздник
Единой торжествующей Любви.

* * *

Жду новостей, но писем новых нет
Ни в ящике почтовом, ни в эмейле.
Живу наследством уходящих лет,
Подобно легендарному Емеле,
Потерь не замечая на пути,
Надеясь на конечную победу,
Знать не хочу, что будет впереди,
Но верю твёрдо: в рай на печке въеду!

* * *

Петь хвалу судьбе своей не скоро
Научила Родина меня.
Принцип дополнительности Бора*
Долго не желал усвоить я.
Лишь когда коснулась нежно муза
Самой кровоточащей струны,
Вник я в смысл священного союза
Бога и ударов сатаны.

МЯТЕЖ И СМИРЕНИЕ

Рази любую гниль смелее
В своём дерзании святом.

* Принцип дополнительности датского физика Нильса Бора, который упоминается здесь как метафора, означает невозможность в одном физическом опыте измерить импульс и координаты частицы, для этой задачи нужны два разных прибора и два измерения.

Мятеж — надёжный друг смиренья
На этом свете и на том.
В себе не уступи и пяди
Любым приманкам на пути.
Смиренье — значит с Богом ладить,
Мятеж — Его от зла спасти…

* * *

Какая награда, блаженство какое,
Когда зажигаешь лампаду покоя!
Она не бездействием сердце наполнит —
Она о полёте и цели напомнит.
О том, что в тебя с Сотворенья навечно
Господь поселил беспокойное нечто.
Покой и полёт — это общий поток,
Попробуй освоить такой парадокс.

* * *

— Питайся прошлым и мечтою, —
Изрёк мудрец, другой сказал:
— Живи реальностью лишь тою,
Что Бог тебе сегодня дал.

Что было, унеслось в преданье.
И смерть придёт, как ни крутись.
Приемлю оба назиданья,
Но верю третьему — трудись!

ПРИБЕЖИЩЕ

«Не убий», — сказал пророк когда-то,
Истребивший тысячи голов.
Нелегко соединить солдату
На войне победу и любовь.
Библия — одна сплошная скука

Тем, кто в ней читает лишь слова.
Если очевидна только буква,
Слепы и глаза, и голова.
Негде человеку отогреться,
Только дома, у себя внутри.
Думай сердцем, виждь и слушай сердцем.
Нет иной в грядущее двери.

* * *

Течёт река за горизонт,
Как мы течём, как наши дети,
Как всё течёт на этом свете
В наш невозвратный, вечный сон.
Внезапно вынырнув со дна,
Обрывок памяти проснётся,
И памятная тишина
Тебя живым огнём коснётся.
Бессонница. Кого-то жаль,
Пред кем-то каешься, стыдишься…
О память, память, ты, как шаль,
Вся в узелках,
Усни, утишься!
Но не смиряет ни зевок,
Ни ум, ни даже Высший разум,
Пока последний узелок
Твоим поступком не развязан.

* * *

Жара за тридцать. Клонит в сон.
Молчит, не требует поэта
К священной жертве Аполлон.
Ему видней.
Пройдёт и это.
В глазах моих немало снов
Прошло за жизнь к поре осенней,

От потрясения основ
До жажды новых потрясений.
И так случалось, что всегда
Далёкий свет маячил смутно,
За вспышкой света шла беда,
И снова наступало утро.
Но не об этом нынче речь,
Мне странно, что порой вечерней
Сумело сердце уберечь
Неугасимое свеченье.
Точнее, тихое тепло
К земле, деревьям, людям, птицам
И даже к злу, что отошло,
Но может снова возвратиться.
И Аполлону ли, Христу
Шепчу в сердечной сладкой трате:
— Пусть всё пройдёт,
Невмоготу
Лишиться только Благодати.

* * *

Долго путь свой искавший в рисковых
Тупиках и в потёмках души,
Старорусской эпохи осколок,
Я до старости как-то дожил.
С чемоданами дремлющих песен
Забрался наконец на Парнас
В тот момент, когда градам и весям
Не до наших стихов,
Не до нас.
Пережду, моя милая Родина,
Твой не первый в столетьях закат
Среди гвалта и пира вороньего,
Пережду, как поэт и солдат.
И об этом пою до оскомы,
До истомы последней пою,

Уходящей эпохи осколок,
Уцелевший в базарном бою.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ВЕСНЫ

Земная жизнь промчалась, словно скорый.
Да будет мне позволено легко
В небесные отправиться просторы,
Но так, чтобы не слишком далеко
От сосен, чьи под снегом лапы гнутся
И серебрятся головы в мороз.
Я не могу однажды не вернуться
В суровый край, где вместе с ними рос.
Я много брал по праву и без права,
Потом платил, ликуя и скорбя,
И понял наконец, что нет забавы
Печальнее, чем счастье для себя.
Я это знал в других веках и странах,
Но страшный век корёжил жребий мой.
Поэтому в его сплошных туманах
Две трети жизни вёл ненужный бой.
Пускай же на планете станет чище
С уходом неразумных. На веку
Я слишком мало помогал Отчизне,
Быть может, ей оттуда помогу.
С лиц, дорогих мне, утирая слёзы
И навевая радостные сны…
В мой смертный час взгляните на берёзы:
Для них зима — предчувствие весны.

ЗОЛОТОЙ ВЕК

И был январь, и падал с неба снег,
И становился на земле скрипучим.
И шёл по снегу новый человек,
И улыбался солнышку и тучам.
И был апрель, и падал с неба свет,
И становился изумрудным плюшем,

И в лужи превращался серый снег,
И человек, смеясь, шагал по лужам.
И был октябрь, и падал с неба дождь,
И вся земля испытывала вялость.
И под дождём бродил всё тот же бомж,
И вся ему природа улыбалась.
И вновь летел густой январский снег,
И не чудак, не ангел, не калека,
Шагал полуодетый человек,
Весёлый странник «золотого века».

* * *

Когда-то читатели скажут в печали:
— Какого поэта мы рядом проспали!
Отвечу, покинув земную обитель:
— Да ладно поэта, себя не проспите.

БЛАГОДАТЬ

Она в посёлок налетела разом,
Земле и тучам учинив погром,
И вот теперь богиней синеглазой
Простёрла над берёзами покров.
Тепло. Умыто. Нежная прохлада.
Повсюду первозданности печать.
Как мало и как много сердцу надо,
Когда оно умеет помолчать.
Присутствие недоброе почуя
В слезящейся картофельной ботве,
Безумствует знакомая пичуга,
Зачем-то скачет, скачет по траве.
За птичкой кот охотится, зверея.
Она звенит, бандита уводя
От своего гнезда в кустах сирени,
Где пламенеют капельки дождя.
Прыжок — и птичка мимо лапы-бритвы

Взлетает в сантиметре.
Благодать.
Зовёт попасть в свои святые ритмы,
Где время жить и время пропадать…

* * *

Спешить не надо на тот свет,
В надежде отдыха добиться.
Тем более самоубийце
Покоя там, конечно, нет.
Одна жива на русском поле
Святая смерть по личной воле:
Умрёшь на пахоте когда
От непомерного труда.

КЛАДБИЩЕ

Кресты, кругом одни кресты
Из камня, дерева, из жести,
Как вековечные мосты,
Что вяжут жизнь со смертью вместе.
Ты протащил по жизни свой,
Мечтаешь о покое светлом.
А он и там над головой
Стоит под ливнями и ветром.
Он ждёт. Такие, брат, дела,
Покоя нет, давно известно…
Идёт война не за тела,
Не за кресты — за дух над бездной.

ПРИТЯЖЕНЬЕ

Когда шагаешь на исходе сил,
Кому тоска по отдыху неведома?
Кто в изнемогшем сердце не носил
Прощанье и прощенье миру этому?

Но сказано, что новый примет крест,
Кто прежний свой оставил малодушно.
Так добреди до же до священных мест,
Где жизнь от смерти отличать не нужно.
И сохрани мечтательный восторг
Полётов ввысь, пока посажен в клетку.
Мир грозен, ненадёжен и жесток,
Но не покинь его родную ветку.
И если встретишь на своей тропе
Ожог судьбы, последний, неминучий,
С улыбкой поклонись такой судьбе
За посланный архангелами случай.

ДОРОГИ

Теряются где-то, сливаются с небом
Дороги родные, где был я и не был.
Идут через горы, проходят овраги
Сквозь взлёты, падения, смуты, ГУЛАГи.
То в яму скользнут и в пыли затоскуют,
То вдруг повернут на приманку какую.
И слушают, слушают дальние зовы,
И с небом высоким сливаются снова.

МОЯ ДОРОГА

В суглинке уступчивом две колеи,
Меж ними трава низкорослая…
Здесь детские дни отзвенели мои,
Весёлые, грустные, грозные.
По ней, оперившись, я в город ушёл,
Там в разные двери стучался,
Бил зря кулаки, разбивался душой
И к ней каждый раз возвращался,
К дороге знакомой, к скрипучим мостам,
Наследникам прошлых столетий,
К ромашкам во ржи, к утомлённым цветам,

Что выросли где-то в кювете.
Теперь начинаю поскрипывать сам,
Не спрячешь от времени кости…
Душой же надеюсь взлететь к небесам,
Там вспыхнуть, как радужный мостик
Для всех, кто в скитаньях своих не остыл,
Кто в ноги поверил босые,
В ромашки и рожь, в небеса и мосты
На вечных дорогах России.

СТАРЫЙ КУЧЕР

Я в молодости так мечтал о славе,
О блеске золотых её карет!
Потом свои мечтания оставил.
И слава богу, что перегорел.
Теперь качаюсь в общих дилижансах,
Страшусь езды горячей и дурной.
Пора уже в подушках отлежаться
Футляру, что себя считает мной.
Но из карет ли, дилижансов, дрожек
Душа куда-то рвётся всё равно.
Пока гуляют в старой бочке дрожжи,
Не может успокоиться вино.
Старинный обожатель винной бочки,
Я знаю: нет на свете ничего
Печальней, чем пустые оболочки,
Когда их покидает Божество.
Вот поднял кнут таинственный Возница,
И я шепчу душе своей:
«Держись!» —
Вцепившись в сердце — древнюю жар-птицу,
Что переносит нас из жизни в жизнь.

ГОРЫ

Мне снились горы, голые вершины,

Я на одну взбираюсь сквозь пургу.
Вокруг темнеют камни, точно джинны.
Взобрался, а спуститься не могу.
Едва держусь на острие холодном
Седой скалы,
Без шапки, без пальто.
Внезапно горы в райские полотна
Преобразились,
В дивное плато,
В оазис из сказаний сокровенных:
Цветы, деревья, тёплые ручьи…
Так не хватает ликов незабвенных!
Ау! Где люди? Где друзья мои?
Навстречу мне из леса золотого
Есенин, Пушкин, Моцарт, Дон Кихот…
— Вы миражи?
— О нет! Мы дети Слова,
Творения необратимый ход.
Когда-нибудь и, может, очень скоро
Всех, кто сумел мечту свою сберечь,
Нас примут на свои вершины горы
Для жизни, для труда, для чудных встреч.

* * *

Ты вынырнул на свет порой морозной
Не из утробы материнской, нет —
Ты опустился вниз из пыли звёздной,
С гнездовий самой светлой из планет.
Из золотых берёзовых пастелей,
Из пушкинских благословенных строк.
Но также ты возник из тьмы расстрельной
Тридцатых, это тоже твой исток.
Сегодня он расписан по неделям,
Твой марш-бросок последний на покой.
Счёт потеряв надеждам и потерям,

Надеюсь, ты не столь самонадеян,
Чтобы сказать, а кто же ты такой.

* * *

Ах, стихи, вы дети мне, не гости.
Извините, что порой рука
Тянется забить вас, словно гвозди,
В стенку века тоже на века.
Впрочем, поколения рассудят,
Заржавелый ждёт ли вас покой
Или на гвоздях повесят люди
Всё, что держат дома под рукой.

КАК РЕБЁНКА, КАЧАТЬ НА РУКАХ…

Что мне в старости нужно? Внуков,
Посох странника, хлеба кусок…
А ещё, чтобы жизни науку
Мог я сеять в людской песок.
Нет, мне надо купе и каюты,
Шум турбин самолётных, дабы
Мог пройти все земные маршруты,
Раскрутить все спирали судьбы.
Но на полках простых и литерных
Накачался за жизнь вполне,
На Венере бы, на Юпитере
Побывать со товарищи мне!
Представляю — ставим палатки…
А потом? Нет, с толпою друзей
Нужно мне облететь галактики
На просторах Вселенной всей.
И оставив плоть эту бренную
В бесконечных грядущих веках,
Нашу маленькую Вселенную,
Как ребёнка, качать на руках.

* * *

Ты шепчешь мне тихо, светло и бесстрастно,
Что главное — душу свою не сгубить,
Ни капли надежды, ни пяди пространства
Торговцам и бесам в ней не уступить.

Я слушаю шёпот твой, Русь дорогая,
Я верю в святую науку твою.
И только поэтому, изнемогая
И падая,
Снова и снова встаю.

* * *

*Россия, Русь, храни себя, храни!**
Не гни колени от возросшей тяжести,
Не отступай под натиском продажности,
Сменившей наступление брони.
Зовёт военной музыки оркестр
Объединить усилия славянства,
Поставить щит эпохе окаянства,
Одеть в броню растерянность сердец.

ЭПИТАФИЯ

* * *

Он не закончил что-то,
Он что-то не допел,
Он умер за работой,
Как этого хотел.

* Строка из стихотворения Н. Рубцова

ПРОЩАЛЬНЫЕ СТИХИ

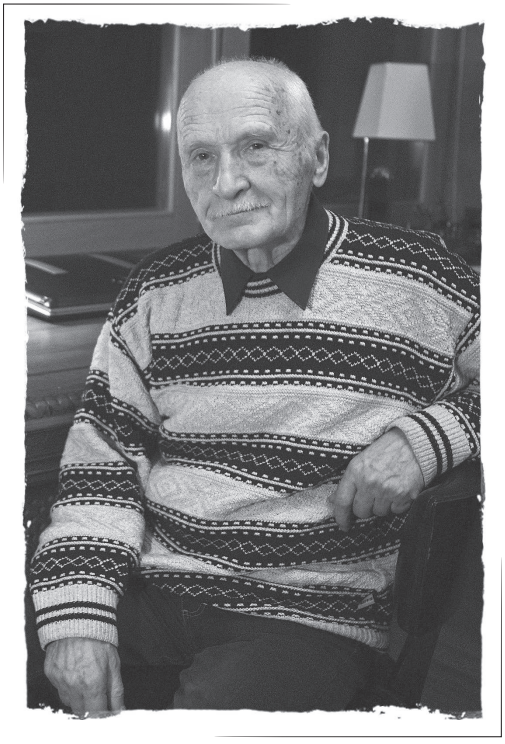
Когда калитку отворю
В загробное безбрежье,
Родным и близким повторю
Всё сказанное прежде.
Пускай чуть-чуть взгрустнет семья,
Помянет друг в охотку,
Хотя давно мои друзья
Пьют воду, а не водку.
Чего себе бы пожелал
Узреть в стране Оттуда?
Лжедемократии развал
И твёрдой власти чудо.
Чтоб жизнь в своей дурной возне
Не впала в амнезию,
Ведь повидала не во сне
Великую Россию.
Чтоб людям будней скучный лес
Вернул былую сказку
О том, как Русский Дух воскрес
Навек, не только в Пасху.

* * *

Я всё сказал себе и веку,
Ветрам и пням, траве и снегу,
Времен грядущих человеку,
Быть может, кое-что сказал.
И суть не в том, что будет позже,
Кто скажет меньше или больше.
Мне важно, чтобы русский поршень,
Когда уйду, не отказал.

P. S. ЗАКЛИНАНИЕ

Живу ожиданием нового взлёта
Усталого лебедя — нашей Руси.
Живу возрожденьем её из болота,
Живу возвращеньем законной оси.
За тысячелетье такая трясина
Связала впервые страну по рукам.
Не сдайся, Россия! Воскресни, Россия!
Не дай затоптать себя в землю врагам!



Часть четвёртая

Ковры времён. Поэмы

КОВРЫ.
ЗОЛОТОЕ ОЗЕРО.
ПЕВЕЦ И ХАН.
БОЛИВИЙСКИЙ ДНЕВНИК
ЧЕ ГЕВАРЫ.
СМИРЕНИЕ
(ПОЭТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ
НА ПОЛЯХ РУССКОЙ
ИСТОРИИ)

I. КОВРЫ ВРЕМЁН. ПЯТЬ ПОЭМ

КОВРЫ

Восточная легенда

Лиле, жене и другу

1

Зацвёл кизил. Ручьи на горных склонах
Набрали силу, весело звеня.
Понадобилась новая попона
Для боевого царского коня.
Владенья государевы обшарив,
Заготовитель главный к трону свёз
Кашмирских шалей буйные пожары,
Английских гобеленов лёд и воск,
Шелка Пекина,
Бархаты Прованса,
Кошму из сопредельных с небом мест.
Царь созерцанью тканей предавался,
Угадывая в каждой Божий перст.
Какую взять, куда коня направить?
Чью землю царским опалить тавром?
И вдруг в глаза невиданные травы,
Цветы и птицы
Брызнули ковром.
На том ковре за юной девой крался
Могучий фавн, пылая и дрожа.
И праздник незнакомых чудных красок
Манил, и ослеплял, и раздражал.
— Откуда вещь? — спросил владыка хмуро.
Снабженец желтолицый и рябой,
Ногой ковер отодвигая сдуру,
Пролепетал:

— Содеяно рабой.
— Ковра не смей касаться, недостойный!
Ступай же прочь
И приведи её.
И в грозном окружении конвойных
Перед царём арапка предстаёт.
Клинок очей
Столкнулся с тёплой медью
Смиренных глаз
И мягче засиял.
И царь спросил:
— Скажи, где есть на свете
Страна солнцеподобная сия?
И странные в ответ услышал речи:
— Страна сия в душе моей живёт.
Царь помолчал, окинул взглядом плечи,
И дрогнувшие ноги, и живот,
И нежный полуостров среди бёдер.
Была раба не слишком молода,
Но Божий дух,
Сокрытый в тёмной плоти,
Владыку звал желать и обладать.
И как под осень щедрая долина
Ласкает очи золотом хлебов,
Невольница владыке подарила
Горячую арапскую любовь.
И царский гнев святой на иноверцев
Опочивальня спрятала в тиши.
И домогался царь
Смущённым сердцем
Познать страну сплётенной с ним души.

2

И зашуршали слухи-злободневки,
А воины роптали, не таясь,
Что их поход отложен ради девки,
Что их штандарты выброшены в грязь.

Премьер-министр в очередном отчёте,
Кривя улыбкой кисло-сладкой рот,
Докладывал, что палка не в почёте,
Что смутами прельщается народ.
И Главный теоретик государства
Небесной карой блуду угрожал
И в проповедях пламенных кидался
На всех, кто топчет веру и скрижаль.
Стучал в окно
Провинций дальних ветер,
Спала раба,
Лишь царь один без сна
Терзался, что не создано на свете
Достойнее работы, чем война.
Он знал:
Судьба монархов не жалеет,
Когда дела забыли для утех.
Всегда в огне рождается железо
И в битве добывается успех.
Всё в мире этом — зубы или хлебы,
Так повелел от сотворенья Бог.
И царь владеть Аравией хотел бы,
А сам арапкой овладеть не мог.
Измученный, с опухшими висками
Сливовый лик разглядывал, привстав,
Уста и руки царские искали
Потайные любовные места.
И губы мед струили, словно соты,
И вся раба в руках его вилась.
И плакал царь —
Неведомое что-то
Таилось в глубине янтарных глаз.

3

И день входил в монаршие покои,
И умброй кожи солнце излучал.
С улыбкой потаённой и покорной

Невольница заваривала чай.
Когда царю случалось рассердиться,
Робела
И была рабой, пока
Не приходило время ей садиться
У ткацкого коврового станка.
Тогда и день ложился псом под окна,
Бездонность глаз
Пугала и влекла.
До вечера, сомнамбуле подобна,
Она ткала, ткала, ткала.
В зелёном льне паслись единороги,
Кентавр, смеясь, кого-то окликал,
И шерстяные аспидные боги
На синих возлежали облаках.
Всё было, в общем, празднично, но ложно,
Как главный теоретик доглядел.
Творение же истинное должно
К царевой пользе наставлять людей.
Кому нужны лоскутные посулы?
Куда зовёт ковровый этот бред?
На царский помутившийся рассудок
Арапка порчу навела и вред.
И потому, удачею забытый,
Царь шепчет и во сне, и наяву,
Что душу непокорную рабыня
Цветным вверяет ниткам —
Не ему.
Что в этом затянувшемся сраженье
Отпраздновать победу не дано.
И было взято всё в соображенье
Министрами.
И было решено.

4

В тот день владыку увлекла гадалка,
Ему поход и славу предрекла.

Рабу же заарканила удавкой
И на конюшню стража сволокла.
Храпели кони царские,
Был точен
И ловок дюжий конюх,
Хоть и хром.
Меж двух оглобель
Хрустнул позвоночник
Арапки под пудовым сапогом.
Всё остальное малоинтересно,
Оно корней кизиловых улов.
И царский гнев,
И царские аресты,
И сколько было срублено голов.
И то, что царь, в конце концов, признался
В своих грехах
И снова бодр и рьян
С весёлым войском в путь далёкий снялся,
И вытоптал конём
Немало стран.
И, завершая славную дорогу,
Под старость приказал в глухой степи
Построить храм неведомому богу
И этот храм коврами устелить.
Что из того?
Ковры давно истлели,
И храм песком засыпало уже…
Так стоит ли ворочаться в постели,
Допустим, на девятом этаже,
Чтобы увидеть
На стене панельной
Бесплотную арапку, и ковры,
И красоту в сиянье беспредельном,
Что в каждом сердце
Дремлет до поры?

ЗОЛОТОЕ ОЗЕРО

Это озеро с давних времён
Нарекли золотым.
Смуглолицый пришелец
Склонился однажды над ним.
Не увидел ни синего неба,
Ни сосен,
Ни гор —
Ничего.
Затуманенный взгляд
Опрокинул в себя самого.
— О великие боги, — вскричал он, —
Да буду вовеки могуч!
И ударил огонь
Из внезапно нахлынувших туч,
Раскололась гора,
Поднялись водяные валы,
И к ногам чужестранца
Скатился обломок скалы.
Серый войлок ущелий
До времени тайны хранит,
Зазвенело зубило
О посланный небом гранит.
Волны бились в закаты,
И месяц по зыби скакал,
Дни и ночи в скале
Чужестранец себя высекал.
И заметило солнце
Труды над пустынной водой,
И скала-истукан
Засверкала, вдруг став золотой.
Потекли богомольцы
В безлюдные эти места
Замереть у червонных ступеней,
Приложив к ним сухие уста.
О Причина Причин!

Как познать мне твой огненный зов?
Утомилась душа чужеземца
От долгих трудов,
И когда она, тело покинув, в иные
Миры отошла,
Златоликая статуя
Вздрогнула и ожила.
Стали внятны ей шёпот травы
И знаменья подземных Владык,
И небесных светил
Терпеливый и грозный язык,
И желанья паломников,
Долу клонящих бледные лбы.
Только не было сил
Отвечать на мольбы.
Как сказать этим смертным,
Простёршимся в прахе у ног,
Что открыты им всюду
Безмерные свитки дорог,
Что великое счастье богов —
Обрести эту слабую плоть.
И вскричал истукан:
— О Господь!
…Пахнет гарью,
И месяц серебряной лодкой
Плывёт по волне,
Смытый каменным ливнем,
Покоится идол на дне.
А бездонное небо над ним
Приглашает опять
Человечную тайну понять.

ПЕВЕЦ И ХАН

Восточная сказка

1

Котёл, кипящей меди полный,
Катил по небу жаркий день,
А на закате плетью молний
Отары туч погнал Ульгень.
Горел костёр.
Бурдюк бездонный
Всю ночь поил весёлый той.
Но трезв был хан луноподобный,
Плечистый, гибкий, молодой.
Он силы выказал немало
В тигрином теле и в уме,
Его солдаты и шаманы
На белой подняли кошме
И посадили на коня
Новопрестольного владыку,
И мчалась с грохотом и гиком
Лавина всадников, звеня.
Неумолим обычай древний:
Аркан метнули —
На земле
Хрипел поверженный и гневный
Правитель в кожаной петле.
— Скажи, как властвовать намерен?
Соврёшь — погибнешь от петли!
— Клянусь богами, буду верен
Законам Неба и Земли.
И много туч сменило небо,
И белых шуб зимой — Онон.
И хан, конечно, ханом не был,
Когда б небесный чтил закон.
Заматерев душой и телом,
Он волю захотел свою

Иным краям, чужим пределам
В кровавом навязать бою.

2

В том ханстве, до поры негордом,
На грани тверди и небес
В пещере обитали горной
Старик-отшельник и певец.
Один пророчествами славен,
Другой — чудесным ладом слов.
И за обоими послали
Не то конвой, не то послов.
Хан поглядел в лицо пророку,
В глаза певцу и так спросил:
— В какую ратную дорогу
Мне положить избыток сил,
Чтоб песнями по белу свету
Я был прославлен на века?
И с нетерпением ответу
Внимал святого старика.
И был ответ ему:
— Дороги
С попутным ветром иль грозой
Нам выбирают в жизни боги,
А наш удел — услышать зов.
Но люди сочиняют песни,
И только те звонки из них,
Что поднимают в поднебесье
Величье подвигов земных.
И был ответ перетолкован:
За солнцем вслед идти войной.
Восток издревле ценит слово,
В котором мысль, как зверь степной,
Вольна лететь, куда захочет.
Гремят на западе мечи,
И страждут дни, и стонут ночи,
А песня радости молчит.

3

О человек, пока свой жребий
Ты не познал и не обрёл,
В земной юдоли
И на небе —
Ты утлый чёлн во власти волн.
Ты всюду ищешь обладанья
И постоянства в суете,
И потому огонь страданья
Тебя преследует везде.
Ты жаждешь самоутвержденья,
Ты домогаешься утех,
Но в мире всё проходит тенью,
От малой щепки до Ульгеня,
Закон один,
Один для всех.
Он Колесо Вселенной вертит,
В нём нет добра,
Но нет и зла.
На гребне жизни,
В яме смерти
Почувствуй мерный взмах весла.
Стремись в великом океане
Движеньем стать —
И Колесо
Рукам твоим послушным станет
И растворит добро и зло.
Ты станешь жизнью беспредельной,
Что в каждой капельке видна.
Так победи свою отдельность!
…Гремит на западе война.

4

К обозу ханскому причислен,
Глядит певец во все глаза,
Как червь не успевает чистить
От трупов пашни и леса.

Как бьётся насмерть безоглядно
Чужой отчаянный народ,
Но весь за весью,
Град за градом
Пришельцам грозным отдаёт.
А хан… Он озирал полмира,
Простёртые под ним в пыли,
И страсть горячая палила
Стать властелином всей земли.
И, этой страстью ослеплённый,
Не мог понять он Вечный Суд,
Не мог почувствовать закона,
Что Равновесием зовут.
Не ведал хан, что слишком молод
Им завоёванный народ,
Что ханский меч,
Как добрый молот,
Его в единстве откует.
А кровь баторов ханских славных,
С чужой смешавшись кровью,
В срок
Родит орла,
И он двуглавый
По кровно-царственному праву
Воззрит на запад и восток.

5

Почувствовал поэт смиренно,
Что кровь напрасно пролилась
Среди безудержного тлена.
С небесных сфер не сводит глаз.
Поёт он о бессилье смерти,
О том, что и в самом аду
Не затемнит жестокосердье
Бесстрашье, честь и красоту.
Хоть малой струйкой,
Но упрямо,

Буравя времени гранит,
Приходит даже в царство Ямы
Священной истины родник.
Словам певца с улыбкой странной
Внимали воины и хан.
И смысл их главному шаману
Совсем не нравился.
Шаман,
Как полоз, вкрадчивый и лысый,
На ухо хану прошипел:
— Никто из подданных не слышал,
Чтоб о тебе певец запел.
Не отчеканена в преданьях
Судьба великая твоя.
— Что скажешь хану в оправданье?
Певец растерянно стоял
Перед владыкой.
— Песня зреет,
Дай всё обдумать до конца.
Но плеть державного презренья
Ожгла молчащего певца.
— В глазах лукавых нет восторга,
Я вижу в них один обман.
Пускай же истину исторгнет
Из лживых уст святой аркан!
Сплелась петля на тонкой шее,
Заржал заоблачный Изык.
Хрипит певец. В глазах темнеет,
Чернеют губы и язык.
— Скажи всю правду, подлый мерин!
И губы тихо донесли:
— Клянусь богами, буду верен
Законам неба и земли.

6

Законы… Нет, они не те же
Для дел земных и для небес.

Мечтой напрасно душу тешил,
Что обретёт слова, певец.
И, строчки из себя не выжав,
Перед владыкою возник:
— Луноподобный, ты унижен
Лжеобещанием…
Казни.
— Казни! — Сучил шаман ногами,
Но вместо головы к ногам
Певца
Упал мешок с деньгами.
— Иди и пой на страх врагам,
На радость истине и чести,
Ты муж, не знающий греха.
И первый раз, не знавший лести,
Певец запел:
— Великий хан…

7

Он возле гор дворец построил,
Собратьев в нём собрал своих,
Вниманьем тёплым удостоил
Заслуженных и молодых.
Здесь каждый мог свободной темой
Себя прославить на века.
И громче всех хозяйский тенор
Звенел на праздниках,
Пока
Не убежали в степь бродяги,
Когда туда пришла весна.
Вкусившему бродячей браги
Вода стоячая пресна.
Что скакуну все яства ханства,
Зачем ему лихая стать,
Коль начал в стойле спотыкаться
Без звёзд,
Без ветра,

Без хлыста?!
Тускнеет старых песен жемчуг,
Скисает прежних чувств кумыс.
Уже министры хану шепчут:
— Звезда певца скатилась вниз.
Но, думы пряча под улыбкой,
Хан гнул своё и не спешил,
Глядел, как ком обиды липкой
Певца оплывшего душил.
И всё свершилось по закону,
Уста шепнули:
— Славный хан…
А песни стали бить поклоны,
Припав к верховным сапогам.
Низались звуки, как монисто,
И так певец вошёл во вкус,
Что стал, в конце концов, министром
Наук придворных и искусств.

8

О Мара, искуситель давний!
Ты не даёшь забыть завет:
Трудней на свете испытаний,
Чем сытостью и славой, нет.
Пытаешь ими самых крепких,
Но и тебе не по плечу
Держать их в золочёной клетке,
Задуть сердечную свечу.
…Вбирая опыты Вселенной,
Смеясь и плача без конца,
Сквозь опыт воплощений тленных
Мы всё равно в Чертог Отца
Приходим.
…Высится, насупясь,
Из-под серебряных овчин
Горы знакомой семизубец,
Где старец мудрый опочил.

Где долгой собирал аскезой
Ручьи сердечного тепла,
Чтоб в Кали -югу, век железный,
Любовь забытая текла…
Добрался в горы утром ранним,
Покинув хана и дворец,
Болезнями себя изранив,
Вконец измученный певец.
Упал на камни, тихо плача,
Ладони на груди сложил:
— Прости, отец, что я иначе,
Чем ты хотел,
И пел, и жил,
Что слёз чужих я мало вытер,
Своих, увы, добавил в свет.
Но Мару я возненавидел,
А с ним —
И Колесо сует.
Прости.
И горы отвечали:
— Прощенья нет, как и грехов.
А над причинами печалей
Бессильна даже власть богов.
Живущие под небесами,
Их сотворенья на земле,
Мы создаём и рушим сами
Покой в любви, разлад во зле.
Того, чьё устремленье благо,
Печаль не встретит никогда.
Как воина хранит отвага,
Так обойдёт тебя беда.
Покорный собственному Небу,
Земную ношу возлюбя,
Трудись, молись, проси и требуй,
Как у Всевышнего, с себя!

БОЛИВИЙСКИЙ ДНЕВНИК ЧЕ ГЕВАРЫ

1

В листве деревьев ветер замер.
Костёр горит. А завтра бой —
Последний, может быть, экзамен
Перед людьми, перед судьбой.
Закончил зверь свою охоту,
Висит, вцепившись, на плече.
Пока же над листком блокнота
В ночи сияют очи Че.
Он должен вспомнить, кто чем дышит,
Кто пал в бою, а кто сбежал.
Он пишет, в будущее пишет,
Как не сумел разжечь пожар,
Весёлый, праведный, широкий,
Подобный славному тому,
Чей отблеск песенные строки
Сейчас напомнили ему:
«Я хату покинул,
Ушёл воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать».
Красиво парень умер в песне,
Теперь в сердцах людей стучит.
А здешний люд, хоть оземь тресни,
На все слова твои молчит.
И хуже, будто бы ослепнув,
Надеждам всем наперекор,
Ведёт карателей по следу,
По следу твоему, майор.
Кому под этим хмурым небом
Ты отдаёшь свою любовь?
За что воюешь?
За нелепо
В господ поверивших рабов?

Судьбой назначенный и тесный,
Не ждёт подвижнический путь
Ни славы, ни даров Небесных,
Но верит, что когда-нибудь
Над тьмой больших и малых истин,
Над кровью всех времён и вех
Вдруг засияет бескорыстье
Одной потребностью для всех.
Да будет так. А ныне, ныне
Насущней хлеба и воды
Нужна улыбка из пустыни,
Как пониманье… за труды.
Но нет ни хлеба, ни улыбки.
Они угрюмо прячут взгляд,
В себя ушедшие улитки
Твоих несбывшихся гренад.

2

Ты не суди их словом резким,
Столетья рабские, увы,
Им залепили тестом пресным
Не только руки — но умы.
Да, без дрожжей не быть броженью,
И под звериное «распни!»
На пашне многих поражений
Победа пестует ростки.
Не с сожаленьями, как с гирей,
Не впавший в жертвенный экстаз
За честь попасть в иконостас,
Уныло ты бредёшь к могиле.
Бывает душ высоких стать,
Что раздаёт себя на части
И высшее находит счастье,
Когда уж нечего раздать.
Пусть весело шумят в лесу
Деревья на твоём погосте.

Врагу ты бросишь, словно псу,
Совсем немного — плоть да кости.

3

Давно он, человек-легенда,
Ушёл в дела людей и стран:
И в Сальвадора Альенде,
И в сальвадорских партизан.
И в каждый дом под каждой крышей,
Где души выше потолка,
А уши слушают и слышат
Не только шелест кошелька.
Ты можешь быть смиренней лани,
Беззвучней пламени в свече,
Но если чьим-то горем ранен,
В тебе живёт частица Че.
Враги его считали русским,
Рукой злокозненной Москвы.
Американские мозги
Выносят плохо перегрузки.
Конечно, для России честь
Такого воина взлелеять.
Но у моей Отчизны есть
Свои сыны, свои идеи.
Не в кознях Кей Джи Би она
Ключи побед своих ковала,
И не в застенках, не в подвалах
Душа России рождена.
От Мономаховых хоро́м,
От Радонежской кельи низкой
Течёт сквозь вечный ратный гром
Река духовности российской.
Копьё и меч привычны нам,
Нам обыдённость не по силам.
Загадки многие сынам
Ты задаёшь своим, Россия.

Всё ждём, когда кнуты вождей
В лихую пору дух разбудят.

4

…Боливия. Сезон дождей.
И думы, думы на распутье.
В ночных деревьях ветер замер,
В костре сырой сушняк шипит.
Спросонок бредят партизаны.
Весь лагерь спит, лишь он не спит.
Пожалуй, можно ставить точку.
Встаёт рассвет. Потух костёр.
Спешит, дописывает строчку
В канун бессмертия майор.
Чем мера дела всенасущней,
Тем каменистее тропа.
И чтобы стать в грядущем гуще,
Должна под нож упасть трава
Или тростник. И хватит лирики
В соизмеренье «он» и «мы».
Тем крёстным рейдом по Боливии
Закончен путь святой войны.
Теперь отныне и вовеки
Никто на свете, даже Че,
Не приведёт к заветной Мекке
С винтовкой на своём плече.
Уходит мир безумный, старый,
Ещё сжимая ржавый меч.
Свою от факела Гевары
Свечу попробуем зажечь,
Чтоб каждый мог свой путь отмерить
Не до могилы — до звезды,
Отдав Тому, в кого он верит,
Цветы любви и красоты.

СМИРЕНИЕ

Поэтические заметки на полях русской истории

Глава первая

Итак, по двадцать дважды. Новый крест.
За окнами сугробы белой смушки.
А дома тишина. На скрипках — Пушкин,
Играет федосеевский оркестр.
Волшебный вальс. Лихие барабаны
Игрушечный выстукивают марш.
Романс. Метель. Холодные туманы.
В душе до слёз смиряющий пейзаж
В эпоху торжества распухших денег.
И никуда Свиридова не денешь.
Как, впрочем, нашу Русь. Она была,
Загадочной для греков, молчаливой.
Но вместе с их немногословной Клио
Творила громогласные дела.
К примеру, Рим снесла до основанья
Нашествием. Тревожила Царьград.
И со славянами случались беснованья,
И в них вселялся истребленья ад.
Свидетельство — языческий Аттила*,
Которого славянство породило.

Языческие отпрыски правы.
Есть доля их в сегодняшнем трезубце.
То пляшут на майдане, то трясутся,

* Предводитель гуннов, разрушивших Древний Рим в V в. Его ставка, по мнению ряда историков, находилась на территории нынешней Украины, в районе Триполья, возле Киева. Общепризнанная историческая точка зрения: ставка вождя гуннов была на землях будущей Венгрии. Однако вопрос, кто составлял основу этнического состава гуннов крайне запутан. Есть предположение, что ядром конгломерата гуннов были именно арии, пришедшие с Гиперборейского материка и составившие население будущей Европы. Но это пока ещё предмет мифологии, а не науки. Впрочем, первая нередко перерастает во вторую. Свидетельство — раскопки Шлимана в Малой Азии, а особенно археологические находки наших дней, подтверждающие целый ряд древних легенд о древних миграциях народов.

Почуяв, что не сносят головы.
Примеривают маску миротворца,
Навешивают крестики на грудь.
На древнем дне славянского колодца
Старательно выискивают муть.
Никак не могут обойтись без драки.
Кого-то надо вздёрнуть на «гиляке».

Что ж, пусть побесятся майданные хохлы,
Они свои ведь обезумевшие дурни,
Что попадали в разные котлы.
Бывают, правда, сэры покультурней.
Дурачат недоразвитых славян
Зелёными бумажками и бренди.
И вот уж бравый «оселедец» бредит,
Минувшими фантазиями пьян.
Такая у соседей вот беда.
Дурак проспится. Бесы — никогда.

Глава вторая

Пора сменить пластинку, что затерта,
Хотя на флэш заменена давно.
Включаю летописей древнее кино,
Когда оно прославило нас гордо.
Князей варяжских звали или нет,
История о том не допытала.
Но что бывал у нас незваный швед
Известно, как и славная Полтава.
А всех попыток злых не перечесть
Сломить свободу русскую и честь.
Пороховой мы не поддались мине,
На атомной взрываться никому
Не хочется, вот почему о мире
Пора военному и мирному уму
Задуматься. Но поразмыслим дальше,
Как поступить, когда везде враги,

Непроходимы хляби злобной фальши,
Нужны ли скороходы-сапоги?
Интерактивную пока оставим тему,
О русской чистоте продлим поэму.

Давно уже Владимир Красно Солнце.
Над Русью христианский свет зажёг.
И в каждом пробудившемся оконце
Восстал к назначенному сроку Бог.
Звенели песни, гимны и молитвы,
Разили мошкару колокола.
Кресты сияли, золотые купола…
Понятно, явь не обошлась без бритвы —
Волхвы с их идолами все пошли ко дну
В днепровскую бесстрастную волну.

Приучены мы к нравам беспокойным,
Наоборот, отвыкли мирно жить.
Хоромами и храмами дружить.
Влечёмся к разногласиям и войнам.
Судьба же свой отсчитывает счёт
За око — око. Клирики*не склонны
К мистериям. Пророчит звездочёт
Честному миру грозные уроны.
И верят просвещённые умы
Не в притчи Иисуса — в мифы Тьмы.

Глава третья

Что триста лет страна носила иго,
Все знают, хоть кого о том спроси.
Но ни одна не сообщает книга,
Зачем монголы появились на Руси.
Лишь плач об этом раздаётся скорбный,
Что нас загнали в первобытный лес

* Священники.

И слишком долго просвещённый Горби
Не мог в России учредить прогресс.
Лишь наступив Америке на пятки,
Мы миру стали прояснять загадки.

Прогресс, конечно, всем необходим,
Но также нужен очень крепкий тормоз,
Когда разбушевавшаяся вздорность
И жадность убирают всякий грим.
Коверкают рассудок, воздух, воду.
Верхи примерами калечат общий нрав,
Показывают — лишь богатый прав,
Навязывают гендерную моду…
Сдержал нас предстоящий Водолей
Вожжами Батыя: «Полегче, дуралей!»*.

Ещё одна загадка всей Европе —
Зачем останки первого вождя
Лежат открыто, память бередя?
Феномен и у нас кому-то неудобен,
В Москве бывая, кое-кто дрожит.
Никак столетняя загадка не развяжется.
Распорядился Путин — пусть лежит.
Проснётся — многим мало не покажется.

Загадка третья — почему «второй тиран»
В почёте у народа, как и первый?
И наши до сих пор выносят нервы
Чиновно-либеральный балаган?
Возможно, это знал покойный Гоголь,
Да был здоровьем не особо дюж.
Не кончив, сжёг пол-«Мёртвых душ».
И в землю лёг, сокрыв секреты Бога.
Что же касается грядущего страны —
Властителям пророчества вредны!

* Фраза из пушкинской «Телеги жизни».

Глава четвёртая

Цари и клирики сначала были вместе,
Но постепенно обозначился разлад.
Причина — нарастающий разврат,
Потеря Божьего присутствия и чести.
Один хозяин, разумеется, — Творец,
Однако каждому потребен леденец,
Правителю же меч и щит в придачу.
Решая перед ним стоящую задачу,
Царь Пётр не стал церквям поклоны бить —
Постановил колокола на пушки перелить.

Чертей в открытую соваться отучили.
Но вот ещё одна нахлынула напасть —
Властители на ратной славе опочили,
А бесы влезли в государственную власть.
И тут уж наплясались до упада:
Лжедмитрий, Шуйский, Горби, пьяный Боб…
Других примеров, думаю, не надо,
Когда Россия скатывалась в гроб.
Отсутствие простите хронологий,
У нас с историками разные дороги.

Раскол с разладом вовсе не одно.
И там, и здесь свои герои были.
Мы знаем, как темно родное дно.
Но тяжки и блистательные были.
Святое бремя мук и тяжких дум
Пронёс через жестокое пространство
Великий русский старец Аввакум,
Пронёс отважно, горестно и страстно.
Последний я не повидал его причал.
Но истинных наследников встречал.

Есть в Томской области на речке Парабели
На карты не внесённое сельцо.

Там в лесопильной маленькой артели
Я встретил Аввакумово лицо —
Таёжника, церковного расстригу.
Он денег в руки никогда не брал.
Читал одну-единственную книгу —
Евангелие. Леность презирал.
И выходил на ежедневную работу
За чёрствый хлеб и за простую воду.

Глава пятая

В деревне под названьем Верх-Уймон
Мы строили однажды на Алтае,
Своих ни сил, ни денег не считая,
Без помощи властей, музейный дом.
Он рос в местах, где староверы жили.
К их вере мы с почтеньем отнеслись.
Как водится, «друзья» нас сторожили.
Властям доносов посылали слизь,
На ней не оступились, завершили стройку.
Потом в другую угодили перестройку.

Алтайская священная земля!
Кто к ней губами нежно прикоснулся,
Тот, верю, духом навсегда проснулся
И небо для того — родимая семья.
Катуни изумрудно-облачный узор,
Опасные русалочьи повадки.
Рубцов входил с рекою в разговор,
Шукшин с холма решал её загадки.
До этого священник проходил
И новый Патмос на Катуни учредил.

Алтай хорош в любое время года!
Особо по весне и среди гроз.
Тогда на нём повсюду — запах роз.
Но и в Покров бывает дивная погода.

Горит она осенним золотом листвы.
А после зимушка-зима засеребрится,
Омоет снегом радостные лица,
Все до единого окажемся чисты…
Такие мысли посещают на Алтае,
Когда приходит осень золотая.

Венец Алтая — белоснежный кряж
Белухи. Молчаливый и прекрасный.
Он и для всей России верный страж,
Бывает часто с нами несогласный.
Но волю лодки не нарушит никогда
Ни молния, ни грома грохот властный.
Вздохнёт лишь молчаливая звезда,
Когда о камень разбиваемся опасный.
Даёт немного вёслам отдохнуть.
И снова продолжаем по Катуни путь.

Глава шестая

Алтайские священные легенды!
Что нас и староверов к ним влекло?
Они подсвечивают нынешние беды,
Хранят в себе старинное тепло.
Есть возрастной и праведный обычай —
Отстаивать в теченьях жизни муть.
А для чертей желанною добычей
Является как раз святая суть.
Бесовскую не изменить породу —
Ей надо замутить любую воду.
Когда мы били европейский сброд,
Объединённый немцами по Гегелю,
Планировал советский санкюлот*,
Во рву рождённый или под телегою,

* *Sansculotte* (франц.) — буквально: без штанов, пролетарий. Здесь литературная ассоциация одновременно с П. Антокольским («Санкюлот») и Маяковским «Город-сад».

Что установит нерушимый мир
От Лондона до самого Вермонта,
Казался в сорок пятом близким миф,
Но сэры вместе с пэрами бомонда
Задумали отправить нас ко дну.
Изобрели гибридно-блудную войну.

Кого не проучили в прошлом веке!
Легионеров разных видов и пород,
От нас принявших гибельные снеги
И от ворот хороший поворот.
Да надоело в драках пререкаться,
Европа поумнела малость, что ж,
Остались лишь одни американцы,
Кому ещё не чистили мы рож.
Хотя довольно оружейных споров!
Пришла пора унять драчливый норов.

Америка — отличный континент,
Где томные гавайские гитары
Подыгрывают шуму Ниагары,
А он шумит о красоте зелёных лент,
Таких, как Амазонка с Миссисипи.
Здесь с оспинами долларовой сыпи
Соседствуют волшебные грибы.
Желаем «джонам» солнечной судьбы
И совершенья праведного действа
Во имя истреблённого индейца.

Глава седьмая

Природа никого не предала,
Безмерно её щедрое прощенье.
Но если льёшь на землю каплю зла,
Приходит обязательно отмщенье.
Мы знаем это всё, как «Отче наш»
И лезем добровольно в те же петли…

В делах военных, человек, помедли,
Сто раз подумай, проявляя раж!
И не хвались, что в жизни повезло.
Когда творишь сознательное зло.

Есть совесть, шлёт её Всевышний.
И блеск рекламы — дьявольский обман.
Дитя протянет руку к «Зимней вишне»*,
Коснётся пальцем — щёлкает капкан.
Не трогайте конфеток и монеток,
Не слушайте, что наплетёт экран.
Сам Буратино нос ломал на этом,
Развесив уши сказочным ветрам.
Узрел сквозь стены сказочную суть
Таков и твой — через преграды путь.

А жизнь полна надежды и трагична,
Своих секретов сильно не таит.
Собой, допустим, озабочен лично,
Считай, опасны тяготы твои.
В них может затесаться Окаянный.
Пособолезнует, как бедного теснят,
А ты такой несчастный и гуманный.
Плеснёт тебе под ноги скользкий яд.
Мол, праведника губят, не жалея.
И в адский сад свернёт твоя аллея.

Святые говорили: благо охрани,
А не себя. Так делали поэты.
Шли на дуэли, позабыв приметы,
Рвались в бои. В любви росли они
К другим или в страданиях к другому,
Для нас ещё неведомому Дому.
Такими были Пушкин, Байрон, Донн,

* Название широко разрекламированного, затем сгоревшего торгово-развлекательного центра в Кемерове.

Есенин, Блок, Петрарка и Назон…
Живому мне не верь, пугаюсь сглаза,
Что всё перечеркнёт бесовская зараза.

Глава восьмая

В Сибири Западной течёт река Иня.
Как мать её, вручила мне природа.
Воспитывала с малых лет меня —
Аж с тыща девятьсот сорок второго года.
Выуживать учила шустрых окуней,
К станку токарному приставила трудиться,
Как многих пацанов военных дней.
Сам главный бес глумиться побоится
Над теми днями. Но немало бесенят
Забыли, что такое настоящий ад.

Светло и чудно главных рек теченье,
Ещё чудесней малых речек бег.
Они касаются земли, как первый снег.
Весной впадают в преувеличенье.
И по дороге могут всё снести,
Как это было с нами в девяностых,
Когда толпа уничтожала ГОСТы.
Безумье наше, Господи, прости…
Советчикам — бесовскую подначку.
Не угодить опять в медвежью спячку!

Уроки, говорят, не учат дураков,
Высоколобых умников тем паче.
У сих, последних, мозжечок таков,
Что вовлекает в лживые задачи.
А реки малые тогда лишь хороши,
Когда свои дела решают честно.
Чиста водичка ключевой души,
Пока не замутится повсеместно.

В предупрежденьях верен Паркинсон*:
Травинка, не впадай в дубовый сон.
Река Иня впадает в Ледовитый.
А перед тем — широким устьем в Обь.
Теперь их обе Неба эрудиты
Об океанский учат почесаться лоб
Для разрешенья мировых вопросов.
Говаривал когда-то Ломоносов:
«Могущество России будет прирастать,
А также выпрямляться её стать
Сибирью и четвёртым океаном».
Мы ни на пядь не приросли обманом.

Глава девятая

А пятый океан российский — небеса.
Нас синева их привлекала вечно.
Всегда дарили звёздам мы глаза.
С соседями вели себя сердечно.
Освоили шестую часть земли
И никого на ней не истребили.
Несметные сокровища Сибири
От демонов наживы сберегли.
Заботились и грезили о небе —
Не о себе. Таков России жребий.

Земной котёл богами был рождён
Так, чтобы в нём не закисало тесто.
И никому не приходилось тесно
Ни летом, ни зимой, ни под дождём.
Испания времён корветов Магеллана
Нам открывала мир, что был велик,
(Все племена имеют звёздный пик)
Бродила по просторам океана.

* Популярный на Западе сочинитель законов бизнеса, автор так называемого закона Паркинсона, гласящего, что каждый из нас, какого бы ума он ни был, в конце концов впадает в неразрешимую сложность.

Потом был куплен мир за фунты серебра,
Теперь — за доллары. Торговая игра
Кровавые всё чаще оставляет кляксы.
В движение приходят люди разных рас.
Осточертели всему миру англосаксы,
Которые везде суют свой нос и глаз.
Китай выходит в авангард из тени,
С Россией создаёт Бессмертный полк.
О будущем молчит любой пророк.
Лишь Глоба Тэ сулит вагоны денег
Тому, кто купит за копейки талисман.
Отныне кротко выглядит обман.

Так дуют ветры. Мир сегодня в моде.
О нём ГЭТЭРКа весь день трещит.
Война невыгодна ни при какой погоде.
Меча любого предпочтительнее щит.
Язык ток-шоу безопасней пасти пушек.
А это значит — входим в мир игрушек.
Со временем и он министрам надоест.
А работяги — мы — наденем мирный крест.
Овидий прав — во всём метаморфозы.
И запах пороха сменяет запах розы.

Глава десятая

Земной продолжим разговор о небесах,
Тем более что он — церквей прерогатива,
А те твердят: — держись за Божий страх,
Не своевольничай в делах святого чтива.
Но грешному уму не терпится до дна
Космические разрешить вопросы.
Ему одна и та же проповедь скучна,
Прост чересчур язык стихов и прозы.
Поэтому, возможно, истины флажки
Нередко ставили в веках еретики.

Я не из них, поскольку слишком битый.
Давно остригли вздыбленную шерсть.
Терплю смиренно жизненную жесть.
Дожил до девяноста, в общем, сытый,
Поскольку личный аппетит усох.
Два года, как продал в деревне хутор.
Погоду узнаю через компьютер.
Зато в душе расправил крылья Бог.
Конечно, бесы беспокоят втайне.
Не реагирую на их наживку «Дай мне»!

Князь мира удалился на Сатурн*,
Согласно мифам. Там вращает кольца.
А был когда-то в услуженье Солнца,
Да голову вскружила самомненья дурь.
Та самая, что топит в тине Киев.
Мы, дескать, старше, потому такие…
Я как поэт, возможно, надоел
Напоминаньем беспокойных дел.
Однако никуда от них не деться.
Одна Земля, одно больное сердце…

Встревожен также всемогущий Логос.
О нём политики почти не говорят.
Меж тем Он возглавляет каждый глобус.
Обязан зреть его наш каждый взгляд —
Не только дух подвижника-монаха.
Спев «Аллилуйя», замолчав от страха,
Рискуешь, коль дела нехороши,
Не обрести успокоения души.
А если, словно слон, громишь посуду,
И Богу надоешь, и рядовому люду.

* Согласно легендам Востока, дьявол в наступившую эпоху Водолея удалён на планету Сатурн, так что людям остаётся борьба с оставшимися на земле его многочисленными прихвостнями.

Глава одиннадцатая

Весь макрокосмос заселён людьми.
Так проповедовал Джордано Бруно.
Был обвинён в отсутствии любви
К религии, казнён потомком гунна.
Сегодня казнокрадов не казнят,
Мягки престолы, отсылают в тюрьмы.
А те благопристойны и культурны
Для нынешних Макаровых телят,
Которые крадут совсем неплохо,
В сравненье с кражами времён царя Гороха.

Но с адом шутки плохи. Там закон
Для нечестивцев чёток и незыблем:
Кто ты бы ни был, обернулся злыднем —
Гори в огне до будущих времён,
Пока не отряхнёшь золу былую,
Не перестанешь лгать напропалую.
И праведнику первозданный рай
В болезни нужен. Так что выбирай —
Лечиться в госпитале или на работе,
Когда случается изнеможенье плоти.

Но лучше нас всегда хранит Господь.
С ним у науки много было споров.
Итоги им подвёл Жорес Алфёров,
Вдохнувший дух в академическую плоть:
«Я — атеист. Но есть какая-то харизма,
Хранящая меня и от дурного атеизма,
И охраняющая творческую спесь.
На свете что-то мной непонятое есть».
Признались все политики: без Бога
Ни у кого не получается дорога.

К Нему любая возвращается душа.
Он всем устраивает трудную проверку,

За нами неотрывно смотрит сверху,
По силам ноша или оплошал?
Лицо Его — незримых красок повесть —
Творимое различными людьми.
А меч — в душе чуть слышимая совесть,
В Его же закалённая любви.
Всевышний — это существительное имя
Меж прилагательными, даже дорогими.

Глава двенадцатая

Итак, заканчиваю первые двенадцать
Своих полусонетов, понимаю, что
Они, как устаревшее манто,
Для музы современной не годятся.
Стремительно меняется наш вкус,
Иные ветры русский флаг полощут.
Иной востребован Спасения союз,
И не Сенатская — иная манит площадь.
Но велика по-прежнему страна
И веры в революцию полна.

Какую? Все испробованы моды —
Карать за куль рублей, за колосок…
В делах же нашей собственной природы
Продвинулись едва ль на волосок.
И грива головы почти всё та же,
И мыслей одинаков тёмный лес,
И каждая стоит на личной страже.
А Богу важен общий интерес.
Он очень хочет, чтобы наши мысли
На уровне Его в сознании зависли.

Скажите, можете заклятому врагу
Простить обиду, будто бы ребёнку?
В его постели заменить пелёнку?
Сегодня утверждать такое не могу.

Но то, что вызывает ныне смех,
Становится обязанностью всех.
Ведь сами в будущем богами станем,
Не принимающих обязанность заставим…
Упрямцы могут превратиться в тлен.
Проснулись Библия и Книга Перемен.

Так что же за рывок нам предстоит
Бескровный, но и революционный.
Угрозу смертную в себе он не таит,
Опасен только денежному звону.
Ни доллару, юаню и рублю,
Но именно зазнавшейся монете.
Звенит: «Весь мир куплю и погублю
За непочтение ко мне на этом свете!»
Проснись, кто спит, надеждами дыши.
Мы накануне революции души!

Глава тринадцатая

Я сам дышу пока что подражаньем
Гомеру, Пушкину, Шекспиру, Лао-цзы…
Возможно, что не свёл начала и концы,
Эрато* с Клио. Встречу с обожаньем
Того, кто их соединит тесней, чем я.
«Мы все на свете, как единая семья, —
Писал поэт, — должны соединиться,
Забыв все распри, жёсткие границы…».
Покончит с ружьями и бомбами навек

Когда-нибудь свободный человек.
Само собой всё это не случится,
Стучись к Нему, мой постаревший друг.
Тогда и Он, возможно, постучится
В твоё окошко поэтическое вдруг.

* В греческой мифологии *Эрато* — муза любовной поэзии, *Клио* — муза истории.

Мне, может быть, вручит задание какое…
И правнукам, их появилось трое
В столь затянувшейся лирической судьбе.
Как мантру, повторяю сам себе:
Трудись ночами, даже в воскресенье
Без этого не может быть спасенья.
Труд для поэта — поэтическая речь,
Для дипломата — полемическая битва,
Для пахаря — соха, для шлемоносца — меч.
Работа, и повинность, и молитва.
Они — служенье тьме или богам,
Такая оговорка возникает ныне.
Нам угрожают атомной пустыней,
Коль алчно не поклонимся деньгам.
Такой нам Штаты предложили выбор,
Иначе всех грозят отправить к рыбам.
К рулю у власти часто рвётся бес,
Пролезет — держится за место цепко.
Особенно когда местечко — церковь
И в экспертах. А кто в сей чин пролез,
Упоминать не надобно фамилий,
Они у многих на слуху и на виду.
Напомню лишь недавнюю беду,
Как приставы Щетинина* убили.
Конечно, зло окажется в аду.
Увы, растёт и в праведном саду.

Глава четырнадцатая

Мы сетуем, что долог Суд Господний.
Зато не мал Его доверия кредит.
Но кто из современников сегодня
Расправу над собою учредит,

---

* *М. П. Щетинин* (1944–2019) — советский и российский педагог-новатор, оклеветанный псевдоклерикальными экспертами за якобы языческое мировоззрение, лишен своей школы, дававшей выдающиеся положительные результаты, скончался от сердечного приступа, когда приставы стали опечатывать помещение.

Не дожидаясь божеской Фемиды?
Таких немного. Всемогущий ждёт,
Когда до этого дозреет весь народ,
И без грехов прощённых, без обиды
Начнёт над запоздалым детством суд,
Казнить в душевных кладовых Абсурд.

Мы дали волю необузданным обидам
(Об этом Пушкин говорил), забыв,
Когда демократическим копытом
Топтали собственную славу и гербы.
И были в большинстве опьянены
Наркотиками яростного мщенья?
И до сих пор ещё, увы, больны.
Навязчивой заразой Непрощенья…
Вернёмся к музам прерванным, зане
Они не сгинули в бесплодной болтовне.

О Клио я сказал, теперь — о Мельпомене…
В России обе создали союз.
Творят спектакли о грядущей Перемене.
Пришлись стране по сердцу игры муз,
Подобно Малому театру и Большому.
Случались, правда, сбои — некий театрал,
Угрозы Мавзолею шумно посылал,
По телевизору разыгрывая шоу.
Другой игрок унял лихую прыть —
Не хватит сил историю закрыть.

Ах, музы, музы, кто из нас кому
На самом деле поклоняется и служит,
Мы — их по-женски вёрткому уму
Или они нам? Время зорко кружит,
Но клюв вонзает к счастью, только в плоть
Зерно души бессмертно, как Господь.
Красиво сказано, но это на бумаге.
Для жизни требуется океан отваги.

И даже не Индийский — Тихий, например,
Вмещающий разнообразье вер.

Глава пятнадцатая

В историю на помеле не въедешь.
Коль речь идёт о золоте страниц.
Но если в славу Герострата метишь,
Откроет Клио вход своих границ.
Река и лужа — разные примеры,
Хотя и там, и здесь блестит вода.
Напомню афоризм забытого премьера:
«Хотел, как лучше, вышло — как всегда».
Напомню также знамя Сталинграда,
Которое кому-то уничтожить надо,

Как знак былых и нынешних побед.
С утра впрягаюсь в долгую работу,
Пишу стихи, позвав на помощь Интернет.
Там шлёт в «прицепе» неизвестный кто-то
Суровый лик усатого вождя.
Переключаю русский на французский,
Английский (где знаток довольно узкий).
И что? Какую-то минуту погодя
Встречаю лик уже с улыбкой доброй.
Читаю: в молодости назывался Коба.

На лике ли сошёлся клином свет?
Да нет же, нет! Иные помнятся Заветы:
Никто не вырвет из истории Советы
И пролитый советской властью свет.
Итак, смолкаю. За окном метель.
Сказал о музыке истории, что думал.
На искру (пусть сияет ярче) дунул
В усталом сердце. Много ли недель
Ещё гореть. Мне воска пласт хороший
Отрезал Бог. Но суть страны дороже.

Кто солнце справедливости зажжёт
Над нею — нынешний или грядущий Путин?
Страна напряжена, Россия ждёт.
Таков отныне стержень русской сути.
А мне, как Пушкин говорил, пора.
Куда? Переменить земное место.
Пора отчалить в неизменное «вчера»,
Оно пока для смертных неизвестно.
Хотя на землю, как считают знатоки,
Мы возвращаемся науке вопреки.

Глава шестнадцатая

Проговорил «вчера», в виду имея,
Что Козерога возвращает Водолей
На землю с древней кличкой «Вахромея»,
Что означает «сын возделанных полей».
Так объясняют кличку эту святцы,
Не входит нынче имя в обиход.
Но в памяти нелишне покопаться,
Чтобы понять себя и свой народ.
Откуда мы? Зачем, покинув полюс,
В исканиях на новый напоролись?

Да, мы спаслись от наступивших льдов,
И новая нас ожидала смена
Тепла весной и зимних холодов,
Цветения и наступленья тлена.
Гармонию заменит диссонанс,
Погодный, временной и человечий.
А после многие столетия на нас
Лёг тяжкий груз и закалил нам плечи.
Скрепляет всякий истинный союз
Беда, работа и ответственности груз.

Нам помогла с гиперборейской рани
Жестокая российская судьба.

Воспитывала нежно, вроде няни,
Безостановочная долгая борьба.
Борьба с природой, с климатом, с врагами,
С самим собой, любителем «авось».
Очередной убрав с дороги камень,
Всегда мы знали — сразу встретим гвоздь.
Как только в жизни породнимся с ленью,
Опустимся на дно без промедленья.

Фортуна тоже «помогала» нам идти,
Военные не убавляла знаки.
Когда мы уставали на пути,
Подкидывала новые атаки.
То голодом, то мором, то войной,
А главное — всегда в самостоянье,
Где ни за чьей не спрячешься спиной.
Покуда солнце в небе не проглянет.
Пока на ухо не прошепчет Бог:
«Ты выполнил задание дорог…»

Глава семнадцатая

Где мы теперь? Считаем, что в конверте
Заклеены для будущих времён,
Для коих нет пока ещё имён.
Ну что же, будем думать не о смерти,
О жизни. А пока напомню анекдот:
Медведя-малыша сменил мишутка.
Спокойно принял эту весть народ,
Не в первый раз звучит такая шутка.
Для нас в сто раз желательнее ведь,
Чтоб Настоящий не заснул Медведь.

А Настоящий не бывает сонным,
Хотя пришёл Его врагу конец.
Он восстанавливает прежние законы.
В поту кровавом Божеский венец.

Порядок, учреждённый сатаною,
Ещё силён во множестве умов.
И непривычен тот, который нов,
Как возвращение людей в эпоху Ноя.
Потоп, понятно, не случится никогда.
Повсюду дух доходного труда.

О этот дух! Телец сегодня, бык ли
Повсюду зануздал мозги людей,
И мы к упряжке денежной привыкли
И кучу приучили к ней чертей.
Телёнок золотой стал всем удобен,
Освободил нас от давления утопий
Про Бога, рай, геенну, Сатану…
В объединяющую совратил войну
За собственные шкурные задачи.
Лови своё, пускай чужое плачет.

Такой обычай нормой стал везде,
Особенно у тех, кто бремя власти
В угоду обращает личной страсти,
Себя не держит в собственной узде.
Не потому ль всё чаще речи раздаются,
Что подошла необходимая пора
Возглавить Богу тексты конституций,
Иначе не выходит властная игра?
Что тут сказать? Большое основанье
Должно пройти обряд голосованья.

Глава восемнадцатая

Что было и что есть, я описал,
И оба канули. Теперешние позы
Нам регулируют святые Небеса.
Овидий их назвал — «Метаморфозы».
Подобно дням, сезонам и годам,
Вселенная свои имеет циклы.

Они до нашего рождения возникли
И, как природа, неподвластны нам.
Доступны человеку оболочки.
И то — когда преодолеет кочки.

Но если кто взглянуть на существо
По-новому когда-нибудь решится,
Судьба особая готова для него.
Рискует ненароком головы лишится.
Мне ведомо такое самому.
Поэтому совет — не более, чем шутка:
Рискуй всегда по своему уму,
Точнее, по отсутствию рассудка.
И помни: на предельной трате сил
Всевышний людям счастье приносил.

Читатель, нам с тобой пришла удача
Явиться в мир на стыке двух эпох.
Живём открыто, ничего не пряча,
С одной мечтою — да воскреснет Бог!
И Он внимательно следит за каждым,
В ком искра Божия не тлеет, но горит.
Кого влечёт маяк духовной жажды,
А сердце как звезда с звездою говорит.
Для нас Господь не запредельный факел —
В душе живущий днём и ночью ангел.

Он ничего не требует от нас:
Ни денег, ни молитв, ни покаяний.
Но тысячи Его незримых глаз
Рассеяны в Небесном Океане,
И в атомах земного вещества,
И в капельках дождя, и в прочей влаге…
Божественная суть всегда чиста
Заботами о бесконечном благе.
Он — это мы. И дьявол — тоже мы,
Когда суём сердца в капканы тьмы.

Глава девятнадцатая

По паспорту уже мне девяносто.
А почему? Средь странствий за Урал
Войной спасённый харьковский подросток
Свидетельство рожденья потерял.
И рано повзрослел, хотелось страстно
Быть наравне со взрослыми. И вот,
Когда пришла пора оформить паспорт,
Себе добавил в документы год.
С детьми так было и на самом деле,
В сороковые рано мы взрослели.

Спасибо, жизнь, за раннюю беду,
За переезд в Сибирь, за редьку с квасом.
За то, что с детства привлекла к труду
И крест на плечи выдала авансом.
Четыре года фронтовой страды
Я выдержал с моим народом вровень.
Хотя не пролил в ратных битвах крови,
Отдал стране недетские труды.
Спустя полвека перенёс гоненье
За слишком еретическое мненье.

Листая Книгу жизни прошлых лет,
Не затоскую по советским звёздам.
Их заземлили, а житейский хлеб
Со временем нам показался чёрствым.
Но порождённый революцией Адам
Лишь укрепил естественные троны.
Поэтому листка живого не отдам
Из облетевшей постсоветской кроны.
Не оттого, что загрустил о ней,
А потому, что сын родных полей.
Мы все творенья Неба и Земли
Земного знанья и небесной Веры.
Лёг вечный корень в основание семьи.

Лишённые корней — слепые звери.
И хуже — извращаем Божью суть,
Себя лишаем будущего сами.
Толкаем меньших на фальшивый путь,
Коль нет у нас семьи под Небесами.
Когда земной тупик не по зубам,
Твержу с улыбкой: «Beau! Cherchez la femme!»*.

Глава двадцатая

Ищите, но всегда в союзе с Богом.
А это значит — правду не свою.
Она в упорном добывается бою
С самим собой, до ужаса убогим.
Ведь каждый из кастрюли общей ест
Соблазнов, удовольствий, потаканий…
Такое длится бесконечными веками,
Не стану продолжать долгов реестр.
Под старость обливаемся слезами,
Мол, грозы лишь одни под небесами.

Порою неземного счастья свет
На душу неустроенную хлынет,
Оставит в ней неизгладимый след,
Который согревает нас поныне.
Москва. Зима. Шестидесятые года.
Тупая боль и неожиданная помощь.
Глаза Христа и Вифлеемская звезда,
Пришедшие ко мне в глухую полночь
Глаза шепнули тихо: «Счастья ищешь?
Очнись, его губитель и жилище.

Биеньем сердца за Меня держись!»
Обманывать не стану — эту ясность,
Тогда возникшую, не раз терял за жизнь

* Всё прекрасно! Ищите женщину (фр.).

И позволял Светильнику погаснуть.
Причины долгого затмения просты.
«Весь мир — театр, где тесно режиссёрам», —
Говаривал Шекспир. Меж ними ссора.
А мы, как правило, обычные шуты,
Послушные сыны рутинных правил.
Бог правит на иконе, в жизни — дьявол.

Прости, дружище, за классический повтор.
Нравоучение знакомо просвещённым.
Оно осточертело людям с давних пор,
Особенно в науку посвящённым.
Культ личности, конечно, нехорош,
И воздух обновленья жизни нужен.
Но если к власти лезет куча рож,
Дела в стране и в душах много хуже.
Правителей не надо даже двух.
«Едино стадо и один пастух»*.

Глава двадцать первая

Что демократия в России — это смута,
Известно с исторических времён,
Хотя хотелось бы надеть её кому-то
На древко вечное сменяемых знамён.
Но космос в этом смысле осторожен,
Всем нам показывает образец манер.
Там не увидишь вороватой рожи
В руководящих сферах, например.
Повсюду иерархия порядка.
Систему эту обрисую кратко.

Вращаются разумно электроны
Вокруг протона — своего ядра.
Планеты — вокруг Солнца, Ориона…

* Библейское выражение.

Как говорили в старину, «ет сетера»*
В загробном мире правила иные:
Кто здесь немало бедствий перенёс,
Блаженство обретает Там. Всерьёз
Не принимай вращения земные.
Всё вытерпи, казак, и рай, и ад.
Хотя ты толерантности не рад.

Короче, на всеобщем личном культе
Построена Вселенная. Смирись,
Солируй на своём рабочем пульте,
Чужого не касайся, не берись
За то, в чём сомневаешься. Сомненья
Кладут всем начинаниям конец.
Но тщательно продумывай решенье,
Удерживая творческий резец.
Не связывай дела свои с шумихой,
Любое дело делай бережно и тихо.

Приходится об этом поминать не раз.
Не потому, что всюду изверги и черти,
Но потому, что меж подобной черни
Встречается, увы, немало нас.
Мы научились говорить красиво,
Так почему же общий беспредел?
Ответ один — в измученной России
Великий дефицит красивых дел.
Решение за истиной простою:
Спасётся мир творящей Красотою.

Глава двадцать вторая

Об этом Достоевский говорил
И действовал, пера не покладая.
Жил Красотой и Красоту творил

* И так далее (лат.).

Творец любой. Россия молодая
Несёт в себе избыток юных сил.
Поэтому расходует их круто.
Отсюда следует за смутой смута.
Соседям тоже перевес невыносим.
Всем кажется — мы большего достойны.
Амбиции сначала — после вóйны.

Покаюсь, я бываю резонёр
И балагур, в суждениях не краток.
Наверняка Всевышний позовёт
Меня на Суд, что мало светлых красок
У старика в строках и на уме.
Попробую писать в старинном вкусе,
По опыту Хакима Фирдоуси
Отважусь на фрагменты «Шах Наме».
Царей российских величавы лики,
Тем паче в исторические пики.
Начну с Ивана Грозного. Наш царь,
В сравнении с другими, правил долго
И несравненно с прочими оболган,
Как в нынешнее время, так и встарь.
Влиял с шестнадцатого века по двадцатый
На русский климат, как пророки говорят.
Мистический России провожатый,
Отъявленный злодей, на чей-то взгляд.
России — благо, заграница — горе.
Рождён в Москве, спустя столетья — в Гори.

Реинкарнация в глазах науки — миф,
Но почему такой живой и жгучий?
Конструкция стальная для одних,
Другим — подобье фюрера и дуче?
Не утихает злобный комариный гуд
Над нашим неосознанным наследством.
Не расстаёмся с горемычным детством.
И чем поможет запоздалый самосуд?

Дурной пример явил России Запад.
В СССР был, к счастью, грозным папа.

Глава двадцать третья

Проблема властная присутствует везде.
Где храбрый царь — у подданных отвага.
А если ему сила послана в беде,
Такой правитель для народа — благо.
Пока планету населяет детвора,
Мы у Вселенной — самые задворки.
До смерти любим драки и разборки,
Хотя давно пришла взрослеть пора.
Планете русский опыт пригодится,
Как надо воевать и как трудиться.

Россия строилась царями и людьми,
Достойными. Ничтожных было мало.
Петра, Екатерину, Павла ли возьми…
Иных крутых молва оклеветала.
Так очернён был первый Николай.
При нём возникли Пушкин, Тютчев, Гоголь.
Унял, как их теперь ни называй,
Бунтовщиков своей рукою строгой.
Хотя, как долго полагали знатоки,
Вольнолюбивым планам вопреки.

Кем были, в самом деле, декабристы —
О них два века не стихает спор —
Ревнители свободы, прогрессисты?
Одна из главных ленинских опор?
Смутьяны, каторжане, донкихоты,
Пример отважных рыцарей и жён?
Объект учёной травли и охоты
Или Октябрь их подвигом зажжён?
Теперь потушен. Синусоида истории
Весьма подвижна в жизни и в теории.

Когда поступками подтверждены слова,
Ушедший облик выглядит сильнее.
Прав Гёте — философия «без дел мертва,
Но древо жизни вечно зеленеет».
Мы знаем Александра Первого — царя,
Который победил Наполеона,
В оценке тёзки, данной ему зря,
Увы, владыкой поэтического трона:
«Плешивый щёголь, враг труда
Над нами царствовал тогда».

Глава двадцать четвёртая

Добавим к сказанному: «И цареубийца,
Замешан сын в кровавой гибели отца».
Действительность России не скупится
На мифы. Сам лишил себя венца.
Ушёл в Сибирь бродягою и нищим,
Без паспорта, за это бит кнутом.
Родной простор служил ему жилищем.
Немало бедствий перенёс потом,
О чём поведал Лев Толстой публично,
С бродягой повстречавшись как бы лично*.

Пропустим несколько истории страниц.
Как обещал, пишу её фрагменты.
Есть выдумка в моих набросках лиц.
И ненаучные, естественно, легенды.
Что делать? Я ведь сам немало дран,
Как еретик и коммунист-расстрига.
На презентацию в Новосибирском РАН
Не попадёт моя лирическая книга.

* История встречи описана в повести Л. Н. Толстого «Записки старца Фёдора Кузьмича», хотя учёные спорят о том, была эта встреча художественным вымыслом или действительно имела место.

Тем более СОАН учёные вожди
Публично объявило: нам не по пути!*

Мы накануне праздника Победы
Поговорим о славном опыте Её,
Когда нас окружило вороньё
И страшные кругом терзали беды.
Воистину сражался с нами Бог
В последней мировой, надеюсь, драке
Мы вынесли почти одни атаки.
Когда над нами вождь великий встал,
Своё он имя перед Небом оправдал.
Весною нынешней вновь понесут портреты,
Пройдёт по площади живой и мёртвый полк.
А «здравые умом» никак не примут в толк:
Зачем пугают их «восставшие скелеты»?
Уйдёт из памяти народной навсегда
Кухонный сброд, свою почуяв участь,
Не ведая ни счастья, ни стыда,
Отсутствующей совестью не мучась.
Мы накануне грандиозных перемен —
Закончен долгий сатанинский плен.

Глава двадцать пятая

Встаёт над миром сидеральная** весна,
Как астрономия считает и пророки.
История Земли загадочна весьма,
Раздвинуты её людские сроки.
И надобно отдать науке честь —
С глаз наших убирает катаракты.

* Автор этой поэмы, работавший в издательстве СОАН СССР, был исключён из рядов КПСС в 1982 г. с формулировкой: «за открытую пропаганду философско-идеалистических взглядов».

** *Сидеральная* — звёздная. Астрономы полагают, что завершён «солнечный год», т.е. оборот нашей Солнечной системы вокруг своего звёздного ядра. Событие, по мнению А. Л. Чижевского, происходящее один раз в 25 600 лет, влечёт за собой тектонические, климатические, биологические, политические и другие последствия. Вся история России есть, по существу, подготовка к эпохе катаклизмов.

Сумела отыскать, потом прочесть
Неслыханные прежде артефакты.
К примеру, в небе, кроме чёрных дыр,
Вполне возможно, существует Иномир.

Учёные нашли у Дарвина изъяны.
Фиаско терпит материализм
Насчёт рождения людей от обезьяны.
Ведутся опыты (хотя не удались),
Что скоро могут появиться клоны,
Которые заменят неудачных нас.
Возникнут совершенные законы,
Родится общий либеральный класс.
Он всех накормит, образумит и оденет,
Научит также производству денег.

Дружище! Сказанное выше позабудь.
Но кое-что ты всё-таки запомни.
Могуществом и мужеством заполни
Суровый и весёлый русский путь.
Начала нет ему, конца и карантина.
Излука новая, житейский поворот…
Вся наша жизнь — текучая картина
И бесконечная «Принцесса Турандот».
Задача — прекратить повсюду безобразие.
Унять Америку. Растормошить Евразию.

Читатель-друг, взгляни по сторонам —
В стремительном движении планета.
Я, как и ты, планетный рядовой.
Считаю — что-то вместе делать надо.
Не врозь кидаться в омут с головой.
Зачем грядущему подобная награда?
Исправным донесём житейский крест.
Господь не выдаст, сукин сын не съест.

Глава двадцать шестая

Закончена теперь и навсегда
Дорога войн, а с нею наступила
Дорога молодого мирного труда —
Её верховная указывает Сила.
Возможен и естественный тупик,
Куда себя загнали люди сами.
Мы можем Землю разом погубить,
Стать пепельным грибом под небесами,
Обяжем Бога вновь себя рождать,
Лишь стоит кнопку малую нажать.

Господь такого, ясно, не позволит,
Пред ним не устоит любой злодей,
Но сколько ещё нелюдей позорит
Священное значение людей.
Судьба сметёт остатки прежней тьмы.
За всё, происходящее на свете
Отныне отвечаем только мы —
Затейники войны и миротворцы,
Помощники богов и богоборцы.

Мы чтим Победу и её вождя,
Железной управлявшего рукою.
Но кто хотел бы много лет спустя
Лишиться муками добытого покоя?!
Где оказалась бы Россия без войны
И без её кровавого лекарства?
Клянут глупцы и сукины сыны
Священный опыт сталинского царства.
Скажу спасибо линиям судьбы,
Что обошлись без «если» да «кабы».
Нужны ли ныне русским крест и гвозди,
Прямые отголоски прежних лет?
Кровавые победы и погосты?
Нам зеркало показывает — нет,

Мы видим в нём соседку Украину,
Её насильно скроенный кожух,
Фальшивой пропаганды паутину
И не поддержанный Всевышним дух.
Обиженная Богом «цэ Европа»
Легла едва ли не под крышку гроба.

Глава двадцать седьмая

Есть То, что постоянно выше нас,
И Воля, как врождённая свобода.
Что хочешь, делай каждый день и час.
И знай — важны дела любого рода.
Такое не должно внушать нам страх,
Наоборот — спокойствие и радость.
Мы — дети, и, пока не ляжем в прах,
Не делай преднамеренную гадость.
Все заповеди Божьи не забудь.
Тем осчастливишь жребий свой и путь.
Не требуй ничего себе на ложку,
Сначала дай, а уж потом бери.
В Писаниях чти суть, а не обложку.
Так поступали настоящие цари.
Когда же пожелаешь полной мерой
Свободу, честь и милость обрести,
Наполни жизнь работою и верой.
С благополучием тебе не по пути.
Как говорил поэт, самоотдача —
Вот для тебя задача и удача.

И помни: здесь ты нужен, а не *там*.
Не жди эдема, не пугайся ада.
То и другое носишь ныне сам,
Ты — Божий враг и Божия награда.
Всё это в Библии прописано давно.
Перечитай её сердечными глазами,
Влей в душу драгоценное вино,

Почувствуй свет Божественных касаний.
Ничьи святые книги не суди,
Покинь их, коль не нравятся пути.

Всевышний сам порой меняет ритмы,
Находит нужные картины и слова.
В цене теперь безмолвные молитвы,
От слов оглохли слух и голова.
Войди в глубины собственного сердца,
Оно одно чувствительность хранит.
Ты в нём отыщешь своего единоверца,
Свою звезду, свой солнечный зенит.
Свои восточные и западные Веды,
И милосердие, и вечный меч победы.

Глава двадцать восьмая

Как возникает назначенье стран?
Куда людей зовут ориентиры?
Кто милосердный царь, а кто тиран?
Где сталины, суворовы, шекспиры?
Возможно, скрылись на небесном дне,
Ждут часа своего для ренессанса.
В каком обличье и в какой стране?
Им надлежит на древко нанизаться.
Одни из нас историю творят,
Другие лишь об этом говорят.

На удобрение годятся третьи…
У Логоса ничто не пропадает зря,
Полезно всё на нынешней планете —
От массы перегноя до царя.
Смущал, бывало, настроенье Бога,
Как общего вождя и педагога,
Пустой желудок бедных работяг.
Сегодня дело обстоит не так.

Смущают и наводят на глаза туманы
Те, у кого распухшие карманы.

Сгущается над их карманами туман.
Повадки вызывают отвращенье.
Нет на душе ни мщенья, не прощенья
За в девяностые затеянный обман.
Пусть грянет гром над нами и над ними,
Догонит «свору псов и палачей».
А мы прославим солнечное имя,
Согреемся теплом его лучей.
Над миром вновь неукротимо встала
Строка святая «Интернационала».

Оденется в библейский переплёт
Скреплённая аятами Корана.
Буддийский направляющая плот
Вся в повтореньях вечная Сантана*.
Переместятся в мире полюса,
Обнимет страны общая харизма.
Влечёт сегодня европейские глаза
Советско-шведская модель социализма.
Она кому-то лишь далёкая мечта.
Для нас неотвратима и победна Красота.

Глава двадцать девятая

Тьмы низких истин почитал дороже
Наш Пушкин возвышающий обман.
Фортуна же натягивает вожжи
И плетью погоняет в свой туман.
Зачем душа нетерпеливая поэта
Так порывалась именно в Китай?
Что направляло устремленье это?
В ту пору беден был далёкий край.

* Река жизни (санскр.).

Есть в жизни непонятные магниты,
Их могут разгадать одни молитвы.

Хотя неведомы начала и концы,
Вообразим: когда-то русский гений
В Китае приобрёл обличие Кун-цзы*
И снова захотел коснуться тени.
Пускай фантазия… Тогда зачем Хай Цзы**
Есениным так беззаветно бредил?
Зачем Саровский Пушкина не встретил,
Хотя один другому годен лишь в отцы?
Земля мне колесом порою мнится
Где вертятся одни и те же спицы…

Порою возникал известный персонаж,
Как люди говорят, из грязи в князи.
Или, наоборот, жил, не гнушаясь грязи,
В себе уравновесив властный раж,
Не подчиниться искусам гордыни.
Таким был вышеназванный Поэт.
Никто подобным не глядится ныне.
Поэзии, увы, нищает русский свет.
Не потому ль тоскливо время смут,
Которое переживаем мы сегодня?
Европа-то уж точно — подворотня.

Из-под которой так опасливо рычит
На поводке Соединённых Штатов.
Неуязвимы только наши меч и щит,
Хоть надоели гиперзвук и атом.
Военный рот к вливаниям привык.
Чем завершится вся эта картина?
Кто остановит театральный маховик

* Так по-китайски звучит имя Конфуция.
** Самый крупный поэт Китая конца XX столетия.

При общей жажде deus ex machina *
На неподатливом скрещении дорог?
Поможет, ясно, лишь реальный Бог.

Глава тридцатая

Ну вот, моя лирическая шхуна
Спускает якоря в последний порт.
В конце замечу — много всюду шума,
Что строй советский для России мёртв.
Не хочется ни возражать, ни спорить,
Ни к здравому кого-то звать уму.
Одно скажу: переписать историю
Ещё не удавалось никому.
А злобный трёп по поводу покойных
Всегда лишь отзывался в новых войнах.

Полезно злобу сразу забывать,
Ещё полезней в ней увидеть повод
Неодолимой страстью запылать
К Нему, Бог посылает провод
Беспечному и слабому тебе.
Он совестью незримой с нами связан,
Которой не всегда внимает разум —
Единственной помощницей в судьбе,
Коль хочешь, чтоб грядущая дорога
Была во власти не людей, но Бога.

Проснись! Прислушайся к Нему. Почуй
Безмолвные, невидимые зовы.
В лесных палатках чаще заночуй,
Куда слетаются Его святые совы.
Они пугать не захотят нас наяву —
Во сне прошепчут перед пробужденьем,

* Типичное окончание всех трагедий Древней Греции. Появившийся на сцене из механического приспособления «бог» разрубает мечом все непреодолимые сюжетные противоречия.

Что позже обратится подтвержденьем, —
И молча скроются в рассветную листву.
Или шепнут: в России верят бреду,
В Соединённых Штатах доверяют Фрейду.

Нам скоро вместе предстоит идти,
Возможно, плыть в воде или в туннеле.
Следы земные и подземные пути
Мы далеко не всюду разглядели.
Пыль конкуренции и океанских миль
Мешает нам услышать звуки стона…
Пока на биржах шторм, нескоро штиль.
И всё сильней толчки Йелоустона.*
Итак, жди будущего, действуя с утра
Шагами Радости и поступью Добра.

Постскриптум

В пробирке для китайцев и Кремля
Неведомый ловкач создал коронавирус.
С Британией случился малый грех.
Макрону снятся жёлтые жилеты.
У Меркель — дрожь. «Отечественный» Греф
Дефолт в Сбербанке приготовил к лету.
Все формы бед не обошли планету.
Но где укрыться биржевым волкам,
Когда заговорит без дураков вулкан?!
Дай Бог, переживём и это наважденье,
И вспышки вирусов, и опухоли денег.
Считаю, выиграет русский триколор.
Как нынешние сможем одолеть напасти?
Да потому, что не стремимся к власти.
Что Бог над нами крепкий щит простёр.
Что никому не принесли урона.

* Обширный кратер в США, подающий признаки жизни и грозящий, по мнению геологов этой страны, очень опасной вулканической деятельностью.

Что нас ничья не покорит корона.
Мы всем смертям, напастям и врагам,
Как пушкинский бессмертный Вальсингам*,
Внушаем светлую и радостную веру:
«Российскому последуйте примеру!»

* Один из героев пушкинской поэмы «Пира во время чумы» — сочинения, очень созвучного нашему времени. Как известно, почти двести лет назад, в 1830 г. поэт оказался осенью в деревне Болдино на холерном карантине. Трёхмесячный период творческого уединения стал необычайно плодотворным для него. Он создал 41 произведение, и среди них указанную выше «Маленькую трагедию». Там есть такие слова:

Всё, всё, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья.
Бессмертья, может быть, залог.
И счастлив тот, кто средь волненья
Им обладать и ведать мог.

Часть пятая

Художественные переводы и переложения

I. ФРАНЦУЗСКАЯ ПОЭЗИЯ XII—XX ВЕКОВ

Бертран де Борн. Франсуа Вийон. Андре Шенье. Пьер Беранже.
Виктор Гюго. Теофиль де Готье. Жерар де Нерваль. Леконт де Лиль.
Шарль Бодлер. Жозе Мария де Эредиа. Стефан Малларме. Поль Верлен.
Артюр Рембо. Поль Клодель. Поль Валери. Гийом Аполлинер.
Поль Элюар. Робер Деснос

БЕРТРАН ДЕ БОРН (1145–1215)

О ТЕХ, КОГО ЛЮБЛЮ

Люблю я дыханье лесов и полей
И яркие краски весны,
Люблю, когда в роще поёт соловей
Под вечер среди тишины.
Приятен в саду мне звенящий ручей.
Милей же всего перезвоны мечей,
И песни сражений, и трубы войны,
Когда они всюду слышны.
Я весел, коль слышу вдруг топот коней,
То рыцарский едет отважный отряд,
Доспехи героев на солнце горят.
Я вижу, как бой начинается вдруг,
Мне кровь будоража и радуя взгляд.
Вот стадо бежит, и в смятенье пастух,
Вот замок в осаде. Вот стены трещат.
И крики, и стоны несутся вокруг.
И бьются вассалы, отваги полны,
Сражаются насмерть в проломе стены.
И вновь тишина, и задумчивый луг.
На нём погребальные плиты встают,
А рядом ромашки густые цветут,

И мчится табун одичалых коней
По травам подросшим военных полей.
Героем умрёт, кто героем рождён,
Отмечен печатью Всевышнего он.
Достойны покоя, любви, тишины
Лишь мужества дети, лишь чести сыны.
Кто, пав, себя воинской славой покрыл.
Кто кровью своею цветы обагрил.

ФРАНСУА ВИЙОН
(1431 ИЛИ 1432 — УМЕР НЕ РАНЬШЕ 1491)

БАЛЛАДА НА ПОЭТИЧЕСКОМ СОСТЯЗАНИИ В БЛУА

Напиться не могу, склонясь над родником.
У вас, мой принц, мне тоже одиноко,
Дрожу в тепле, с морозом незнаком,
Моя отчизна — журавлиный клёкот.
Не полагаюсь ни на чьи глаза,
Своим — не верю, верю в чудеса.
А ночевать предпочитаю в сене.
Порой застанет в нём меня гроза.
Я принят Всем, за это изгнан всеми.
Богат, как царь, без дрожи над казной,
Которую усердно расточаю.
Для подданных я — государь смешной,
Лишь миражи им щедро обещаю.
Мне из людей всего понятней тот,
Кто коршуном голубку назовёт,
Кто в очевидность лишь сомненья сеет,
А выдумке заглядывает в рот.
Я принят Всем, за это изгнан всеми.
Добра мешок по кочкам зла влачу,
Траву ищу под слоем павших листьев,
От правды ложь никак не отличу
Среди высокочтимых полуистин.

И правда где, в раю или в аду?
У тех, кто счастлив?
Кто попал в беду?
Рассудят лишь Создатель наш и Время.
Школяр, не знаю сам, куда бреду.
Я принят Всем, за это изгнан всеми.
Напиться не могу, склонясь над родником,
Свои желанья ото всех скрываю.
Не потому, что чересчур учён.
Я знаю лишь, что ничего не знаю.
От вас же, принц, не смею скрыть того,
Что многого хочу, но жажду одного —
Понять всего единственное Семя,
И верю в Высшей Правды торжество.
Я принят Всем, за это изгнан всеми.

БАЛЛАДА ИСТИН НАИЗНАНКУ

Куда приятней запах сена
Травы, которая растёт.
Милей земные перемены,
Чем неподвижность всех высот.
Любая жизнь опасней тлена,
Клочок земли важней Вселенной.
Нам глупость знания несёт.
И лишь влюблённый знает всё.
Венера рождена из пены.
Цветок сухой сулит нам плод.
Огонь выходит из полена.
В морозы тело солнца ждёт.
У верности сестра — измена.
Свобода зреет в муках плена.
Несчастье радости пасёт.
И лишь влюблённый знает всё.
Хмельному море по колено.
Хромой свой дом скорей найдёт.

Нахальный молится смиренно,
Когда увидит смертный вход.
Разрушит жизнь любые стены,
Фома уверует мгновенно,
Его сомнение спасёт.
И лишь влюблённый знает всё.
Кто путь земной прошёл без крена?
Наверно, полный идиот.
Жизнь — неизменная арена
Для истины наоборот.
Вращают спицы колесо.
И лишь влюблённый знает всё.

АНДРЕ ШЕНЬЕ (1762–1794)

* * *

Живём. И что? Наверно, так и надо:
Поспать, покушать, крошки отряхнуть.
Дождаться часа своего и старости недужной,
Под музыку уплыть в последний путь.
Тот пьёт, тот лжёт, та мужу изменяет.
Поэт стишки строчит о красоте.
Иные речи спешно сочиняют,
Барер* о либерте с эгалите.
В Конвенте мельтешат одни и те же рожи:
Витии, краснобаи, болтуны, дельцы.
Но час пробьёт — и вдруг возникнет, Боже,
Та, что начала сводит и концы.
Что всех нас без особого разбора
Стрижёт и отправляет на тот свет.
И кто-то шепчет: «Не сегодня, нет…»
Глупец! Пусть не теперь, но скоро…

* Адвокат, член Конвента, сподвижник Робеспьера. Был одним из главных инициаторов казни А. Шенье.

ПЬЕР БЕРАНЖЕ (1780–1857)

БЕЗУМЦЫ

Мы привыкли вышагивать строем.
Если ж вырвется кто-то вперёд,
Вслед ему оглушительно воем:
«Он безумец! Позорит народ».
Травят люди такого, как волка,
Пока до смерти зверь не устал.
После ставят на книжную полку,
А бывает — и на пьедестал.
Ждёт Идея, подобно невесте,
Кто её поведёт под венец.
Редко слышит хорошие вести,
Ей повсюду пророчат конец.
Но безумец находится некий,
Слушать он не желает народ.
Не получится в нынешнем веке —
Выйдет в новом… За дело, вперёд!
Сен-Симон родовое богатство
Посвятил сокровенной мечте —
Он задумал всеобщее братство
Учредить. И угас в нищете,
О всеобщем богатстве мечтая,
Где отсутствует хищник-злодей.
До сих пор та Идея святая
Будоражит сознанье людей.
Всех из грязи нас выбраться в князи
Призывал беспокойный Фурье.
«Сколько можно терпеть безобразье!
Почему вы живёте в норе?»
Стройте сами жильё и заводы,
Создавайте фаланги труда.
Мысли эти не канули в воду,
Не прошли по земле без следа.
Был ещё один. За равноправье

Двух полов он всю жизнь воевал.
Три безумца. Но люди не вправе
Осуждать их святой Идеал.
Луч неясный становится ясным.
Был безумцем открыт Новый Свет.
Слыл когда-то безумцем опасным
Подаривший нам Новый Завет.
Если завтра бы солнце забыло
В человеческий мир заглянуть,
Землю тотчас бы всю озарила
Мысль безумца какого-нибудь.
Сами мы не умеем найти
К ослепительной Правде дорогу,
Лишь безумцы, послушные Богу,
Открывают к ней наши пути.

НАПОЛЕОН НА ОСТРОВЕ СВЯТОЙ ЕЛЕНЫ

Куда-то вдаль подобьем сувенира
На жалком бриге, где чужой штандарт,
Меня отправили. И вот, обломок мира,
Я вдалеке от мореходных карт
Мечтаю снова возвратиться в детство,
В края, где блещут солнце и слеза,
Где Франция закроет наконец-то
Мои в неё влюблённые глаза.
Передо мной клочок пустынной суши
И полумира напряженный взгляд.
С какою злобой разные чинуши
Издалека за мною здесь следят!
А вдруг вернётся к ним моё соседство!..
Не бойтесь, вижу я свой путь назад,
Где Франция закроет наконец-то
Мои в неё влюблённые глаза.
Я, для вельмож опасный чужестранец,
На трон каким-то образом пролез,

Не вписываюсь в королевский глянец,
Взорвал, как бомба, двадцать королевств.
Могильный холм — единственное место,
Где прятаться должна моя гроза.
О Франция, закрой же наконец-то
Мои в тебя влюблённые глаза!
За мной следить победа утомилась,
Я тоже от забот её устал.
Пошли, судьба, непрошеную милость,
Перемени мой жизненный устав.
От яда лавров никуда не деться,
Пускай насытят змеи свой азарт.
О Франция, закрой же наконец-то
Мои в тебя влюблённые глаза.
Что на скале таинственной маячит?
О боги, неужели чёрный флаг?
И голос мой услышан, это значит,
Что умер я, что плачет даже враг.
Что на планете есть святое средство
Прикончить затянувшийся базар.
О Франция, закрой же наконец-то
Мои в тебя влюблённые глаза.

ГОЛУБИ БИРЖИ

— Покоя нет почтовым птицам.
Куда летите? Где вас ждут?
— Разносим вести по столицам
О курсе акций и валют.
В ночной тиши звезда мерцает.
На поле нас влекут цветы.
Всё нынче прибрано дельцами,
Надежды наши и мечты.
— Но человек, рождённый Богом,
Его подобьем должен стать,
Теперь в житье своём убогом

Сменил на деньги благодать.
— И мы от этого устали,
И скоро в небо улетим,
И людям Божьими устами
Любовь на землю возвратим.

ВИКТОР ГЮГО (1802–1885)

СОН ЛЬВА

Лев на холме высоком дремлет,
По-царски важен львиный сон,
Слетелась мошкара на земли,
Где безраздельно правит он.
Живое всё, конечно, знает,
Что лев не умер, не убит.
Позволил мелюзге хозяин
Потешиться, пока он спит.
Лев страшен всем, когда проснётся,
А значит, сделается зряч.
Шакалий хохот раздаётся,
Напоминая детский плач.
Наш лев похрапывает сладко,
Неукротимый здоровяк,
В спокойных лапах дремлет хватка,
Решимость грозная в бровях.
Глухая ночь влачится слабо,
Комар хозяйничать привык,
Но лев взмахнёт могучей лапой —
И мошкара исчезнет вмиг.

ДЕВЯНОСТО ТРЕТИЙ

Веками жил отчаянный народ
Под сапогом танцующих господ,
В сплошной тени Средневековья.
Терпеть свой гнёт он наконец не стал,

Одумался, как вал морской, восстал.
И Францию залил, но не водой, а кровью.
И революции крестьянское сабо
Пустилось в пляску, отшвырнув сапог.
Вот так народ свою свободу встретил:
Кровавым безрассудным мятежом,
Лихими песнями, разбойничьим ножом
Отмечен девяносто третий.

ТЕОФИЛЬ ДЕ ГОТЬЕ (1811–1872)

ДРОЗД

Во фраке чёрном, в жёлтых брюках
Какой-то франт взахлёб поёт,
Не зная, что такое скука,
Не прерывая свой полёт.
То дрозд (наивная натура),
Не помня о календаре,
Апрельские фиоритуры
Выводит утром в январе.
Сухие ворошит листочки,
Хвоинки тормошит от сна,
Коснулся клювом спящей почки,
Чтобы скорей пришла весна.
И скачет, скачет по бурьяну…
Везде несёт благую весть,
Назло снегам, дождям, туману,
О том, что солнце в мире есть.
Что никуда ему не деться…
Так простодушный пилигрим
Грядущее предвидит сердцем,
Зрит то, что не дано другим…
Вот и поэт, как дрозд, летает,
Хранит его волшебный труд.
И кто певца шутом считает,
Тот сам, конечно, жалкий шут.

ЖЕРАР ДЕ НЕРВАЛЬ (1808–1855)

ФАНТАЗИЯ

Я музыку далёко слышу в небе,
Она меня преследует давно.
Ни Моцарт не сравнится с ней, ни Вебер,
Я пью её, как старое вино.
Душа моя в аккордах чудных ловит
Волшебные страницы тех веков,
Когда царил тринадцатый Людовик
И доносился к людям глас богов.
Я вижу замок призрачный из камня,
Цветы, деревья, одинокий страж…
И окружающая это всё река мне
Напоминает ангельский пейзаж.
И женщина, прекрасная, как песня,
В высоком появляется окне.
Та самая, что часто снится мне, —
Из жизней прожитых когда-то вместе…

ЛЕКОНТ ДЕ ЛИЛЬ (1818–1894)

СЕВЕРНАЯ БОГИНЯ

Она по озеру Норвегии своей
Не то идёт, не то в пространстве реет,
То хмурится недолго, то светлеет
В огне рассветных солнечных лучей.
Её встречает розовых осин
Немая дрожь, воды спокойный глянец
И озера сверкающая синь,
И бабочек цветных воздушный танец.
Ей ветер гладит золото волос,
На плечи пепельный туман садится.
Полярной ночью серебрит мороз
Её густые длинные ресницы.
Ни слёз, ни тени страсти, ни надежд

На ясном её лике не осталось.
А взор скользит поверх земных одежд,
В нём мудрая небесная усталость.
Небесный страж сияния и тьмы
Любуется её игрою красок.
Ему с балкона облака видны,
Начала и концы всех этих сказок.

ШАРЛЬ БОДЛЕР (1821–1867)

ПАДАЛЬ

Ты помнишь летний день, ласкающий, пригожий,
И то, что вдруг смутило нам обоим взгляд:
В траве зелёной разлагавшуюся лошадь?
То рядом жизнь и смерть творили свой обряд.
Труп к солнцу поднимал ужасные копыта,
В нём черви шевелились у неба на виду.
И ноги обнажённые раскинулись открыто,
Как у старухи, что не прячет наготу.
И солнце над останками сияло,
Стремилось поскорей все клетки разложить,
Вернуть Природе то, что некогда создало,
Что так стремилось людям послужить.
Гармонией вокруг дышало всё и пело,
Как будто жизнь и смерть связались в хоровод,
Как будто в чайнике Творца вода кипела,
На дно садилась накипь сточных вод.
И нам почудилось, что мерзкий и зловонный
Растаял труп, исчез, как чёрный сон.
Так мастера этюд, ещё не завершённый,
Мазком последним вдруг бывает завершён.
Мы путь продолжили среди пейзажей кротких.
И пёс голодный, нам глядевший вслед,
Мгновенно кинулся к оставленной находке,
Чтобы закончить пир и обглодать скелет.
Ну что ж, придёт и мой черед неотвратимый

Закончить путь земной среди таких скорбей.
И ты, мой ангел, не вернёшься в небо мимо
Распада форм своих и праздника червей.
Но скажем мы тогда без горестного вздоха:
— Червям достался прах, они вкушают дым.
Судьба двоих сердец не может быть жестокой,
Когда в ней лик любви торжественно храним.

* * *

Откуда ты приходишь, Красота?
Ты дар небес иль вызов преисподней?
Влечёшь к себе иссохшие уста
С беспамятных времён и до сегодня.
В тебе и утро наше, и закат,
И ясность, и дурное наваждение.
Тобою каждый насладиться рад,
Ты боль приносишь после наслаждения.
Вот мотылёк летит на твой огонь
В надежде отыскать чертоги рая.
Находит их ценою дорогой,
В твоём коварном пламени сгорая.
Твой дух нам непонятен, облик прост.
Нуждается в тебе на свете каждый.
Ты нас сопровождаешь, словно пёс,
Хранитель-ангел или ангел падший.
Любви дитя или творенье зла,
Святая правда под картоном маски.
Тебя несут к нам вечные крыла
Загадочной мечты и страшной сказки.
Так Бог иль сатана, злодей или мечта,
Царица жизни, плена или тлена?
Не всё ли нам равно, будь вечна, Красота,
И неизменна, и благословенна!

ЖОЗЕ МАРИЯ ДЕ ЭРЕДИА (1842–1905)

СМЕРТЬ ОРЛА

Орёл поднялся вверх, на снежные громады,
Туда, где небосвод прозрачен и широк,
Где тучи тёмные построились в армады
И молниями в них сверкает Бог.
Орёл вдыхает огнь своей последней битвы,
Ликующий итог полётов и дорог.
Встречает наконец-то долгожданный срок
Произнести последние молитвы,
Когда он, молнией сраженный, упадёт
В какое-нибудь мрачное ущелье,
Поставив точку в жизненном ученье
Мгновеньем дорогим. Да, счастлив тот,
Кто в битве умирает дерзновенно
Во славу неба, Бога и мгновенно.

СТЕФАН МАЛЛАРМЕ (1842–1898)

* * *

Закрыл я древний том, полузакрыл глаза —
И грёзы унесли меня к руинам храма
Уснувшей Афродиты. Обнажилась яма
Между мечтой и жизнью. И слеза
Скользнула по щеке моей упрямо.
Нет, в Греции не жизнь, я не хочу назад.
Мне дорог мой, пустой сегодня, сад,
И обнажилась дремлющая рана.
Чего ищу я, в этом мире нет.
Не встречу я своих фантазий след
Ни в этом мире, ни в ушедших, тонких,
Из памяти души (или из древних книг?)
Меня зовёт великолепный лик
Отвергнувшей мужчину амазонки.

ЗВОНАРЬ

Безлюдье. Утро. Холодно и сонно.
Ребёнок сладко молится во сне.
Но вот поплыли колокола звоны
И аромат лаванды в тишине.

Звонарь один, один во всей пустыне.
Ему внимают лишь поля да лес.
Свои псалмы бормочет на латыни,
Но сам не слышит голоса Небес.

Однажды (так цыганка нагадала)
Я в поисках святого идеала,
В неуходящей боли и тоске

Развею эту утреннюю свежесть.
Отчаявшись найти себя, повешусь.
На чём?
На колокольном языке

ПОЛЬ ВЕРЛЕН (1844–1896)

ИСКУССТВО ПОЭЗИИ

Лишь музыка — первооснова муз,
В стихах заключена стихия звука,
Звенящих слов причудливый союз —
Завещанная издревле наука.
В науке той нередко голова
Вступает в спор с душою, приглашая
Поэта так соединять слова,
Чтоб несказанным все они дышали.
Бывает день и скучен, и тягуч,
Когда затянут облачною пеной.
Ночные звёзды, избегая туч,
Мерцают сверху тайной неизменной.
Бесформенным пятном плывёт луна,

В объятьях облаков едва приметна.
В стихе должны сиять полутона
Куда определённее предмета.
Сильней земли нас манят небеса
И то, что скрыто за туманной далью.
Неотразимы женские глаза,
Когда прикрыты тёмною вуалью.
Но пусть в твоём сонете светотень
Не будет сонной, вялой, худосочной.
Пошли рифмованную дребедень
Ко всем чертям, к похлёбке их чесночной.
Красивость на бумаге изорви,
А пошлость молча обойди при встрече.
Гармонию настойчиво зови,
Сумей найти её в противоречье.
Ещё запомни навсегда: бурьян
Прекрасней, чем садовая культура.
И повторюсь: кто музыкою пьян,
Лишь тот Поэт! Иной — литература.

ПОСВЯЩЕНИЕ ДОН КИХОТУ

О Дон Кихот, прекрасных грёз слуга!
Твоя кончина — горе для живущих
Под жерновами мельниц всемогущих.
Нам без тебя не одолеть врага.
Проснись, воскресни! Подтяни седло,
Надень доспехов призрачное бремя —
Вновь подними копьё на мировое зло.
Вдохни надежду в нас и в наше время!
Мы за тобой пойдём, мечтатель и певец.
Она осуществится, наконец,
Когда-нибудь, мы свято в это верим,
Твоя великолепная мечта.
И мельницы исчезнут навсегда,
Бессмертие откроет людям двери.

СОН, С КОТОРЫМ Я СРОДНИЛСЯ

Мне душу странный сон измучил,
Я вижу женщину, она
Подобна в небе светлой туче —
Легка, изменчива, нежна.
Ей всё в душе моей понятно:
И жду чего, и чем томим.
Своим явлением одним
Во мне тоски смывает пятна.
Не знаю, как зовут её,
Откуда родом, где жильё.
Но лик из хорошо знакомых.
Не помню только, встретил где
И наяву или в мечте?..
Ах, вспомнил: видел на иконах.

ОСЕНННЯ ПЕСНЯ

Последний звон, как всхлип, как стон,
Рождает лира.
Гляжу в окно, но там темно,
Темно и сыро.
В моей душе давно уже
Развеял ветер
Явь и мечты. Они почти
Душе не светят.
Я выхожу, в лесу брожу —
Ни троп, ни птицы…
Лес пуст и мглист. Последний лист
Куда-то мчится.

АРТЮР РЕМБО (1854–1891)

МОЁ БРОДЯЖНИЧЕСТВО

Фантазия

Я брёл по полю, бормоча сонеты,
В карманы рваные засунув кулаки.
Смотрел на свои горе-башмаки
И рисовал роскошные сюжеты.
Подыскивал на берегу копну,
Чтоб где-то на ночлег остановиться.
Мне звёзды открывали свои лица,
Я пристально разглядывал луну
И с головою зарывался в сено.
Шумела рядом Рона или Сена.
Я вслушивался в слабый гул веков.
И, вновь настроив пламенную лиру,
Рождал стихи пророческие миру,
Как струны, теребя шнурки от башмаков.

РОМАН

1

Чего не хочется, когда семнадцать лет!
Влекут вас звёздный свет, и винные бокалы,
И шумное кафе, и лилий белый цвет!
И фонари души горят не вполнакала.
За городом вам дышится легко,
Прекрасна даже пыльная крапива!
Не раздражает, что Париж недалеко,
Смешался аромат травы, цветов и пива.

2

Вы можете узреть звезду среди ветвей,
Цветущих лип на фоне неба тёмном.
И вдруг на вас повеет запахом морей
И чем-то неизведанным, огромным.

Июнь! Семнадцать лет! Цветами день пропах!
Коснутся ваших рук сиреневые ветки —
И вспыхнет жар внутри, а на сухих губах
Забьётся поцелуй, как птица в душной клетке.

3

И странствиями бредит наивная душа…
Но вот мадмуазель, что всех фантазий краше,
Под бледным фонарем проходит не спеша,
В тени воротника сурового папаши
Вас мельком оглядев, отводит взгляд тотчас,
Но чует вас спиной, вы знаете об этом.
И тает в полутьме. А на устах у вас
Бутон с нераспустившимся сонетом.

4

Вы в переписке. Август за окном.
Она сонетами вас просит не тревожить.
Друзья покинули. Вам грустно. А потом
Она своим письмом вас осчастливить может.
В тот вечер… вы в кафе идёте, яркий свет.
Там вновь вас ждут друзья, и кружки, и бокалы…
Чего не хочется, когда семнадцать лет
И фонари души горят не вполнакала.

ПРОЩАНИЕ С ЕВРОПОЙ

О сердце! Нам плевать на грозный камнепад,
На то, что мир в огне, что всюду боль и стоны.
Пусть на планете торжествует ад
И сытый рай дрожит от гибельной истомы.
Отмщенье? Спуск в ничто? Пусть будет так!
Исчезните, цари, торговцы и юристы.
История, прими последний выстрел.
Сгинь, старый мир, в свинце крутых атак.
Мой разум, сделайся орудием судьбы,
Не слушай стонов, не внимай моленьям.

Республики, монархии, рабы —
Весь этот хлам долой без промедленья!
Европа, Азия, Америка — к чертям!
Романтики-друзья, навстречу всем смертям
Рванемся, отменив границы и законы,
Для творчества пределы незнакомы!
Решайтесь, осторожные друзья
Всех наций и любого цвета кожи.
Но горе! Чувствую, в смятении Земля:
— На старой мне мир новый невозможен.
Ну что ж! И я, и я с тобой, Земля моя…

ПЬЯНЫЙ КОРАБЛЬ

Поэма

1. Я плыл один без цели, без команды
По медленной тропической реке.
Мою команду расстреляли в Андах индейцы.
Мир покойным вдалеке.

2. Хоть в общем-то плевал я на матросов,
На хлопок в трюме, на мешки зерна.
Меня заботил главный из вопросов:
Куда речная вынесет волна?

3. И вынесла по лабиринтам устья,
Сквозь заводи, туманы и мороз
Из тихого речного захолустья
В открытый океан, в его хаос.

4. В игру стихий, и водных, и небесных!
Как пробка, я летал на гребнях волн
Над хлябями разверзнувшейся бездны,
Надежд, восторгов и смятенья полн.

5. Вода мою поверхность заливала
И подбиралась к трюму самому.

Но это всё меня не занимало —
Я радовался этому всему.

6. Ведь нравится ребёнку вкус зелёных,
Незрелых яблок. С палубы смывал
Остатки рвоты и клочки пеленок
Очередной неотвратимый вал.

7. Я зрел этюд: среди дубовой тары
Танцует никому не нужный плот.
А рядом с ним обломком мачты старой
Задумчивый утопленник плывёт.

8. Чего поверх воды и ватерлиний
Не насмотрелся в корчах тошноты!
Я солнце видел в окнах неба синих,
И волны, словно древние шуты,

9. Играли с ним. А я не знал покоя,
Пересекал картинки эти вплавь.
И для меня сильнее алкоголя
Была такая творческая явь.

10. Потом, в глубоких сумерках вечерних,
Я любовался в чарах полусна
Мерцаньем фосфорических свечений,
Виденьями невидимого дна.

11. А утром снова дьявольские ритмы
И пляска волн, Мальстрема круговерть
И быстрых молний огненные бритвы
Кромсали небо, ударяя в твердь.

12. Меня моё спокойствие спасало,
Глазастых чаек — палуба моя.
Они здесь обустроили базары,
Загадив всё. И это вынес я.

13. Ведь я — корабль, для птиц плавучий остров.
Но сам-то прохожу Последний суд,
И мой расхристанный волнами бедный остов
Земные силы точно не спасут.

14. Я выслушал столетий отголоски
Из глубины и рифов голоса.
Я видел гадов алчные присоски,
Их жутко неподвижные глаза.

15. Несло меня к неведомым Флоридам,
Где хищно всё, от радуг до зверей,
А берега напоминают видом
Изгибы злополучных якорей.

16. Там, в тростниках болотных, между лилий,
Мерцали вспышки газовых огней.
Останки там Левиафана гнили
От Сотворенья и до наших дней.

17. В местах тех диких верилось едва ли,
Что миром правит вечная любовь.
В лагунах там громадных змей съедали
Ватаги рыб, похожих на клопов.

18. Хотел бы очень показать их детям —
Тех рыбок золотых чумных морей,
Куда забрасывал порой безумный ветер
Мой парус без руля, без якорей.

19. А парус над водой своим пареньем
Дырявил небо остриями мачт.
И кровь закатную пускал, словно варенье,
И чистил солнце, как в коростах мяч.

20. Ну что ещё? Мне напевала муза,
Что этот ужас и свирепый срам
Когда-то ляжет к Той, что Иисуса
Нам родила, к смиряющим ногам.

21. Но я ещё блуждаю в одиночку,
Безумный рейс себе определив.
В какую попаду на карте точку?
Где мой причал? Куда швырнет прилив?

22. Какие новых звёзд архипелаги
Ещё открою в безнадёжной мгле?
И сколько силы, воли и отваги,
Чтоб их найти, понадобится мне?

23. Довольно слёз. Невыносимы зори,
Мне солнце шлёт тоску, луна — беду.
Устал я и от суши, и от моря.
Ломайся, корпус! Я ко дну иду.

24. Европу представляю грустной лужей,
Клочком несостоявшейся земли.
И я над ней, мальчишка неуклюжий,
Бумажные пускаю корабли.

25. Игру свою закончив битой картой,
Отныне не смогу я плыть в строю
И быть в тени казенного штандарта.
Куда-то рвусь… В какую даль свою?

ПОЛЬ КЛОДЕЛЬ (1868–1955)

БАЛЛАДА О МОРЕ

В путь их всех провожали, и чайки, и женщин платки.
Корабли были разные, нынче — посудины, раньше — судки.
Но торговцы из древнего Тира и нынешние бизнесмены

Как две капли похожи, желанья у них неизменны.
Мало золота здесь, но полно его где-то в тумане.
Надо плыть за богатством, добыть его в Нью-Орлеане.
Кто к деньгам прикоснулся, всегда этим зелием пьян.
Трудно в горло идёт только первый стакан.

Экипажи пиратских судов, занесённые в чёрные списки,
И команды эсминцев, служившие ратным богам,
И подводные лодки, пройдя сквозь смертельные риски,
Дремлют все под водой, устремляя глаза к облакам.
Чем весь день были заняты пассажиры на мрачном «Титанике»
В те минуты, когда без помех уходили ко дну?
Танцевали своё аргентинское танго без паники.
В это время вода подходила бесшумно к окну.
А потом и воюющих всех, и танцующих тихо прибрал океан.
Трудно в горло идёт только первый стакан.

Что живёт на поверхности, ляжет на дно без сомненья.
Ерш, снующий в воде, всё равно попадёт на кукан.
Ничего нет на свете дешевле и лучше забвенья.
Но сначала придётся помучиться бедным бокам.
Трудно в горло идёт только первый стакан.

Посылка

Всё на свете есть море. Оно нас выносит, качает и топит.
Счастлив, кто молодым с ним завёл неразрывный роман.
Уцелеет счастливец такой даже в новом Потопе.
Трудно в горло идёт только первый стакан.

НЕУДОБНЫЙ ВЕРЛЕН

Это был знаменитый бродяга, буян, литератор.
Чем известен Парижу? Его называли — новатор.
Мэтр известный новаторству вынес вердикт: «Это вздор!
А запои его — для писателя просто позор!»
Мэтр был Франс Анатоль, осмеявший Верлена в новелле.

Ему что-то платили. Студенты хвалу ему пели.
Говорили, мол, он голодал. Ну а кто виноват,
Если всё пропивал, добиваясь утрат — не наград?
Денег всем недостаточно, даже прославленным мэтрам.
Кто же тип этот странный, хмельным подгоняемый ветром?
Тот абсент, что иной за полгода не выпил бы, он
Без проблем выливал в себя сразу, едва не галлон.
И тогда в одуревшем мозгу возникало виденье,
Будто женщина-ангел его ожидает в Эдеме.
Нет, пусть лучше награды Сюлли получает Прюдом*,
Чем прямой кандидат в сумасшедший для «ангелов» дом.
И довольно насмешек. Давайте помянем Верлена.
Он ведь умер, чего не хватало ему несомненно.
Он ушёл, чтобы мы в нём сумели хоть что-то понять,
Музыканты — мелодии к текстам его сочинять
И тэ дэ. А Верлен возвратился туда, где когда-то
Проложил в океане небесном знакомый фарватер.
Женский голос оттуда иль ангельский возглас в тумане
Прозвучал ему тихо: «Мы ждём тебя здесь, в океане».

ОТВЕТ МУДРОГО ЦИНЬ ЮАНЯ

Когда спросили Цинь Юаня об итоге лет и зим,
Он выразил итоги заключением таким:
Весной бросаю семя в землю, летом орошаю.
К зиме приходит время сбора урожая.
И зерна, что я наглухо в земле захоронил,
Наглядными плодами предстают по мере сил.
Похожи наши жизни на сады или на свитки.
Записаны свершенья в них, и думы, и попытки.
Всё начатое здесь — любая мысль и проба —
Продолжится по мере прорастания из гроба.
Насколько ты искусный оказался садовод,
Тебе покажет твой последующий плод.

* Речь идёт об истории, когда Сюлли Прюдом, французский поэт среднего уровня, получил Нобелевскую премию.

Итак, не вижу в смерти никакого пораженья.
Не назову концом, что жаждет продолженья!

ПОЛЬ ВАЛЕРИ (1875–1945)

КЛАДБИЩЕ В МОРЕ

Мелькают в соснах призраки и птицы,
На ветки ветер медленно садится.
В седых бровях прозрачная вода
Таит неугасимое мерцанье
И глубины подводной созерцанье,
Где шум земной не слышен никогда.
О вечная вечерняя прохлада!
О тайная нерасхитимость клада!
Здесь не у дела расторопный вор.
Я здесь дышу своим подводным дымом,
Пою хвалу подводным серафимам
И славлю праздник перемены форм.
Священный дом, где души отдыхают.
Вверху над ними ангелы порхают.
Дом этот отвоёван у земли.
Он среди рыб, среди морской капусты,
В нём не бывает грустно или пусто.
И бесы овладеть им не смогли.
О море неисполненных пророчеств,
Оно нам всем оказывает почесть
Сияньем отражённым вечных звёзд,
Чередованьем тишины и бури
И тем, что в неразгаданной лазури
Змий вечности закусывает хвост.
Попутный ветер — значит, жить придётся.
Но в Книге жизни лист перевернётся —
И мы плывём неведомо куда.
Где шелестят нам новые страницы.
Мелькают светотени, люди, птицы,
Плывут иные судьбы и суда.

ВИНО ПОЭЗИИ

Когда я пролил в океан
Своей поэзии вино,
Лилось случайно ли оно
И испарялось, как туман?
Или таинственная Сила
Моею двигала рукой,
Строку рождая за строкой,
Душой моей руководила?
Понять пытаюсь я, трезвея,
Покуда ветер не развеял
Клочки моих нетрезвых снов.
За роем розовых видений,
За пляской разноцветных теней
Узреть гранит святых Основ.

ГИЙОМ АПОЛЛИНЕР (1880–1918)

МОСТ МИРАБО

Под мостом Мирабо тихо плещется Сена,
Её чувства одеты в гранитные стены,
Никому не уйти от житейского плена.
Мы глядим в молчаливую даль,
С нами вместе безмолвна печаль.
Мы вложили друг другу ладони в ладони.
Верим в мост наших чувств,
Что на нём не утонем.
Может, счастье когда-нибудь
Где-то догоним,
А пока изучаем туманную даль,
С нами вместе безмолвна печаль.
Наши страсти, как эти бегущие воды,
Повинуются вечным законам природы.
Как медлительны дни, как стремительны годы.
Как бывает обманчива светлая даль,
С нами вместе безмолвна печаль.

Повторяется мост Мирабо и его одинокая Сена.
Повторяется смена часов и недель перемена.
Повторяется то, что всегда неизменно, —
Мы глядим в бесконечно манящую даль,
С нами вместе надежда, любовь и печаль.

ЕСЛИ Я ТАМ ПОГИБНУ

Если я упаду в неудачной атаке,
Ты представь себе поле, июньские маки.
Быстро высохнут слёзы, и дай только срок,
Где упал я, поднимется красный цветок.
Растворит мою память малиновый воздух,
На закате окрасятся кровью моря,
И рубинами вспыхнут далёкие звёзды,
И наполнится алою силой заря.
Я приду к тебе утром, живой, невесомый,
Обниму, поцелую уста и чело.
Сразу, Лу, дорогая, ты станешь весёлой,
Даже если тебе не скажу ничего.
Это кровь моя брызжет и мир обновляет,
Словно солнце, свершает свой огненный круг.
О творениях новых своих объявляет.
Я тебя не забуду, мой ласковый друг.
Но и ты вспоминай, ну хотя на мгновенье,
Драгоценные паузы тихих речей…
Моя кровь превратилась в прозрачный ручей.
Ты о том не горюй, благотворно забвенье,
Если только в бреду родилось вдохновенье.

ПОЛЬ ЭЛЮАР (1895–1952)

СВОБОДА

Фрагменты

В учебниках школьных, на партах,
Во всех декабрях и мартах,

В песке, на снегу, где брожу,
Я имя твоё пишу.
На всех отзвеневших лирах,
На королевских турнирах,
Где место мечу и ножу,
Я имя твоё пишу.
На небе ночном и древнем,
На хлебе своём ежедневном,
Который ножом крошу,
Я имя твоё пишу.
В полётах жизни крылатых,
В больничных бледных палатах,
Где в смертном бреду лежу,
Я имя твоё пишу.
И властью этого слова
Я жить начинаю снова,
Чтоб снова встретить тебя,
Ликуя, храня, любя!

РОБЕР ДЕСНОС (1900–1945)

ЭПИТАФИЯ

Мой век недолгим был, я так же быстро умер.
Вино свободы пил, живя среди рабов.
И кто-то меня мудрый надоумил
Чтить более любых даров любовь.
Она дарила мне часы и годы счастья.
Не вырву ни одной из жизненных страниц.
Менялись дни, сезоны, моды, власти —
Я пил нектар любви и слушал пенье птиц.
Живые! Всё, чем я владел, — отныне ваше.
Храните же его, как я его хранил,
Бесценный мир. Он был мне часто страшен
Своим бездушием, но неизменно мил.
А по костям ходите как хотите,
Там нет ни чувств, ни разума, ни прыти.

II. ПЕРСИДСКАЯ (СУФИЙСКАЯ) ПОЭЗИЯ IX—XIV ВЕКОВ

Абу Абдаллах Рудаки. Абулькасим Фирдоуси. Омар Хайям.
Низами Гянджеви. Джалаладдин Руми. Саади Ширази. Хафиз Ширази

АБУ АБДАЛЛАХ РУДАКИ (858–941)

* * *

Коль жизнь не учит бедам и уму,
И мудрый не научит ничему.

* * *

Богатство по наследству достаётся.
Но мудрость передать не удаётся.

* * *

Постарайся даже тени
Бедной жизни не пугаться —
Не скажу: получишь денег,
Но придёт к тебе богатство…

* * *

Не раз корил себя за то, что отвечал,
Но рад всегда был, если промолчал.

* * *

Мудрец стремится успокоить страсти.
Тупица сеет распри и напасти.

* * *

Ушёл поэт. Покинул караван.
Верблюдов в караване было много.
Рассеялся предутренний туман.
Верблюды разбрелись, пуста дорога…

* * *

Когда шагает караван в степи,
Запомни неизменную науку:
Упавшему на грудь не наступи,
Подай изнемогающему руку.

* * *

Любовь порой бывает, как вода в пустыне, солона —
Чем больше пьёшь, тем больше жажды шлёт она.

* * *

Не надо завидовать чьей-то судьбе.
Подумай о зависти страстной к тебе.

* * *

Мой Бог меня не балует.
Мне шлёт шипы да иглы.
Не слишком любит жалобы,
Предпочитает игры.

АБУЛЬКАСИМ ФИРДОУСИ (935–1020)

* * *

Дай власть ему — и выиграешь бой.
Поверь ему — и ты ничем не связан.
С ним подружись — и справишься с собой.
Но кто же он, сей всепобедный воин?
Разум.

* * *

В невежестве всех наших бед причина.
Познанье выше имени и чина.
Наследственные доблести умрут,
Коль не помогут знания и труд.

* * *

Кто разум сохранил, как знамя и как пламя,
Не опозорит честь постыдными делами.

* * *

От разума и радость, и беда.
Он знает, где свобода, где узда.
Он видит маятник между добром и злом,
Когда сидеть в седле, когда быть под седлом.

* * *

Пусть целый век везет тебя удача,
Когда-то сбросит лошадь в лужу плача.

* * *

Всё в мире, чего добиваешься страстно,
С течением времени тленью подвластно.
Лишь подвиг героя и речь мудреца
Сияют в веках неизменно и ясно.

* * *

Нам мнится, время: ты несправедливо
Нам шлёшь часы прилива и отлива,
Распределяешь беды, радости для нас…
Но каждый собственный лишь замечает час.
А сколько их, печальных или светлых,
Несут нам за дела пространственные ветры.

* * *

Бьёт жизнь, но я твержу себе и всем своё:
«Честь береги, не глядя, что у многих нет её!
Твори лишь красоту, упорно заставляя
Стирать недоброе в себе, как грязное бельё!»

* * *

Сумей понять язык своей души.
В чём разобрался, миру расскажи.
Но просвещать несведущих прохожих
И стать красноречивым не спеши.

* * *

Не знает зла, не знает лжи и гнева,
Растёт корнями в небо жизни древо.
Кто ищет суть земную листьев-слов,
Тот добредёт и до корней-основ.

ОМАР ХАЙЯМ (1048–1131)

* * *

Изо всех, кто сверлил скорлупу Бытия,
Чтобы вникнуть в ядро сокровенного «Я»,
Ни один не проник, все в попытках заснули
На священной дороге познанья Себя.

* * *

Кто на землю глядит с высоты поднебесья,
Чей удел в этом мире — познанье и песня,
Тот растерянно голову вниз опускает:
Чересчур однолико внизу мелколесье.

* * *

Все уходят куда-то, старик и дитя,
Кто теперь, кто какое-то время спустя.
Ни мольбой, ни слезами ты жизнь не удержишь,
Значит, надобно с ней расставаться шутя.

* * *

Если ты вместо розы получишь шипы,
Не ропщи понапрасну на козни судьбы.
Также если умрёшь без муллы или шейха,
Тебя могут монахи отпеть и попы.

* * *

Ты сотворил меня из собственной Души
И праха мёртвого. Что делать мне, скажи?
Ведь жребий мой Тобою предначертан.
От бед и от ошибок удержи.

* * *

Кому-то подарил Ты беззаботный смех,
Лишил кого-то жизненных утех.
Зато ни у кого не отобрал надежды
В грядущем искупить, пусть даже тяжкий, грех.

* * *

Я и статью хорош, и прекрасен в чертах,
И живу не заботами чрева — в мечтах.
Так зачем Ты создал меня, вечный Художник,
Чтобы я превратился в бесчувственный прах?

* * *

Если всё, что имеешь, тебе суждено,
Ни додать, ни отнять — неизменно оно,

Уходи от печали, чего не имеешь,
И от власти того, что судьбой вручено.

* * *

Если б власть я имел над собой и судьбой,
Поменял бы всё то, что случилось со мной,
В голове заменил бы на радость несчастья
И коснулся бы неба такой головой.

* * *

Не жди от Неба ни добра, ни зла,
Не вмешивайся в чуждые дела.
Вчера был сам собою, будь и завтра,
И рад, что жизнь сегодня принесла.

* * *

Смена жизни на смерть — не причина для стона.
Нет печали в любой перемене сезона.
Если грусть овладела, то выпей вина.
Для Аллаха унынье твоё — вне закона.

* * *

Пей! И в страхе за грех не дрожи,
Нет в хмельном наслажденье убытка души.
Ведь из нас, из грядущего нашего праха
Слепит вечный Гончар новый винный кувшин.

* * *

После смерти моей попрошу об одном —
Пусть недвижное тело омоют вином,
Чтобы душу по запаху в день воскресенья
Можно было найти где-нибудь за столом.

* * *

Погляди, как работает с глиной гончар.
Сам Творец, без сомненья, вручил ему дар —
Из останков людских делать людям посуду.
Кто над тем посмеётся, кто скажет: кошмар!

* * *

Говорят, будто небо даёт подлецу
Деньги, яства, дворцы… и сухарь — мудрецу.
Я бы плюнул на небо такое с досады.
Да и небом его называть не к лицу.

* * *

Не поддайся печалям на мироустройство,
Будто всюду господствуют скверные свойства.
Лучше влаги пьянящей налей в пиалу
Или с той, что по сердцу, в беседку укройся.

* * *

Ты — снежинка, что в солнечных тает лучах,
Ты — соринка, мелькнувшая в Божьих очах.
Так зачем же печалиться о неизбежном?
Веселись, наслаждайся, пока не зачах.

* * *

Печально, что основы не проверены,
Что в мир иной открыть не можем двери мы,
И некого спросить, что происходит там.
Ключи в иную жизнь, увы, потеряны.

* * *

От вина умирает надменность ума,
Проясняется нас обступившая тьма.

Выпив, стал бы, наверно, добрее и дьявол,
Жизнь во зле для него ведь сплошная тюрьма.

* * *

Я однажды спустился в подвал к гончару.
Наблюдал сотворенья святую игру.
Он меня воскрешал после долгого тленья
В том грядущем, где я непременно умру.

* * *

Если скажут, что пьяница я, — это так.
Что бездельник — и тут не поспоришь никак.
А ещё что охотник по части красавиц.
Для себя же лишь я — вопросительный знак.

* * *

Сколько можно ударам и мукам служить,
На моленья и просьбы трудов положить!
Ты же знаешь, наш путь предначертан Аллахом.
Положись на Него, так спокойнее жить.

* * *

Я не тот, кто боится страданья и смерти.
Никогда за себя не цеплялся, поверьте.
Жизнь в аренду короткую нам вручена.
Так что жажду продлить её лучше умерьте.

* * *

Откуда мы пришли? Куда всю жизнь спешим?
Смерть, как пожар, прошла по лучшим и дурным.
Остался на земле её холодный пепел.
Но вот вопрос: где след оставил тёплый дым?

* * *

Растёт на могиле густая трава,
Допустим, из плоти, как судит молва.
Но чувства и мысли куда подевались?
Что делает сердце и где голова?..

* * *

Представь: перед тобой раскрылся райский свиток.
Вкушаешь не вино — бессмертия напиток.
В кругу прекрасных гурий слушаешь Христа…
Но жалок ты, когда безверием пропитан.

* * *

Подгоняемый вечно невнятной судьбой,
Ты не знаешь, зачем отправляешься в бой,
Чтобы годы продлить. Но ведь сдать их придётся.
А зачем — знает Тот, кто стоит за тобой.

* * *

Под вином и любовью имею в виду
Тот напиток, что лечит любую беду.
Я ищу его днём, я ищу его ночью.
До сих пор в этой жизни нигде не найду.

* * *

Не со всяким делись затрапезным вином.
Пей с подругой, с дружком, даже с мудрым врагом.
Если нет ни того, ни другого, ни третьей,
Пей с четвёртым — со знающим меру умом.

* * *

Снёс бы сотню домов сердца гнев моего.
Слёзы глаз затопили бы больше того…

А от сомкнутых век на грехи, на бесчинства
Не осталось вокруг бы меня ничего.

* * *

Но пределы есть всем моим гневным «хочу».
Всё снести за грехи лишь Творцу по плечу.
Я поэтому грешные чувства смиряю
И торговцу вином за напиток плачу.

* * *

Ни один приходивший великий пророк
Зло и ложь на земле уничтожить не мог.
Сокрушался, советы давал и молитвы…
Я поэтому пью. Так за что мне упрёк?

* * *

Ты и счастья родник, и несчастья рудник,
И подобие Бога, и дьявольский лик.
Я тебя не обидел, ответь мне, читатель?
Ты в себя, и в меня, и в прочтённое вник?

* * *

Ты сегодня являешься Божьим подобьем,
Завтра будешь золою лежать под надгробьем.
Сделай выбор при жизни, чем хочется стать —
Вечным недугом или целебным снадобьем.

* * *

Будь лучше без любимой одинок,
Чем, страсти поддаваясь, сбиться с ног.
Останешься простёртым неподвижно,
Когда любовь придёт на твой порог.

* * *

Если нет, где ты есть, ни любви, ни вина,
Если там, где ты есть, безгреховность одна,
Убегай с этих мест, ни минуты не тратя,
Пусть хоть райская доля тебе вручена.

* * *

Страсть с любовью вдвоём не бывают в ладу.
Если вместе, одну порождают беду.
Там, где курица чуть поднялась над забором,
Там голубка летит у богов на виду.

* * *

Ты была для меня поначалу одной.
Но повздорить решила — и стала иной.
На тебя не в обиде, чего не бывает.
Подожду, когда снова вернёшься родной.

* * *

Ты явилась мне в лике небесной мечты,
Засияла цветком неземной красоты.
Дай коснуться тебя ради веры в Аллаха,
Убедиться, что это действительно ты.

* * *

Кувшин не опустел. Наполнен мой стакан.
И есть на что купить пленительный дурман.
Я пью его всегда, когда тоскливо сердцу.
Теперь же лишь тобой, тобой одною пьян.

* * *

Хочешь тронуть розу — поклонись шипам.
Не страшись похмелья, коль напился пьян.

Если же решил любовью насладиться,
Весь сгори в огне её, как сухой тюльпан.

* * *

В плен не поймаешь шустрого ручья,
Струя его и чья-то, и ничья.
Но вдоволь чистой влагой насладишься,
Когда наступит очередь твоя.

* * *

Шейх блудницу срамил: — Вся в грехах, как в шелку!
Та ответила: — Да, я такая, не лгу.
Ну а ты-то каков, если скинешь чалму
И откроешь те мысли, что прячешь во лбу?

* * *

Дуновения горного ветра свежи.
Соловьиные песни в тиши хороши.
Но лишь в светлой оправе очей твоих ясных
Те подарки природы — блаженство души.

НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ (1141–1209)

* * *

Мир покоя, покаянья, мир души в моей крови
Ты соблазном сокрушила, разожгла вином любви.
Назвала себя Зухрою, как угодно назови —
Солнце силу потеряло от лучей твоей любви.
Пожалей меня, молю я, снисхождение яви,
Не кромсай моих желаний ожиданием любви.
Подарила взгляд лукавый из-под бархатной брови.
Не заставь же грудь томиться нетерпением любви!

* * *

Лунолика и прекрасна ты, творение Хотана,
Кипарис напоминает молодая прелесть стана.
С золотым свеченьем солнца из рассветного тумана
Я глаза твои сравнил бы, нет и тени в них обмана.
Розой палевой могла бы ты украсить сад султана,
Но Аллах послал поэту свой цветок благоуханный.
О сокровище природы, о подарок первозданный!
Наслаждаюсь и любуюсь я тобою неустанно.

* * *

Аллах не любит горя и нужды,
Аллаху наши радости нужны.

* * *

Свой каждый используй для радости миг.
Дано бытие нам для счастья и игр.
Уныние знает пределы свои.
Позволь пребывать ему в небытии.
Счастливого слушай, молчать не учи.
Тому, кто тоскует, тоску излечи.
Свой разум как лодку, по морю крови
Веди неизменно к причалу любви.

* * *

Кто в пламени смело сгорел мотыльком,
Тот может и в жизни служить маяком.
В огне оболочку теряя свою,
Мы суть обретаем в житейском бою.

* * *

Если ты тоской охвачен или болен и в постели,
Не ищи иных снадобий — почитай мои газели.

* * *

Как солнце людям бескорыстно служит,
Так будь и ты всему живому нужен.

* * *

Порой мне кажется, Аллаху я приятен,
Луне подобен в небе, но без пятен.
Порой же думаю: так много нагрешил,
Что и сковороды у сатаны не заслужил.

* * *

Душе не разрешай поддаться на каприз,
Будь в правде стоек, словно кипарис.
В искусстве не цени искусного обмана,
В словах не допускай ни капельки тумана.
И ложь твою случайную простят,
Сочтут за незначительный пустяк.

* * *

Араб и перс стихи мои поют,
Но знатоки меня не признают.

* * *

Кого винить, что сердце, а не чурку
Бог подарил талантливому тюрку?

* * *

Слово «смерть» по значению связано с мерой,
Значит, в благо посмертное твёрдо уверуй.

* * *

Не вырастим ни новых рощ, ни истин,
Пока от старых сердце не очистим.

* * *

О сонный бык, ты изнемог в борьбе!
Взываю я отчаянно к тебе.
Доколе будешь продолжать свой сон,
Не ведая, зачем ты сотворён?
Свеча погасла у тебя в груди,
Пути не освещает впереди.
В смятенье ум твой, торжествует ад,
Ты прекратил свой внутренний джихад.
О ком я говорю, о чьей скорблю судьбе?
Я обращаюсь к самому себе.

ДЖАЛАЛАДДИН РУМИ (1207–1273)

* * *

Земля не прах, она живой сосуд,
Наполненный Творца горячей кровью.
Земля и есть для нас Последний Суд
Поступку, мысли, слову и злословью.

* * *

Сей мир подобен рогу изобилья,
В нём всё есть, от болот и до высот…
Как птицу к цели направляют крылья,
Так нас стремленье к выбору несёт.

* * *

Исполни волю главную Господню:
Преобразись, прощенья заслужив,
Смирись умом, пока не умер плотью,
Родись душой, пока ты телом жив.

* * *

Куда для нас полезней умный враг,
Чем лезущий в приятели дурак.

* * *

Душе легко безмолвствовать в очах,
Как языку являть себя в речах.

* * *

Кто повторяет мысли мудрых книг,
Тот не всегда в чужую мудрость вник.

* * *

Тело — лодка, под ней океан,
То есть бездна. Наполни стакан.
Выпей так, чтобы ум замутился,
Может, этим рассеешь туман.

* * *

Из рук Аллаха ты явился, как парча.
Но стал заплатой на кафтане палача.
Прислушивайся к шёпоту Пространства
И снова стань парчой в руках Врача.

* * *

Когда покинем тело в мире этом,
В могиле нашу душу не найдёшь.
Ищи её в стихах больших поэтов.
Быть может, и свою там обретёшь.

* * *

Никто не знает, как ценна душа
И как была она вначале хороша.
А почему? Наверно, потому что
Творец не взял с нас за подарок ни гроша.

* * *

Закрой глаза, избавь от мыслей разум.
Пусть сердце станет разумом и глазом.

РАССКАЗ О ПРАВЕДНИКЕ, КОТОРЫЙ В НАЧАЛЕ КАЖДОЙ ПРОПОВЕДИ МОЛИЛСЯ ЗА ПРИТЕСНЯЮЩИХ, ЖЕСТОКОСЕРДНЫХ И ЛИШЁННЫХ [РЕЛИГИОЗНЫХ] УБЕЖДЕНИЙ

Жил проповедник, он имел обычай странный —
Молиться за безбожных, окаянных,
За злых разбойников, несущих страх и боль,
За всех, кому давно неведома любовь.
Он говорил: «Всё тёмное нас мучит
И этим самым добрым мыслям учит.
Особенно полезны людям те,
Кто закоснел в своей неправоте.
Кто с виду смотрится как человек примерный,
На самом деле глубоко неверный».
«Зачем, — его спросили, — хвалишь тех,
Кто постоянно совершает грех?»
На это праведник ответил: «Люди злые
Меня подвигли на дела благие.
Ведь зло, подобно волку, гонит нас
Туда, где свет Аллаха не погас.
О здравомыслящий! Всегда проси у Бога:
К заблудшим грешникам не относиться строго.
Свой лик я часто к миру обращал —
В ответ лишь боль и горе получал.

И понял: человек в молитве просит
Обычно то, что Блага не приносит.
Дорогу к Небу хочешь обрести,
Ты умоляешь от невзгод спасти.
Но все удары жизни и мученья
Ведут людей на путь Освобожденья.
Таков закон — кто ищет лишь наград,
Не достигает самых высших Врат».

СРАЖЕНИЕ РАЗУМА С ЖИВОТНОЙ ДУШОЙ ПОДОБНО СПОРУ МАДЖНУНА С ВЕРБЛЮДИЦЕЙ.

Маджнун стремится к благородной женщине, а верблюдица стремится к своему верблюжонку; как сказал Маджнун: «Любовь моей верблюдицы — позади меня, а моя любовь — передо мной; поистине мы с ней расходимся».

* * *

В ладонях у погонщика узда,
Его влекут дорога и езда.
Спешит к возлюбленной, «Лейли» она зовётся,
А верблюдица к верблюжонку рвётся.
Мир создан нашим вкусам вопреки,
Где страсть и разум странные враги:
И неразлучны, и друг друга тянут,
Его — вперёд, её — назад от каравана.
Не по себе Маджнуну без Лейли,
Когда она от юноши вдали.
Шустра и норовиста верблюдица.
Чуть ей поддашься — можешь заблудиться.
Так и Маджнун, забудется порой —
И караван уж, смотришь, за горой.
У разума одна дорога — к Богу,
У страсти же тропинок разных много.
Погонщик может пылко полюбить.
Но как ему желанье победить?
Оно ворует у Маджнуна разум,
Тогда свой путь теряют оба разом.

Маджнун в сомненьях: «Случай наш особый,
О верблюдица, пленники мы оба!
Ты в тело верблюжонка влюблена,
Мне без Лейли дорога не нужна!
Но так как мы не можем друг без друга,
Быть может, нас соединит разлука.
Здесь, на земле, различные пути
Влюблённым полагается пройти.
Погонщик-дух до цели не домчится,
Пока не разлучится с верблюдицей.

САДИ ШИРАЗИ (1210–1291)

* * *

Дана возможность во владение твое,
Но время — меч на страже у неё.

* * *

Богатству в жизни все, конечно, рады.
Но жизнь дана совсем не для услады.

* * *

Полив свою яблоню вёдрами зла,
Не жди, чтобы яблок она принесла.
Будь в обращенье кротким и суровым,
Как врач, что лечит скальпелем и словом.

* * *

В беде страна, в отчаянье народ мой —
Девятый вал к нам движется природный.
Я — суфий, в лодке дум не утону.
Но как спасти народ мой и страну?!

* * *

Два человека прожили напрасно:
Кто в золото вцепился слишком страстно,
И тот, чья мудрость только в голове,
К рукам же и мозолям не причастна.

* * *

Не меч побеждает, не палка, не плеть,
Победа — в себе темноту одолеть.

* * *

Ты обязательством святым с Аллахом связан,
Тебе вручён, как власть над зверем, разум.
Но если ввяжешься в потоки зверских дел,
Лишишься преимуществ этих разом.

ХАФИЗ ШИРАЗИ (1326–1390)

* * *

Дует ветер быстрокрылый из Шираза на восток.
С ним я шлю далёкой милой грусть и радость этих строк.

Я ликую, что на свете есть цветок, и это ты.
Я грущу, что только ветер знает все мои мечты.

Донесёт тебе поэма грусть мою издалека.
Изо всех красот Эдема краше розы нет цветка.

Но не ветром быть желаю, как Хафиз, могу терпеть.
Я огнём любви пылаю, словно птица, стану петь.

* * *

О подруге ясноликой, сердце, песню приготовь.
Розой белой и великой на земле растёт Любовь.

Соловей один на ветке, мы вдвоём с любимой вновь
Укрываемся в беседке под названием Любовь.

Если любишь, за весельем повстречаться может боль.
Может кончиться похмельем опьянённая Любовь.

Но, Хафиз, о чувстве этом не грусти и не злословь.
Оставайся в нём поэтом и воспой свою Любовь.

* * *

Потопная нам угрожает повсюду вода.
За этой бедой наступает иная беда.
Нам кажется, нет никакого просвета в несчастьях.
Но чаша любви стоит наготове всегда.

* * *

Я у сердца спросил, где причина причин и начало.
Указало мне сердце на дверь и тотчас замолчало.
Я вошёл в эту дверь — оказался знакомый кабак.
За столом восседал полупьяный всезнающий маг.
Я вопрос повторил, но при этом негромко заметил:
— Как давно здесь вкушаешь напитки старинные эти?
Он взглянул удивленно:
— И ты, получивший прозренье,
Не поймёшь, что сижу в кабаке со времён Сотворенья!

* * *

Вновь на закате жизненного дня
Пришла любовь, поранила меня.
Я плачу, наслаждаюсь, сочиняю,
Словами, словно золотом, звеня.
— Та девушка пришла из-за реки, —
Мне говорят седые старики.

Я думаю, её послал Всевышний,
Она пришла строкою Рудаки.
Налей мне, виночерпий, ковш вина.
Душа недугом сладким сражена.
Хоть не бывает от любви лекарства,
Мечтаю испытать подобье сна.
Я знаю: с веком нам не повезло,
Сегодня миром управляет зло.
Но чем могу помочь земле и людям,
Когда любовью голову снесло?

* * *

Я любимой из Шираза отдаю часы намаза.
За любви святой аркан подарю ей Самарканд.

III. КИТАЙСКАЯ ПОЭЗИЯ IV ВЕКА ДО. Н. Э. — XX ВЕКА Н. Э.

Цюй Юань. Тао Юаньмин. Ван Вэй. Ли Бо. Ду Фу. Бо Цзюйи. Су Ши. Ли Цинчжао. Тан Сытун. Мао Цзэдун. Ай Цин. Хай Цзы

ЦЮЙ ЮАНЬ (ОК. 340–278 ДО Н. Э.)

С камнем в объятиях*

В ветвях с листвой смешалось птичье пенье,
Цветы раскрылись, шелестит бамбук.
Весь мир ликует в летнем возрожденье,
А мне пути назначены на юг*.
И днём, и долгой ночью под луною
Тоскливая повсюду тишина,
Пустынный путь лежит передо мною,
Где ноша жизни слишком тяжела.

* В китайской символике юг — знак смерти.

Своей души глубокое расстройство
Вкушаю боль, как будто зерна риса,
Но убежденьем твёрдо верен я —
Ведь кипарис пребудет кипарисом,
Сруби его — он сохранит себя,
Кто благороден, не сгибает душу,
Не тянется к фальшивому огню.
Я клятву патриархам не нарушу
И родине вовек не изменю.
В делах служебных сохраняю честность —
То, что всегда ценила старина.
Предпочитаю славе неизвестность,
Коль за известность подлая цена.
Достойный муж живёт в уединенье,
От низкой суетливости вдали.
О нём слывёт порой дурное мненье,
Мол, прячется от трудностей в щели.
Но кто мечтает лишь о лёгком хлебе,
Не понимает, что такое дух.
Такому кажется, что пребывает в небе
Горланящий в курятнике петух.
Что всё блестящее на свете — это яшма,
Служенье — лицемерия ручьи,
Ему презренна трудовая пашня
И непонятны помыслы мои?
Мой край под властью низких негодяев,
Отечеству от них одна беда.
Зато кругом раздолье для лентяев.
Но мне по сердцу человек труда.
Сижу, увы, в провинциальной яме,
Пытаюсь достучаться до владык.
Владею драгоценными камнями,
Я их друзьям раздаривать привык.
Собаки вечно предаются лаю,
Почуяв на деревне чужака.
Мне с Неба послан знак — я твёрдо знаю,

Что выход лишь соседняя река…
Топтать людей, отмеченных богами, —
Извечная обязанность толпы.
Всю жизнь плачу помятыми боками
За светлую отметину судьбы.
О почему так повелось сначала,
Что глупых много, мудрецы редки?
Что место для последнего причала
Приходится искать на дне реки!
Стараюсь остеречь, да всё без толку,
Взываю к страху — слушать не хотят.
Столице кажется, что я служу не долгу —
Но, как и все, нацелил хищный взгляд.
Я не меняю на золото — на брызги
Пустых стремлений и тупых страстей…
И ухожу, послав привет отчизне.
О столько натерпелся от властей!
Близка мне неизменная забота —
Страну от неприятеля сберечь.
Но разве это понимает кто-то
И о таком звучит в столице речь?
Никто не может избежать ошибок.
Но я, возможно, тоже ошибусь.
Невыносимо жить среди фальшивок.
Явленье смерти не пугает. Пусть…
Как тусклы человеческие лица!
Как грязен мир, холодный и чужой!
Поистине мне не с кем поделиться
Ни словом, ни безмолвною душой.
За слабость не судите слишком строго,
Что скоро сгину под речной волной.
Ночною мглой окутана дорога,
И скрыта даль туманной пеленой.
Нет у меня ни слёз, ни сожалений,
Страх смерти тоже сердцу незнаком, —

Мне патриархи прошлых поколений.
В пути последнем служат маяком!

ТАО ЮАНЬМИН (365–427 ГГ.)

РАЗМЫШЛЯЮ О ДРЕВНИХ ЗАВЕТАХ

1

Конфуций сказал:
«Не грусти о дырявом кармане.
Пусть больше тебя
Беспокоит отсутствие правды».
Меня эта Истина
Смолоду греет и манит.
Я тысячу раз повторяю Учителю:
— «Прав ты!»
Но больше всего
Деревенская жизнь привлекает.
Мотыгу беру,
Отправляюсь с крестьянами в поле.
Приветливо ласточка
В гости ко мне прилетает,
И пахарь-сосед
Увлеченьем поэта доволен.
Не знаю, каков урожай
И удачны ли всходы,
Но радует в поле сам труд
И греет душу поэта.
Меня не тревожит
Дурная для всходов погода —
Пугает в делах деревенских
Моё неучастье.
А солнце зайдёт —
Возвращаемся в хижины наши.
Здесь каждый себе
По душе сочиняет занятье.

Вином молодым
Наполняем старинные чаши —
И вот уже мы с хлебопашцами
Близкие братья.

2

«Две девятки»* настали,
Внезапно закончилась осень.
Листья с веток упали,
Легла с ними рядом трава.
Стали инеем белым
Цветные алмазные росы.
Поневоле от ранней зимы
Заболит голова.
Листья ищут пристанище,
Между деревьями бродят.
Над горами напротив
Прозрачный и ранний закат.
Почернел, поломался
Бурьян на моём огороде,
И совсем уж умокли
Унылые звоны цикад.
Крик гусей перелётных
Конец обещают сезону,
Умирание дней
И рождение длинных ночей.
Повинуются вещи и люди
Седому закону.
Всё сгорает
В огромной природной Свече.
Что раздумывать мне
И о жизни печалиться, если
Непреложность законов

* Две девятки — девятый день девятого месяца по лунному календарю — древнейший осенний праздник Китая.

Не нами заведена?
Чтобы в бедную голову
Мысли такие не лезли,
Я попробую лучше нынче
С хорошим соседом вина.

ПЛЫВЯ НА ЛОДКЕ

Тридцать лет пролетело
От службы вдали,
Их в деревне провёл
От интриг вдалеке.
И растёт лишь к поэзии
Давняя страсть
И к работе в саду,
И к делам на реке…
Как же мне не жалеть
Тех потерянных дней,
Что когда-то отдал
Суете и возне?
И вдали я теперь
От отчизны своей
Предаюсь размышленьям
О давней весне.
Вот весло заиграло,
Всё в пене волны,
Навсегда покидая
Знакомых былых.
Лёгкий ветер
С восточной летит стороны.
Указал направленье
Стремлений моих.
Звёзды в небе горят,
И зовут небеса,
Подо мною струится
Большая река.

Опускаю с улыбкой
На вёсла глаза,
А потом поднимаю их
Вновь в облака.
Слышу музыку где-то.
Мелодия «шан»*
Мне не трогает сердце —
Скитанья милей…
Шапку с поясом брошу
В бегущий туман
И в родное село
Возвращусь поскорей.

ИСТОЧНИК

Фрагменты поэмы

Эта быль не забыта.
Искателей счастья в долинах
Одолели невзгоды —
От них они в горы ушли.
Их следы затерялись
В столетиях тёмных и длинных,
И дороги скитаний
Высокой травой поросли.
И охотник однажды
В далёких горах заблудился,
На пещёру набрёл,
Под тяжёлые своды проник.
Там огонь вдалеке
В темноте непроглядной светился,
Под ногами струился
Прозрачный источник-родник.
И охотник отправился
Вдоль по ручью на свеченье —

* «Музыка дней», текущая, современная.

Не хотелось ему возвращаться
Под небо исканий назад.
И внезапно раздвинулся
Каменный облик ущелья,
Превратилась пещера
В сияющий радостный сад.
На ветвях у деревьев
Румяные персики зрели,
Неизвестные фрукты
Таили неведомый вкус.
Безмятежные люди
Трудились повсюду и пели.
И был дивен пришельцу
Труда и природы союз.
«Кто вы? — задал вопрос
Запевалам подземным пришелец.
На земле все враждуют
За место на ней, за уют…
Каждый выгоду ищет,
Себя только чтит. Неужели
Есть такой уголок,
Где все вместе, как птицы поют?»
И услышал ответ:
«Мы — совсем не беспечные птицы.
Мы страдали, как вы,
Под землёю спасенье нашли.
А с собой захватили сюда
Наслажденье трудиться —
Этот древний завет,
Был завещан творцами Земли.
Неизменное счастье труда
Охраняется нами с прихода,
Под землёй протекли
Наши многие тысячи лет.
А в делах неустанных
Всегда помогает природа,

Всюду видим её
Благодатную помощь и свет.
Шелкопряды прядут
Здесь свои бесконечные нити.
Нет чиновников алчных,
Судов и налогов лихих.
Каждый сам себе князь,
И истец, и судья, и хранитель
Уложений старинных,
Законов и правил благих.
Ты не встретишь нигде
На путях наших нищих прохожих,
На плетнях из бамбука.
О солнце поют петухи.
Лай собак раздаётся,
У нас он приветливый тоже.
А подземные ветры
Теплы круглый год и тихи.
Это Чудо таится
В далёких пещерах восточных
И откроется скоро
Для всех направлений и глаз.
Правит Светом и тьмой
На планете Великий Источник,
Только Он отдаёт
Переменам последний Приказ».
И вернулся охотник
В родную страну ожиданий.
Окружили его земляки
И спросили: «Когда
Наконец нас покинет
Несносное бремя страданий?»
Был уклончив ответ:
«Добивайтесь блаженства труда».
«Где ты видишь его?
Реки слёз и бессмыслицы всюду!»

Что ответить? Трудами
Дорога проложена к Чуду.

В оригинале поэма называется «Персиковый Источник», но в ней явно звучат мотивы общемировой легенды о Шамбале или Тэбу Азии, которую искал в своих восточных походах Александр Македонский, о стране «пресвитера Иоанна» средневековых хроник Европы, о Беловодье русских летописей, наконец, о «Земле Санникова» советского академика Обручева и других мечтателей самого последнего времени. Поэтому я убрал из названия поэмы Тао Юаньмина «Персиковый», оставил лишь «Источник», «интернационализировав», таким образом, мечты величайшего китайского поэта.

ВАН ВЭЙ (701–761)

СИЖУ У ГОРНОГО ХРАМА

Поднялся в горы на последнюю вершину.
Тропинка кончилась. Туман со всех сторон.
Ручей шумит, торопится в долину,
На миг умолк под колокола звон.
Не шевелюсь, поддавшись общему закону.
Закат сгущается, повсюду гаснет день.
В душе обуздываю древнего дракона,
А это вечная обязанность людей.

ВЕСНА В ДЕРЕВНЕ

Поют от души прилетевшие птицы,
Цветут абрикосы в соседнем саду.
Готовлю под сток родниковой водицы
Я чашу в камнях и запруду плету.
В глазах выплывает живая картина:
Далёко, в лучах новогоднего дня
Мой друг наливает вина из кувшина,
Но пить не спешит, вспоминает меня.

ЛИ БО (701–763)

БЕЛАЯ ЦАПЛЯ

Стынет белая цапля
На синей воде.
Приближенье зимы
Незаметно нигде.
Но тоска на душе,
Под ногой одинок,
Тоже чую, тоскует
Речной островок.

ВЕСЕННИМ ДНЁМ БРОЖУ Я У РУЧЬЯ

Брожу в горах,
Вникаю в песни птичьи,
Здесь я ничей,
Окрестности ничьи.
Деревьям и камням
Стихи мурлычу,
Мне подпевают
Звонкие ручьи.
Кругом простор,
И облака теснятся.
Цветы сияют
Прелестью немой.
Могу с пространством
Долго объясняться.
Но к ночи тянет
Побыстрей домой.

ОДИНОКО СИЖУ В ГОРАХ

За облаком,
Встречающим зарю,
Слежу и взглядом стаю провожаю,
Потом на горы

Я смотрю, смотрю —
И взор ответный их
Ловлю, не уставая…

ПРОВОЖУ В БЕСЕДАХ НОЧЬ С ДРУГОМ

Не вспоминаем прежние печали —
Ведём беседы лунными ночами
О главном в этой жизни и о тленном
И чтобы не сдаваться переменам.
Отводим время чашам и кувшинам,
Но знаем меру увлеченьям винным.
Не предаёмся бесполезным спорам,
Луна внимает нашим разговорам.
Почти всю ночь беседуем, не дремлем.
Как собеседникам, земле и небу внемлем.
Богине, видно, надобно послушать
О том, что интересно нашим душам.

ДУ ФУ (712–770)

ПУТЕШЕСТВИЕ НОЧЬЮ В ЛОДКЕ

Лодка плывёт во мраке,
Освещена луною.
Ветер прибрежные ивы
Вниз наклоняет, в воду.
Я её тоже касаюсь
Слабой своей рукою.
В небе луна сияет,
Всем предлагая свободу.
О если б книжная мудрость
Стала для жизни пригодна!
Хлебом меня кормила,
Счастьем часов уютных.
Словно бедная чайка,
Мечусь над водой сегодня

В суетном напряженье
Надобностей минутных.

ВИЖУ ВО СНЕ ЛИ БО

В смертный час не страшна мне разлука, поверьте,
Хотя нам ещё рано готовиться к смерти,
Но сейчас без Ли Бо я совсем обессилел.
Как давно рукава мы вдвоём не носили!*
Дорогой старый друг, ты приснился мне трижды,
Значит, жив и меня своей памятью зришь ты.
Ну а если ушёл — это значит, что сердце
Захотело вдруг встретиться с единоверцем.
Всё крыльцо моё лунным наполнено светом.
Я лицо твоё вижу в сиянии этом.
Если птицей душа твоя бьётся в тенетах,
Я верну ей сейчас свободу полёта:
Ведь мы верим с тобою в «И-цзин»** и в законы,
Потому не страшны нам ночные драконы.

К ЗОЛОТОЙ МОЛОДЕЖИ

С презреньем глядите на старый кувшин,
Мол, кубки из глины сосуды не наши.
Равняете вкусы на новых старшин.
Те пьют из роскошной серебряной чаши.
Но главное ведь не сосуд, а вино,
И форма нарядная сути не скроет.
Напьётесь до смерти, потом всё равно
На землю падёте и в землю зароют.

ОДИНОЧЕСТВО

В небе хищный орёл
Ткёт узоры кругов одиноко

* Разъединить рукава в символике Китая — разлука.
** Книга Перемен.

Чайки две по воде
Проплывают, не зная того,
Что за ними следит
Беспощадное зоркое око
И одна из них станет
Добычею скорой его.
Надвигается вечер,
Все прячутся в норы и в щели,
И паук до утра
Будет ткать паутину свою, —
Ведь природе сродни
Человечьи привычки и цели!
Оплетённые тысячью дел
Одиноки мы все.

БО ЦЗЮЙИ (772–846)

ХАЛАТ

Я пошил себе осенью
белый халат.
Холст — как войлок,
а вата легка, словно пух.
Я одежде такой,
разумеется, рад.
Мой наряд согревает
и тело, и дух.
Я ношу его днём,
укрываюсь им в ночь.
Но однажды подумал:
«Уж если ты муж
Благородный,
то должен соседу помочь,
А не тешить себя,
мандарина к тому ж.
Как бы мне раздобыть
ткани тысячи ли

И одежды пошить
гору до облаков,
Чтоб в тёплый халат
облачиться могли
Десять тысяч раздетых
простых бедняков.

ОРХИДЕЯ

Орхидеи весной
Посадил я зелёный росток.
Знал — без тени нет света,
Добра — без присутствия зла.
На глазах у меня
Распустился прелестный цветок,
Рядом с ним незаметно
Дурная полынь проросла.
Я душе говорю:
«Улыбайся, трудись и не злись».
Но глаза без улыбки,
На эту картину глядят —
Ещё слабые корни
С травою так прочно срослись,
Что, похоже, никак
По отдельности жить не хотят.
Мне бы вырыть бурьян —
Я цветок опасаюсь задеть,
Поливаю его —
Опасаюсь полынь укрепить.
Временами приходится
В думах бесплодных сидеть,
Перед тем как водой
Орхидею в саду окропить.
Друг старинный,
Живущий в деревне мудрец,
Дай совет, Бо Цзюйи,
Как ему поступить, наконец?!

СУ ШИ (1037–1101)

НОЧЬЮ В ГОРАХ

Я еду берегом. Внизу шумит река.
Хмельному седоку проспаться нужно.
Меня оглядывают сверху облака,
Луна — внимательно, а горы — равнодушно.
Устал и спешился, свалился на траву.
Мгновенно в сон бездонный провалился.
Проснулся. На густую синеву
Свет лунный золотым дождём пролился.
Мир приобрёл такую тишину,
Таким блаженством дышит и покоем,
Что, глядя вверх на звёзды и луну,
Не смею даже шевельнуть рукою.
Но фыркнул где-то по соседству конь,
Спугнув внезапно лунное сиянье.
В горах зажёгся солнечный огонь.
И я обязан продолжать скитанья…

ПРЕДУТРЕННЯЯ ДУМА

Ветер чуть колышет облака.
Озеро. Ночная тишина.
В тёмной чаше среди тростника
Плавает заснувшая луна
Снятся чайке думы рыбака.
Спит река и тоже видит сны.
Вдруг, сверкая, рыба рассекла
На воде спокойный лик луны.
Я иду по влажному песку,
Неотрывно тень за мной бежит.
Вековую уношу тоску,
Что с утра в душе моей лежит.
Наша жизнь — как призрачный халат,
Сшитый не из ткани — из тревог.
Редко встретишь безмятежный взгляд

Среди трудных судеб и дорог.
А петух сыграл селу с утра
Несколько своих горластых гамм:
Объявляет, что пришла пора
За работу браться рыбакам.
Лодку отвязал, стащил с песка
И себя увидел вдалеке…
Кажется подобьем лепестка
Мой челнок в озёрном тростнике.

ЛИ ЦИНЧЖАО (1084–1151)

* * *

Мы с тобою в хмельном забытьи
До заката сидели в беседке.
Хмель угас. На обратном пути
Солнце скрылось за тёмные ветки.
Сели в лодку. Поплыли назад,
Раздвигая в дороге кувшинки.
В наших полузакрытых глазах
Тихо таяли счастья пушинки.
Налегая на вёсла, гребли,
Возвращались к излюбленным гнёздам.
Тьма сгущалась, в закатной дали
Чайки взмыли к проснувшимся звёздам.
Птицы, лотосы, звёзды, вода…
Это то, что во мне навсегда.

ХРИЗАНТЕМА

Зелёная и нежная листва,
Прекрасен лепестков узор певучий…
Не стоят ничего мои слова,
Чтоб выразить всю красоту созвучий.
О хризантема, осени дитя!
Твой стойкий дух — хозяин непогоды.

Поверх унынья красотой светя,
Ты дивное творение природы.
Пусть ярче сливы ранние цветы,
Сирень чарует тонким ароматом.
Они не могут поместиться рядом
С твоим неярким всплеском красоты.
Спасибо, что измученному сердцу
Даёшь в твоём сиянии согреться.

ТАН СЫТУН (1868–1898)

ГОРА КУНТУН

Большая Медведица синих глаз
Не сводит с горы ночной
И, освещая вершины, в нас
Пробуждает фантазий рой.
И я до рассвета не в силах уснуть,
Гляжу, как плывут облака,
Как в небе ночном означается путь,
Луны серебрятся бока.
Затеяли сосны с драконами бой,
Верхушки в рассветных лучах
Горят. И отхлынули тени гурьбой,
И солнце на горных плечах.
Куда ни посмотришь — повсюду цветы
Пылают, словно костры.
И где источник такой красоты?
Возможно, в глубинах горы.

МАО ЦЗЭДУН (1893–1976)

ЛЮПАНЬШАНЬСКИЙ ХРЕБЕТ

Высоко в небесах перелётные гуси
Покорить призывают пространства свои.
Если сдался препятствиям, если ты струсил,

Человеком Китая себя не зови.
Половина отечества пройдена нами,
Впереди возвышается древний хребет.
Водрузить предстоит там победное знамя,
А иного решения попросту нет.
Повинуемся зову хребта и закону —
Свяжем лапы верёвкой седому дракону.

БАШНЯ ЖЁЛТОГО АИСТА

На востоке Янцзы,
Где притоки река собрала,
Башня древняя
В небе осеннем маячит.
Башня Жёлтого аиста*
Сердцу китайца мила,
Потому что приносит
Своим пилигримам удачи.
Признаюсь откровенно,
В местах этих не был давно.
Наконец побывал
На горе-Черепахе**в ненастье.
И обычай исполнил —
Здесь выплеснул в реку вино.
Пусть вернётся в Китай
Жёлтый аист и счастье!

АЙ ЦИН (1910–1996)

СОЛНЦЕ

Оно взошло из-за вершин высоких,
Из-за могил, заброшенных давно,
Из-за потоков, буйных и жестоких,
Несущих смерть всем, кому жить дано.

* Сооружена в III в. на том месте, где, по преданию, вознёсся в небо даосский святой.
** Черепаха, согласно легенде, — прародительница Поднебесной.

Шар приподнялся неизменных истин
И обозначил вечный горизонт.
Зашелестели на деревьях листья,
Запел и я природе в унисон.
О чём? Что насекомые проснулись,
Что зазвучали ритмы площадей,
Что города, селенья встрепенулись
И звонче стали голоса людей.
И длань Его верховного огня
Душевный хлам швырнула на сожженье.
И я поверил в правду воскрешенья
Всего, что гибнет, в том числе меня.

РАЗГОВОР С УГЛЁМ

— Где обитаешь ты?
— В запасниках горенья.
— Твой возраст?
— Старше гор, где я возник.
— Но кто ты?
— Сын эпохи Сотворенья,
Когда земля исторгла первый крик.
— И жив ещё?
— Живее всех живущих.
— Зачем молчишь?
— Забыли про меня.
Не слышат моих возгласов зовущих.
— А зов о чём твой?
— Дайте мне огня!

ХАЙ ЦЗЫ (1964–1993)

ДЕРЕВНЯ

Родина моя, моя деревня!
Тихие пшеничные края,
Ты подобна сказочной царевне,

Пушкинская мать, теперь — моя.
Ветер дует северный и южный,
Поднимает волны на полях.
Льётся дождик тёплый, нежный, нужный
В русских и китайских деревнях.
С неба льются тысячи улыбок,
Падают минуты и часы.
Девушка и стайка светлых рыбок
Задремали в капельке росы.
Звёздные бездонные кочевья,
Тысячи и тысячи огней!
Родина моя, моя деревня!
Чёрный жемчуг рисовых полей.

ГИМН ПШЕНИЧНОМУ ПОЛЮ

Соберу пшеницу
В полумесяц лунный.
Бессловесным зёрнам
Гимн не написать.
Сам его спою
На лире многострунной
Родине во славу,
Также небесам.
Трудится на пашне
Сутками отец мой.
Старая рубаха,
Потная спина.
В голову приходит
Радостное детство.
Облачные крылья.
Полная луна.
Хорошо, что часто
Жизнь в деревне снится,
Что в душе звучат моей
Песни вольных птиц.

А ещё в глазах
Качается пшеница,
Чуть касаясь стеблями
Дрогнувших ресниц.
В городе бываю
Грустным и неловким.
То гнетёт забота,
То придёт беда.
Память примиряет
С жребием нелёгким
На пшеничном поле,
На тропе труда.
Лунный свет над нами
Плещется столетья.
Не исчислить возраст
Полю и сохе.
Все мы дети Неба
И земные дети
С побережий Нила,
Волги, Хуанхэ.
Зарастает прошлое
Мохом и травою,
Рушится надменный
Каменный дворец.
Вечно проживают
Под луной лишь двое —
Бедный и богатый,
Глупый и мудрец.
Среди них я — третий,
Сновиденьем болен, —
Ночью часто снится
Неизменный сон.
Поселились люди
На пшеничном поле,
Солнце не уходит
Там за горизонт…

IV. АНГЛИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ XVII ВЕКА. СТИХИ И ПОЭМЫ

Уильям Шекспир. Филип Сидни. Джордж Чапмен. Фрэнсис Бэкон. Джон Донн

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР

ИЗБРАННЫЕ СОНЕТЫ

1

От всех существ мы продолженья ждём,
Чтоб роза красоты не исчезала
И, возродясь в наследнике своём,
Прекрасное цветенье продолжала.

Но ты, свой жар питая изнутри,
Повенчанный навеки с вечной Тайной,
Обилья красоты не раздари,
На голод не смени в игре случайной.

Ты сам, как и Природа, светишь нам
Весенней свежестью и красотой телесной,
Но, как скупец с транжирой пополам,
Не погуби себя в бутоне тесном.

Скупцом не поглоти весенний цвет,
В могильный мрак не унеси свой след.

7

Вот солнце утром всходит на востоке,
Всему живому радуя глаза.
И, пробуждаясь, вечной жизни токи
Устремлены, ликуя, в небеса.

Неспешно золотая колесница
Свой ежедневный совершает путь.
Лучи светила блещут, словно спицы,
А к ночи солнцу надо отдохнуть.

Под облака ложится или в море,
Чтоб завтра пробудиться поскорей,
И оставляет на земном дозоре
Жену-луну и звёздных дочерей.

Светилу золотому уподобься,
Мир не оставь без сына и потомства.

32

Подумай, я ушёл в иную жизнь — не ты,
И в памяти людской моё исчезнет имя.
Читай стихи других и сравнивай с моими:
Найдёшь, быть может, больше красоты.

Как драгоценность, те и эти сохрани:
Поэзия не есть соревнованье —
В ней чувств и душ живое узнаванье
И сердца неподкупные огни.

Перо растёт в созвучье с каждым веком,
Враждебность уменьшая на пути,
А сочинитель остаётся человеком,
Себя вчерашнего стараясь превзойти.

Важны и чувства, и сонеты тоже,
Любовь, однако, мастерства дороже.

54

Неоспорима и желанна красота,
Прославлена во всех мирах, как роза.
Недолговечна, ненавязчива, чиста,
Шипы — её невинная угроза.

Есть у похожего растения шипы,
Но лишено оно прелестной стати,
Не стало потому избранником судьбы,
Как роза, и сосудом благодати.

Людьми ценима роза с давних пор
Изяществом своим и ароматом,
А место для шиповника — забор,
Хотя считается её законным братом.

Тебе же, друг, назначен розы путь,
Ты правдой и стихами в нём пребудь!

60

Как волны, ударяясь в камни, гаснут,
Уйдя в забвенье волею Творца.
Так и минуты чередой напрасной
Приходят к неизбежности конца.

Едва дитя становится мужчиной
И успевает долг исполнить свой,
Как чертит лоб морщина за морщиной,
А голова становится седой.

Сметает всё удар кривой косы
Твоей, о Время! Вот удел живого.
Но драгоценны творчества часы,
Не умирают красота и слово.

И красота твоя в моих стихах
Останется, не превратится в прах.

65

Поскольку даже горы и леса
Меняет и уничтожает Лета,
Как уцелеет дивная краса
Недолго нас чарующего лета?

Никак не может Времени сундук
Сберечь живую прелесть нежной розы,
И скалы каменные чувствуют испуг,
Когда подземные толчки несут угрозы.

Пугающий финал! Но как же сохранить
Священной Красоты волшебный камень?
Как дальше оберечь святую нить,
Сокровища хранящую веками?

В поэзии течёт спасительная кровь,
Алхимия чернил спасёт мою любовь.

66

Устал от жизни. Смерть зову, как отдых.
Брести нет мочи по земной тропе
И видеть подлость в одеяньях модных,
И благородство в нищенском тряпье,

И совершенный Лик в пренебреженье,
И женскую поруганную плоть,
И недостойных славы возвышенье,
И нашу немощь низость побороть,

И хор невежд, слывущий мудрым клубом,
И смешанное с кровью серебро,
И простодушье, названное глупым,
И злом порабощённое добро.

Устал смертельно. Всё покинуть хочется.
Но как Любовь оставлю в одиночестве?!

77

Морщины зеркало нам показать грозит,
Часы — минут утрату: век наш краток.
Страница белая пускай отобразит,
Души твоей правдивый отпечаток.

Могилу вспомнить зеркало зовёт,
Смерть значит бытия перемещенье,
А стрелок бег — былым утратам счёт
И к вечности высокой возвращенье.

Сам в Книгу Бытия вписать спеши
Судьбы и дел забытые страницы.
Они, как дети любящей души,
Тебе в веках позволят сохраниться.

Часы и зеркало — страницам придадут
Свет вечности и отблески минут.

97

Разлука показалась мне зимой,
Хотя была в иное время года.
О этот холод, пережитый мной!
О раненого сердца непогода!

Дни утопали в солнце, всё цвело,
Но дождь в душе накрапывал печальный,
Осенней поступью брело моё отчаянье.
Не чуял я цветенье и тепло.

Листва не шелестела для меня,
Не вторили певцу с деревьев птицы.
Погасший факел твоего огня
Предстал, как лик стареющей вдовицы.

А ветра свист, раздавшийся во тьме,
И блеклый лист напоминали о зиме.

106

В старинных хрониках находим описанья
Отважных рыцарей и благородных дам —
Поэтов прошлого баллады и сказанья
Свои заветы передали нам.

Искали авторы — сказители историй —
Земной пример нетленной красоты,
Который всех чудес небесных стоит,
Тот идеал, что нам являешь ты.

И, восхваляя образцы иные,
Твой образ в них пророчески нашли,
Но все слова, звучавшие впервые,
Достигнуть идеала не смогли.

Стихи мои, увы, не исключенье —
Где силу отыщу для восхищенья?!

128

Когда играешь ты на клавесине,
Мне кажется, играет херувим.
Как удаётся грубой древесине
Стать зеркалом таинственным твоим?

Такое человеку невозможно —
Столь совершенно подражать богам!
Я дереву завидую безбожно,
Что прикасается к божественным перстам.

Мечтаю (о, не надо улыбаться!),
Ещё одно святое чудо сотвори —
Как клавишам ты даришь свои пальцы,
Так поцелуй мне нежный подари.

Да не покажутся мои желанья грубы —
Игре себя отдай, мне уступи лишь губы.

144

Любовь и страсть во мне заключены,
И обе претендуют на верховность.
Любви душа и преданность нужны,
А страсти — ненасытная греховность.

Мужчина ясноглаз и белокур,
А женщина черна, как подземелье.
И наш прислужник, маленький Амур,
Навязывает двум хмельное зелье.

В том зелье демон свил своё гнездо.
Пускай люблю, а ты другого любишь.
Гляжу и не пойму, какой бедой,
Какой ценой своё ты счастье купишь?

Итак, не знаю, что случится впредь,
Боюсь, что ангелу придётся умереть.

МОНОЛОГИ ПРОСПЕРО ИЗ ПЬЕСЫ «БУРЯ»

Вольное переложение

Первый монолог

Сей мир, подобно призракам бесплотным,
Куда-то исчезает, как туман.
Но всяк в нём оставляется голодным
На перемены зрелищ и обман.

Хоромы царские и сумрачные храмы,
Цветы весенние, и горы под луной,
И даже весь великий шар земной
Всего лишь акты бесконечной драмы.

Мы во Вселенной все сотворены
Из вещества, что дым и наши сны.

Второй монолог

О духи рощ, озёр и речек горных,
Чьи на земле невидимы труды!
Вы побыстрее ласточек проворных,
Нигде не оставляете следы.

Вы эльфы, но ведь ваши хороводы
Вытаптывают склоны грузных гор,
В морях и реках обновляют воды,
Дням и ночам выносят приговор.

Вы слабы, но владеете уменьем
Помочь мне солнце наземь опустить,
Поднять волну, во тьме грибы взрастить,
Внушить надежду праведным знаменьем.

Я дал огонь громам и бликам молний,
Ущелья в водопады превратил,
Чудовищ злобных сонмы укротил
И оживил словами мир безмолвный.

Всё совершенством магии своей
И вашей силой. Но отныне каюсь.
И возвращаюсь на простор полей,
От магии могучей отрекаюсь.

Лишь музыка торжественная — щит —
От бедствий нашу землю защитит!

МОНОЛОГ ГОНЗАЛО

Вольное переложение

Когда б мне дали во владенье землю,
Я все порядки бы на ней сменил.
Создал, во-первых, бы одну большую семью —
Разрозненных людей объединил.

Убрал бы деньги, запретил торговлю,
Чиновников и судей упразднил.
Любому бы возвёл бесплатно кровлю,
А бедолаг бездомных не казнил.

Никто бы не заботился о пище,
Кормила бы природа-мать народ.
А он не разделённый на господ,
Владеющих богатством, и на нищих,

Не знал бы пушек и стальных мечей,
Договоров и права на наследство,
Парламентских двусмысленных речей,
Не сторонился бы опасного соседства.

Не ведал бы измен, предательств смут —
Всё, что гнетёт на свете человека…
Тогда бы воссиял над миром труд,
Затмивший славу золотого века.

МОНОЛОГ ГАМЛЕТА

Вольное переложение

Быть иль не быть — вот жизни суть.
Что лучше: сгинуть мирно под ударом,
Как кролик, зачарованный удавом,
Или удар обидчику вернуть?

Зачем? Конечно, проиграть в итоге
В борьбе со снами, сомном передряг.
Ведь тлен земной — неотвратимый враг —
Нас ждёт всегда в конце любой дороги.

Бездействие заводит в дебри зла,
А мысли — в паутину колебаний.
Бывало, что в раздумьях погибали
Великолепные и славные дела.

Как очевидность тягостно длинна!
Как иногда она невыносима!
Как нас загробная притягивает сила
Забыться навсегда в объятьях сна.

Уснуть и видеть светлые мечты,
Какие людям обещают святцы, —
Просветы рая среди адской тьмы…
По-разному картины смерти снятся.

Нас в трусов превращает новизна
Той жизни, что считается небесной.
Возможно, мы окажемся над бездной,
Где райская не скоро ждёт весна.

Самоубийство — слишком лёгкий выход
Покинуть мир торговцев и вельмож,
Неправедных судов, случайных выгод,
А главное — обитель подлых рож.

Никто не знает, что на новом свете,
Каким окажется потусторонний дом,
Что за виденья новосёла встретят.
Ведь все находимся в неведенье слепом:

Решимость умереть колеблет мысль,
Сомненья нас удерживают страстно —
Уйти навеки в тёмное пространство,
Твердим себе: «Согнулся — распрямись!»

Офелия, божественная нимфа!
Склонись в молитве нежной надо мной,
Грехи страдальца твоего омой
Священным светом золотого нимба.

МОНОЛОГ ТИМОНА АФИНСКОГО

Вольное переложение

Здесь хватит найденного золота вполне,
Чтоб чёрное мгновенно сделать белым,
Послать с депешей черепаху на коне,
А труса на мгновенье сделать смелым.

Вернуть солдату неживому шлем,
Красу желанную — убогому уродцу…
Но, боги, боги, не могу понять, зачем
Вновь привели к безводному колодцу?!

Проценты, знаю, не упустит чёрт
И от соблазна сам на миг не вздрогнет,
Потом за прегрешенья сунет счёт,
Контракт небесный навсегда расторгнет.

Благословит проказу и чуму,
Застелет голову туманом серым.
Заявит: ум народу ни к чему,
Лишённого ума назначит пэром.

Металл поганый, сгинь скорее с глаз!
Ты главная причина и зараза,
Которая в могилу сводит нас.
Освободи от плена и от сглаза!

Сам сделать это не могу, не скрою.
Поэтому опять сокровище зарою.

НАПУТСТВИЕ ПОЛОНИЯ ЛАЭРТУ ПЕРЕД ЕГО ОТПЛЫТИЕМ

Тебе давно уж, друг мой, в порт пора,
На шее паруса повис работы ветер,
И мачты начали скрипеть ещё вчера,
Спеши к ним, помня о моём завете.

Держи подальше мысль от языка,
Её от дел пусть ясных, но поспешных.
Будь прост, но не слыви за простака.
Друзей своих, действительно безгрешных

Прикуй цепями к собственной душе.
Публично никогда в грехах не кайся.
С людьми будь ласков и настороже.
Конфликт уладь, других остерегайся.

И если уж ввязался — целься в глаз,
Да так, чтобы ослеп он на победу.
Всем жалуй ухо, лишь немногим глас.
Чужие слушай, собственному следуй.

Шей платье подороже, без затей,
Сидишь ли дома, посещаешь страны.
В долг не бери, не траться на гостей —
Всё потеряешь: друга и карманы.

А главное, не потеряй свой путь,
Удаче личной неизменно верен будь.
Тогда покорны станут ночи и восходы.
Прощай! Тебя вверяю божествам погоды.

МОНОЛОГ ЖАКА ИЗ КОМЕДИИ «КАК ВАМ ЭТО ПОНРАВИТСЯ?»

* * *

Весь мир театр, и люди в нём актёры.
Ждём выхода на сцену, также — роль.
И час её покинуть, про который
Ни шут не знает срока, ни король.

Семь актов пьесы. Сосунок в ней каждый.
Он мучит мать, ей бедной невтерпёж.

Потом школяр, в ком нет ни капли жажды,
Но пьёт до вечера заведомую ложь.

Затем любовник, распевающий баллады,
Вздыхающий, как в печке домовой.
Солдат, которому повиноваться надо,
Не думать, даже расставаясь с головой.

Ещё судья с брюшком, подобным груше,
Где за присест съедается каплун.
Да ладно жареный, а ведь бывает хуже —
Живой истец сгорает, словно лгун.

Шестой период наш, подобен Панталоне,
Его отличие — широкие штаны.
В них ноги этого красавца не видны,
Так высохшие на житейском склоне.

И украшение штанов — большой кошель,
Перед которым все склоняют шеи.
Хозяин молодых способен гнать взашей.
Да силы нет. Просители свежее.

И наконец, последний в пьесе акт:
Куда-то пропадаем без наследства.
Но перед этим несомненный факт —
Впадаем снова во второе детство.

ЖАЛОБЫ ВЛЮБЛЁННОЙ

Поэма

* * *

С горы послышалось подобие напева,
И эхо тотчас повторило звук.
В нём не было, ни ропота, ни гнева —

Тоска лишь бесконечная. И вдруг
В себе я сам почувствовал недуг,
Увидев, как жена срывает перстни
И в воду их швыряет, напевая песни.

* * *

На голове соломенная шляпка
От зноя. Но, конечно, не спасла.
В платок бедняжка кутается зябко
Так, словно, от невидимого зла.
Хранят черты прелестного чела
Следы недавно прерванного счастья,
Развеянного бурей в одночасье.

* * *

Несётся шустрый рядом с ней ручей,
Зато неспешны женщины движенья.
Застыла скорбь на дне сухих очей.
Продуманы прощальные решенья:
Она воде вверяет украшенья,
Рассудку здравому и нравам вопреки.
Берут же ни за что ростовщики!

* * *

Бумаги рвёт, их медленно прочтя,
А то не глядя опускает в воду.
Надеется, возможно, на природу,
Как верит матери невинное дитя,
Ещё не обретя желанную свободу:
Пускай не здесь, но в будущем ином
Найдётся для мечты законный дом.

* * *

Придерживая свой последний свиток
И не стирая с глаз остатки слёз,
Не прекращает женщина попыток
Себя подставить под раскаты гроз,
Убрать из сердца путаницу «ниток»,
Рвёт на клочки оставшийся листок,
Его кидает в ледяной поток.

* * *

Старик, в былом хозяин дум девичьих,
Бретёр, гуляка, хваткий дуэлянт,
Познавший пустоту желаний птичьих
И получивший в старости талант
Прозренья, проходил в ту пору рядом.
Сказал, окинув деву быстрым взглядом:
«Брось в воду покаянья адамант».

* * *

Она ответила: «Великодушный старец,
Прости меня, я, видишь, молода,
Чтобы раскаяния сладчайшая вода
Омыла раны. Все они остались.
Но верю: грудь освободит беда,
И прикоснётся к ней Святая Милость,
Какое бы несчастье ни случилось.

* * *

Так выслушай. Однажды мне пришлось
На тропах жизни человека встретить.
С ним много ветров резких ворвалось
В судьбу мою. Он сделался в ней третьим.
Носил волну каштановых волос.

И в этом мире, горестном и пресном,
Мог показаться ангелом небесным.

* * *

Был незнакомец Богом одарён
Не только своим видом, но и нравом.
Мне думалось, что мною покорён.
Наездником прослыл, по слухам, бравым,
Считался воином и другом нелукавым.
И я поверила, что отыскала в нём
Своих надежд и упований дом.

* * *

Наружно юн, но становился мужем,
На подбородке обрастал пушком.
С услугами бритья ещё не дружен,
Зато с мечом и порохом знаком.
Чтил безупречно рыцарский закон,
Был благороден и манерами, и телом.
Слова его не расходилась с делом.

* * *

Умён казался, на язык остёр,
Мог погасить любую злую тему,
Горячий дым преобразить в костёр,
Ромашку подарить, как хризантему,
Или надеть молчанья диадему.
Чем подчинял влиянью своему
Мужей, превосходящих по уму.

* * *

А те, кто в светской жизни куролесил,
Завидовали завистью немой

И похвалялись: “Вот знакомый мой,
Который неизменно мил и весел,
А стало быть, я тоже интересен”.
Так делаемся очень часто вдруг
Владельцами несвойственных заслуг.

* * *

И вот, химер начитанных рабыня,
У полудетских снов ещё в плену,
Решила я, что для него — богиня,
Затеяла всерьёз сердечную войну,
Не сознавая, что могу пойти ко дну.
Наука плоти и наука сердца
Не значит, что они единоверцы.

* * *

Я в отношениях себя считала госпожой,
Не делала ни скидок, ни уступок
Ему и плоти, коей редкий кубок
Ласкать не должен чей-то взгляд чужой,
Тем более — владеть моей душой.
Дала зарок: мужчине не позволю
Навязывать желания и волю.

* * *

Проходит каждый сам познанья путь.
Кому нужны рецепты и примеры?!
Решаем часто в сторону вильнуть
Там, где развилка у неверия и веры.
Притягивает запах адской серы…
А если слышим разума совет,
Ему упрямо отвечаем — нет.

* * *

И мудрость в книгах разгребая чью-то,
В себе её не видим даже часть.
Когда внезапно бешено и круто
Влюблённого охватывает страсть,
Душа готова в ноги ей упасть,
Смиряя сердца царственную гордость —
Так Бог нас проверяет на пригодность.

* * *

Я понимала хорошо: хотя он юн,
Однако рано обучился искушеньям.
И как любой мужчина — в страсти лгун,
А как поэт — живёт воображеньем.
Я видела за каждым ухищреньем
Его открытый сладострастный взор,
А за узором клятв — дурной позор.

* * *

И долго отбивала страстные атаки.
Тогда он тактику любовную сменил:
Сыграл ловца, заблудшего во мраке,
Стал робок и по-юношески мил.
Во мне живую жалость пробудил
Своим неловким поведеньем ловеласа,
Где якобы любви не знал ни часа.

* * *

Шептал он: “Сострадание яви
К ошибкам моего дурного детства.
Я ничего не понимал в любви,
Не накопил в ней ни гроша наследства.
В тебе одной нашёл святое средство,

Неповторимый понял счастья вкус.
И сбросил с плеч невыносимый груз".

* * *

"Мои истории, о коих ходят слухи, —
Он продолжал, — бывали и не раз.
О ловкости любви твердят старухи,
Когда своя — отворотила глаз.
Обычно люди к состраданью глухи.
Сил нет соседу бросить добрый взгляд —
Заботы собственные плечи тяготят".

* * *

Настойчивый малопонятный шёпот
Меня всё больше влёк к его руке.
Он, как рыбак, ловил мой юный опыт,
А я, уклейкой плавая в реке,
Всё чаще повисала на его крючке.
Когда боишься в отношеньях ошибиться —
Подальше уходи от любопытства.

* * *

Он говорил: "Все девы, встреченные мной,
Не тронули меня и ничего не дали.
Могла ли внешность быть тому виной
Или душа? Я понимал едва ли.
Тебя же встретил — мне явились дали,
Раскрылись уголки сознанья моего…
Кроме тебя одной, не надо ничего".

* * *

Дарил подарки, говоря: "За годы увлечений
Я дань собрал от подданных своих:

Вот дочь морских тропических течений —
Жемчужина, я посвятил ей стих.
А вот рубин, в нём крови цвет затих,
Бурлившей некогда отчаянно и смело.
Она сегодня в камне откипела.

* * *

А это локон чисто золотой,
В нём стать живая всё ещё ютится —
Звено, связующее нашу правду с той,
Где ей дана возможность воплотиться
И крылья обретает Феникс-птица.
К несчастью, все подруги прежние мои
На миг не отрывались от земли.

* * *

Вот бриллиант — светлей слезы невинной.
Вот изумруд, где пыл души потух,
Вернуть он может с точностью старинной
Поникший от невзгод зелёный дух.
А вот сапфир — в нём синевы небесной круг,
Нас от забот житейских уводящей".
Затем вручил камней роскошных ящик.

* * *

И завершил свой увлекательный рассказ,
Подробно описав сокровищ свойства,
(Где ни намёка на любовные геройства),
Венком таких, меня смутивших фраз:
"Приду душой я в полное расстройство,
Коль от меня не примешь этот дар,
Как красоте твоей оправу и алтарь".

* * *

Как удавались ловеласу дифирамбы!
Он льстил: “Ты заслужила все мои стихи
И обратила обыдённость в ямбы,
Проказы юности былые — в пустяки.
Они, как дым вчерашний, истекли.
Отныне навсегда покончу с ними,
Прославлю лишь твоё, о королева, имя”.

* * *

Рассказывал: “Взгляни на этот амулет —
Принадлежал монахине, нестарой.
Покинула она девицей шумный свет.
И что? Пополнила число моих весталок.
Ты спросишь о причине — груз усталый
Своих вериг снести бедняжка не могла,
Невинность, словно в жертву, принесла”.

* * *

Разубеждал: “Ты видишь — бесполезно
Бороться с тем, что в нас вложил Творец.
Любовь не спрятать в камере железной,
И не прельстит её изысканный дворец.
Я вовсе не назойливый хвастун или гордец,
Мечтающий склонить к паденью крепость,
Но целомудрие твоё — одна нелепость”.

* * *

Друг с другом не случайность нас свела,
Но все описанные в Книге чудо-сказки.
Любви не требуются мифы и подсказки —
Любовь сама во всей Вселенной создала
Творца и творчество, мелодии и краски,

И нет сильнее ничего в крови,
Чем благотворная религия Любви.

* * *

Подумай же, в тебе так много силы,
Что и церковные святые родники,
И камешки мои ты в сердце поместила,
Добытые со дна той чувственной реки,
Где все сомненья ой как нелегки.
В моих речах ты видишь лишь коварство —
Они от целомудрия лекарство.

* * *

Твоё вниманье я привлёк не потому,
Что более всего люблю свободу
Или что уповаю на дурную моду,
Столь свойственную светскому уму.
Я не подумаю ссылаться на природу.
Ты знаешь без меня — Любовь преобразит
Всю нашу жизнь: сомненья, муки, стыд.

* * *

Те женщины, что были у меня в вассалах,
К тебе взывают из залитых кровью ртов:
“Наш дух рождён не в театральных залах,
А нрав к учтивым рассужденьям не готов.
Любовь — не милая тропинка из цветов,
Но тернии, ловушки и капканы,
А главное — бесчисленные раны”.

* * *

Он говорил: “Ты превратила в бастион
Святое чувство, потому душа страдает

Не столько от любви, как от препон.
Себе придумала таинственный закон,
Теперь душой твоей владеет он:
Мол, крепость сердца некто осаждает.
Ты защищаешься, а чувство увядает.

* * *

Волшебной силой ты наделена.
Все девы до тебя моё поили русло.
Отныне же душа тобой покорена,
К себе вернула ты обманутые чувства.
В том вижу безыскусное искусство.
Гордись же красотой таких побед —
От всех печалей пропадёт и след".

* * *

И завершил: "Прощай, моя свобода!
В душе остался твой прекрасный тлен.
Нам простодушная, но властная природа
Свой ненавязчивый навязывает плен,
Диктует властно время перемен.
Я по тебе вздыхаю тоже тяжко,
Как по любви упрямая монашка.

* * *

Ты взгляд горячий сердцу послала,
Рука моей легонечко коснулось —
И больше не нужны ни жесты, ни слова,
Желание в крови тотчас проснулось.
И, всё забыв, беспамятно волнуясь,
Всесильную любовь я стану ждать
И поторапливать иную благодать".

* * *

Умолкнув, бросил взгляд, похожий на петлю,
В нём слёзы (я попалась в хитрую ловушку).
Так не одну ловил он, видимо, подружку
На безошибочный крючок: “Тебя люблю”.
Потом пристёгивал к своим трофеям тушку.
История пришла из глубины веков:
Возник пред Евою Адам — и был таков.

* * *

В нём жил, конечно, несомненный дар,
Каким владеют гениальные актёры.
Рот источал целительный нектар,
Глаза же выдавали — волк матёрый.
Меж нами часто вспыхивали ссоры,
Но он умел их жар гасить всегда
Словами — как в ручье журчащая вода.

* * *

Мой образ мыслей подчинял невольно,
Как и монашке, напуская сладкий дым.
Да и со мной, скорее, вёл не войны,
Но делал вид, что я воюю с ним:
Осаду вёл с напором молодым,
Ввергал себя порою в униженье
И выиграл в конце концов сраженье.

* * *

Когда страстям мы волю отдаём,
Нет места добродетельным советам.
Так чистота снегов не дружит с летом,
А пыл души несовместим со льдом —
Сердечные дела решаются вдвоём.

И удивительно — любви предубежденья,
Грехи и боли нам приносят наслажденья.

* * *

Мог покраснеть, а после побелеть,
Ещё через минуту розово зардеться.
Тесна ему была артиста клеть,
Умел, как уж под вилами, вертеться.
Я чувствовала — некуда мне деться.
Его искусный сатанинский дар
Невольно и во мне зажёг пожар.

* * *

И подхватил меня сочувствия прилив,
Помноженный на тягу к обольщенью.
Наряды и бельё с нагого тела сбыв,
Я уступила девственность прельщенью.
Так нам Овидий указал на превращенья.
И потому-то мой хранимый долго пыл
Ему во благо шёл, меня же он сгубил.

* * *

При этом сердце его было в стороне
От всех страстей и даже от расчётов,
Как будто им водил незримый ктото.
Любовь не есть предмет игры вдвойне:
Всегда не знаем тайну нечета и чёта.
И не спасает душу от опасных дум
Блудливый и в сомненьях вечных ум.

* * *

Отец, как имя беспощадной власти,
Нас побеждающей сильнее всех царей?

Что даже не подобье пылкой страсти,
Но крепко вложенный инстинкт, скорей.
Выдерживаем шторм любых морей
И вдруг сдаёмся на любовные рыданья —
Мы не выносим милых глаз страданья.

* * *

И прячет правду Красоты одежда
Своим убранством чистым и простым.
Но простота всегда слаба надеждой,
Что непременно прилетит к ней херувим.
Кто в юности ни ждёт, что будет он любим?
И я сдалась…Отец, вопрос стучится:
Что будет, коль такое вновь случится?

* * *

О чудо-звуки о Любви звучащих фраз!
О краски щёк, желающих сближенья!
О свет, горящий жадной страстью глаз!
Как может напугать вас чьёто устрашенье?
Вы власть сплели Природы и воображенья,
Сладчайшее блаженство и горчайшую беду.
Отец, что делать мне, коль снова я паду?!

ФЕНИКС И ГОЛУБЬ

Поэма

Пусть звонкая и сказочная птица,
Аравии таинственная дочь,
В мирах блаженства сможет возродиться
И даст нам силы беды превозмочь.

Пускай услышим ангельское пенье,
Да не нарушит служка сатаны,

Агонии предвестник, погребенье —
Все крылья хищные отлучены!

И лишь орёл, король пернатых смелый,
Торжественную вознесёт печаль,
И реквиема скорбью лебедь белый,
Глашатай смерти, пусть проводит вдаль.

И ворон-плакальщик уже обрёл свеченье —
Его коснулось солнце на заре.
И память вечную провозгласил священник
Под пенье хора в белом стихаре.

Ушла не только Феникс — с нею Голубь,
Любовь и верность за собой сожгли.
И наши души ощутили холод,
Как будто солнце и луна ушли.

Такой была любовь, что эти двое
Как бы одно являли существо,
С талантом общим, с ясной головою,
Где уничтожила Любовь число.

Сердца у каждого по-разному стучали,
Сквозь вены кровь единая текла.
И набегавшая порою тень печали
Закрыть на миг единство не могла.

При жизни двух удерживала сила
По имени «любимая семья».
И враз обоих забрала могила,
Как будто бы одно имели «я».

Муж и жена уходят в Небо порознь,
Наследников оставив на земле.

А эти двое не взрастили поросль,
Как павшие стволы в лесной семье.

Живые в шоке, здравый смысл в испуге,
Загадка смерти породила слух:
Мол, мы всегда присутствуем друг в друге
И вместе создаём бессмертный Дух.

А Голубь видел жизнь светло и здраво,
Не домогался счастья в Небесах,
Он обрести хотел земное право
Сгореть у птицы Феникс на глазах.

И поражён был даже Высший Разум,
Что так сумели краткий век прожить
Две дивных птицы и умчались разом,
Решив себя земных утех лишить.

И Разум сам на погребенье вспомнил,
Что был рождён в страданьях и в крови,
И песню погребальную исполнил
Во славу торжествующей Любви.

ФИЛИП СИДНИ

СОНЕТ 1

Мечтал любовь запечатлеть в стихах,
Любимую свою пленить их строем,
Добиться поцелуя на устах,
На языке молвы прослыть героем.

И думал: может быть, поэт другой,
Невольно проявив ко мне участье,
Потоком слов остудит разум мой,
Разгорячённый ярким солнцем страсти.

Но сил своих не рассчитал поэт,
Напрасно по чужим следам шагая,
В отчаянье перо своё ломая, —
И Муза вдруг прислала мне совет:

«В чужих словах ты правды не узришь,
Но сердце слушая, шедевры сотворишь».

ДЖОРДЖ ЧАПМЕН

ИЗ ПЬЕСЫ «БЮССИ Д'АМБУА»

Отрывок

Природой правит не рассудок — хаос.
Здесь всё изменчиво и всё наоборот.
Как только власти твердь заколыхалась,
Возьмёт бразды правления народ.

Нет, не рассудок — случая тщета
Даёт свои жестокие уроки:
Богатство портит, только нищета
Обязывает зла найти истоки.

Природе власть неравенства чужда,
Вельможам часто шапка не по чину,
И монстр на троне — общая беда.
Во властолюбии мы видим зла причину.

Иной тиран горшок пузатый лепит
Из самого себя, как Божий дар.
Людей без пользы загоняет в трепет
Такой несостоявшийся гончар.

Корона, что талантом обеднела,
Глядишь, на пальцы дует — жар обжёг.

Фортуне до лжеца какое дело —
Глядишь, на свалку вышвырнут горшок!

Кумиры ненадёжны, как известно,
Особо если хрупок пьедестал.
Встал новый идол на пустое место,
Когда маячить прежний перестал.

Жизнь человека — на ветру свеча.
Немного стоит личная отвага
Того, кто, цепи алчности влача,
Уходит в море на добычу блага.

Он может опоясать шар земной,
Со штормами успешно побороться
И нищим возвратиться в дом родной,
Сигналя — бедолаге нужен лоцман.

Там не в почёте чин или богатство,
Почтение к ним знают только здесь.
Конечной гавани не следует пугаться —
Везде важны достоинство и честь.

Все люди на земле пока что дети.
И лоцман одинокий — добродетель.

ФРЭНСИС БЭКОН (1561–1626)

ПСАЛОМ CIV (104)

Отец и царь того, что в мире есть,
Владыка также Высшего над нами,
Спустившись вниз, Ты оказал нам честь,
Прикрыв своих наследников крылами.
О чудесах Твоих псалмы поём.
Узрев Тебя, ресницы зло смыкает.
Ночная тьма мгновенно поникает

При утреннем дыхании Твоём.
Глаза к Тебе мы поднимаем, Небо,
Живущие на горестной земле.
Взываем неизменно: «Дай нам хлеба!»
Разыскиваем к Свету путь во мгле.
Над головой Твоей подобие короны
Из солнечных сияющих лучей.
Они дерев пронизывают кроны,
Бросают искры в реку и в ручей.
Твои просторы украшают птицы,
А проплывающие в небе облака,
Несут росы целебные частицы,
В них отражаются и годы, и века.

Неслышно ангелы незримые поют,
Покорные Твоей священной воле.
Целительный бальзам на землю льют,
Врачуют саранчой погубленное поле.
Своей могучей и всезнающей рукой
Из Хаоса велел явиться тверди.
Снабдил планету красотой такой,
Что не подвластна времени и смерти.
Потоп всемирный както захотел
Младенца-землю поглотить водою.
Ты справился с нахлынувшей бедою —
Волнам пришлось уйти за свой предел.
И головы холмов от сна очнулись,
И воды берегами потекли,
И долы под лучами встрепенулись
И жизненную радость обрели.

К воде привык простой и знатный люд.
Необходимость в ней имеет каждый.
К жаре песков приученный верблюд —
И тот способен умереть от жажды.
Дождь нужен всем: лесным богатырям,

И маленьким цветам, и низким травам,
Животным, птицам, скалам, и полям,
И нам в сей жизни правым и неправым.
Ты щедро шлёшь и воду, и еду,
И тяжкий труд, и праздное томленье,
И на дурные головы беду,
И от неё даруешь избавленье.
Покажет солнце ясноглазый лик
И скроется за тучей быстротечной.
Ты порождаешь каждый светлый миг
И каждое мгновенье тьмы конечной.

В ненастье насылаешь лёд и снег,
Удары молний и раскаты грома.
От них спасается бедняга-человек
Под кровлей прохудившегося дома.
Бежит от непогоды, лжи и зла,
Спасенье ищет в маленькой пещере.
Но где, кого из нас она спасла?
Находим утешенье только в вере.
Трудиться слабым людям ежечасно,
Свой хлеб растить и собирать плоды
Ты заповедал человеку властно
И платишь изобильно за труды.
Твой глас нам шепчет тихое прощенье
За все грехи и малых дел тщету.
Готовим на земле себе отмщенье
Мы сами — Ты рождаешь красоту.

Ты изливаешь в щедрости могучей
Лишь то, что надо человеку дать.
Твоих несчастий горестные тучи
В конце концов приносят благодать.
Делами славными и грозными Твоими
Любуются в душе и раб, и царь.
Твоё сокрытое в глубокой тайне Имя

Зовёт безгласно умирающая тварь.
Дневное солнце и изменчивые луны
Равняются на Твой незримый Лик.
Ты шторм на море укрощаешь вмиг,
Жильцам его настраиваешь струны.
Они на компас Твой плывут в туман,
Выныривают радостно на воздух.
Воистину Ты им живой Левиафан,
Не дремлющий на солнце и при звёздах.

Ты, Боже, подарил нам чудо-жизнь,
Где пропитанья всё живое ищет.
Любая тварь нужду имеет в пище,
Беспомощные руки тянет ввысь.
Откроешь длань, и милость — вот она!
Бери, какой душа захочет мерой.
Ладонь сомкнётся — мера та скудна,
Но, кроме хлеба, существуем верой.
Живая искра теплится везде,
Есть Божий дух у каждого творенья.
Отец Небесный светлое горенье
Зажёг в пылинке малой и в звезде.
Всё движимо Твоим дыханьем вещим,
Всё бездыханное уходит с наших глаз.
Одно лишь Слово порождает вещи.
Умолкнешь Ты — пыл угасает в нас.

И только снова Слово выдыхая,
Ты открываешь миру суть его,
Где буква каждая, дурная и благая,
Твоё нам знаменует торжество.
Добро и зло в одних полях пасутся.
Задача наша — смыслы различать.
Величье Бога не понять безумцу,
Со слов не снять их тайную печать.
В великом милосердии, в печали

Царит Закон, верша дела свои.
Задуманное Господом в Начале
Исполнится в сиянии Любви.
Свобода, обещая совершенство,
Пока нас только к бездне привела.
Дождёмся долгожданного блаженства!
За всё Тебе хвала, хвала, хвала!

ПСАЛОМ CXXV (125)

Когда вернётся к нам Господь опять,
А мы воскликнем: «Добрый и могучий,
Пошли нам снова щедро благодать —
Твои тепло и холод, свет и тучи.
Спаси от заблуждений лживого ума,
Какими был наказан некогда язычник.
Да сгинет навсегда египетская тьма
И мрак её капканов непривычных!
Ты вызволил из плена свой народ.
Ему послал обильные щедроты,
А также славных дел круговорот,
Великие невзгоды и заботы.
Всё так. Благодаренье шлём в ответ
И пыл сердец, горячий и любовный.
О Господи, расторгни плен духовный! —
Иных молений в сердце ныне нет».
В тенетах зла до времени блуждая,
Мы верим, что отыщем путь к Нему —
Единственному Сердцу и Уму.
Он отзовётся, счастьем награждая.

ДЖОН ДОНН

ВЕЧЕРНЯ В ДЕНЬ СВЯТОЙ ЛЮЦИИ, САМЫЙ КОРОТКИЙ ДЕНЬ В ГОДУ

День Люции. Такое время года,
Когда сияет день лишь семь часов.
Едва закат свой допила Природа,
Как ночь закрыла солнце на засов.
И я ни жив ни мёртв простёрт на ложе
С душой, незримо тонущей в крови.
Мучительно обдумываю, что же
Со мной творит алхимия любви?
Ещё живой, с ногами и руками,
Похож на некролог или на камень.

Она ушла. Повсюду жизни торжество —
Вокруг себя взгляните те, кто любит:
Природа сущее не губит, не голубит —
Сок беззаботно выжимает из всего.
Порядок этот на планете вечный:
Разлуки, встречи в душах и в телах
Прервутся — ветер жизни встречный
Являет новый лик, сметая прах.
Но эти мысли не утешат сердца,
И никуда от гибели не деться!

Она мертва. Но очевидному не верь.
Смерть покорить живущее не может —
Один отрезок жизни подытожит,
Другому тотчас открывает дверь.
Любовь казнит и сразу возрождает —
Известен каждой твари сей закон.
Он радоваться жизни вынуждает,
А я тоской смертельной ослеплён,
Забыв о жизни, радости, о сути,
Киплю в любовном, но пустом сосуде.

Она ушла. Так слово говорит,
Которому на медный грош не верим.
Природа же своё бессмертие творит.
И я готов стать каплей, веткой, зверем,
Чтобы в мир иной умчаться вслед за ней.
Влюблённые, стремитесь к Козерогу,
Торите светлую любви дорогу.
Моя — мертва. Лежит среди камней
В день Люции, что празднует Природа,
Как самый краткий среди прочих года.

ГОДОВЩИНА

Все на земле цари и короли
И даже солнце, сотворившее законы,
На целый год состариться смогли
С тех пор, как мы любимы и знакомы.
Да, шут последний и наследный принц
Подчинены всеобщей смертной власти,
Тогда как в разгорающейся страсти
Нетленность может обрести каприз.
Во мраке зим, в цветенье пёстрых лет
Бессмертная Любовь свой чертит след.
Любимая, судьба не рассудила
Нас год назад похоронить вдвоём.
Одна-единственная тесная могила
Скорбит о благоденствии твоём.
Да, души наши вырвутся из гроба
И в Небеса немедля воспарят.
Об этом все легенды говорят.
И жизнь, что называем мы иной,
Возможно, будет радостней земной.

В итоге мы достигнем совершенства,
Хотя не большего, чем прочие в раю.
Но ведь и здесь изведали блаженства,

На участь никогда не сетуя свою.
Да, мы Любовь ни разу не предали,
Достойно пронесли двойной венец,
На время попрощались, наконец…
Из королей найдём кого едва ли,
Кто обречён на царство словом этим
На полноправных шесть десятилетий.

РАСТУЩАЯ ЛЮБОВЬ

Зимой любовь предметом отдалённым
Казалась, как зелёная трава.
Живёт отдельно по своим законам,
Растёт, где хочет, и всегда права.
Я думал, что сильней, чем в эту пору,
Любить не доведётся никогда,
И долго верил собственному вздору,
Пока не растопила лёд вода
И половодье его вдаль не унесло.
Ведь будущие жизни построенья
Диктуют Небеса и их тепло.
Поэт попался заблужденью в узы,
Иных друзей не зная, кроме Музы.

Когда весной всё расцветает вновь,
Сияют ярче звёзды и цветами
Вскипают ветви дерева, меж нами
Людская пробуждается любовь,
Подземные подпитывая корни,
Разыгрывая свой дневной концерт.
Смычку светила люди тем покорней,
Чем точка пожирней в земном конце.
Любовь и целомудренна, и страстна,
Растёт всегда, свой расширяя круг.
А центром Птолемеева пространства
Являешься лишь ты, мой милый друг.

Так и в любви: мелькают вёсны, зимы —
Заботы же её растут необозримы.

ЭКСТАЗ

Вдвоём в обнимку у реки
Простёрты, волшебству не веря.
Недвижны наши две руки,
Подушкою — цветущий берег.
Из чуть полузакрытых глаз
Струится солнца отраженье,
Простор, что окружает нас —
Как будто наше продолженье.

Так равноценных армий флаг
Победу знаменует знанья.
Тела же — покорённый враг —
Как в трубку свёрнутое знамя.

Пока мы вместе обрели
Дорогу в чувственном тумане,
Немало мук перенесли
Вдали от правды пониманья.

Блуждали души между тел,
Не смея преступить ни разу
Тот, нам невидимый предел,
Что открывает дверь к экстазу.

Кто видит суть любовных уз
Как близких путников общенье,
Тот понимает превращенье
Телесных связей в душ союз.

Но, ни одной из них не вняв
На просьбу о выздоровленье,

Дух общий создаёт состав,
Нам обещая просветленье.

Да, наш восторг не породил
Волнений в обнажённом теле —
Мы знали всё, что впереди,
Но ставить точку не хотели.

Любовь телесная ко сну
Склоняет, открывая лица,
Тогда как души две в одну
Стремятся воссоединиться.

Одна фиалка на пути
Своим приятным ароматом
И восхитительным нарядом
Способна боль унять в груди.

А две души, когда сольются
В один благословенный сплав,
От одиночества спасутся
И радость обретут, восстав

В непрекратившемся экстазе.
В конце концов, они поймут,
Что вечен совершенства труд,
Основанный на плотской базе.

Что — тело? Как с ним поступить?
Не брать в расчёт, продлить обычай?..
Оно — не мы: бессмертья нить
Хранит себя поверх обличий.

Благодаренье Небесам
За сотворенье совершенства.

Всевышний нам позволил Сам
Через тела познать блаженство.

И вот на берегу лежим,
Бесплотным счастьем обладая,
Не мимолётным, не чужим,
Не в сновидениях витая.

В душе — ни тени, ни ростка
Того, что обратится в тленье.
Необъяснимая тоска
Вдруг обретает просветленье.

Так Небо сверху духу шлёт
Своё веленье, словно птице:
«Ты должен совершить полёт,
Но прежде наземь опуститься».

Да будет это верный знак
Всем тварям, людям особливо,
Что оболочка нам не враг,
Пускай отслужит терпеливо.

Ведь истинное счастье двух
Всегда вверху, всегда в полёте.
Мы предаём основу — Дух,
Когда сдаёмся только плоти.

ПОЭМЫ (ПОСЛАНИЯ)

ШТОРМ

Кристоферу Бруку

Ты — я почти, мы так с тобой похожи,
Но ведь судьба плывёт, куда плывёт.
И Англия меня, наверно, ждёт,
Но ведь и гибель поджидает тоже.

Хоть как поэт ногтей твоих не стою,
Мой труд с твоим в сравненье — пустяки,
Но это путевое описание простое
Вообрази, дружище, как стихи.

Итак, мы отплываем, флаг трепещет,
Ласкает губы лёгкий ветерок.
Нас провожая, тучка в небе блещет,
Как ветчины заманчивый кусок.

Купаемся, понятно, в благодати
И нежимся до той поры, пока
Светило, словно женщина-предатель,
В густые не нырнуло облака,

И мы совсем одни в огромном море.
А там, как два бодливых короля,
Затеяли два вихря на просторе
Лихую драку, волнами бурля.

И сразу наступило время оно —
Почти библейская святая простота:
Над флотом бриттов, словно над Ионой,
Сомкнулась пасть библейского кита.

Ах, эта явь, она страшнее сказок.
Нас, идиотов, учат без конца,
Но человечий беспокойный разум
Никак не помещается в сердца.

Сон — лучшее в подобной яме средство,
А смерть и вовсе благодатный дым.
Проснулся: вижу адское соседство —
Стал синий ангел дьяволом седым.

Не различить ни севера, ни юга,
Ни дня, ни ночи — злая мгла везде.
И ливень хлещет волны моря-друга,
Как пахарь лодыря-коня на борозде.

Мы, с коек пав, носами стены тёрли
И ругань непотребную несли
С немой молитвой в озверевшем горле:
«О Господи, помилуй и спаси!»

Иные же внизу валялись тупо,
Конец свой ждали, залепив глаза.
Так громыхали Божий пест и ступа,
Что раем мнилась на земле гроза.

По палубе летал и бился насмерть
Разбитый на поленья такелаж.
И самый достославный в мире мастер
Не обуздал бы баснословный раж.

Осколки расколоченной посуды
Шкафы переполняли через край.
В сравнении ужасные Бермуды
Нам снились тоже, как далёкий рай.

Мой слог, живописуя эту ярость,
Наверно, бледен и по-детски глуп,
Но даже мокрый и тяжёлый парус
На фок-стеньге болтался, словно труп.

А мы, ещё немёртвые матросы,
Решали на пределе сил вопрос,
Как следует, используя насосы,
Из моря в море вылить капли слёз?

О время! В пекло брошенные люди,
Какой ещё вам шею стянет жгут!
Сизиф, наверно, только и рассудит
Ваш беспримерный и отважный труд.

И что литературы рассужденья
Перед каскадом оголтелых бед!
Сам ад вполне святое заведенье…
Итак, мой друг, кончаю, силы нет.

Вожу пером гусиным еле-еле.
И не писать бы — в небо воспарить,
А перед этим выпить кружку эля…
Но хватит про дурное говорить.

На языке появится короста.
Сей ураган, по-видимому, прав:
Мрак утверждает силу первородства,
Свет за пределы Англии изгнав.

И суша в королевстве, колыхаясь,
Готовится принять морской устав.
Протягивает всюду лапы хаос,
От этикета нашего устав.

Не только океан, земные мили
Устроили пространственный разбор.
Мы, видно, Бога крепко утомили —
Последний нам выносит приговор.

Ну что ж, пора на вахту и за дело,
Просвет не скоро, чувствую, мелькнёт,
Да и матросам, чую, надоело.
Что в их среде поэт пером скребёт.

Письмо кончаю. Всё внутри мутит.
На вирши пропадает аппетит.

ШТИЛЬ

Кристоферу Бруку

Шторм кончился. Пишу без прежней страсти.
У штиля мы теперь находимся во власти.
Казалось, только буревестник — ярый враг,
Но сделались мы целью худшей из атак —

Атаки лени, безразличья, серой скуки.
Скучней не приходилось знать науки,
Как в море бы открытом корабли
Надолго вдруг застряли на мели.

Смеётся небо над потерянными нами.
Ещё недавно храбро спорили с волнами,
А нынче гладь подобна зеркалу девиц,
Понятно, не для наших очумелых лиц.

Жара. Кто обливается из кружки,
Кто спит затылком на лафете пушки.
Когда пираты бы пошли на абордаж,
Мы даром бы отдали груз и такелаж.

Покинули вояк воинственные мысли.
Все паруса, как простыни, повисли.
И кто полезет в драку на врагов
В такой геенне вдалеке от берегов!

Богам не шлю благочестивые вопросы —
К молитвам не приучены матросы,
Тем более безмолвны небо и земля.
Без цели шляемся у мачт и у руля.

Безвестные для хроник и газеты,
Самсоны без волос, в оковах Баязеты,
Застигнутые волей Неба и судьбы,
В ленивом море подыхаем без борьбы.

Топор Фортуны занесён над всеми.
Поганый век. Потерянное время.
Последний трус или отчаянный храбрец —
Нет разницы. Один тебе конец.

Стремленья и желанья наши жалки,
Главнейшее — скорей достичь лежанки.
Меня же без конца преследует тоска
И хворь морская беспокоит новичка.

Как пчёлы бедные с обкуренного улья,
Готовы жар сменить на пасть акулью.
Кидаемся за борт, в морской поток —
И попадаем в тот же кипяток.

Довольно жалоб! Что меня толкнуло
Забраться в это огнедышащее дуло?
Страсть к новизне? Желанье утонуть?
Или весьма обыкновенный путь —

Охота увеличить ёмкости кармана?
На свой ответ не наведу тумана.
Унылый человек, я измельчал, как все,
Кручусь, подобно белке в колесе.

Задуманный как Божие подобье,
Передвигаюсь как ходячее надгробье —
Ни истинных друзей, ни стоящих врагов —
Застыл, не чуя ветров и веков

В бесплодной человеческой пустыне…
Но что болтаю! Чувствую унынье
В тисках безжалостных погодных лап,
Подвижник огненный и полумёртвый раб.

Итак, кто мы и что такое жизнь?
Смешенье бурь, покоя, правды, лжи…
Увы, приврал и я, прислуживая музе,
Хотя пишу тебе о штиле без иллюзий.

ГИМН БОГУ МОЕМУ, НАПИСАННЫЙ ВО ВРЕМЯ БОЛЕЗНИ

Я слышу ангельского хора голоса
И нахожусь у Твоего порога.
К Тебе отныне пролегла дорога,
Приходит время закрывать глаза.

Меня, больного, изучает лекарь,
Как карту на постели расстелив.
Рассматривает, где у человека
Среди морей земля, а к ней пролив?

Он произносит слово «лихорадка»
И ставит на земной дороге крест.

Маршрут последний обозначен кратко:
Мой парусник нацелен на зюйд-вест.

Разгадана последняя загадка,
О том же раздавался благовест —
Я накануне перемены мест
И плаваний надземного порядка.

Как тесно связан жизненный закат
На западе со звёздами востока.
О Боже, не казни меня жестоко!
Дай обозреть лицо грядущих карт.

Где ожидать конечного причала?
Какой мне порт назначит океан?
Известно, где конец, там и начало —
Израиль, Гибралтар, до них Аньян,

Где некогда столкнулись два Адама.
Один из них сорвал запретный плод,
Другой распят, ясна моя программа —
Передо мной тяжёлый переплёт,

Я сам себя низверг на путь греховный,
Дабы Господь вознёс на крест церковный.

V. ИНДИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ XV ВЕКА ДО Н. Э. — XX ВЕКА Н. Э.

ЭПОС, ЛИРИКА, ФИЛОСОФСКИЕ СТИХИ.

Вьяса. Калидаса. Рабиндранат Тагор. Мухаммед Икбал. Сароджини Найду. Ауробиндо Гхош. Субхаш Мукхопадхай

МОЛИТВА БОГУ АГНИ. ИЗ РИГВЕДЫ*

Семь кобылиц исправно по утрам
Вывозят вверх златую колесницу.
Пламеннокудрый! Высочайший Рам!
Твой полный Лик нам даже и не снится.
Ты в душу проникаешь далеко.
Влагаешь жизнь во всё, что Око видит.
Тебя не в силах тьма возненавидеть,
Хотя ты с ней справляешься легко.
О славный Сурья**, огнеликий бог!
К своим сынам не будь чрезмерно строг.

БХАГАВАДГИТА. ОТРЫВОК (ШЕСТЬ ГЛАВ)

Глава 1

На поле Куру — поле жизни —
Две рати выстроились к бою.
За тем, что есть, и тем, что будет,
Следят внимательные двое.
Один — Арджуна, воин знатный,
Искатель правды легендарный.
Другой — его учитель Кришна,
Господь обличьем лучезарный.

* Один из самых ранних гимнов «Ригведы» (II тысячелетие до н. э.)
** Солнце (санскрит).

Господь сказал:

«Вглядись, мой сын, солдаты луки
На землю ставят, выбрав цели.
Глаза надёжны, крепки руки.
Всё напряглось перед сраженьем:
На солнце блещут колесницы,
Ждут колесничие приказа,
Чтоб с неприятелем сразиться
На поле Куру беспощадном.
Нет и не может быть лукавых,
И цель одна стоит пред каждым:
Добиться смерти или славы.
Чего же, сын мой, ожидаю
От воинов на поле боя?
Такой вопрос задать ты вправе.
Исполню мнение любое».
Господь умолк. И вот внезапно
Весёлый шум весенним утром
Возник под грохот барабанов
В ещё тумане непробудном.
Звучанье раковин* сигнальных
И медных труб напев хрипящий
Раздались, словно поединок
Идёт в долине настоящий.
Настала очередь Арджуны
Ответить на вопросы Бога.
И ученик богоподобный
Спросил почтительно и строго.

Арджуна сказал:

«Я понимаю, музыкантам
Сыграться нужно, руки теша.
Однако в грохоте сумбурном

* В Древней Индии морские раковины выполняли роль рога.

Мой ум дробится, Хришикеша*.
Ты показал мне наше войско
В его военном построенье.
Поверь же, что, врага не видя,
Я не решусь поведать мненье.
Пандавы выглядят отлично.
Но как глядятся кауравы**?
Чтобы на твой вопрос ответить,
Я оценить их должен здраво».
Для Господа не существует
Проблемы выбора позиций:
К врагам мгновенно повернулись
Колёса грозной колесницы.
Глазам внимательным Арджуны
Предстала вражеская сила.
Её увидев, наш философ
Затосковал невыносимо.
Продолжил горестно и страстно:

Арджуна сказал:

«Что вижу во враждебном стане,
Где скоро загремит сраженье
И литься кровь не перестанет?
Среди врагов — мои родные,
Отцы, и сыновья, и деды.
Как с ними стану воевать я?!
Какой в бою дождусь победы?
Сплелись на древе жизни ветки,
Не отделить зерно от смоквы.
Мы все на этом поле Куру —
Зятья, и шурины, и свёкры.
Когда представлю тело брата
И меч в него вонзённый гордо,

* Повелитель чувств.

** *Пандавы и кауравы* — два племени и противоборствующие стороны в эпосе Древней Индии «Махабхарата».

Меня охватывает ужас,
И стынет кровь, и сохнет горло.
Терпеть в бою такие муки
Непредставимо, горько, тошно.
Лук, чую, не удержат руки.
По мне, сраженье — невозможно!»
Затих Арджуна ненадолго,
Прижавшись к жизненному корню.
Но вот продолжил своё слово,
Объятое великой скорбью:
«Когда я вижу эти толпы,
Пришедшие для грозной битвы,
Иные думы посещают —
Слова смиренья и молитвы.
Зачем, Кешава*, осуждаешь
Кощунства, низменные драки,
Зато благословляешь молча
Вооружённых толп атаки?
И почему погибших славят,
Когда легли за дело чести,
Хотя и правых, и неправых
Кладут в сырую землю вместе?
Не ты ли сам людей разводишь
По разным сторонам и ратям?
И насмерть драться разрешаешь
Заклятым недругам и братьям.
Между добром и злом, о Кришна,
Темна межа, граница зыбка.
Скажи, Господь, что означает
Твоя неясная улыбка?
Ты управляешь Мирозданьем,
Ты ценишь вещи по-иному.

* То есть «кудрявый» — одно из имён Кришны. Одновременно этот эпитет означает «солнечный», «солнцеволосый» и повторяется в других главах Гиты. Таким образом, кудри Кришны сравниваются с лучами солнца, что обоснованно связывает культ Кришны в Древней Индии с культом Ра в Ариаварте.

Ответь, какой влечёт нас берег,
В какую жизнь, к какому дому?
Не вижу доброго исхода,
Коль совершу убийство чьё-то.
И за судьбу не опасаюсь,
Не жду военного почёта.
Но откровенно повторяю,
Что мои руки лук уронят,
Меня совсем не смерть пугает,
Она ведь всё равно догонит:
В бою, в болезни ли случится,
Иль возраст человеку рану
Пошлёт последнюю. Но сам я
В сраженьях убивать не стану.
Печально зреть, о Многорукий,
Что люди гибнут из-за денег,
В борьбе за власть или за землю,
В желанье скудных наслаждений.
Зачем терпеть земные муки,
Коль всё равно придётся сгинуть?
К чему довольство и богатство,
Когда рискуешь всё покинуть?!
Положим, жизнь всегда безбрежна,
Закончишь эту, ждёт другая.
Но страшно совершить убийство,
Грех на Природу возлагая.
Вот почему не должно людям,
Грешить, других лишая света.
Нет хуже в мире злодеянья,
Чем непростительное это.
На войнах исчезают роды,
Цветы сгорают, гибнут кони,
И воцаряется разруха,
И процветает беззаконье.
И прекращаются посевы,
И поникают в поле травы,

Детишек не рождают жёны,
Приходят в развращенье нравы.
У варн* стираются границы,
Смешенье их грозит нам адом,
При нарушении законов
Встаёт хаос с порядком рядом.
Над заповедями смеются,
Никто их выполнять не хочет.
Приходят времена такие,
Где светлый день темнее ночи.
Чем провинились перед небом
Твои сегодняшние дети,
Что посылаешь в пекло смерти
Бесчисленные толпы эти?!
Я лучше упаду на землю,
Сражённый Времени косою,
Смешаюсь с утренним туманом,
Под солнцем высохну росою.
Пускай сражаются, кто жаждет
Добычи, славы, превосходства.
Не привлекает поле Куру,
Я не хочу на нём бороться».
Закончил речь свою Арджуна,
Упал на спинку колесницы,
Отбросив лук, колчан и стрелы,
Сомкнув решительно ресницы,
Предчувствуя, что кровь прольётся
И скоро в поле грянут грозы:
Он не хотел, чтоб Кришна видел
Его страдальческие слёзы.

Глава 2

И, наблюдая за Арджуной,
До глубины души смятённым,

* *Варны* (санскр.) — сословия.

Своему преданному бхакту*
Заметил Кришна ровным тоном.

Господь сказал:

«Я преисполнен состраданья
К твоим сомнениям глубоким,
Но нелегко к ним подобраться
Каким-то подходящим боком.
Что за несвойственная слабость
Тебя тревожит, славный воин?!
Мне до сих пор всегда казалось,
Что ты иных страстей достоин.
Подобная влечёт к бесчестью,
Вот почему, мой кшатрий** лучший,
Перед решительным сраженьем
Себя раздумьями не мучай.
Темна в военных схватках жалость,
Она в сомненьях утопает,
Тогда как моему любимцу
Бой проиграть не подобает».

Арджуна сказал:

На смерть таящем поле Куру
Среди врагов я старцев вижу.
Как их, любимых и почтенных,
Своей враждебностью обижу?
Да лучше стану попрошайкой,
Голодным псом в степи завою,
Чем, потеряв в бою рассудок,
Подобных поражу стрелою!
Они ли здесь лишат нас жизни,
Иль мы их в небеса отправим,

* *Бхакт* — любимый, преданный ученик.
** *Кшатрий* — воин, вторая по значимости каста (варна) в Индии, из кшатриев обычно избирали царей.

Не ведаю, кому придётся
Встречаться с адом или раем.
Глубины неба неизвестны,
Судьба нам здесь все вяжет нити.
Признаюсь, Кришна, откровенно:
Не вижу смысл в кровопролитье.
Наиважнейшего на свете,
Убив других, себя лишаем.
Мы рвём насильно чьи-то судьбы
И самой жизни угрожаем.
Покуда не найду ответа,
От боли никуда не деться.
Прошу тебя, откликнись, мудрый,
Верни покой уму и сердцу.
Я не стремлюсь назваться «свами»*
Или с тобой равняться, Кришна,
Тем более над божествами
Возвыситься. Тебе лишь верю:
Ты не смутишь меня ошибкой».
И отвечал Господь Арджуне,
Блеснув загадочной улыбкой:

Господь сказал:

«Ты ставишь трудные вопросы.
Но мысль о жалости напрасна.
Ни павших в битвах, ни живущих
Не свете нет. Всё это ясно.
Сам говоришь: лишишься тела —
Вручат иное — тело света.
Так полагали наши предки,
И подтверждает Шрути** это.
Но нарушающий порядок,
Или кто ложь повсюду ищет,

* *Свами* — почётный титул в индуизме. В применении к обладателю значит «укротивший чувства».
** Святое Писание. В отличие от «смрити» — предания.

Тот неизменно получает
В аду законное жилище.
Прошу тебя, мой сын Арджуна,
Отныне и навек запомнить:
Не на погибель посылаю,
А лишь обязанность исполнить.
Сам говоришь: износим тело,
Как тут же обретаем снова.
Во всех мирах такой порядок,
И жизнь не ведает иного.
За всеми этими телами
Стоит таинственный Единый,
Мечам и стрелам недоступный,
В сражениях непобедимый.
Его огонь не пожирает,
Не трогает вода и плесень.
И ад к Нему не прикоснётся,
И рай такому тоже тесен.
Его вне образов мы чуем.
Но коли пасть придётся в слякоть,
Ни сокрушаться, ни стыдиться
Не станем, а тем паче плакать.
Умрёт когда-либо рождённый,
Погибший всё равно родится.
Так что солдату в час сраженья
Рыдать и охать не годится.
Не знаем тварного начала,
И окончанье неизвестно.
Выходит, назначать паденье
До срока людям неуместно.
Ты должен понимать, Арджуна,
Свой долг прямой, задачи армий,
Как ученик и мой дружинник,
Как закалённый славной дхармой*.

* Путь, закон, порядок, основа.

Позволь тебе напомнить, Партха*:
Законы долга выполняя,
Мы не на адскую дорогу —
Ступаем на дорогу рая.
Но если ты изменишь долгу,
Покинешь путь войны и славы,
То знай: тебя осудят крепко
Не только мы — и кауравы.
Грехом тяжёлым осквернишься,
Не выполнив задачи варны.
Подумай хорошо, Арджуна!
Ты выбираешь путь коварный.
Будь и в раздумьях, и в поступках
На поле Куру осторожен.
Конечно, за тобой решенье,
Бог навязать задач не может.
Но если биться не захочешь,
Свои решат, что — с перепугу.
Враги вздохнут и посмеются,
Окажешь им свою услугу.
Погибнешь — раем насладишься,
А победишь — земною жатвой.
Совет такой пошлю в итоге:
Решайся, многодумный кшатрий!
Сомнения многоветвисты,
Различны тропы и дороги.
Всё то, о чём наговорил Я,
Попробуй сделать силой йоги.
Она понять поможет Веды,
Убрать непониманье дхармы.
И даже, думаю, развяжет
Узлы тобой свершённой кармы.
Ведут по жизни нас три свойства:

* Одно из имён Арджуны, что означает «белый». Каурав — «черный».

Стремленье к счастью, страсти, тамас*.
У каждого своё понятье
Об этих трёх и также самость.
Кто свойствам без раздумий служит,
В плену бывает у привычек.
Отсюда жизнь нам вместо счастья
Сплошные беды в карму кличет.
Где выход из цепи рождений,
Из цепких лап слепой сансары**?
Не домогаться наслаждений
И не бояться Божьей кары.
Нас губит двойственность, Арджуна,
Мы служим прихотям и Богу.
Блуждающий на перекрёстках
Не сможет отыскать дорогу.
Не должен правоверный йогин
Давать свободу низким чувствам.
Кто ищет истинное счастье,
В своих страстях всегда обуздан.
Им, неустойчивым и жадным,
Пощады жалкой не давай ты.
Хочу в тебе, мой воин, видеть
Решимость, полную Адвайты***.
Взращённая в бою отвага
И Мне, и всем богам дороже
Любых неискренних обрядов
И всех молитв пристрастных — тоже.
Лети стрелой на поле боя —

---

* *Тамас* — невежество. Согласно индуизму, в каждом из нас природой заложены три гуны, три качества: саттва — уравновешенность, гармоничность; раджас — желание чем-то владеть; тамас — невежество. При этом каждая гуна имеет как положительное, так и негативное значение. Раджас может проявляться, как стремление к мудрости, так и в виде стремления и к богатству. Две стороны даже у тамаса — иллюзорное (относительное) знание и тупое невежество. Философия Гиты, считает, что в неравновесии гун или в преобладании одной из них коренятся причины всех человеческих и природных несчастий.

** *Сансара* — течение жизни, обнимающее всё Мироздание. Данное понятие, родившееся в индуизме, затем перекочевало в буддизм.

*** *Адвайта* — недвойственность.

Упрямой, точной и горячей,
Но не ищи плодов и выгод,
Себе, любимому, тем паче.
Мы шли по жизни долго вместе,
Друг друга проверяли оба.
Вот почему о «пользе» выгод
С тобой поговорим особо.
На бесконечном поле Куру
Земной не поддавайся моде:
Пока в тебе плодов занозы,
Ты забываешь о свободе.
Будь лишь на действие заточен,
На сердца пламенные зовы.
Но если оным ищешь выгод,
Ты на него надел оковы.
Бездействие опасно тоже,
Там тупость цепи надевает,
И постепенно цепкий тамас
Трудящимся овладевает.
Будь стоек, деятелен, ровен,
В удаче тих, в несчастье весел.
Срединный путь зовётся йогой.
На нём найдёшь ты равновесье.
Обуздывая сердцем чувства,
Расти величину поступка,
Несовершенство побеждая,
Как воду впитывает губка.
Не потакай своим желаньям,
Плоды в ряду последнем числи.
Поставь перед собой задачу
Освоить сердцем йогу мысли.
Таится в ней заряд громадный:

Она введёт в Брахманирвану.
Ты удостоишься самадхи»*.

Глава 3

Арджуна сказал:

«Но если чувства и раздумья
Превыше дел, зачем, Кешава,
Меня к убийству принуждаешь?
Свершившего найдёт ли слава?
Зовёшь военный долг исполнить,
А значит, поклониться ранам…
Мне кажется твой образ мыслей
Неубедительным и странным»**.

Господь сказал:

«На поле Куру есть познанье
И в поле ратная работа.
Здесь вовсе нет противоречья,
Повсюду труд и капли пота.
Отвергнуть дел никто не может
И мысли нет без их влиянья.
Без действий никакая йога
Не достигает недеянья.
Одна бесплодна отрешённость,
Бездельник не найдёт блаженства.
Врученные природой гуны
Наш долг поднять до совершенства.
Обуздывая чувства сердцем,
Мы начинаем карма-йогу,
Делами жизни продолжая

* Высшие состояния, доступные человеку. Входят одновременно в глоссарий индуизма и буддизма. Нирвана — естественное состояние богов, тогда как человек достигает её, входя в так называемое самадхи или йогический экстаз.

** Эта традиция — восприятия Бога как старшего Друга, с которым можно не соглашаться и даже спорить, в дальнейшем была продолжена поэтами-суфиями, а также Шекспиром.

Безличное служенье Богу,
Но только по закону жертвы,
Иначе, мой философ-воин,
Нирваны столь благословенной
Не будешь в жизни удостоен.
Когда-то Брахман, наш Владыка,
Создав людей, промолвил Слово:
“Вас на пути поддержит жертва,
Она есть пища и основа”.
Весь мир растёт, питаясь чем-то,
В основе пищи жертва чья-то.
Трава питается землёю,
Траву едят в степи телята.
Нам молоко дают коровы,
Дожди же — дело рук Владыки.
У жертвы множество названий,
Явленья жертвы многолики.
Мне важно, чтоб жила отвага
И бескорыстное даренье,
Ведь Брахман завещал продолжить
Свои заветы и Творенье.
Он колесо сансары вертит,
Непогрешим и не запятнан,
Присутствует и в человеке,
Как высшее начало — Атман.
Бог посылает в сердце вести,
Приводит в равновесье гуны,
Как голос совести беззвучный,
Как твой Господь, Отец Арджуны.
Нет у Него ни предпочтений,
Ни гневных чувств, ни явной цели.
Даёт совет, едва касаясь,
Который слышен еле-еле.
Ему, Арджуна, повинуйся,
Лишь в сердце пребывает Разум.
Свободу обретает путник,

Когда желаньями не связан.
Освободись от искушений,
Не поддавайся ложной страсти,
Она — убийца нашей саттвы,
Причина всяческих несчастий.
Будь только к Атману привязан.
Яви к земным привычкам скупость,
Тем явишь истинное Буддхи*
И Мирозданья целокупность.
Щедрее стань в благоотдаче,
В приобретенье блага — строже.
Примером сделайся, Арджуна,
И люди станут делать то же.
Нет ничего в трёхмерном мире,
Чем неспособен обладать Я.
Но действия не прекращаю,
Как меньшие друзья и братья.
А стоит Мне остановиться,
Хоть на единое мгновенье,
Замрут со Мною все три мира
Или погибнут в столкновенье.
Пусть йогин, в действиях искусный,
Людей к поступкам понуждает.
И мысль, и жажду пониманья
В сердцах их также пробуждает.
Пусть точно так же, как заблудших
В лесу, дорога действий мучит,
Тебя, возлюбленный мой Партха,
Мысль от сомнения отучит.
Душою слеп, чья самость видит
В самом себе источник действий.
Такой на деле пребывает
У Пракрити** в глубоком детстве.
Она нас к жизни закаляет,

* *Буддхи* — мудрость. Вторая ипостась Высшей триады в человеке: Атман, Буддхи, Манас.
** *Пракрити* — первичная материя, в данном случае материальная практика.

Она воспитывает юных,
Ловушки всюду расставляет,
В своих прокручивая гунах.
Неопытны бывают духи,
Слабы на поле Куру души.
Познай же Пракрити отличье
От бескорыстного Пуруши*.
Она — благая Матерь мира,
Душа вещей и всякой плоти.
Он — дух бесплотный. Оба вместе
Всегда в борьбе, всегда в работе.
Задача гун — вращаться в гунах.
Их охраняет мира Матерь.
Пуруша к Атману стремится,
Соединившись с Ним в усильях.
Такой фундамент Мирозданья
Со всеми нашими грехами
Оставил нам великий Брахман,
Чтоб Дом достраивали сами.
Чтоб страсти нас не ослепляли
И гуны нами не владели,
Чтоб верность Атману и Богу
Могли бы доказать на деле.
Должны мы совершать деянья,
Лишь выполняя Божью волю.
Вот почему тебя, Арджуна,
Я вывел к воинскому полю.
Всех, кто хулит Моё ученье,
Законы жизни не приемлет,
Таких Я тоже отвергаю
И возвращаю снова в землю.
Сам никогда их не ругаю,
Хотя подобным не угоден.
Всех прочих бессловесных тварей

* *Пуруша* — дух. Оба начала, Пуруша и Пракрити, согласно метафизике индуизма, присутствуют и в мужчине, и в женщине.

Предоставляю их природе.
И ты не осуждай другого,
Каким бы ни был он злодеем.
Опасно собственное сердце
Зловредным отдавать идеям.
Благими мыслями питаясь,
Не лезь в дела враждебных армий.
Решай свои, как можно, лучше,
Чужой не предавайся дхарме»*.

Арджуна сказал:

«Но что людей к грехам склоняет?
Кто разрушает в нас единство,
Творит извечную адвайту,
Кто зла родник, отец бесчинства?»

Господь сказал:

«Во всём, что с миром происходит,
Виновен человечий Раджас,
Источник чувств неугомонных,
Естественных и безотрадных.
Он — дым, от нас затмивший пламя,
Родник накрывшее корыто.
В мятущемся подлунном мире
Всё вожделением покрыто.
Неуправляемый и жадный,
Он мудрость подчиняет страсти,
Взгляд безошибочного сердца
Туманом заблуждений застит.
На беспокойном поле Куру
Ты гуны должен так построить,
Чтоб все их привести в порядок:
Не уничтожив, успокоить.
Один не сможешь равновесье

* *Дхарма* — закон, начало, ипостась, путь, весьма многозначное понятие, используемое в Гите.

Установить на поле ратном.
Тебя поддержит мощный Брахман,
Тебе поможет чистый Атман.
С их помощью очистишь сердце
От зла, невежества и лени,
Зарыв губительную яму
Всех ненасытных вожделений».

Глава 4

Господь сказал:

«Из века в век, из юги в югу*,
Я сообщаю йогу людям.
Когда-то все мы знатоками
Её великих истин будем.
Вначале йоге просто верят.
Но в вере множество загадок.
Их разрешая постепенно,
Приводят люди мир в упадок.
Тогда Я вновь и вновь рождаюсь,
Восстановить порядок чтобы,
Земную жизнь спасти от смуты,
Распада, бешенства и злобы.
Ты знаешь жизнь как безусловность,
А Я — как временную Майю**,
Которую своею силой
Периодически рождаю.
Я много раз являлся миру,
И ты рождался не однажды.
Я знаю все свои явленья,
Ты полон их познанья жаждой.
Как нерождённый, сущий, вечный,
Я пребываю в каждой твари.

* *Юга* — цикл времени, исчисляющийся миллионами лет.
** *Майя* — иллюзия.

Ты погружён во мрак сомнений,
Я проясняю их, как Хари*.
Немало Мною просветлённых,
Лишённых страсти, страха, гнева,
Очистились лучами солнца,
Украсили земное древо.
Они идут путями жертвы —
Моей излюбленной дорогой,
Которую я называю
Из всех возможных лучшей йогой.
Я жертвой укрощаю гуны,
Оковы Раджаса ломаю.
Мне подражая в жизни, йогин
Смиряет собственную Майю.
Приносят Богу люди жертвы,
Когда им что-то в жизни надо.
Меня желанья не стесняют,
И потому не жду награды.
Что на земле имеет душу
И существует под луною,
Живое или неживое,
Сотворено когда-то Мною.
Я сотворил четыре варны
Согласно действиям и гунам.
Однако им не поклоняюсь,
И не подвержен фазам лунным.
Бери с Меня пример, Арджуна,
Твори дела во имя истин.
Я действую не ради выгод,
И ты будь тоже бескорыстен.
Того считаю в жизни мудрым,
Кто действует без личной страсти,
Кому одно известно бремя —
Святое бремя Божьей власти.

* *Хари* — одно из многих имён Кришны. Само слово означает «жёлтый», тождественный цвету солнца.

Покуда обуян сомненьем,
Пока желанья верховодят,
Ты, мой возлюбленный Арджуна,
Не можешь сердцем быть свободен.
В свой разум, помещённый в сердце,
Стремись внимательно вглядеться.
Там отзвук со-вести услышишь,
Уловишь смысл свершённых действий.
И там Меня увидишь, Партха,
Мои исполнишь предписанья
О долге, действиях, сомненьях,
О всепобедной силе знанья.
Когда ты в жизни всем доволен,
Вне двойственности, независлив,
Ни к низким чувствам не привязан,
Ни даже к самой малой мысли,
Тогда сведёшь расчёты с кармой,
И наконец, свободным станешь,
И счастье завоюешь снова,
И снова к Брахману воспрянешь.
Задача йогина — проникнуть
В секреты жертвоприношений.
Одни хотят такое сделать
Путём молитвенных прошений.
Другие все пять чувств природных
На пламень жертвенный бросают.
Впадают третьи в созерцанье.
И только так себя спасают.
Порой ко Мне приносят люди
Предметы — рук своих творенья,
А иногда одни лишь думы
И слов высоких повторенье.
Кто пишет, посылая знанье,
Кто молча поднимает прану*
Ко Мне в недвижной позе «лотос»,

* *Прана* — жизненная энергия.

Творя саману и апану*.
Все жертвы в их многообразье
Я принимаю и вкушаю
И через жертвоприношенье
Поклонников преображаю.
И ты иди за Мной, Арджуна,
Вне времени и расстоянья.
И ты моею силой действуй,
Безгрешной силой недеянья.
Почаще задавай вопросы,
Служи исправно и покорно.
И доберёшься до всезнанья,
И докопаешься до корня.
Не ведающий йоги тёмен,
Меня постигший — прям и светел.
Вдыхай же радостным дыханьем
Познания блаженный ветер.
И даже если бы ты, Партха,
Из грешников был самым грешным,
Познанье этой дивной йоги
Страдальца сделает успешным.
Добившийся успеха йогин,
Как птица, над грехом летает
И в этом мире, и в загробном
Покой и счастье обретает.
Но пребывающий в сомненьях,
Лишённый знания и веры,
Такой на том и этом свете
Хлебнёт страдания без меры.
Восстань в глазах Моих, Арджуна,
Испепели свои сомненья,
Мечом познания авидью**
Всегда рази без сожаленья!»

* *Самана*, *апана* — виды дыхательных практик в индуизме, с помощью которых «низшие» энергии трансформируются и поднимаются «вверх».

** *Авидья* — незнание.

Глава 5

Арджуна сказал:

«Ты, восхваляя карма-йогу,
Внушаешь прекращенье действий.
Так что же лучше — недеянье
Или свершенье дел? Ответствуй».

Господь сказал:

«И дел свершение, и йога
Приводят человека к благу.
Но всё же карма-йога лучше:
Рождает в воине отвагу.
Я называю отрешённым,
Того, кто овладел искусством,
Не уступил ни пяди в сердце
Дурным сомнениям и чувствам.
Небезопасен путь познанья,
Трудны военные дороги.
Себя, Арджуна, совершенствуй,
Как мощный лев и тонкий йогин.
Будь крепок телом, безрассуден,
В делах и мыслях безупречен.
И обретёшь Мою поддержку,
И будешь Брахманом отмечен.
Моим огнём очисти сердце,
Введи в него полнее разум.
Почувствуй душу всякой твари —
И станешь, действуя, не связан.
Подумай: “Он всех дел вершитель,
Я лишь свидетель Его воли.
Дыша, ходя, рождая мысли,
Меч обнажая в этом поле,
Или моргая, или слыша,
То Он — во мне, я — только пленник,

Присутствующий поневоле
Во всех предметах и явленьях.
Сам по себе в подлунном мире
Гроша последнего не стою.
Но с Ним цвету, как чудный лотос,
Не смоченный греха водою".
Меня в делах и чувствах помни,
Ко Мне направь святое рвенье.
Отвергнувший узду желаний,
Получишь умиротворенье.
А коль останешься вне йоги,
Тебя отправит раджас к смутам.
И в этом, и в грядущем мире
Грехом окажешься опутан.
Не обвиняй Природу в бедах:
Её удел нам неподсуден.
Всё непотребное на свете
Творят во зле слепые люди.
Восстань из слепоты, Арджуна,
Позволь быть гунам в их вращенье,
Сам становись на путь познанья,
Иди тропой невозвращенья.
Идущему путём познанья
И ночью блещут светозары,
Такой успешно разрывает
Оковы гибельной сансары.
Он удовольствия не ищет,
Беда приходит — не горюет,
Брахмана чаще вспоминает.
С собой, невеждою, воюет,
Себя не связывает с миром,
Предметную не ждёт награду:
Кармический платёж исполнив,
Находит в атмане отраду.
Поскольку за любой усладой
Приходят беды и страданья,

Мой сын и настоящий йогин
Ни в чём не ищет обладанья.
Он терпит в этом смертном теле
Дары и боль невозмутимо,
Не раз пятёркой чувств почуяв,
Что всё течёт куда-то мимо.
Ему знакома также радость,
Хранящаяся неизменно
В глубинах сердца. Это чувство
Не знает ни беды, ни тлена.
Стремись, мятущийся Арджуна,
Найти своё успокоенье,
Твоя единственная радость —
Святого долга исполненье.
Кто внешнюю постиг адвайту,
Тот лечит внутренние раны.
А главное: тот достигает
Здесь, на земле, Брахманирваны.
Путь до неё не так уж долог,
Тому, кто победил желанья,
Кто атмана к себе приблизил
Непобедимой силой знанья,
Кто отвратился от предметов,
Ушёл в себя, затих устами,
Апаной* вверх направил прану,
Между бровями взор уставив,
Кто сердцем усмирил все страсти,
Душой — явления природы.
Таким тебя, Арджуна, вижу,
Такой достоин ты свободы.
И ты, во всём Меня лишь видя,
Иди упрямо, без оглядки,
И обретёшь свою победу,
И удостоишься самадхи.

* Здесь задержка дыхания, с помощью которой йогин добивается наилучших энергетических результатов.

Глава 6

Господь сказал:

«Не нужен никому на свете,
Кто жертву Агни* не приносит,
Такой в раздумьях и поступках
Меня лишь о поддержке просит.
То, что зовётся «отрешённость»,
Есть, Мой Арджуна, та же йога —
У действия и размышленья
Должна быть общая дорога.
Стремясь достичь вершины йоги,
Мудрец в деянье видит средство,
Достигнув цели, недеянью
Безмолвно уступает место.
Он о плодах уже не мыслит,
К успехам прошлым равнодушен;
Привязан к новым горизонтам
И зовам будущим послушен.
Высоких струн в душе коснёшься
Иль низкие в себе затронешь…
(Речь о тебе веду я, Партха) —
Возвысишь долг или уронишь?!
Кто победил себя собою,
Себе же делается другом,
Но если над собой не властен —
Всем человечеством поруган.
Высокий Атман** там проявлен,
В ком уничтожена авидья
С адвайтой вместе, кто без страха
Живёт, ничто не ненавидя.
Кому-то поле Куру — битва,
Кому-то — злачная долина.
А нам, всему познавшим цену,

* *Агни* (санскр.) — огонь, энергия.
** *Атман* (санскр.) — наивысшее начало в человеке.

Равны и золото, и глина.
Тебе уединенье любо
На коврике из куши* тканной.
Ты в медитациях искусен,
И значит — под Моей охраной.
На Мне сосредоточь все мысли,
Душой тверди Моё лишь имя —
И станут сиддхи** славных предков
Твоими кровными родными.
Будь верен до конца обетам,
Которые давал в начале,
Особенно когда поклялся
Не измениться в брахмачарии***.
Мой йогин не переедаёт
И не лишает тело пищи,
Спит столько, сколько ему нужно,
Короче, в жизни меру ищет.
Но устоит и в искушенье,
И в зное, и под буйным ветром.
Он маленькой свече подобен
В её сопротивленье светлом.
Находит наслажденье в йоге,
Когда уходит тьма из сердца.
Упрямо будит спящий атман,
В нём находя единоверца.
Ключом любви открывший атман
И в созерцанье, и на деле
Нашедший наконец-то счастье,
Добившийся желанной цели,
Он никогда не возгордится
И не предастся тяжкой скорби —
Продолжит путь бесстрастной йоги,
Блаженные отыщет корни.

---

* Сорт травы, из которой плетут коврики.
** Духовные достижения.
*** Буквально — духовное ученичество, Здесь — половое воздержание.

Усилие доступно сердцу:
Избавь себя от лжи и скверны,
Дай истине проникнуть в душу,
А уж потом учи неверных*.
Все, сказанное Мною выше,
Есть правда жизни, йоги тоже.
Держись за правду, и сегодня
Она одна тебе поможет.
Туману сам не поддавайся
И не води другого за нос.
Для этого рукою твёрдой
Попридержи текучий манас**:
Бывает чересчур подвижен,
Ввергает сонный атман в беды.
И в этом тоже искус йоги
И основание победы».

Арджуна сказал:

«Ты проповедуешь ученье,
Где основанье сердца ровность.
Я в этой разглядел опоре
Непостоянство и греховность».

Господь сказал:

«Но это так и есть, Арджуна:
Изменчив манас, беспокоен.
Но только усмиряя сердце,
Ты своего добьёшься, воин.
Любовь без дела, в созерцанье —
Удел болеющих и сирых.
Достигнуть истины не может,
Кто обуздать себя не в силах».

* Почти дословная перекличка с Кораном: главный джихад (усилие) — убить неверие сперва в себе, а уж потом неверного.

** Здесь *манас* — «низшее» сердце, склонное к двойственности.

Арджуна сказал:

«Допустим, небольшой подвижник
Не обладает сильной верой,
Не совершает славных действий,
Какой его оценишь мерой?
Падёт ли лепестком на землю,
Как расцветающая вишня,
Или, Брахмана не достигший,
Навеки сгинет? Молви, Кришна.
Меня терзают днём и ночью
Неразъяснённые вопросы.
Прошу, ответь, о Многорукий,
Молю тебя, Солнцеволосый!»

Господь сказал:

«Тебе, мой сын, скажу и людям,
Вы только этому поверьте,
Ни на земле, ни в иномире
Не существует вовсе смерти.
Хотя и коротко бывает
Существование земное,
Дурной конец не предусмотрен
Ни Брахманом благим, ни Мною.
Пройдя несчётные рожденья
И бесконечные дороги,
Родится снова в лучшем Доме
Заблудший в этой трудной йоге.
Так вспыхивает свет сваямбху*
Из жизни в жизнь, из тела в тело.
Жизнь не имеет окончанья,
Как Мироздание — предела.
Как все нелёгкие заслуги
Из предыдущего рожденья,

* Самозарождённый огонь, энергия. Наглядный пример — пламя, вспыхивающее внезапно в пасхальную ночь в Иерусалимском храме.

Как постепенно исчезают
Кармические заблужденья.
Наполнись радостью, Арджуна, —
Твои грехи граничат с болью.
Их растворю на поле Куру,
Моею силой и любовью.

КАЛИДАСА (ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО VIII В. ДО Н. Э.)

ОТРЫВКИ ИЗ ПОЭМЫ «ВРЕМЕНА ГОДА»*

(СВОБОДНОЕ ПЕРЕЛОЖЕНИЕ)

1. Лето

Проснулись птицы певчие
Под гаснущими звёздами,
Запели песни брачные
Над землями, над гнёздами.
Днём звонкими браслетами
Заманивают женщины,
Шлют тем, кто им понравился,
Полночный рай обещанный.
Напевы соловьиные
По вечерам рождаются.
Внимая им, влюблённые
Друг другом наслаждаются.
Жена одежду лишнюю
Сняла — не создавала бы
Помехи мужу. Капнула
На грудь бальзам сандаловый.
И всё великолепие
Природное, погодное
Творец создал для радости,
Любви и нам угодное.

* В Индии, в отличие от России и Запада, вместо привычных четырёх сезонов года насчитывают шесть. Добавлены сезоны дождей и холодов.

2. Сезон дождей

Дожди за летом следуют
С раскатами громовыми,
С потоками шумящими,
С травы коврами новыми.
И реки наливаются
Пролитой с неба влагою,
В утробы океанские
Несут себя с отвагою.
Мы тоже в тень не прячемся
От гроз и блеска молнии,
Желаньями томимые,
В юнцах неугомонные.
Рисует сцены дивные
Душе воображение.
Становится ускоренным
К свиданиям движение.

3. Осень

Пора настала осени,
Созревшая и ясная,
Нисколько не холодная,
Весёлая, прекрасная.
Она ласкает трепетно,
Забыв про пору юную,
Подросшую со временем
В воде дорожку лунную.
Плывут рекой два лебедя
Так, словно дева с юношей.
Рябь поднимает светлую
Прохладный ветер дунувший.
Нас радуют картинками
Благословенной осени
Поля, где рис качается
Тяжёлыми колосьями.

4. Сезон холодов

Зерно в амбары убрано,
Снопы в полях уложены,
Тропинки же любовные
Ненастьем загорожены.
В дни холодов влюблённые
Мгновеньями заветными
В местах укромных прячутся
Остуженные ветрами.
Бездумные целуются,
Желаньями томимые…
Границы раздвигаются
Законом допустимые.

5. Зима

Зимою вянут лотосы
И холода врываются.
От их укусов женщины
В мужских руках скрываются.
С кровати поднимается
Супруга, страстью сытая,
И прячет под белилами
Следы любви не смытые.
Глядится молча в зеркало,
Чему-то улыбается.
Супруг в постели скомканной
Нескоро просыпается.

6. Весна

Весна вернулась царствовать
Над снами и надеждами.
Все женщины украсились
Весенними одеждами.
Шелка надели тонкие,
Вплели цветочки в локоны

И зазвенели новыми
Браслетами-брелоками.
Нам шлют напевы нежные,
Весне — улыбки бодрые.
Походка изменилась их —
Покачивают бёдрами.
Утрами поднимается
Светило златотканое
На колеснице солнечной
В обнимку с богом Камою.

РАБИНДРАНАТ ТАГОР (1861–1941)

ГИТАНДЖАЛИ — ЖЕРТВЕННЫЕ ПЕСНИ

Фрагменты (свободное переложение)

* * *

— Поведай, узник, кто поверг тебя
В мучительно-блаженные оковы?
— Свободу бесконечную любя,
Поддался сам на каторжные зовы.

Во всём Тебе хотелось равным стать.
Заснул надолго, пробудившись, понял —
Не по плечу такая благодать,
Слабы усилий оказались кони.

Мечтал корону царскую надеть,
Земное зло поставить на колени,
Но не сумел собою овладеть,
У самости оказываюсь пленник.

Молитвы постоянные твержу,
Вокруг Тебя незримого брожу.

* * *

Ты бесконечным сотворил меня,
Так жребий мой определило Слово.
Освобождаюсь, песнями звеня,
Сосуд свой бренный наполняю снова.

Я лишь частица Флейты золотой,
Несущей в жизнь серебряные звуки.
Из жизни в жизнь последователь Твой,
Так и не вникший в существо Науки.

Трепещет сердце от касаний Рук.
Смешной земная кажется учёность,
Во мне царит Твоя неизречённость,
Но видишься порой как лучший друг.

Являешься откуда — неизвестно,
В душе находишь неизменно место.

МУХАММЕД ИКБАЛ (1873–1938)

КРИК БОЛИ

Я болею, и кровью душа истекает —
В наше сердце вселилась святая беда.
Поглоти меня лучше пучина морская,
Чем единство двух вер поколеблет вражда!

Рознь на землю пришла (не придумаешь хуже) —
Порвалась вековечная общая нить.
Схватку в Индии нашей затеяли души,
Потому что не силах богов поделить.

Запустело гумно, семена разлетелись позорно.
Я—поэт, я обязан сближать племена.
В борозду опускать только добрые зёрна.
И на мне получается тоже вина.

Не могу уподобиться хищному волку —
Истреблять представителей культов иных.
Как певец перестану звенеть и умолкну.
Пусть исчезнет людей будоражащий стих!

СУЩНОСТЬ КРАСОТЫ

Творцу Вселенной был вопрос от Красоты:
«Зачем меня столь хрупкой сделал Ты?»
Ответил: «Мир подобен странной галерее,
Картины в ней мелькают всё быстрее.
А всё недвижное, что быстро не растает,
Ценителям картин легко надоедает.
Уж так себя поставил человек-знаток.
Его вниманьем не владеет даже Бог.
И даже если сотворю нетленным тело,
Раздастся хор: “Нам это надоело!”».
Луна, услышав разговор, смутилась,
Куда-то в облака запропастилась.
Вечерние и утренние зори заскучали,
Цветы от рос набрались слёз печали,
Покинула весна цветущие луга,
И юность в старости увидела врага.

САРОДЖИНИ НАЙДУ (1879–1949)

СУМЕРКИ В ХАЙДАРАБАДЕ

Струящийся закат издалека
Льёт на прохожих многоцветный ливень.
Бегущая от городских ворот река
Блестит на солнце как слоновий бивень.

Взывает с минарета муэдзин,
Кокетливо с балконов дамы щурятся,
Выглядывают змеи из корзин,
Слоны неспешно шествуют по улице.

Толпу сопровождает барабан,
Гремят его могучие удары.
Курений поднимается туман,
В нём плещутся свирели и ситары.

Процессия упёрлась в Чар-Минар*,
Беспомощно лучи по стенам тычутся.
Здесь ночь определила терминал,
Все краски растворила, как владычица.

КОЛЬ ПОЗОВЁШЬ

Коль позовёшь — мгновенно появлюсь,
Скорее ветра, молнии небесной.
Решением своим не похвалюсь —
Любви в словах невыносимо тесно.

Коль позовёшь — немедленно приду,
Покорнее пребуду нежной лани,
Добавлю счастья, уведу беду,
Утишу необузданность желаний.

Коль позовёшь — возникну как змея
При звуках флейты своего факира.
Твоя любовь и красота моя
Хранят живое будущее мира.

ДЕЛИ ВЕЧЕРОМ

«Аллах Акбар», — с мечети муэдзин
Вечернюю молитву запевает.
Под окнами ислама верный сын
Свой коврик постелить не забывает.

Из-за дубовых храмовых дверей
Доносятся «Ave Maria!» звуки.

То за дверьми приезжий иерей
Преподаёт азы святой науки.

Ахура-Мазда! — слышатся слова
Зороастрийской незнакомой мантры.
Дымятся факелы, кружится голова,
Её уносит воздух ароматный…

И наконец, летит в последний миг
В густую синь вечернего тумана
К далёким звёздам запоздалый крик:
«О Рама-Рама-Рама-Нараяна!»

АУРОБИНДО ГХОШ (1872–1950)

* * *

Мир неделим на жертв и палачей.
Моря воды не утоляют жажды.
Привычен бег рассветов и ночей.
Всё, что случилось, было не однажды.

Когда, слова предсмертные сказав,
На сцене падает герой-любовник,
Его паденье чует только коврик,
Зато со страху обмирает зал.

За занавесом смена декораций.
Кого-то беспокоит — реквизит,
У критика — к чему ещё придраться.
Холодный ветер с улицы сквозит.

Смывает грим с лица актёр бессменный.
Сильны ли, слушает, внизу аплодисменты?

ЕДИНАЯ ЛИЧНОСТЬ

Что миром движет Бог, известно людям
Давно на этом и небесном берегу.
Как и закон, что в общей яме будем,
Которую готовим лютому врагу.

За масками надёжно скрыт Единый;
Вот с флейтой тростниковой пастушок,
Гончар незримый, недовольный глиной,
Бьёт вдребезги чуть высохший горшок…

Поёт в нас Кришна о любви и дружбе,
И Шива молча обнажает меч.
В руках Всевышнего различное оружье,
То нежной, то крутой бывает речь.

В паденье каждого есть и моя утрата,
Был враг, а ныне стал похож на брата.

СУБХАШ МУКХОПАДХАЙ (1919–2003)

СТАЛИНГРАД

(Стихотворение написано в 1943 г.)

Грознее не встречалось Курукшетры* —
Северо-запад запылал в огне.
Пахнули жаром дьявольские ветры,
Их пепел разлетелся по стране.

У стёкол окон опустели рамы,
Где высились дома — теперь стена.
На город опустилась лапа Ямы**,
Сражается с Ним целая страна.

* Букв. «поле Куру». Описанный в «Бхагавадгите» исторический Армагеддон.
** *Яма* — бог смерти

Страшны орудий пламенные жерла,
Угрюмы танков хриплые плевки.
Но самая безжалостная жертва —
Когда в бою встречаются штыки.

Страна стальные обнажает зубы
Навстречу беспощадному врагу.
Не гасит также заводские трубы
На волжском непреклонном берегу.

Работают мальчишки и солдаты,
Сражаясь до конца за каждый дом.
Строения — и те в огне распяты,
Гремит над ними непрестанный гром.

Безусые уходят ввысь и в землю —
Без оговорок, золотая молодёжь.
Зловещего господства не приемлют.
Богатырей подобных где найдёшь!

Не ненависть — любовь такими движет,
Она советскую страну и мир спасёт.
Добра победа с каждым часом ближе.
А зло к конечной гибели ползёт.

Живые, раздвигая трупов горы,
Нащупывают путь в горящей мгле.
Когда и где ещё подобный город
Существовал на выжженной земле?!

Чем души славных воинов согреты,
Воюющих в невиданном бою?
Они хранят не только честь свою —
Достоинство спасают всей планеты?

Отныне чужеземные останки
Святую землю будут удобрять,
Ржаветь в земле заносчивые танки
И вздрагивать любая злая рать.

Всем сердцем уповаем на Россию,
В ней видим исполнение судеб,
Бессмертие Земли, святую силу
И кровью обагрённый вечный хлеб.

Часть шестая

Эссе

ТРИ ЭССЕ

М. В. Ломоносов. Н. А. Гумилёв. М. А. Булгаков

ЛОМОНОСОВ (1711–1765)

ОДИНОЧЕСТВО ГЕНИЯ

240 лет назад 4 апреля 1765 года в пять часов пополудни в возрасте 54 лет пресеклась земная жизнь Михаила Васильевича Ломоносова. Когда известие о смерти дошло до Зимнего дворца, наследник престола, будущий император Павел I, откликнулся на это событие так: «Что о дураке жалеть, казну только разорил и ничего не сделал».

На похоронах «при огромном стечении народа», как писал один из современников, шедший в траурной процессии драматург Сумароков бросил шагавшему рядом с ним академику Штелину, будущему биографу Ломоносова: «Угомонился дурак и не может больше шуметь». На что услышал в ответ: «Не советовал бы я вам сказать ему это при жизни».

Посетивший Ломоносова незадолго до его смерти тот же Яков Штелин услышал:

— Друг, я вижу, что должен умереть и спокойно, и равнодушно смотрю на смерть, жалею только о том, что не смог я совершить всего того, что предпринимал для приращения наук и славы Академии, и теперь, при конце жизни моей, должен видеть, что все мои полезные намерения исчезнут вместе со мною.

28 февраля с трудом передвигавший изъязвленные болезнью ноги статский советник Ломоносов в последний раз посетил Академическую канцелярию ради судьбы «инструментального художества мастера» Филиппа Тирютина и три часа доказывал комиссии несправедливость увольнения высококлассного специалиста. Но сумел добиться для своего подчинённого лишь хорошего аттестационного свидетельства, как уволенного «по сокращению штатов».

В начале марта, чувствуя, что покидают последние силы, Ломоносов задумал ещё одну попытку защитить «сокращаемые штаты» и свои «намерения», он решил добиться аудиенции у Екатерины II и составил план предполагаемого разговора с императрицей. Вот что он писал за месяц до смерти:

«1. Видеть государыню.

2. Показывать свои труды.

3. Может быть, понадоблюсь.

4. Беречь нечего. Всё открыто Шлецеру сумасбродному. В Российской библиотеке есть больше секретов. Вверили такому человеку, у коего нет ни ума, ни совести, рекомендованному от моих злодеев.

5. Приносил его высочеству дедикации (посвящения. — Ю. К.). Да всё! И места нет.

6. Нет нигде места и в чужих краях.

7. Все любят, да шумахерщина.

8. Multa tacui, multa pertuli, multa concessi*.

9. За то терплю, что стараюсь защитить труды Петра Великого, чтобы выучились россияне, чтобы показали своё достоинство proarisetc**.

10. Я не тужу о смерти: пожил, потерпел и знаю, что обо мне дети отечества пожалеют.

11. Ежели не пресечёте, великая буря восстанет».

Комментируя эти наброски несостоявшегося разговора с новой императрицей, современный биограф М. В. Ломоносова Евгений Лебедев пишет: «Уже при беглом взгляде на этот документ видно, что Ломоносов ничего не собирался выпрашивать для себя лично (хотя и идёт разговор о "местах"). Здесь жизнь со смертью борется. Здесь решаются судьбы новой русской культуры. Здесь дело идёт либо о приумножении достоинства, славы, знания великого народа, либо о полной потере всего этого, о культурной деградации и погружении в хаос. Ломоносов хотел прийти к Екатерине, чтобы напомнить, а не славословить императрицу и в гораздо большей степени спросить с неё, чем просить у неё. И предостеречь: "ежели не пресечёте, великая буря восстанет". Так с царями говорят пророки, а не просители и не прожектеры».

Но когда власть слушала пророков?

Предсмертное письмо Ломоносова — итог его долгих раздумий, его потрясающей воображение напряжённой творческой жизни. И борьбы. Борьбы с самим собой, с судьбой, с одиночеством, с властями и с врагами. С друзьями — тоже.

Борьба эта началась с малых лет. В шесть лет выучился читать и писать у священнослужителя. Как сообщает первая биография М. В. Ломоносова, изданная в 1788 г.: «Читал обыкновенно одни только церковные книги. Через два года учинился ко удивлению всех лучшим чтецом в приходской церкви, нередко биван был не от сверстников по летам, но от сверстников по учению за то, что стыдил их превосходством своим перед ними произносить читаемое к месту, расстановочно, внятно, а притом и с одной прият-

* Много принял молча, многое снёс, во многом уступил (лат.)

** За алтари и т. д. (лат.).

ностью и ломкостью в голосе». Насчёт того, что «нередко биван был», это, скорее всего, гипербола — независимый и отважный подросток, с десяти лет ходивший с отцом в море, к четырнадцати годам мерился силой с тридцатилетними поморами и побеждал их в перетягивании каната.

Всю последующую жизнь больше бил сам и побеждал в боях, хотя часто случалось и «бивание». Страстный, горевший неугасимым огнём любви к истине и к России, он был готов сокрушить всех, кто вставал на пути этой его любви. О трудном характере Ломоносова при жизни ходили легенды, «анекдоты», как тогда говорили. Биографию своего великого современника и друга Яков Штелин назвал сборником анекдотов.

Проявивший смолоду неукротимую жажду к наукам, он, согласно «анекдоту» Штелина, «долгое время питал в себе желание убежать (из дому)… Нетерпеливо ждал удобного случая. На семнадцатом году возраста своего оный открылся. Ночью, как все в доме отца его спали, надев две рубашки и нагольный тулуп, погнался за караваном вслед, не позабыв взять с собой любезных своих книг». Эти сведения биографа противоречат другим, более надёжным. Сохранилась запись в холмогорских архивах, что уехал Михайла с согласия отца и получив "пашпорт"».

Легендами окружена также история получения Ломоносовым образования.

В Славяно-греко-латинскую академию он поступил, согласно слухам, назвавшись дворянским сыном. По другим сведениям, за него ходатайствовал Леонтий Магницкий, которого он поразил тем, что знал наизусть его «Арифметику». Сам Михаил Васильевич полагал, что его вело по жизни и всегда выручало Провидение.

За границу он попал по счастливому стечению обстоятельств. Императорская Академия искала за границей специалистов по «рудному делу». Марбургский профессор Вольф, к которому русский посол обратился за помощью, долго разыскивал таковых в Германии и не нашёл, специалисты либо заламывали непомерные контрактные суммы, либо отказывались ехать в Россию из-за «варварства оной». Поэтому Вольф посоветовал русской Академии прислать к нему студентов для обучения. Так Ломоносов оказался в Марбурге, а потом проехал ещё по ряду городов Германии и Голландии.

Отчёты, которое русское посольство направляло в Петербург, свидетельствуют, что студенты, и Ломоносов в их числе, вели за границей бурную жизнь, наделав кучу долгов. Дело понятное, молодое, Ломоносов при всём его прилежании к учению не мог не поддаться общей обстановке, царившей в ту пору в немецких университетах. Вот что писал современник о студенческом празднике в Марбурге: «В зале обедало около пятисот человек; господа студенты веселились вдоволь, но не произошло ни малейшего несчастья, ни даже беспорядка. За исключением того, что все стаканы, бутылки, столы, скамьи и окна были разбиты вдребезги». Оговорка «не произошло ни малейшего несча-

стья» не случайна, потому что в харчевнях Марбурга часто случались пьяные студенческие драки и дуэли.

Не обошли стороной Ломоносова и дела амурные. Двадцатипятилетний здоровяк, писавший о себе: «…обучаясь, имел со всех сторон отвращающие от наук пресильные стремления, которые в тогдашние лета почти непреодолимую силу имели», увлекся дочерью марбургского пивовара Екатериной-Елизаветой Цильх. Струны его «одической» лиры зазвенели так, как не звенели никогда до и после того.

Хвалить хочу Атрид,
Хочу о Кадме петь,
А гуслей тон моих
Звенит одну любовь,
Стянул на новый лад
Недавно струны все,
Запел Алцидов труд,
Но лиры тон моей
Поёт одну любовь.
Прощайте ж нынь, вожди,
Понеже лиры тон
Звенит одну любовь.

Роман закончился венчанием, невеста приняла православие. Основательный, надёжный во всех своих поступках, Ломоносов на время покинул жену, дабы завершить образование в других городах Европы, но, возвратившись в Петербург, вызвал впоследствии супругу в Россию вместе со всем её немецким семейством.

Молодой Ломоносов, как уже говорилось, был слишком ответственным человеком, чтобы уступить соблазнам, «отвращающим от наук», в том числе и делам семейным. Несмотря на бурный образ жизни, он никогда не забывал, зачем поехал за границу, обычные студенческие забавы он усердно совмещал с изучением «рудных дел», физики, химии, европейских языков, в «коих преуспел весьма». Характерны его отношения с ныне забытым, а в ту пору слывшим крупным специалистом горного дела, неким Генкелем. С первых дней пребывания у этого специалиста Ломоносов обнаружил его малую компетентность в горной науке. Пошли конфликты. Несдержанный и прямой россиянин грубил своему наставнику, а тот попытался поставить его на место различными воспитательными мерами и однажды поручил работу по «растирке» сулемы, которую Ломоносов счёл унизительной для себя.

Строптивый ученик обругал учителя и вскоре от него ушёл. А в отчёте в Санкт-Петербург написал: «Сего господина могут почитать идолом только те, которые коротко его не знают. Я же не хотел бы променять на него свои, хотя и малые, но основательные знания и не вижу причины, почему мне его почитать своею путеводною звездой и единственным спасением. Самые обыкновенные процессы, о которых почти во всех химических книжках говорится, он держит в секрете и сообщает неохотно. Естественную историю нельзя выучить в кабинете г. Генкеля, из его шкапов и ящиков, нужно самому в разных рудниках побывать».

Ещё некоторое время колесит Ломоносов по научным учреждениям Германии и Голландии и возвращается в Россию не только «многоучёным мужем», но и «укреплённым» сыном отечества. С ним произошла та же история, что позже случилась с Ф. И. Тютчевым, С. В. Рахманиновым, И. А. Буниным, Н. К. Рерихом, — многолетние скитания по чужбинам лишь укрепили мощные русские корни.

В 1741 г. Михайло Ломоносов появляется в Петербурге, где ему было обещано до отъезда на учёбу: если он и прочие посланные в Германию студенты «в пройденных науках совершенны будут, пробы своего искусства покажут и о том надлежащее свидетельство получат», то будут «в профессоры экстраординарные удостоены». Честь «удостоения» во многом зависела от негласного главы Академии Шумахера. У Шумахера, который не представлял в научном мире никакой значимой величины, были свои виды на Ломоносова.

Зная из заграничных отчётов об успехах молодого учёного, о его буйном нраве, а также имея на него компромат из писем Генкеля, он рассчитывал использовать Михаила Васильевича как таранную силу в борьбе со своими противниками. Однако всё вышло с точностью «до наоборот». Как свидетельствует те же «анекдоты» Штелина, облепивших русскую Академию сторонников Шумахера и его самого Ломоносов называл «сукиными сынами» и «мошенниками». Однажды явился в Академию в подпитии и показал профессору Винсгейму «крайне поносный знак из пальцев и крикнул: «Я календарь сам сочиню не хуже тебя!» А когда оторопевший профессор стал что-то бормотать о жалобе на грубое поведение Ломоносова, предупредил: «Пикнешь, все зубы поправлю». По поводу этого инцидента «учинили» комиссию, на которой Ломоносов опять же сорвался, «кричал неучтиво и смеялся», за что в конце концов угодил под арест.

Анекдот анекдотом, но Ломоносова доводила до бешенства безбрежная «шумахерщина». И в гроб его раньше времени загнала именно она.

О борьбе великого учёного с засильем иностранцев в русской Академии наук сказано немало. В советское время, особенно в ту пору, когда всюду подчёркивались русские приоритеты в научных открытиях, акцент ставился именно на том, что Ломоносов отста-

ивал национальные интересы русской науки. В «демократическую» эпоху о самобытных национальных приоритетах России в ней стало говорить «неприлично».

Кто же такой Иоганн Даниил Шумахер — отец «шумахерщины»?

Он был один из многих приехавших в Россию на «ловлю счастья и чинов», как писал позднее Лермонтов. В петровскую эпоху сподвижниками великого государя были многие замечательные чужестранцы, но вместе с ними в Петербурге осело немало проходимцев.

Шумахер, длительное время состоявший негласным главой русской Академии при её номинальных президентах, был приглашён в Петербург из Страсбурга в 1714 г. как магистр богословия. Он сумел войти в доверие Петру через императорского лейб-медика Арескина и по его протекции сделал быструю карьеру. Свою магистерскую научную деятельность в Академии быстро оставил, сделавшись «мессиром» по части интриг и травли тех, кто мешал его карьерному росту. А с окончанием героической эпохи Петра I чиновный Петербург такие возможности Шумахеру предоставил широко. Он руководил в Академии финансовыми делами и, умело манипулируя немалыми денежными суммами, выделяемыми двором на науку, а также регулируя жалованья профессоров, вёл дело таким образом, чтобы вынудить строптивых учёных подать в отставку, с другой стороны — чтобы обогатиться лично. Также он был великим мастером по стравливанию учёных между собой. При нём ушли из Академии, не выдержав академических склок, Эйлер, Бернулли, Жозеф Делиль, Готлиб Байер и другие европейские светила, приглашённые Петром. И споткнулся на Ломоносове, которого вначале тоже попытался использовать в личных целях.

Позднее горько сожалел: «Я великую ошибку сделал, что допустил Ломоносова в профессоры».

Ломоносов вёл борьбу с этим Яго и Сальери от науки в одном лице на пределе сил. Потому что Шумахер за всю свою околонаучную деятельность не написал не то что книги — строчки. Всю свою энергию он тратил на доносы, интриги, подкопы. Ломоносову же, которому, по словам Пушкина, потомки благодарны за то, что он «создал первый университет, а лучше сказать, был сам первым нашим университетом», приходилось сражаться одновременно на многих фронтах. Он выигрывал и здесь. Он сумел, можно сказать, в одиночку добиться отстранения Шумахера от должности за денежные махинации. Но на смену одному лихоимцу пришёл другой — зять Шумахера Тауберг, и борьба с «шумахерщиной» в Академии возобновилась. Тауберг заявил как-то: «Нам не надобно десяти Ломоносовых, нам и один в тяготу».

Ломоносов умел побеждать не только врагов, но и себя. После той мальчишеской выходки, когда он показал академику Винсгейму крайне «поносный знак» и обещал «зубы поправить», после отсидки под арестом от него потребовали покаяния и извине-

ний. Он это сделал и вёл дальнейшую борьбу более осмотрительно, хорошо понимая, что враги провоцировали его на хулиганство. Отправляясь в дальнейшем на жизненные сражения, никогда не забывал, что «славнейшую победу получает тот, кто себя побеждает».

Может быть, не стоило уделять всему вышеуказанному столько внимания через 240 лет, если бы русская история не имела обыкновение повторяться. Поэтому пример Ломоносова, победно утверждавшего приоритеты русской мысли, воплощавшего их в жизнь и вместе с тем умевшего защитить себя в разного рода административных боях, вдохновляет.

Он воевал не с иноземцами. Он воевал с иноземщиной, с той низостью, которая сопровождала с петровских времён европеизацию России, тем более что среди его европейских коллег были люди, перед которыми он преклонялся. Это уже упомянутый Эйлер, а также Рихман, Вольф. Ломоносов же продолжал славные традиции петровской России, которая прорубила окно в Европу не для того, чтобы дублировать цивилизованную соседку, но чтобы, взяв у Европы всё достойное усвоения, затем, как говорил царь Пётр, повернуться к ней задом. В этом грубом образе проглядывало отнюдь не лицемерие, не тайный макиавеллиевский план. Широко вводя в русскую жизнь европейские нормы жизни, Пётр, во-первых, никогда не скрывал национальные интересы России, а во-вторых, во всеуслышание заявлял, что у русского орла две головы, одна смотрит на Запад другая — на Восток. В этом, как и во многом другом, Ломоносов наследовал устремления первого русского императора.

В новосибирском Академгородке на видном месте помещено широко цитируемое изречение Ломоносова: «Российское могущество прирастать будет Сибирью». Обрублено непонятое до самого последнего времени окончание ломоносовской фразы: «и Северным Ледовитым океаном». Смысл становится понятным только сейчас, когда происходит потепление климата и по прогнозам многих учёных предстоит таяние полярных шапок. Оно грозит затоплением многим континентам, а для России в будущем прирастёт могуществом. В точном соответствии с целым рядом пророчеств о превращении обширных и безлюдных ныне мерзлотных зон нашей страны в земли с субтропическим климатом. Кроме того, последние научные открытия свидетельствуют о несметных ресурсах полезных ископаемых, которые хранит подо льдами наша арктическая прародина. Да, Ломоносов был одновременно и ярчайшим романтиком, и великим прагматиком своего времени. Он разрабатывал проект продвижения российских судов из родных ему архангельских краев через Северный Ледовитый и Тихий океаны в… Индию. Зачем душа его рвалась в эту страну? Может быть, «западное» одиночество России обретёт надёжных союзников там? Истины, высказанные гениями, не всегда при жизни расшифровываются ими, эти истины получают своё осмысление много позже.

Он ратовал за развитие в Российской Академии «ориентального отдела», да «и целой Ориентальной академии быть бы полезно». Драгоценные ломоносовские мысли, которые потом не только проросли в очевидности, но и нуждаются в «приращении» сегодня.

«На каждом шагу в его творениях перед нами встают в поражающей нас старомодной оболочке факты, идеи и обобщения, чуждые XVIII столетию, вновь понятые, открытые и признанные в XIX и XX вв.», — писал о Ломоносове другой русский гений, В. И. Вернадский.

«Ломоносову по необъятности его интересов принадлежит одно из самых видных мест в культурной истории человечества… Часто встречающееся сопоставление Ломоносова с Леонардо да Винчи и Гёте правильно и оправдывается не механическим многообразием видов культурной работы, а глубоким слиянием в одной личности художественно-исторических и научных интересов и задатков» (С. И. Вавилов).

«Деятельность Ломоносова — целая эпоха в истории отечественной и мировой науки» (М. В. Келдыш).

А вот оценка людьми из другого «цеха»:

«С Ломоносова начинается наша литература. Он был её отцом и пестуном, он был её Петром Великим» (В. Г. Белинский).

«Его поэзия — начинающийся рассвет» (Н. В. Гоголь).

Пушкин восторгался личностью Ломоносова и, подобно Белинскому, равнял его с Петром I: «Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец, он всё испытал и всё проник…»

Много размышлял над феноменом Ломоносова Ф. И. Тютчев, близкий по жизненным позициям великому Михайле и, так же как он, страстно отстаивавший интересы России на дипломатической ниве.

Тютчеву принадлежат стихи, словно списанные с натуры Ломоносова:

«Природа — Сфинкс. И чем она верней
Своим искусом губит человека,
Тем, может статься, никакой от века
Загадки нет и не было у ней».

Обозрение всего сделанного Ломоносовым действительно приводит «в содрогательное удивление». Когда вчитываешься в его научные труды, его стихи, заметки, письма, наброски, приходишь к мысли, что, в сущности, Ломоносов — это и есть русский природный Сфинкс. Только без загадки. Настолько чудо его гениальности, его «всемирной

отзывчивости», как было сказано о другом русском гении, его всеприсутствие в нашей культуре естественно. «Будьте, как дети», — заповедал Иисус Христос. Таким гениальным ребёнком был всю жизнь Ломоносов, не уставая задавать вопросы природе и людям. Докопаться до корня, найти ответ на любой вставший вопрос было его сутью. Неудивительно раздражение специалистов — академиков, почему штатный профессор химии берётся «не за свои дела». А он слишком часто брался за любые дела со всей страстью, мог обругать каждого, кто мешал его занятиям. И заслужил от академической братии прозвище «бешеного мужика». Даже ломоносовские покровители и доброжелатели, восхищаясь его неуёмностью, были озадачены, когда речь шла о взаимоотношениях учёного с высочайшими особами. Граф Иван Иванович Шувалов, который часто бывал посредником в конфликтах Ломоносова с Академией наук, с одной стороны, и императрицей Елизаветой Петровной — с другой, однажды пожурил своего подопечного за излишнюю широту интересов, мешавшую, мол, закончить вовремя работу над «Древней российской историей», заказанной самой Елизаветой Петровной.

Ответ Ломоносова меценату чрезвычайно любопытен:

«Что до других моих, в физике и химии, упражнений касается, чтобы их покинуть вовсе, то нет в том нужды, ниже возможности. Всяк человек требует себе от трудов успокоения: для того, оставив настоящее дело, ищет себе с гостьми или с домашними препровождения времени картами, шашками и другими забавами, а иные и табачным дымом, от чего я уже давно отказался, затем что не нашёл в них ничего, кроме скуки. Итак, уповаю, что и мне на успокоение от трудов, которые я на собрание и на сочинение Российской истории и на украшение российского слова полагаю, позволено будет употребить на физические и на химические опыты, которые мне не токмо отменою материи вместо забавы, но и движением вместо лекарства служить имеют; а сверх сего пользу и честь отечеству, конечно, принести могут едва меньше ли первой».

Он не побоялся, что фаворит Елизаветы Петровны Шувалов мог показать письмо самой императрице, которой до того написал несколько хвалебных од. Но что это были за оды! Они славили победы русского оружия над Турцией и Пруссией, они воздавали хвалу царице за покровительство наукам. Он, как и Пушкин, имел полное основание сказать о себе: «Нет, я не льстец…»

К его врождённым качествам любви к истине и любви к отечеству можно присоединить и третье — неудержимое стремление к независимости личной и национальной. Эти три кита — камень ломоносовского основания.

Будучи одиночкой, человеком, далеко опередившим своё время, он не кичился своим одиночеством, но тяготился им, жаждал друзей, заботился о людях, с которыми его сводила судьба. Много помог землякам-архангельцам, выведя целый ряд из них из «подло-

го» сословия «в люди». Таков, например, известный скульптор Федор Шубин, который по протекции Ломоносова закончил Академию художеств и стал, кстати сказать, автором самого знаменитого ломоносовского скульптурного изображения.

Много сил положил, чтобы исхлопотать достойную пенсию «иноземцу» Рихману, убитому молнией в России при экспериментах с воздушным электричеством (работал для пользы отечеству).

Но настоящих друзей у него не было. Во всём он походил на свою страну, о которой много позже император Александр III однажды обмолвился: «У России нет друзей и союзников, нашей огромности боятся». Не только пугал, но также вызывал насмешки необъятностью своих интересов. А ещё тем, что мог прилюдно снять парик и утереть им потное лицо, владея притом тридцатью языками, добрую половину которых составляли европейские.

На Западе Ломоносова при жизни либо не знали, либо старались не замечать. Известный французский историк науки Ф. Гефер писал в 1860 г.: «Среди русских химиков, которые стали известными, мы упомянем Михаила Ломоносова, которого не надо смешивать с поэтом того времени».

Да и в России подлинное признание Михаил Васильевич получил, по существу, лишь в советскую пору. Но тогда это признание носило, как правило, политизированные формы. Подчеркивалось мужицкое происхождение учёного из самых «низов», хотя Ломоносов происходил из зажиточной, а самое главное — вольной крестьянской семьи. Его отец Василий Дорофеевич владел пахотной землёй, рыбными промыслами на побережье Белого моря, а также несколькими судами, одно из которых имело длину 50 метров и грузоподъёмность 5400 пудов. По тем временам подобные «галиоты» в частном владении были редкостью. «Всегда в том рыбном промыслу имел счастие, — сообщает та же первая ломоносовская печатная биография, — а собой был просто совестен и к сиротам податлив, а с соседями обходителен». Правда, Василий Дорофеевич не владел грамотой, но зато грамотной была мать Михайлы, Елена Ивановна Сивкова, дочь дьякона, которая и приохотила сына к учению.

В советской научной литературе (в «либеральной» Ломоносова почти не поминают) нередко встречалось суждение, что по своим философским взглядам он был деистом и что его взгляды на взаимоотношение Бога с природой и человеческим обществом сформировались под влиянием немецких и французских философов. Странное утверждение. Если в нём есть доля истины, то она лишь в констатации неукротимой «пассионарности» Ломоносова, в его бунтарской независимости, когда он и у Бога «в дураках» ходить не хочет. В точности это его высказывание звучит полностью так: «Не токмо у стола знат-

ных господ или у каких земных владетелей дураком быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, который дал мне смысл, пока разве отнимет».

Деизм, как невмешательство Бога в людские дела после того, как Он дал миру первотолчок, был характерен для западной мысли XVIII в. Это был переходный период, когда Запад шаг за шагом освобождался от средневековых религиозных взглядов и перешёл полностью в XX в. к религии денег. Россия тоже постепенно ослабляла свои связи с Церковью, а в советское время официально декларировала разрыв. Но у нас на смену церковной религии пришла религия коммунистических идеалов и вождей, ведущих страну в «светлое будущее». При всей жестокой наивности нашего антирелигиозного эксперимента высокие религиозные идеалы в значительной степени остались. Даже моральный кодекс строителей коммунизма списан, по существу, с заповедей Иисуса Христа.

Это чрезвычайно важно учитывать при изучении развития русской мысли, как и то, что философия в форме создания неких умозрительных систем, наподобие кантовской или гегелевской, чужда русской традиции. Тем не менее Толстой и Достоевский, будучи общепризнанными мировыми величинами в художественной литературе, по глубине проникновения в онтологические проблемы бытия не уступают тем же Канту и Гегелю.

Сказанное относится и к Ломоносову. Его весьма оригинальные и в то же время по-детски мудрые философские взгляды вплетены в ткань его стихотворений, в научные труды и письма. И попытки приписать ему философский деизм не могут вызвать ничего, кроме недоумения. Он был православным христианином до глубины души. Для этого достаточно даже бегло познакомиться с духовными одами Ломоносова, почитать его стихотворные переложения библейских псалмов. Всюду в них страстная, незыблемая вера в Творца и такая же пламенная готовность выполнить Его предначертания:

Господи, кто обитает
В светлом доме выше звёзд?
Кто с тобою населяет
Верх священный горних мест?
Тот, кто ходит непорочно,
Правду завсегда хранит
И нелестным сердцем точно,
Как устами говорит.
Кто языком льстить не знает,
Ближним не наносит бед,
Хитрых сетей не сплетает,
Чтобы в них увяз сосед.

Презирает всех лукавых,
Хвалит Вышнего рабов
И пред Ним душою правых
Держится присяжных слов.
В лихву дать сребро стыдится,
Мзды с невинных не берёт.
Кто так жить на свете тщится,
Тот вовеки не падёт.

Это вольное переложение 26-го псалма из Псалтири. Но сколько же собственного чувства вложил в стихи поэт! Другое дело, что во всей своей жизни и в творчестве Ломоносов всегда стремился войти в личное взаимодействие с Всевышним, минуя посредников. Оттого у него нередки разночтения с церковным пониманием Бога. Евангельскую фразу Христа «В доме Отца Моего обителей много» он понимал точно так же, как и Джордано Бруно: звёздное небо всюду обитаемо.

Открылась бездна, звезд полна,
Звездам числа нет, бездне дна...
Для вящей славы божества
Там равна сила естества.

Открывший атмосферу на Венере, Ломоносов естественно предположил присутствие на ней людей и со свойственной ему непосредственностью и парадоксальностью рассуждал так: «Ежели на планетах есть живущие там люди, то какой они веры? Крещены ли они в веру Христову? Ежели кто про то знать или обратить в нашу веру хочет, тот пусть по евангельскому слову туда пойдёт. И как свою проповедь кончит, то после пусть едет на Венеру. Только бы труд его там не был напрасен. Может, тамошние люди в Адаме не согрешили».

Понятно, что подобными пассажами Ломоносов, искренний христианин, лишь умножал себе число врагов не только в научной, но и в церковной среде. Но, как говорится, Платон мне друг…

Своими натурфилософскими воззрениями Ломоносов заложил основы русского космизма, который позднее мощным потоком влился в мировую мысль трудами Федорова, отцов Флоренского и Булгакова, Циолковского, Чижевского, Вернадского, Рериха.

Вера в Творца соединялась у Ломоносова с непреклонной верой в самого себя, в своё предназначение, которое он понимал как служение Воле Всевышнего, России и

людям. Вот уж кто в самом деле знал, что «царство Божие внутри нас есть». Он писал об этом в стихах:

В терпении моём, Зиждитель,
Ты был от самых юных дней
Помощник мой и Покровитель,
Пристанище души моей.
От чрева матерня тобою
И от утробы укреплён,
Тебя превозношу хвалою,
Усердием к Тебе возжжён.
Враги мои чудясь смеются,
Что я кругом объят бедой,
Однако мысли не мятутся,
Когда Господь — Заступник мой.

И в прозе: «Я бы охотно молчал и жил в покое, да боюсь наказания… от Всемогущего, который не лишил меня дарования, …дал терпение, и благородную упрямку, и смелость к преодолению всех препятствий и к распространению наук в отечестве, что для меня всего в жизни дороже».

Понятно, почему одиночество такого человека было согрето неугасимым внутренним огнём, почему умирать ему было не страшно.

Понятно и умонастроение сегодняшней страны, потерявшей идеологическую опору и ищущей её снова в традиционных православных ценностях. С тяжёлым сердцем можно понять, но никак не принять позицию иных академиков и даже людей, приближенных к руководству РАН, стремящихся найти эти ценности не столько у Ломоносова, сколько у властных чиновников, по сути участвовавших в разрушении страны и её научного потенциала. Продолжатели дела Шумахера неуничтожимы всюду: в науке, искусстве, политике и в церковных делах тоже.

В 1761 г. в Записке «О сохранении и приращении русского народа» Ломоносов писал: «Ежели надлежащим образом духовенство свою должность исполнять будет, то благосостояние общества несравненно и паче чаяния возвысится, затем что, когда добрые нравы в народе чрез учинение страха (Божия) усилятся, меньше будет преступлений, меньше челобитья, меньше ябедников, меньше затруднения в судах и меньше законов. Хорошо давать законы, *ежели их исполнять есть кому*» (выделено мной. — *Ю. К.*).

Многое в Записке устарело, многое выглядит наивным, но поражает общий тон её, по-отечески заботливый и бесстрашный, Ломоносов не боится пойти наперекор многовековым установлениям, он бросает вызов и самой Православной церкви. И опять же делает это не ради философского вольномыслия, не ради абстрактного фрондёрства, но руководствуясь исключительно интересами «народной пользы». Так, например, говоря о «великой» детской смертности в России в самом малом возрасте, Ломоносов видит одну из причин в холодной воде, которой крестят детей. «Попы не токмо деревенские, но и городские крестят младенцев в воде самой холодной, иногда и со льдом, указывая на предписание в требнике, чтобы вода была натуральная без примешения, и вменяют теплоту за примешанную материю… Однако невеждам-попам физику толковать нет нужды, довольно принудить властию, чтобы всегда крестили водой летней, затем что холодная исшедшему из тёплой матерней утробы младенцу, конечно, вредна…»

Другую причину «умаления» великого народа Ломоносов усматривает в несвоевременности великого поста, когда человек терпел сначала недоедание, а потом неумеренно разговлялся зимой при авитаминозе. И вполне рассудительно заключал, что обычаи, перенесённые из православных стран южных, «негожи» для северной России. Синод, разумеется, видел в таких писаниях учёного «дерзость» и «сумнительство».

В Записке есть предложения, касающиеся чрезмерного «утеснения» крестьян, пьянства, разбоев, бегства людей из России, то есть всего того, что в наших нынешних «демократических» условиях, при новой расстановке сил и укоренившемся безверии тяжким молотом обрушилось на головы простых русских людей. Кое-что из современных реалий великий учёный не мог, разумеется, видеть даже в страшном сне.

Записка «О сохранении и приращении русского народа» при жизни Ломоносова не была опубликована, с купюрами её печатали и в последующие века. Сегодня идеи этой Записки озвучил А. И. Солженицын, неправомерно приписав их графу Шувалову. Так что мы и поныне в долгу перед Ломоносовым, который заботился о том, чтобы нас было больше ещё в ту эпоху, когда угроза русской демографии только намечалась.

Он остро чувствовал собственное назначение, незримую пуповину свою, связующую его с Творцом и с Россией одновременно. Подобно Пушкину (или Пушкин, подобно Ломоносову, время не играет в таких случаях существенной роли), он знал, что является оглашателем воли Божьей, что обязан, «обходя моря и земли, глаголом жечь сердца людей».

О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,

Каких зовёт из стран чужих.
О ваши дни благословенны!
Дерзайте, ныне ободренны,
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

План несостоявшегося разговора с Екатериной II, который приведён в начале наших заметок, был завещанием и напутствием Ломоносова потомкам. Каждый пункт дышит заботой о России, горечью и надеждой, каждое слово животрепещет сегодня.

В замечательной книге о Ломоносове, вышедшей в 1990 г. и принадлежащей перу современного писателя-патриота Евгения Лебедева, говорится:

«Всё в плане более или менее ясно. А вот пятый и шестой пункты достаточно туманны. С "дедикациями" понятно: это посвящения великому князю Павлу Петровичу "Российской грамматики" и "Краткого описания разных путешествий по Северным морям". Но каким образом "дедикации" могут быть связаны с "местом"? Что это за "место"? Почему вдруг Ломоносов заговорил о "месте" в "чужих краях"? Очевидно, "место", о котором говорится в пятом пункте, это место вице-президента Академии. Что же касается пункта шестого, то его комментаторы обходят молчанием. Едва ли Ломоносов говорит в нём о намерении поискать места "в чужих краях" (очевидно, именно такой смысл ломоносовского текста смущает комментаторов, и они молчат). Здесь другое: Ломоносов собирался обрисовать Екатерине безвыходность своего положения в Академии, исходя именно из принципиальной невозможности и нежелательности для себя выехать в "чужие края", в отличие от академиков-иностранцев, которые всегда могли вернуться к себе в Берн, Тюбингем, Геттинген и ещё невесть куда. Подавляющее большинство научных замыслов и начинаний Ломоносова было направлено на пользу России и вызвано потребностями собственно русского культурного развития, так что он со своей культурно-просветительской программой пришёлся бы не ко двору в любой западноевропейской академии. А в родной Академии реализовать эту программу не дают чиновники-иностранцы. Для русского учёного её стены превращены в тюрьму.

Теперь становятся в полной мере понятными его слова: "Все любят, да шумахерщина". Внешние знаки внимания, оказываемые Ломоносову, в создавшейся ситуации даже досадны ему. Он пережил своё честолюбие. Покуда процветает "шумахерщина" — злейший личный враг Ломоносова, — представляющий исключительную и мало кем учитываемую опасность для Русского государства, не будет ему покоя.

“Шумахерщина” и является главной темой предполагаемой беседы. Именно на её фоне мощно звучит в заметках Ломоносова и личный мотив (пункты 8, 9, 10), не требующий разъяснения. За исключением, может быть, начала второй латинской фразы. Так же, как и первая, она взята из Цицерона. Полностью фраза выглядит так: Pro aris et focis certamen, то есть “Борьба за алтари и домашние очаги”. Тут содержится самобытная и глубокая, как ни у кого из современников Ломоносова, оценка деятельности Петра, её исторического смысла и культурных последствий: вот ради чего борьба! Россия, только что пережившая бурное время петровских преобразований, менее всего должна испытывать чувство “неполноценности” перед Западной Европой. Учиться у Запада, безусловно, необходимо. Но учиться, полагаясь на свой разум, на свои ресурсы, учитывая насущные потребности и внутреннюю логику своего развития. Только такое ученье могло быть плодотворным, ибо и сама Россия несла с собой уникальные ценности в сокровищницу мировой культуры.

Нравственная (и одновременно государственная) задача, которую ставит Ломоносов, заключается, следовательно, в том, чтобы сделать эту “борьбу за алтари и домашние очаги”, за “достоинство россиян” краеугольным камнем всей русской политики, что будет невозможно, если эта “борьба” не станет личной потребностью императрицы. Тауберг (наследник Шумахера. — *Ю. К.)* и его “креатуры” протянули свои цепкие руки к чему-то неизмеримо большему, нежели русская наука или русская казна…

“Ежели не пресечёте, великая буря восстанет”».

Он прорвал своё одиночество после смерти.

Время показало, насколько дальнозорок оказался Ломоносов в своих пророчествах. И не только негативного порядка. Пункт десятый комментированных заметок «обо мне дети отечества пожалеют» воплотился в трудах Пушкина, в пафосе его «Бородинской годовщины» и «Клеветникам России», в литературной и дипломатической деятельности Тютчева, который, подобно Ломоносову, воевал с Шумахером своего времени — министром иностранных дел Нессельроде. Научную и патриотическую линию Ломоносова продолжал Менделеев. В иных условиях, когда «великая буря» уже прошла над Россией, первородство Родины отстаивал перед новоявленными шумахерами Сергей Есенин. И теперь, когда новая «либерально-рыночная» гроза, организованная теми же таубергами и шумахерами, сгустилась над Россией, дело Ломоносова продолжили в литературе Валентин Распутин, Василий Белов, Станислав Куняев, Александр Проханов, Александр Зиновьев, Игорь Шафаревич; в науке — целый ряд учёных, не покинувших Родину в поисках, где «лучше кормят»; — уцелевшие от «либеральных» погромов патриоты в политике и тысячи других сынов России на всём её урезанном, но всё ещё вели-

ком пространстве. Время покажет, сумеют ли эти люди, как и мы вместе с ними — все, кого можно назвать одним словом «государственники», отстоять государство Российское от новых напастей.

Эти напасти в форме политических, экономических, моральных катастроф, а также в виде очистительных природных гроз, предсказанных Библией и другими религиозными источниками, хлынули не только на Россию, они угрожают всей планете. Возвращаются времена, когда наука не конфликтовала с религией, но совместно исследовали коренные проблемы бытия. В этой связи полезно вспомнить слова великого древнего грека, «быстрого разумом» и глубоко верующего Плотина, последователя Платона.

«Если есть безоружные, хорошо вооружённые их побивают. Не дело Бога сражаться вместо тех, кто не хочет драться. Закон таков, что на войне спасает храбрость, а не молитва. Чтобы получить урожаи, надо не молиться, а возделывать почву, и если пренебрегаешь здоровьем, будешь болеть… Если злые люди стоят у власти, то это из-за трусости их подданных, и обратное было бы несправедливо».

Под каждым словом древнего язычника мог бы всей своей жизнью подписаться истинно православный христианин Михаил Васильевич Ломоносов.

Русский дух

Часто слышим чей-то писк мышиный,
Что на нём квасной любви печать.
Кровь не квас, и сердце не машина,
Чтобы нефть за доллары качать.

Если же захочешь разобраться,
Что за дух кипит у нас крови,
Знай, что дышит он тоской по братству,
Пахнет грустью по святой любви.

Злом за зло врагам мы не платили,
Спину не седлали никому,
Рыбу не ловили в мутном иле
На потребу хитрому уму.

Духу русских все на свете знаки
Ведомы, когда в них свет зари.
Брата принимаем в Пастернаке,

В Че Геваре, в Сент-Экзюпери.

Он один среди иных, быть может,
Верит, что Светильник не потух.
Свет зари грядущей чует кожей
То, что называем «Русский Дух».

МЕТЕОР, ВЗЛЕТЕВШИЙ В НЕБО

(К 90-летию со дня гибели Н. С. Гумилёва)
(1886–1921)

* * *

Всё просим у тебя,
нам вечно мало
Твоих даров и сладких, и лихих.
Врагам ты позвоночники ломала,
Но и сынов не бережёшь своих.

В твоих очах, загадочных и ясных,
Бездонная, как небо, синева.
В степях твоих, ленивых и опасных,
Нас вечно караулит трын-трава.

Промчится коник юный и горячий,
И гасит пуля огонёк свечи.
И втоптан воск, и сотня дальше скачет...
Куда? Бог весть.
Ведь главное — скачи!

Скачи вперёд до гробовой истомы,
За нею новый бой и шенкеля.
Полынные российские просторы,
Безжалостная, нежная земля.

К 90-летию со дня гибели великого русского поэта Николая Степановича Гумилёва после долгой полосы замалчивания почти не осталось «белых пятен» в его творчестве и в биографии. Неоднократно переизданы стихи, опубликована проза (за исключением дневников Первой мировой войны), тщательно исследованы обстоятельства гибели поэта. Но главное «белое пятно» — духовный облик Гумилёва, конечно, далеко не исследован. Ибо посмертное житие любого гения продолжается, пророческие стихи Поэта (а слово «поэт» переводится с древнегреческого как «пророк») осмысляются каждым новым поколением читателей.

Как же видятся сегодня жизнь и творчество Николая Степановича Гумилёва?

«Где небом кончилась Земля» — так названа вышедшая в 2010 г. книга-биография и одновременно сборник избранных стихов Гумилёва («составитель и автор сквозного комментария И. Осипов» — указано в выходных данных). На обложку вынесена репродукция портрета молодого Поэта кисти Ольги Делла-Вос Кардовской. Художница в соответствии с собственной экзотической фамилией создала такой же образ Николая Гумилёва с цветком в петлице среди тропических деревьев. Цветок придерживает изящная рука с ухоженными пальцами. На картине подчёркнута длинная шея портретного прототипа, прикрытая непомерно высоким белым воротничком. Всё это великолепие венчает голова красавца с напомаженными волосами и раскосыми глазами — в полном смысле слова «изысканный жираф» где-то в Африке — персонаж знаменитого стихотворения. Этот талантливый портрет Гумилёва образца 1909 г., когда поэту было 23, написан рукой женщины, явно в него влюблённой. Что ж, молодой человек с изнеженными руками уже в ту пору был известен не только красивыми стихами и франтоватостью, но так же, как отважный путешественник, побывавший в Африке, где охотился на львов и леопардов. Такой не мог не нравиться женщинам. И, как выяснилось позже, совсем не нравился себе, о чём впоследствии и написал в «Памяти» — стихотворном автопортрете, конгениальном живописному Винсента Ван Гога. В «Памяти» развернута вся жизнь Поэта, всё становление его от «некрасивого» мальчика и манерного артиста до героической личности, до Мастера, заговорившего глаголами Откровения.

...Память, ты рукою великанши
Жизнь ведёшь, как под уздцы коня,
Ты расскажешь мне о тех, что раньше
В этом теле жили до меня.

Самый первый: некрасив и тонок,
Полюбивший только сумрак рощ,

Лист опавший, колдовской ребёнок,
Словом останавливавший дождь.

Дерево да рыжая собака,
Вот кого Он взял себе в друзья,
Память, Память, ты не сыщешь знака,
Не уверишь мир, что то был я.

И второй... любил Он ветер с юга,
В каждом шуме слышал звоны лир,
Говорил, что жизнь — его подруга,
Коврик под его ногами — мир.

Он совсем не нравится мне, это
Он хотел стать богом и царём,
Он повесил вывеску поэта
Над дверьми в мой молчаливый дом.

Я люблю избранника свободы,
Мореплавателя и стрелка,
Ах, ему так звонко пели воды
И завидовали облака.

Портрет Кардовской и создан в тот период, когда душа Гумилёва в своём духовном росте переходила от второго этапа к третьему — к «избраннику свободы», которому «пели воды» и «завидовали облака». Отметим также, что художница как раз этого-то не уловила, не смогла передать ни могучей воли, ни огненного трудолюбия, которое всегда жило в Гумилёве, начиная с детских лет, и помогало ему «менять души». Упрёк, разумеется, запоздалый. Очень многие современники Поэта не предвидели, во что выльется его дар, как и не понимали особенности его мировоззрения. Понять «перемену душ» в Гумилёве действительно трудно, ибо он весь соткан из противоречий. Даже знаток буддизма может возразить словам: «только змеи сбрасывают кожу, мы меняем души, не тела», скажет: меняем то и другое. Но дело не в словах — тонкости идеи реинкарнации были, конечно, ведомы Поэту, — дело в сути, в пути, которым он прошёл с ошибками, недостатками, с мучительными поисками Истины. Гениальные по ёмкости строчки соседствуют у него с явным многословием. Христианская доминанта мировоззрения уживается с языческой стихией и даже

с тем, что иной ортодокс назовёт сатанизмом. Это отмечали разные писавшие о Гумилёве его современники, порой вполне достойные действующие лица Серебряного века.

В гумилёвском православии, например, такой тонкий мыслитель и поэт, как Владислав Ходасевич, видел полную безрелигиозность. Как, впрочем, и в мистицизме Блока. Сравнивая двух поэтов, безапелляционно утверждал:

«Блок был мистик, поклонник Прекрасной Дамы, и писал кощунственные стихи не только о ней. Гумилёв не забывал креститься на все церкви, но я редко видел людей, до такой степени не подозревавших о том, что такое религия». Что тут скажешь? По части знания того, «что такое религия», наверняка сам Ходасевич не был силён. Если он и считал себя эрудитом в богословии и в мастерстве стихосложения, то мог претендовать лишь на знание второй части этих двух составных слов. Тогда как Гумилёв (и Блок тоже) потом и кровью, наконец, мученическими венцами подтвердили своё причастие и к подлинной религии, и к великой Поэзии. Путь к Истине невозможен без трагических ошибок и очень часто без уклонов в «неправедность», в «ересь». Главное — не как человек шёл, но насколько искренен был во внутреннем Пути и к чему пришёл. «Я есмь путь и истина и жизнь», — сказал некогда Иисус Христос, имея в виду прежде всего большое Я каждого человека, то есть его внутреннего Христа.

Рубеж XIX—XX в. был очень плодотворным, небывало интересным и вместе с тем весьма рискованным в истории созревания русского Духа. Лозунг Фридриха Ницше «Бог умер», произнесённый на Западе, в России был принят тогдашней элитой общества как нигде в мире. В декадентской поэзии слово «Люцифер» звучало гораздо чаще, чем слово «Христос». Врубелевский «Демон сидящий» чаровал интеллигентную публику роскошью красок. Музыка Скрябина, который мечтал в Гималаях организовать грандиозное цветомузыкальное шоу, говоря сегодняшним языком, и разрушить с помощью такого шоу заблудшую европейскую цивилизацию, ту же публику завораживала. Оплот православной религии — Церковь, каким она была когда-то в России, в начале XX в., в какой-то своей части зашаталась и затрещала под напором гапоновщины и распутинщины (при всей неоднозначности фигуры самого Григория Распутина).

Эти дьявольские игры вели дореволюционную страну к неминуемому распаду, что потом и произошло. Власть захватили люди, которые очистили общество от всякой декадентщины и чертовщины, с одной стороны, но с другой — «выплеснули ребёнка», то есть почитание Бога. А поскольку такое не может быть, потому что такое не может быть никогда, культ Бога сменился культом вождей, упование на рай небесный, куда звала Церковь, поменялось на стремление построить рай земной, к чему призывали большевики. Тяжкая форма культа и не лучшая перспектива рая были, как говорится, «попущены» Творцом, то есть временно допущены в соответствии с пожеланиями основной массы

россиян. Отметим в этой связи, что навязанный России культ золотого Тельца сегодня 90 процентов населения «этой страны», согласно официальной статистике и телевизионным дебатам «Суда времени», терпеть не могут и не хотят. Что же касается Творца, то разного рода катастрофами, погодными и человеческими аномалиями он всё больше и больше показывает полный тупик подобного культа.

Но вернёмся к эпохе Гумилёва. К счастью для России, не только в церковной среде, но и во всей русской культурной элите начала XX в. оставались те, кто сохранил и подлинную религиозность, и настоящие искания Бога. На правом фланге этой элиты чётко обозначились такие представители Церкви, причисленные позднее к лику святых, как Иоанн Кронштадтский, патриарх Тихон, многие другие известные и безвестные мученики веры, на левом — немногочисленные представители русской интеллигенции, к числу которой принадлежали те же Блок и Гумилёв, для кого Христос и Божья Матерь явились в облике распятой России. По существу, оба поэта могут считаться мучениками веры, хотя они не причислены к лику святых.

Напрасно Ходасевич иронизирует по поводу Блока — поклонника Прекрасной Дамы, над которой тот якобы кощунствовал. Блок действительно отрёкся от фантома «незнакомки», явившегося ему в алкогольном опьянении. Поэт увидел в ней «подставу» из Тонкого Мира, голубоглазую дьяволицу, которая выпивает из него силы. Прекрасной Дамой и предметом веры для Александра Блока стала Россия народная.

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые,
Как слёзы первые любви.

Тебя любить я не умею,
Но крест свой бережно несу.
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу.

Пускай заманит и обманет,
Не пропадёшь, не сгинешь ты,
И лишь забота отуманит
Твои прекрасные черты.

Та же трансформация произошла с Николаем Гумилёвым. Он расстался со своими теософскими грёзами, с Черубиной де Габриак и другими «прекрасными дамами» артистического прошлого ради России, которую защищал сначала на первой войне с Германией, а потом в борьбе с большевиками. И сформировался, как великий Поэт в литературном, и в пророческом смысле, именно тогда. Не даже военная и не политическая составляющая важна здесь. В сражениях, которые вёл Гумилёв, оформилась духовная основа Поэта, его «Столп и основание Истины», используя название книги П. Флоренского, и был также написан сборник стихов «Огненный столп», напечатанный в год смерти Поэта, но чуть позже.

Сердце будет пламенем палимо
Вплоть до дня, когда будут видны
Стены Нового Иерусалима
На полях моей родной страны.

Я вынужден сделать это «нелирическое отступление» — уйти с литературных полей России на поля исторические и политические. Потому что начало XXI в. повторяет картину событий, случившихся веком раньше. Тот же полный разброд в политике, в идеологии, в искусстве. То же острое ощущение грядущих катастроф и пир во время чумы власть имеющих и имущих. С одной разницей. Тогда в недрах агонизирующего режима вызрела политическая сила, способная вывести страну из тупика. Нашёлся человек, бросивший всеобщей безнадёге слова: «Есть такая партия!» Ныне недостатка в авторах политических проектов, конечно, нет, но пассионарных партий и сил не видно, а главное, пока не подул попутный ветер в паруса зрелых перемен.... Вспомним известную картину художника Владимира Гаврилова. Возбуждённый Ленин шагает по мосту над Невой. Распахнутое пальто, дерзновенный взгляд и подпись под картиной «Свежий ветер». Сегодня «Новый Иерусалим» в России видят одни пророки и визионеры, провозглашающие квантовый переход России на новый этап её космического развития. Кроме того, Интернет переполнен всевозможными предположениями о завоевании нашей планеты враждебными инопланетными цивилизациями и тому подобными страшилками.

Молодой Гумилёв в полной мере отдал дань поветриям своего времени и немало послужил им. Эта была смесь служения «Аполлону» и «Люциферу» в метафизике, идеям Ницше и Штайнера — в философии, рыцарскому и алхимическому Средневековью — в жизни, Верлену и Верхарну — в литературе.

Это был театр масок, под которыми скрывались личности малозначительные, но иногда незаурядные. Как разглядеть? Когда вышел первый сборник Гумилёва «Путь

конквистадоров», встречен он был прохладно. Более или менее тёплый отзыв дал Валерий Брюсов, остальные рецензенты вылили на новичка ушат холодной критики за явное подражание модным символистам, за литературные штампы и т. д. Впрочем, оценка дебютанта была в ту пору в общем-то, заслуженной. Это теперь в стихотворении, открывающем сборник, мы чувствуем кредо, которому Гумилёв следовал всю жизнь, а тогда в нём виделась только молодая, лишённая всякой оригинальности бравада, не более.

Я конквистадор в панцире железном,
Я весело преследую звезду.
Я прохожу по пропастям и безднам
И отдыхаю в радостном саду.

Как смутно в небе диком и беззвездном!
Растёт туман... но я молчу и жду
И верю, я любовь свою найду...
Я конквистадор в панцире железном.

И если нет полдневных слов звездам,
Тогда я сам мечту мою создам.
И песней битв любовно зачарую.

Я пропастям и бурям вечный брат,
Но я вплету в таинственный наряд
Звезду долин, лилею голубую.

Таким верховодом и завоевателем он был с детства. «Я хотел всё делать лучше других, всегда быть первым. Во всём. Мне это, при моей слабости, было нелегко. И всё-таки я ухитрялся забраться на самую верхушку ели, на что ни брат, ни дворовые мальчики не решались. Я был очень смелый. Смелость заменяла мне силу и ловкость. Но учился я скверно. Почему-то не помещал своего самолюбия в ученье. Я даже удивляюсь, как мне удалось кончить гимназию. Я ничего не смыслю в математике, да и писать грамотно не научился. И горжусь этим. Своими недостатками следует гордиться. Это их превращает в достоинства», — вспоминает зрелый Гумилёв. И частично наговаривает на себя лишнее. Всю жизнь он упорно учился, если хотел овладеть каким-то делом. Плохо владея французским языком, добился того, что отлично перевёл Теофила Готье и других символистов Франции. Научился отлично стрелять, хорошо и подолгу держаться в сед-

ле. Своими недостатками не только гордился, но умел превращать их в достоинства путём больших волевых усилий. В юном возрасте, по воспоминаниям современников, выглядел неказисто, шепелявил, глотал звуки «р» и «л», отчего над ним посмеивались и нередко отвергали ухаживания юные особы женского пола. Увлёкся Оскаром Уайльдом («Портрет Дориана Грея») и стал по методике английского романиста врастать в образ красавца лорда Генри путём напряжённых медитаций. И результат — портрет Делла-Вос-Кардовской. Даже губы подкрашивал, ещё не понимая, что такое «врастание в образ» привело Оскара Уайльда в тюрьму.

Но в женоподобные красавцы совершенно не годился, мужеское начало в нём было слишком сильно. В тюрьму едва не попал по иному поводу. Юношей в годы, предшествующие первой русской революции, увлёкся политикой, штудировал «Капитал», занимался революционной агитацией среди рабочих.

Обладал редким хладнокровием, сплавом слова и дела, что резко выделяло его среди даже крупных художников Серебряного века. В цитированном выше стихотворении «Память» назвал себя колдовским ребёнком, «словом останавливающим дождь». Это не просто литературный образ, это свидетельство его усердных занятий магией в молодые годы. Использовал не только опыт медитаций Уайльда, но и «Практическую магию» Папюса, этого в некотором смысле предшественника Кастанеды.

Кстати сказать, оккультизмом увлекались многие коллеги Гумилёва по поэтическому цеху. Например, М. Волошин, А. Белый, В. Брюсов. Однако неизвестно, как далеко они заходили в своих оккультных опытах. О Гумилёве мы знаем, что он не один год экспериментировал с разными снадобьями, вплоть до наркотиков, в поисках «божественных» ощущений, которые наркоманы в наше время называют глюками. А в ту пору иные «мастера оккультизма» всерьёз полагали, что Тонкий Мир и его иллюзии равновелики картинам Божественным. Что годы подвижничества можно заменить «серебряной пылью» кокаина и предстать в раю пред престолом Всевышнего. Никуда не вычеркнешь такие «искания» Поэта из его биографии. Но справился со своими опасными завихрениями, поставил крест на наркотиках, принял на себя крест Первой мировой войны.

О мужестве, проявленном добровольцем-солдатом, а затем унтер-офицером Гумилёвым, написано и сказано много. Повторяться не стану. Замечу лишь, что на фронте поэт воевал рядовым кавалеристом в тех же местах, что и Георгий Жуков. Подобно будущему маршалу, заслужил два солдатских Георгиевских креста. Эту ступень своего духовного роста отметил в том же стихотворении «Память» такими строками:

Память, ты слабее год от году,
Тот ли это или кто другой

Променял весёлую свободу
На священный долгожданный бой.

Знал он муки голода и жажды,
Сон тревожный, бесконечный путь,
Но святой Георгий тронул дважды
Пулею нетронутую грудь.

После награждения вторым Георгиевским крестом Гумилев некоторое время проучился в школе прапорщиков, получил первое офицерское звание, а также выпустил сборник «Колчан», составленный из стихов, написанных, главным образом, во время войны, Здесь, в этой книге, он предстаёт уже не просто талантливым стихотворцем, Россия приобрела в его лице большого Поэта.

Продолжая сопоставление Поэта и маршала, вспомним интервью, которое дал в своё время Г. К. Жуков Константину Симонову: «Кто знает, как вышло бы, если бы я оказался не солдатом, а офицером, кончил бы школу прапорщиков… Может быть, доживал где-нибудь свой век в эмиграции». Можно с уверенностью сказать: этого с будущим маршалом никогда бы не случилось. Судьбой гения распоряжается не личность его, но именно Судьба. Подобным, не зависимым от личности Гумилёва образом выстраивалась его дальнейшая жизненная траектория. Революция застала офицера Гумилёва в Европе. Он не торопился в революционную Россию, намеревался вместе с другими русскими легионерами в составе войск Антанты отправиться в обожаемую им Африку. Не получилось. Когда возвратился уже в большевистскую Россию, имел полную возможность эмигрировать, но за кордон так и не уехал.

Судьба уготовила Поэту возвращение в Питер, чекистскую Голгофу и посмертную публикацию сборника «Огненный столп», который открывается стихотворением «Память». Этот сборник обессмертил имя Поэта.

В «Огненном столпе» поэт поместил не просто стихи, но настоящие библейские притчи, орнаментированные, словно персидские миниатюры, которые Гумилёв обожал. Вот концовка той же «Памяти»:

Предо мной предстанет, мне неведом,
Путник, скрыв лицо; но все пойму,
Видя льва, стремящегося следом,
И орла, летящего к нему.

Крикну я... но разве кто поможет,
Чтоб моя душа не умерла?
Только змеи сбрасывают кожи,
Мы меняем души, не тела.

Кто же он, неведомый путник, скрывший лицо, за которым гонится лев, а навстречу летит орёл? Кто Наблюдатель перемен души?

Здесь на память приходят таинственные образы Апокалипсиса, а также их пушкинские расшифровки. «Напрасно я бегу к сионским высотам, Грех алчный гонится за мною по пятам… Так ноздри пыльные, уткнув в песок сыпучий, Голодный лев следит оленя бег пахучий». Это не перекличка литературных метафор, это консонанс двух Пророков. «Но чуть божественный Глагол до слуха чуткого коснётся, Душа поэта встрепенётся, Как пробудившийся орёл». Раздвоенность Духа и души, души и тела, льва и орла — вот загадка, над которой бьётся Поэт. Не только бьётся — решает. Как решает? Смертью смерть поправ. Пушкин это делал, играя со смертью на многочисленных дуэлях, а потом подытожив свои игры странными, казалось бы, словами:

Всё, что нам гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья...
Бессмертья, может быть залог.

Гумилёв искал такие наслажденья на африканских охотах, на войне, наконец, на допросах в ЧК. Причём оба Поэта гениально проигрывая расставание с земной жизнью в стихах, столь же прекрасно ушли из неё в действительности. Видевшие Пушкина накануне смерти были восхищены его великодушием по отношению к обидчику, а в гробу — поражены его просветлённым, торжественным выражением лица. Смерть Гумилёва никто из его друзей не видел, о ней дошли только легенды. И стихи, где Поэт осмысливал конец пути:

Когда я кончу наконец
Игру в cache-cache со смертью хмурой,
То сделает меня Творец
Персидскою миниатюрой.

...А на обратной стороне,
Как облака Тибета чистой,
Носить отрадно будет мне
Значок великого артиста.
...И вот когда я утолю
Без упоенья, без страданья
Старинную мечту мою
Будить повсюду обожанье.

Как настоящий Художник, он своего добился — и прекрасной смерти — и всеобщего обожания. Стихи последнего периода лишены красивостей, в них нет многоречия, в чём раньше упрекали Поэта критики. Даже в таких непривычно длинных для Гумилёва последнего периода стихотворениях, как «Память», «Заблудившийся трамвай» или «Звёздный ужас», всё пригнано, ни одного лишнего слова.

В «Шестом чувстве» он выразил ещё одну свою заветную мечту, которая реализуется сегодня в так называемых «детях-индиго» — генерации следующего поколения более совершенных детей:

Так век за веком — скоро ли Господь? —
Под скальпелем природы и искусства
Кричит наш дух, изнемогает плоть,
Рождая орган для шестого чувства.

Поэт сам был предтечей этой генерации, формируя себя не только с помощью скальпеля природы и искусства, но во всевозможных испытаниях жизни, на которые шёл всегда с открытым забралом, как рыцарь, и добровольно.

Подобно средневековому рыцарю, имел свою Прекрасную Даму, жену — Анну Горенко, позднее ставшую Анной Ахматовой. Отношения двух больших поэтов, как мужа и жены, были весьма сложными. Руки её он добивался не один год, встречая неизменный отказ. Наконец, с четвёртой или пятой попытки получил согласие. Несколько лет пожили вместе, чаще в конфликтах, чем в мире. Расстались, оба имея при совместном проживании многочисленные любовные романы, после развода — тоже, оставив, таким образом, богатый и спорный материал для биографов. В. Срезневская, свидетельница первых месяцев замужества молодой Ахматовой, вспоминает: «Она читала стихи, гораздо более женские и глубокие, чем раньше. В них я не нашла образа Коли. Как и в последующей лирике, где скупо и мимолётно можно найти намёки о муже, в отличие от

его лирики, где властно и неотступно, до самых последних дней его жизни сквозь все его увлечения и разнообразные темы маячит образ жены. То русалка, то колдунья, то просто женщина, таящая “злое торжество…”»

Впрочем, предоставим слово самой Ахматовой.

В «Поэме без героя» (1940–1962) Анна Андреевна написала пронзительные стихи о видении посетившем её в 1940 г. 1913 г. Царское Село. Бал теней, «гофманиана», говоря словами поэтессы, или «дьяволиада», выражаясь словами её друга М. А. Булгакова, где собрались «краснобаи и лжепророки», «козлоногие», «дылды» «без лица и названья». И вот…

Крик:
«Героя на авансцену!»
Не волнуйтесь: дылде на смену
Непременно выйдет сейчас
И споёт о священной мести…
Что ж вы все убегаете вместе,
Словно каждый нашёл по невесте,
Оставляя с глазу на глаз
Меня в сумраке с чёрной рамой,
Из которой глядит тот самый,
Ставший наигорчайшей драмой
И ещё не оплаканный час?

Это всё наплывает не сразу.
Как одну музыкальную фразу,
Слышу шёпот: «Прощай! Пора!»
Я оставлю тебя живою,
Но ты будешь моей вдовою,
Ты — Голубка, солнце, сестра!
На площадке две слитые тени…
После — лестницы плоской ступени,
Вопль: «Не надо!» и в отдаленье
Чистый голос:
«Я к смерти готов».

Повторю: в поэме «Без героя», которая писалась и переписывалась неоднократно с 1940-го по 1962-й, Ахматова не обозначила чётко ни одной тени, кроме мужа своего Николая Степановича Гумилёва. Она осталась навсегда его Прекрасной Дамой, а он — её Паладином во всей разнообразной чертовщине, которая окружала при жизни обоих.

Уход Поэта описан и прокомментирован во многих исследованиях с момента открытия архивов КГБ на эту тему. Последнее — прекрасная книга Юрия Зобнина «Казнь Николая Гумилёва».

Как встретил революцию Поэт? Прежде всего, в трудах творческих и просветительских. С 1917 по 1921 г., как уже говорилось, написаны лучшие его стихи, Гумилёв также заявляет себя как деятельный организатор и пропагандист отечественной и всемирной литературы, руководит «Союзом поэтов» Петрограда, инициирует различные культурные начинания. Как офицер, Гумилёв поначалу не примкнул ни к красным, ни к белым. Даже увлёкся одним из героев «красного террора», о чём написал в стихотворении «Мои читатели», где:

Человек, среди толпы народа
Застреливший императорского посла,
Подошёл пожать мне руку,
Поблагодарить меня за мои стихи.

Этот «читатель» не только пожал благодарно руку Поэту, он ходил в петроградском Союзе поэтов буквально по пятам Гумилева, бормоча его стихи. Этот человек слыл покровителем Есенина, этому человеку дарил свои сборники Маяковский. Далее передаю слово Юрию Зобнину: «Этим человеком был Яков Григорьевич Блюмкин, левый эсер, заведовавший в 1918 году секретным отделом по борьбе с контрреволюцией ВЧК, в прошлом — убийца германского посла графа Мирбаха (что послужило сигналом к началу восстания левых эсеров), а в недалёком будущем — невольный соучастник убийства Есенина в гостинице “Англетер”.

Блюмкин буквально очаровал поначалу Гумилёва-поэта. Ещё бы, знаменитый террорист не из-за угла, а принародно «застрелил императорского посла». Кроме того, был организатором Компартии Ирана — страны персидских миниатюр, обожаемых поэтом, куда рвались также Есенин и Хлебников, страны, планировавшейся в качестве плацдарма для экспорта революции в Индию — «страну духа» — так называл Индию Гумилёв. Какую роль сыграл Блюмкин в судьбе Гумилёва, неизвестно. Зато хорошо известна роль другого чекиста, следователя по особо важным делам Якова Сауловича Агранова, которому поручили дело Гумилёва по обвинению его в контрреволюционном заговоре.

Участие поэта в заговоре, в так называемом «деле Таганцева» до сих пор остаётся предметом споров. Был ли он активным участником «Дела» или резервировался для культурного строительства будущей России, когда заговор увенчается успехом, об этом написано много. Но одно ясно: чем дальше развивались события, тем больше развеивались иллюзии поэта и патриота в отношении воцарившегося режима.

Русская история во все периоды её была предметом всевозможных «научных» спекуляций, начиная с Ломоносова, когда её писали преимущественно «люди заезжие» или преклонившиеся пред ними и до наших дней, когда в исторической науке доминируют те же фигуранты. По сию пору в учебниках бытует мнение, что 1917 г. начался ничтожной, по мнению советских историков, Февральской революцией (по мнению «либеральных», подлинно освободительной). А продолжился этот роковой год октябрьским переворотом большевиков, которые установили свою национальную, отвечающую интересам народа (советский взгляд) власть и безжалостную, принесшую России неисчислимые беды (взгляд «либералов») диктатуру. Как выясняется теперь, та и другая модели управления Россией (как, впрочем, и третья, — горбачёвско-ельцинская) были инспирированы извне. Об этом также много сказано в последние годы: о «пломбированном» вагоне Ленина, о деньгах Парвуса, об американских миллионерах-вдохновителях Троцкого и тех же вдохновителях «перестройки» и ельцинской «суверенной» России.

В трескучей пропаганде СМИ совершенно тонут факты о том, что, выйдя из пломбированного вагона, Ленин распрощался и с немецким генштабом, организовавшим ему проезд из-заграницы в Россию, и с Парвусом, снабдившим его деньгами. Что касается Сталина, то он вообще для партии большевиков ни у кого денег не брал, добывал их сам своими «эксами». И самое главное — к организации ЧК никакого отношения не имел, к убийству царя Николая — тоже. После окончания Гражданской войны, когда навестил в Грузии религиозную мать и та спросила: «Правда, что ты убил царя?», ответил: «Нет, мама, я в это время воевал».

Миф о захвате большевиками власти в октябре 1917-го нуждается в уточнении: какими большевиками и сколько в них было большевистского, если понимать под словом «большевизм» «национальную болезнь» России — диагноз, поставленный ей современными «либералами». Именно их отцы или даже деды поначалу захватили власть в России, не позвав даже Ленина, которому ночью через весь Петроград пешком пришлось добираться в Смольный. Весь остальной период жизни, с 17-го по 22-й год, когда он тяжело заболел, Ленин одновременно с тем, что руководил Гражданской войной, воевал со своим соратниками по партии и надорвался, ведя борьбу на два фронта. Сталин, непосредственный участник обеих войн, изучая их своими жёлтыми тигриными глазами, всё понял и начал бороться с «ленинской гвардией» её же изощрёнными приёмами. Он лечил

«детскую болезнь левизны» не только уговорами и партийными дискуссиями, но главным образом хирургическими операциями, используя инструмент, не им созданный. Но это будет позднее. Во времена же Гумилёва ещё царил произвол революционеров пришлых, приехавших из-за границы и пытавшихся навязать России интернационализм по Троцкому. С двухмиллионным холокостом донских казаков, с многотысячными расстрелами врангелевских офицеров, добровольно сложивших оружие в обмен на помилование.

Как ко всему этому мог относиться Гумилёв? Так, как это описано в «Заблудившемся трамвае», «Пьяном дервише», «Звёздном ужасе», в написанном за несколько лет до смерти стихотворении «Рабочий» — мужественно, стоически, с верой в Россию «Нового Иерусалима». Кто-то в такой вере может увидеть неоправданный романтизм, кто-то восхождение в иную светлую реальность, которая доступна самым главным мудрецам — детям, видящим в грозовом небе не горе, не ужас, но «просто золотые пальцы», которые «показывают, что случилось, что случается и что случится» («Звёздный ужас»).

Как сказано выше, допрашивал Николая Степановича следователь Яков Агранов, подписывавший протоколы допросов фамилией Якобсон. Этот человек, в отличие от Дантеса, отлично понимал, «на что он руку поднимал», так же как и Блюмкин, знал наизусть стихи Гумилёва, цитировал их во время допросов. Понимая патриотический настрой поэта, рисовал ему радужные картины будущей России, во имя которой действуют большевики, добиваясь покаяния и выдачи сообщников. В картины Гумилёв не поверил, друзей не сдал, говорил о себе сдержанно, но в то же время не хитрил, взглядов не скрывал, умер как человек чести, оставив посмертные легенды. Согласно им, расстрел участников ПБО (Петроградской боевой организации), так назывался в чекистской отчётности заговор Таганцева, был произведён на Ржевском артиллерийском полигоне, недалеко от Петрограда. Арестованных привезли на рассвете, заставили вырыть яму, потом раздеться. Ни того ни другого Гумилёв делать не стал, остальные вырыли яму лишь наполовину, их быстро постреляли, убитых и раненых столкнули в яму, засыпали землёй. Что касается поведения Гумилёва, то поэт Георгий Иванов зафиксировал разговор с человеком, близким к чекистским кругам в своих воспоминаниях «Петербургские зимы».

«Да… Этот ваш Гумилёв…Нам, большевикам, это смешно. Но, знаете, шикарно умер. Я слышал из первых рук. Улыбался, выкурил папиросу… Фанфаронство, конечно. Но даже на ребят из особого отдела произвёл впечатление. Пустое молодечество, но всё-таки крепкий тип. Мало кто так умирает. Что ж — свалял дурака. Не лез бы в контру, шёл бы к нам, сделал бы большую карьеру. Нам такие люди нужны».

Следователь Агранов, который подвёл Гумилёва под «вышку», такую карьеру впоследствии сделал, дорос до заместителя главы НКВД, но в 1939 году его расстреляли те же чекисты. Скорой гибелью или мученической жизнью отмечена судьба ряда дру-

гих людей, так или иначе связанных с судьбой Гумилёва. Смертью в сталинском лагере закончил жизнь один из последующих мужей Анны Ахматовой, Николай Пунин. Рано ушла из жизни Лариса Рейснер, кратковременная любовница Николая Степановича, а затем жена Фёдора Раскольникова, прототип героической комиссарши «Оптимистической трагедии» Всеволода Вишневского. Сам Фёдор Раскольников в 1939 г., оказавшись в ранге посла СССР в Болгарии и отказавшись вернуться в Союз, как лицо, подозреваемое в измене, погиб при невыясненных обстоятельств. «Гофманиану» можно продолжать долго, целиком обвинив в ней сталинский режим, если бы не одно обстоятельство. Все указанные реальные персонажи революционной мистерии, как и многие другие главные и второстепенные действующие лица её, а также статисты получили законное евангельское воздаяние — «какой мерой вы мерили людям, такой и вам отмерялось». Некоторые из них, кстати, были в той или иной степени повинны в трагедии Поэта. Сегодня все они фигурируют как жертвы коммунистического террора. Разница с Гумилёвым лишь в поведении, в памяти, в легендах…

Остановимся ещё на одной, малоизученной странице жизни Н. С. Гумилёва — его взаимоотношениях с Востоком и в связи с этим с художником Н. К. Рерихом. Интересно, что позднее эти отношения были продолжены довольно тесным сотрудничеством их сыновей — Льва Николаевича и Юрия Николаевича. Художник, знаток Востока был для многих проводником в этот мир, и Гумилёв, сам проявлявший к Востоку большой интерес, просто не мог обойти такую фигуру. В 1912 г., будучи в Париже, Николай Гумилев писал об открывшейся тогда в Париже выставке картин Н. К. Рериха: «…На фоне северного закатного неба и чернеющих елей застыло сидят некрасивые коренастые люди в звериных шкурах; широкие носы, торчащие скулы — очевидно, финны, Белоглазая Чудь» (речь идёт о картине «Поморяне. Вечер»). На другом полотне («Поморяне. Утро») — «тоже северный пейзаж, но уже восход солнца, и вместо финнов — славяне. Великая сказка истории, смена двух рас, рассказана Рерихом так же просто и задумчиво, как она совершилась давным-давно среди жалобно шелестящих болотных трав». Письма с выставки были опубликованы в журнале «Весы», редактируемом Брюсовым. И далее: «Не принимая современную Россию за нечто самоценное, законченное, он (Н. К. Рерих) обращается к тому времени, когда она ещё создавалась, ищет влияний скандинавских, византийских и индийских; но всех — преображенных в русской душе».

За этими вроде бы чисто эстетическими оценками кроются напряжённые поиски доисторических корней славянства, предпринятые Гумилёвым. Кому, кроме специалистов, известно, что наряду со своими африканскими путешествиями поэт совершил экспедицию на Русский Север в поисках легендарной Голубиной Книги, хранящей, согласно легенде, таинственные космические знания о прошлом и будущем Земли? Эту книгу,

начертанную литерами праславянской азбуки на многометровой скальной поверхности, Поэт нашёл и пробовал расшифровать. Вот откуда его интерес к Н. К. Рериху.

Сохранились глухие намёки на возможные встречи двух художников — кисти и пера. А вот тесное сотрудничество сыновей обоих — Льва Гумилёва и Юрия Рериха документировано довольно обстоятельно. Опубликован в печати и выставлен в Интернете большой очерк Л. Н. Гумилёва, посвящённый памяти Ю. Н. Рериха. Здесь уже без всяких намёков говорится о совпадении творческих интересов, а также духовных устремлений отцов и детей, об их преимущественной ориентации на Восток, на «Степь». Кстати, слово «ориентация» содержит безоговорочно «восточную» основу. Из этого очерка становится более понятной созданная сыном поэта Львом Гумилевым теория пассионарных толчков, оказывающих огромное влияние на мировую историю. Откуда эти толчки, кто их посылает? Правда, Рерихи и Гумилёв-младший видели источник пассионарных толчков по-разному. Отец и сын Рерихи предполагали, что этот источник имеет духовно-мистическую природу, а Лев Николаевич считал, что их порождает сама Природа, которую он, как и его отец, воспринимал как живую и одухотворённую силу.

Как воин, как поэт, как человек Николай Гумилёв состоялся в начале XX в. Его время одни называют страшным, другие, например Борис Пастернак, — «великолепной хирургией» и «небывальщиной под открытым Небом». Странные, казалось бы, слова восторга из уст человека, исповедовавшего миролюбие. Но вспомним Анну Ахматову. Когда её спросили, какой она считает судьбу Мандельштама, Анна Андреевна ответила: «Идеальная для поэта». Таковой считала и судьбу Гумилёва, которую, в отличие от своего друга Мандельштама, Поэт долго готовил и выбрал сам.

Так что вряд ли ответ Ахматовой поймут многие исследователи Серебряного и всего XX в. Большинство из них будут продолжать лить слёзы…

Я же позволю себе закончить эти заметки о великом русском Поэте собственным стихотворным подношением к его ногам и к ногам его века.

XX век

Памяти Н. С. Гумилёва

Я люблю этот век,
Потому что он начат стихами,
Карнавалами масок,
Игрой коломбин и пьеро.
А ещё потому,
Что срывал наши маски штыками,

Что на кровь и на вес
Измерял нашу суть и перо.
Я люблю этот век,
Потому что ласкал нас свирепо,
И надежду таил
Среди самых свирепых угроз.
А ещё потому,
Что на прочность проверил в нас
Небо —
Нашу верность Ему
И связующий с Вечностью трос.

Я люблю этот век
За его чёрно-белые страсти,
Потому что размазал
По стенке все полутона.
А ещё потому,
Что любое ничтожество власти
Долго терпит, но быстро
Смывает со стенок страна.

Я люблю этот век,
Потому что в нём жизнь свою прожил
И не мог не влюбиться
В его восхитительный лик.
А ещё потому,
Что был сыном его, не прохожим,
Что родное болото
Всегда обожает кулик.

СНЫ МИХАИЛА БУЛГАКОВА (1891–1940)

«Мне снился родной город, снег, зима, гражданская война… Во сне передо мной прошла беззвучная вьюга, а затем появился старинный рояль и возле него люди, которых уже нет на свете».

Сны были его мукой и блаженством, дорогой в ад и спасением. Он пронёс их через жестокую явь с редким мужеством и смирением. Всматриваясь в собственную душу, он снял Иисуса Христа с позолоченного креста, вернув на деревянный. Он смог сделать это, потому что слишком мучительной была боль его личного распятия.

Я посетил квартиру писателя в Киеве в доме 13 на Андреевском спуске в 2004 году. Сейчас там мемориальный музей. Рядом Андреевский храм, построенный по распоряжению императрицы Елизаветы Петровны на легендарном холме, где по пути в Новгород якобы останавливался апостол Андрей Первозванный. Так вот откуда сны о Христе! Считается, что врождённая религиозность Михаила Афанасьевича объясняется его генеалогическим древом, где было много священников. Но она (религиозность) ещё и от древних, чисто земных корней места рождения будущего писателя. Через первого апостола Русь впервые соприкоснулась с Иисусом Христом. А много веков спустя писатель, волей судьбы проживший тринадцать лет у подножия священного холма, сам крестил безбожную Советскую Русь на страницах «Мастера и Маргариты».

Он начал роман в 20-е годы XX в. Работа шла трудно, порой мучительно. В такие глубины до него не заглядывал ещё никто. В 1931 г. писатель записывает в дневнике: «Помоги, Господи, кончить роман». В 1940 г. смерть ставит точку в почти готовой рукописи романа. Он успел сказать несколько слов о том мире, куда ушёл Мастер и где Воланд и Иешуа каждый по-своему делают одно дело. А в нашем — через год с небольшим после ухода писателя началась Великая Война. В ней усатый кремлевский Воланд сражался вместе со святыми, с Иисусом Христом и с Божьей Матерью на залитой невиданными потопами крови русской земле. Мастер не смог принять участия в битвах, как он делал это в своё время, воюя за Россию в армии Деникина. Не смог потому, что исчерпал все силы в борьбе за свои сны. И заслужил покой.

Побывал я также в Москве в подъезде дома 50 на улице Большой Садовой.

Почему так прославилась его квартира 10? Почему Михаил Афанасьевич столь живо описал её в своём гениальном романе? Ведь прожил там всего три года и без «Маргариты» — Елены Сергеевны, с которой познакомился гораздо позже. Кроме того, за свою жизнь в Москве сменил ряд квартир и в них жил гораздо дольше. Почему же номер пятидесятый оказался эпицентром разыгранной дьяволиады?

В каменном мешке двора по Садовой, сразу слева, когда заходишь, только что созданный музей писателя. Это случайная квартира на первом этаже первого подъезда. А та самая — в другом подъезде на пятом этаже. Лестничные стены, потолок и даже каменные марши исписаны, размалёваны всевозможными изображениями и надписями. «Тихо, тихо. Шаги или это часы? Это слёзы мои или капли росы? Руки тянутся вверх к одиноким глазам. Никому я тебя не отдам». «Всё, что мне нужно, это несколько слов и

место для шага вперёд». «У каждого есть свой трамвай, главное, чтобы он переехал тебя своевременно». «Склоняю перед вами голову, Мессир». «Воланд вернётся. Скорее бы!» Тоска по Воланду кое-где сопровождается изображением фашистской свастики.

Рисунки, увы, большей частью сатанинской тематики. Высоченная дверь квартиры 50 закована в современную стальную броню. На ней висит большой амбарный замок. Звонок вырван вместе с проводами, оголённые концы их строго наставлены на посетителей: «Просьба не тревожить!»

Всё это было в Москве 90-х годов, сейчас, как мне рассказывают, квартира и подъезд выглядят вполне благопристойно.

О зловещей атмосфере булгаковского дома написано много. Тогда я не почувствовал ничего особенного. Может быть, экран чужих впечатлений заслонил мои собственные, а может, бесы ушли в места потише. Шумная оголтелость современной Москвы достанет хоть кого, даже рогатых и хвостатых. Живо представляется коммуналка 20-х годов XX в. Семь пеналов с одной кухней, одним туалетом и ванной. Расписание на помывку, сходки на кухне… — коммунальный рай, который одни вспоминают с тоской, другие проклинают. Булгаков описывал его с горькой улыбкой.

Итак, квартира 50 на Большой Садовой, 10. Булгаков занимал в ней только одну комнату. Тем не менее поместил в ней сибарита Воланда, да ещё со свитой. Устроил здесь знаменитый сатанинский бал. Каким образом это позволяли скудные квартирные метры? Тесноту можно расширить с помощью «пятого измерения», иначе говоря, творческого воображения. Что и сделал писатель, рассредоточив и расселив себя по всем персонажам романа. Ибо и Иешуа, и Воланд, и Понтий Пилат, и Мастер — это грани личности самого Булгакова. В героях романа писатель выразил всё то, что любил и ненавидел в себе, в людях, в жизни.

Многие исследователи указывают на то, что в Воланде воплощены черты Сталина. Несомненно (хотя многие говорят, что выведен Троцкий). И черты, точнее поступки Понтия Пилата Булгаков заимствовал из того же сталинского прототипа. Пилат отправил Иешуа на распятье, потому что тот, по мнению игемона, сеял смуту в управляемой им провинции, но одновременно отдал распоряжение зарезать Иуду — непосредственного виновника гибели Иешуа. Сталин не давал ходу сочинениям Михаила Афанасьевича, поскольку они не вписывались в идеологию коммунистической империи, а для писателя замалчивание его произведений было равносильно распятию. В то же время диктатор жестоко расправился почти со всеми критиками Булгакова.

О взаимоотношениях писателя с кремлёвским вождём лучше всего рассказала Елена Сергеевна. Писатель ненавидел большевиков, но очень уважал их вождя. Он написал пьесу о его молодости, о том, как рождалась революция. Более того, в подходах к рели-

гии у Булгакова и Сталина было своеобразное сходство. Оба воспитывались в религиозных семьях, обоих родители готовили к духовному поприщу. Но юноша Булгаков увлёкся Дарвином, медициной, наркотиками, резко порвал с верой. С дурной легендой о происхождении человека от обезьяны, а также с пристрастием к кокаину он постепенно справился. И к вере вернулся, но не к церковной. Похожий путь прошёл Иосиф Джугашвили. Бывший духовный семинарист, крушивший в 1920-е и 1930-е годы храмы, в 1943-м прекратил церковные репрессии, призвал в Кремль патриарха Сергия и вышел ему навстречу со словами «Не получилось», имея в виду, что не вышло обойтись без Иисуса Христа. Этому событию предшествовала целая череда знамений Высших Сил, потребовавших от кремлёвского диктатора с началом Великой Войны опоры на религиозные основы во имя спасения России и мира. Тема особого разговора. Точно так же, как исследователям ещё предстоит осмыслить те глубокие религиозные изменения, которые произошли после Октябрьской революции в умах таких выдающихся и разных деятелей русской культуры, как Блок, Есенин, Вернадский, Павлов, Рерих, а до революции — в душе Толстого. Порвав с церковной ортодоксией, они лишь углубили свои подходы к истинной вере.

Октябрь 1917 с разных позиций приветствовали Блок, Маяковский, Есенин. Клюев, также ряд литераторов помельче из так называемого «Серебряного века» русской литературы. Булгаков не славословил революцию, принадлежал, скорее, к числу смирившихся. Но в творчестве его душа принадлежала снам о прошлом.

Сталин хорошо понимал эту противоречивую позицию писателя и очень хотел качнуть его талант в сторону утверждения новой действительности, как удалось это сделать с Горьким и А. Толстым. Однако Булгаков прошёл свою Голгофу до конца, не уступив ни пяди творческого пространства.

Хозяин Кремля играл с ним, как кошка играет с полузадушенной мышкой. На жалобу писателя в известном телефонном разговоре, что ему не дают жить и работать, усатый батька спросил: «Вы где хотите работать? В Художественном театре?» «Да, я хотел бы. Но я говорил об этом, мне отказали», — ответил Булгаков. — «А вы подайте заявление туда. Мне кажется, что они согласятся». Конечно, то, что показалось диктатору, было немедленно реализовано, ибо его фантазии, в отличие от булгаковских, исполнялись немедленно. Михаила Афанасьевича встретили во МХАТе с распростёртыми объятиями. И не только потому, что выполнили указания вождя. Его там действительно любили.

Подобные театральные и литературные объятия сопровождали Булгакова всю жизнь с первых его творческих шагов, но заканчивались, за редким исключением, ничем. Народный артист СССР В. Топорков, близко знавший Михаила Афанасьевича, так вспоминает его рассказ о начале литературного пути…

«Голодный, иззябший, без гроша в карманах рваной солдатской шинели, принёс Булгаков редактору какого-то журнала свой первый литературный опус — последний шанс на спасение. Принят был сухо, редактор через губу бросил:

— Через неделю.

А неделю-то надо прожить.

Через неделю с прыгающим сердцем и поющим желудком, еле держась на ногах, входит начинающий автор в кабинет, и… о чудо! — приём совсем другой. Редактор выскакивает из кресла, хватает его за руки, восклицает:

— Амфитеатров! Амфитеатрова знаете?

— Н-н-нет, — запинаясь, произнёс автор.

— Непременно прочтите. Вы же пишете почти как он. Дорогой мой! Талантище!

— Значит, фельетон понравился?

— Что за вопрос! Гениально!

— Значит, напечатаете?

— Ни в коем случае! У меня семья! — так же жизнерадостно восклицает редактор. — Но непременно заходите! Приносите ещё что-нибудь. Позабористее! До скорого! Амфитеатрова прочтите непременно!».

В этом эпизоде прижизненная судьба почти всех булгаковских сочинений.

Зачем Булгаков взялся за написание «Батума»? Споры вокруг пьесы не утихают. Одни видят в ней проявление человеческой слабости писателя, другие — тактическую уступку режиму, третьи (и среди них Елена Сергеевна) — проявление искреннего уважения и даже почитания советского вождя.

Как бы то ни было, «Батум» — самая слабая из булгаковских пьес. Но это взгляд из сегодняшнего дня. А в ту пору коллектив МХАТа воспринял «Батум» как большую творческую удачу драматурга. Это понятно, за дело взялся Мастер, при любом раскладе сил он не мог сделать своё дело плохо. И мотив написания пьесы не мог быть одним, сработал комплекс мотивов. В начале 30-х годов писателя загнали в угол — его пьесы не шли, книги не печатали. И конечно, среди причин, побудивших взяться за пьесу о молодости Сталина, было естественное желание поправить творческое и материальное положение ценой уступки режиму. Но «продуман распорядок действий и неотвратим конец пути. Я один, всё тонет в фарисействе…» Он не смог стать фарисеем.

В уста молодого Сталина драматург вложил речи, обличающие самодержавие, а в уста его противников — охранительные сентенции. «Народные развратители и лжепророки, стремясь подорвать мощь государства, распространяют повсюду ядовитые мнимонаучные социал-демократические идеи, которые, подобно мельчайшим струям зло-

го духа, проникают во все поры нашей жизни», — резонирует один из противников молодого Сталина-Джугашвили. Роли поменялись. Теперь такие слова мог произнести победитель царского самодержавия и утвердитель своего собственного, заменив слова «социал-демократические идеи» на «буржуазные». Сталин, прочитав пьесу, всё понял и ограничился замечанием: «Все дети и все молодые люди похожи. Не нужно ставить пьесу о молодом Сталине». Вопрос о постановке «Батума» на сцене был, таким образом, решён отрицательно, за пьесу не берутся и поныне. Хотя в наши дни Булгаков сыгран почти весь.

Свою горечь по поводу творческого унижения, связанного с пьесой «Батум», Булгаков вложил в следующую пьесу — «Кабала святош». Его Мольер — главный герой сочинения — временами унижается перед своим патроном Людовиком XIV, восхваляет его, но делает всё это лишь затем, чтобы дать волю своей сатирической ярости по адресу окружения короля-солнца. Это не пылкая ярость мальчишки, это спокойная, доброжелательная ярость мудреца, понимающего, что дело не во власти, дело в подданных. Власть может называться как угодно: коммунистической, монархической, демократической, но пока человечество находится в полуфабрикатном состоянии, воланды будут всегда заявлять о себе, они необходимы.

Этих человеческих полуфабрикатов, вертлявых пошляков, доносчиков, эту слякоть, готовую продать за деньги всё: родину, честь, друга, — Булгаков ненавидел всем существом своей страстной натуры. И писал об этом открытым текстом.

СПРАВЕДЛИВЫЙ САПОЖНИК. Великий монарх, видно, королевство-то без доносов существовать не может?

КОРОЛЬ. Помалкивай, шут, чини башмаки. А ты не любишь доносчиков?

СПРАВЕДЛИВЫЙ САПОЖНИК. Ну чего же в них любить? Такая сволочь, ваше величество!

За подобные шутки можно было угодить в лагеря, но Сталину бесстрашный шут нравился. Диктатор прощал ему выходки и более серьёзные. В середине 1920-х годов в квартире писателя сотрудники НКВД провели обыск, изъяв рукопись «Собачье сердце», а также личный дневник, содержавший целый ряд антисоветских признаний. В ответ на эту акцию чекистов Булгаков написал возмущённое донкихотское письмо руководству НКВД, где потребовал вернуть рукописи, пригрозив, что в противном случае выйдет (!) из членов Союза писателей. И случилось невероятное — рукописи писателю возвратили. И в этот раз и в последующем на стол Сталина не однажды ложились доку-

менты с предложением арестовать смутьяна, не скрывавшего своих убеждений. Однако санкцию на арест писателя генсек не давал. Ходу его пьесам — тоже.

Людовик XIV и Сталин были при жизни объявлены солнцеподобными. Трезвый Булгаков, больше всего любивший в жизни творчество и порядок, тоже ценил в Сталине государственника, оседлавшего русскую смуту и усмирившего бунтарей. Его отношение к кровавым русским царям было подобно отношению к ним Пушкина, который, оценивая царствование Ивана Грозного, высказался примерно так: «Рубить головы — обычное дело государей». Но дело художника совсем иное — никогда не уклоняться от истины, не терять творческой свободы, даже если рискуешь потерять голову. Мало кто из современников Булгакова, как, впрочем, и Пушкина, поднимался до осознания этого простого, но тяжкого правила. Правила гениев.

— Ну, зачем ты язвительным словом
веку-танку щекочешь броню?
С ним ведь не навоюешься — сломит,
уничтожит тебя на корню.

— Это верно. Но дело писателя —
вечно в омут какой-нибудь лезть,
полагаясь на пояс спасательный —
на упрямство, работу и честь.

Некоторые исследователи-булгаковеды отказывают роману «Мастер и Маргарита» в правдоподобном изображении Иисуса Христа, дескать, писатель дал образ некоего Иешуа Га-Ноцри, наполнив его собственным автобиографическим дыханием. Конечно, в образе Иешуа проявилась судьба самого Булгакова. Но не таковы ли все литературные герои больших мастеров, даже списанные с исторической натуры?

Булгаков, естественно, не смог увидеть *всего* Христа, эта задача не по силам ни одному из представителей современного человечества. Но также несомненно, что булгаковское изображение родоначальника христианства расширяет рамки нашего понимания Иисуса Христа как богочеловека. Та верность истине, которую проявили Иешуа и Мастер, и есть основа божественной составляющей человека.

«Я не церковник и не теософ», — однажды сказал о себе Михаил Афанасьевич. Что не церковник — это ясно. Но почему не теософ, ведь его взгляд на Христа близок теософским воззрениям?

В 1922 г. в журнале «Рупор» Булгаков публикует рассказ «Спиритический сеанс». Его герои — «бывшие» хозяева жизни, ненавидящие «нынешних» устраивают на своей квартире спиритическую сходку, чтобы узнать, как потусторонний мир относится к большевикам и сколько времени отводит их власти. В это время любопытная горничная Ксюша, которую выпроводили из комнаты, подглядывает в замочную скважину, чем же занимаются её хозяева. И рассказывает подружке: «Заперлись они, девонька… Записывают про инператора и про большевиков… Темно в квартире, страсти!.. Жилец, барин, барыня, хахаль ейный, учительша… Лампы потушили, чтобы я, значит, не видела… Хи-хи! И записывают… большевикам, говорят, крышка».

Далее комментарий рассказчика: «В дымной тьме Сократ, сменивший Наполеона, творил чудеса. Он плясал как сумасшедший, предрекая большевикам гибель… Когда же нервы напряглись до предела, стол с сидящим на нём мудрым греком колыхнулся и поплыл вверх… Спириты потребовали, чтобы дух стукнул. И стук раздался.

— Дух, кто ты? — дрожащим голосом крикнул Павел Петрович.

— Чрезвычайная комиссия, — ответил из-за двери гробовой голос.

Когда дверь открыли, дух окинул глазами хаос спиритической комнаты и, зловеще ухмыльнувшись, сказал:

— Ваши документы, товарищи…»

Понятно, как мог относиться Михаил Афанасьевич к «теософам» подобного рода.

Известная фотография с моноклем в глазу и бабочкой на шее хорошо передаёт многоликий образ писателя. Он вставлял в глаз монокль и надевал бабочку, намеренно эпатируя новую интеллигенцию в косоворотках и сапогах. Но любил также всякие переодевания, розыгрыши, как теперь говорят, «балдёж». Вот фотография «Булгаков на отдыхе. 1927 год»: белоснежный костюм, та же чёрная бабочка. А рядом снимок Булгакова-актёра в спектакле МХАТа «Пиквикский клуб», загримированного под английского джентльмена в парике — не узнать! Хорошую одежду обожал смолоду, одежду из той России, России его снов. Но с гардеробом имел большие проблемы. Вернувшаяся из эмиграции в Советскую Россию Любовь Белозерская, позже ставшая его второй женой, так описывает первую встречу с Булгаковым.

«Передо мной стоял человек лет тридцати—тридцати двух, волосы светлые, гладко причёсанные на косой пробор. Глаза голубые, черты лица неправильные, ноздри глубоко вырезаны, когда говорит, морщит лоб. Но лицо, в общем, привлекательное, лицо больших возможностей. Я долго мучилась, прежде чем сообразила, на кого же он походил. И вдруг осенило меня — на Шаляпина! А вот одет он был далеко не по-шаляпински… Какая-то глухая чёрная толстовка без пояса этакой «распашонкой» была на нём. Я не привыкла к такому мужскому силуэту. Он показался мне комичным слегка, так же как

и лакированные ботинки с ярко-жёлтым верхом, которые я сразу же окрестила «цыплячьими». Только потом, когда мы познакомились поближе, он сказал мне не без горечи: “Если бы нарядная и надушенная дама знала, с каким трудом мне достались эти ботинки, она бы не смеялась…” Тогда я поняла, что он обидчив и легкораним».

Был в жизни большой любитель каламбуров. Известную библейскую заповедь Моисея переиначил на «Не при Любе сотвори», имея в виду Л. Белозёрскую. И «сотворил» ведь, при ней привёл в дом третью жену — Елену Шиловскую.

Он предложил в одной из своих книг шутливую загадку: «В украинском языке “кот” это “кит”. А как по-украински звучит русское “кит”?» В Киеве я предложил этот булгаковский коан своим украинским друзьям. Мне ответили: «кит» произносится как «кыт». В литературе 20-х и 30-х годов Булгаков был именно таким «кытом», которого хотели превратить в домашнего кота. Или как он сам выразился в своём письме Правительству СССР от 28 марта 1930 года: «На широком поле словесности российской в СССР я… один-единственный литературный волк. Мне советовали выкрасить шкуру. Нелепый совет. Крашеный ли волк, стриженый ли волк, он всё равно не похож на пуделя. Со мной и поступили как с волком… Злобы я не имею, но я очень устал… Ведь и зверь может уставать».

Зафлаженный толпами критиков-охотников, Булгаков в изнеможении отлёживался дома, именно как загнанный волк. Но на себя наговаривал лишнее, волком не был. Он мог бы сказать о себе вместе с Осипом Мандельштамом:

Мне на шею кидается век-волкодав,
Но не волк я по сути своей.

Мандельштам же, по-мальчишески безрассудный, сам кинулся в пасть волкодаву, написав стихотворение «Горец». Адресат, усмехнувшись в усы, не стал сразу нокаутировать тщедушного противника, отправил его для начала в лёгкий нокдаун, то есть выслал в Воронеж. Перепуганный поэт стал писать в Воронеже заздравные стихи режиму и его главе. Когда усатого батьку познакомили с новыми страницами творчества Мандельштама, он ухмыльнулся уже зловеще: «Ничего не понял. Отправьте его куда-нибудь дальше…»

«Кыт» был мудрее, он никогда не ввязывался в прямую схватку с режимом и самодержцем, уходил в намёки, в иносказания, в фантастику. Но сны не спасали. Век-волкодав доставал писателя всюду.

Почему Булгаков не уехал из России? Внешне всё объяснимо — не пускали. Но у него был период между 1917-м и 1919-м, когда такая возможность предоставлялась не однажды, он в ту пору жил в Киеве, в Пятигорске, во Владикавказе, ещё не занятых окончательно большевиками. Ушли вместе с армией Деникина за рубеж два его брата, Иван и Николай, ушли многие друзья. Булгаков же остался, активно включившись в культурную работу молодой советской республики. И с первых шагов такой работы заявил о себе если не как «контрик», то, по крайней мере как активный «бывший», защищая культурное наследие прошлого. Тогда же начались его нелады с новой властью. Он никак не желал поступаться своими «снами», со своей тоской по прошлому, одновременно не держал кукиша в кармане против новой власти. Его рыцарское сердце и мудрая голова сдерживали личное неприятие режима, хотя ум подсказывал — ходу его перу не дадут.

Позже, в конце 20-х годов, писатель не однажды просился за границу для соединения с родственниками, особенно мечтал побывать в Париже — Мекке литературной эмиграции. Но ему уже откровенно перекрыли дорогу на Запад. Одно время его преследовали мысли о самоубийстве, свидетельство — метания Максудова в «Театральном романе». Случались также периоды, когда он был близок к помешательству. Не только в Мастере, но и в Иване Бездомном прослеживаются автобиографические грани создателя «Мастера и Маргариты».

С сарказмом, но и с большим внутренним теплом он описал в некоторых героях «Театрального романа» черты тех, кто пошёл на компромисс с советской властью: Станиславского, Немировича-Данченко, Алексея Толстого. Бонвиванскую натуру последнего Булгаков рисует даже с некоторой долей зависти, потому что сам любил хорошо пожить. Но то, что разрешено быку, Юпитеру делать возбраняется его божественным статусом. Таланту компромиссы позволены, но у гения «продуман распорядок действий и неотвратим конец пути».

Здесь я рискну заглянуть в запредельные области метафизики, прикрывшись авторитетом Даниила Андреева. Этот писатель ввёл понятие метаистории, которая сопровождает обычную земную историю и очень часто предшествует ей. Рождение гения начинается на небесах, когда человеческий дух заключает с Богом контракт на выполнение определённой исторической задачи. Для того чтобы «нижеподписавшийся» не забыл о своём контракте, его сопровождает по жизни гений, в своё время хорошо описанный Сократом. Жизнь такого человека никогда не бывает лёгкой, хотя он знает минуты блаженства, недоступные рядовому человеку. Но если отмеченный Богом человек изменит контракту, гений отступит от него. Чем это заканчивается, могут объяснить глаза врубелевских демонов.

Булгаков не отступил и не сдался. Он не изменил контракту, и гений не покинул его. Если бы писатель в 1919 г. уехал за границу, а не в Москву в пасть дьяволу, не было бы гениального автора «Мастера и Маргариты», зато мог бы состояться какой-нибудь дублёр Алексея Толстого.

Вот метафизические корни вырвавшейся у Булгакова в разговоре со Сталиным фразы: «Русский писатель не может жить вне родины». Только не нужно цепляться за слова, Рахманинов жил вторую половину жизни за границей и оставался гением, потому что родина никогда не покидала его душу. Булгаков говорил о своём случае.

Сколько же он пережил в советской России от прямых попаданий в крылья!

Первый взлёт. Как часто спозаранок
Попадает дробь в крыло души.
Кровью истекающий подранок
Молча уползает в камыши.

Отлежится, снова рвётся в тучи.
Так всю жизнь. И никакой резон
Раненую птицу не отучит
Из гнезда лететь за горизонт.

Так и этот, до костей израненный,
Не желает выучить урок,
Тянется в последнее изгнание
Крыльями трепещущий чирок.

Исследователь творчества Булгакова Виктор Петелин в своей прекрасной, хотя и страдающей длиннотами и повторениями книге «Жизнь Булгакова» отделяет писателя от так называемых сюрреалистов, творцов кошмаров и т. д., подчеркивая сугубо реальную основу всех булгаковских снов. Это верно. Но лишь отчасти. Что значит реальность или нереальность человеческих фантазий? Сюрреализм, абстракционизм — тоже реальность, но реальность низшая. Геометрические фигуры Малевича и Пикассо существуют в Тонком мире, как разорванные фрагменты земной жизни. Прекрасное там отражается как прекрасное здесь. Тамошние кошмары и деформации в одном случае следствие, в другом — причина посюсторонних.

Вся русская классическая литература развивалась под импульсом «пятого», божественного и высших слоёв «четвёртого» — тонкого измерение. Павел Флоренский на-

зывает искусство «оплотневшими снами». Душа во сне поднимается из мира дольнего в мир горний, чтобы, напитавшись божественными красотами запечатлеть их потом кистью или пером. Мир горний полон несказанной красоты, лишь отблески её может принять мир дольний.

Но даже эти осколки красоты небесной часто встречают ожесточенное сопротивление. Мир дольний очень часто не хочет принимать дары мира горнего. Однако непонимание и непризнание, как правило, только усиливает творческие порывы художника. В истории искусства немало тому свидетельств, французский импрессионизм, например. Советская идеология, отрезавшая тонкие миры от плотной действительности, своими железными тисками буквально выдавила Булгакова вверх, к Христу.

Сегодняшние «демократические» СМИ стараются выдавить искусство вниз, в адские области. И та и эта власти, в сущности, делают одно дело, объединяя мир плотный с миром тонким. Но сколько же на этом пути обломков! Число жертв сталинских репрессий исчисляется миллионами. Десятки миллионов мы потеряли в годы «либерального» владычества. Считается, что при «светопреставлении» погибнут миллиарды.

Где же ты, милосердный Бог?!

Подобные вопросы возникали не однажды в XIX веке. А XX весь прошёл под знаком ницшеанского приговора «Бог умер».

Булгаковские сны пришлись на самое начало века, попали в самую гущу безбожных кошмаров, их выдержали и ушли в бессмертие.

Булгаков, как и герой его романа, во время одного из своих ночных кошмаров сжёг часть «Мастера и Маргариты». «Я возненавидел этот роман, и я боюсь. Я болен, мне страшно». Могучий дух справился с унынием, восстановил утраченную часть романа, подтвердив своим гением справедливость слов «Рукописи не горят!» Но сколько же страшной усталости принесли эти несгораемые рукописи Мастеру!

«Боги, боги мои! Как грустна вечерняя земля! Как таинственны туманы над болотами. Кто блуждал в этих туманах, кто много страдал перед смертью, кто летал над этой землёй, неся на себе непосильный груз, тот знает. Это знает уставший. И он без сожаления покидает туманы земли, её болотца и реки, он отдаётся с лёгким сердцем в руки смерти, что только она одна успокоит его».

Изнемогший победитель, он умер с лёгким сердцем, после мучительного припадка, погрузившего его в долгий сон. Ритмичное спокойное дыхание Мастера постепенно слабело. Наконец, лёгкая судорога прошлась по его лицу, и вырвавшаяся на волю душа отправилась в последний полёт над землёй.

«Он не заслужил света, он заслужил покой».

* * *

О прошлое, в твоём кровавом хрусте
Одни разборки времени и нас.
«Душа полна невыразимой грусти».
Забыться бы,
ничьих не видеть глаз...

Но из глубин нескошенного поля
Приходят предков тихие слова:
— Мы живы до тех пор, пока нас помнят,
И живы те, в ком грусть о нас жива.

Он умер 10 марта 1940 г. Сталин воспринял смерть писателя весьма своеобразно, можно даже сказать, как личную потерю человека, за деятельностью которого пристально следил (на спектаклях «Белой гвардии» побывал, по ряду свидетельств, много раз). В квартире покойного раздался телефонный звонок: «Звонят из секретариата товарища Сталина, это правда, что умер Булгаков?» «Правда», — ответила Е. С. Шиловская. Спустя пять дней Елена Сергеевна получила от Александра Фадеева, встречавшегося с больным Булгаковым накануне смерти, письмо.

«Мне сразу стало ясно, что передо мной человек поразительного таланта, внутренне честный и принципиальный, очень умный, с ним, даже тяжело больным, было интересно разговаривать, как редко бывает с кем. И люди политики (читай Сталин. — *Ю. К.)* , и люди литературы знают, что он человек, не обременивший себя ни в творчестве, ни в жизни политической ложью, что путь его был искренен, органичен, а если в начале своего пути (а иногда и потом) он не всё видел так, как оно было на самом деле, то в этом нет ничего удивительного, хуже было бы, если бы он фальшивил».

Эти слова принадлежат одному из самых больших литературных «генералов» советской словесности. Всё понимал, но ничем не помог. И не мог помочь он, видевший в 40-м «всё так, как надо». А когда позже увидел тоже всё «не так, как надо», не смог удержать себя в жизни.

О блаженство, даже самому страшному времени говорить в глаза только правду! И никогда не изменять ей.

Пустота, шуньята, покой, нирвана — это в буддийской метафизике гавань всех человеческих устремлений. Гавань блаженства. Оттого истинные творцы выше всех наслаждений жизни ценят наслаждение творчества. Но им мало одной такой гавани, они,

мятежные, ищут покой в буре. Почему? Потому что нирвана (безветрие) предполагает вторую свою грань — бурю. Без неё человек слабеет. Лучше всего это понимал и выразил Пушкин: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать». Булгаков наглотался страданий слишком много и запросил покоя.

Но покой для творца — тоже работа. Другая форма работы. Без дела творец жить не может.

Когда все пути для творческой самореализации были ему перекрыты, Художественный театр предложил инсценировать «Мёртвые души». Перечитав роман, Булгаков сказал, что инсценировать Гоголя невозможно, нужна самостоятельная пьеса. «Пьеса так пьеса», — согласились в театре. Он написал её, ввёл главное действующее лицо — самого Гоголя, вложил в его уста слова из других гоголевских сочинений и, конечно, вдохнул в пьесу самого себя, весёлого, страдающего, грустно смеющегося Булгакова. Но как это сделал?

Исследователи булгаковской пьесы не обнаружили в ней ни одной не то что собственной фразы, ни одного негоголевского слова. Всё только Гоголь. Унисон, достойный двух гениев.

Она и теперь идёт, эта пьеса, — булгаковский завет театру, как нужно работать с классикой.

Сегодня на Гоголе кто только не самовыражается. Какой-нибудь режиссёр-шибздик непременно введёт в сцену ухаживаний Хлестакова за Марьей Андреевной и Марьей Антоновной сексуальные эпизоды. Иначе какой он сокрушитель ветхозаветной морали! А главное, ведь не предоставит нынешний театр свои подмостки, не заплатит денег без подобного сокрушительства.

Михаил Афанасьевич никогда ни в чём не потакал не только вкусам властей, но и вкусам толпы. Творчество для него было священнодействием, говоря словами его современника Бориса Пастернака, чудотворством. Анна Ахматова, написавшая в 1940 г. стихотворение на его смерть, определила его творческую бескомпромиссность словами «великолепное презренье». Но стоило ему это качество великих страданий.

Тем не менее нет ничего пошлее, чем изображать Михаила Булгакова мучеником и страдальцем. Как несовместимы гений и злодейство, так же невозможен гений, испытывающий непрерывные фрустрации. Жизнь Булгакова многоцветна. Всё, чем только может одарить она человека, он получил за свои неполные пятьдесят лет пребывания на земле. Была слава и замалчивание, деньги и безденежье, много друзей, ещё больше врагов, сладость творчества и травля критиков, ненависть властей и любовь женщин. И бо-

жественная кульминация, апофеоз его жизни, его предсмертный экстаз — прежде чем умереть, он сумел поставить точку в бессмертном романе.

В начале 20-х годов он сотрудничал с эмигрантским сменовеховским журналом «Накануне», издающимся в Берлине. Редактировал журнал Алексей Толстой, любивший корреспонденции Булгакова и хорошо плативший за них. Однажды журнал заказал Михаилу Афанасьевичу очерк о только что открывшейся в Москве сельскохозяйственной выставке. Блестящее, по-рембрандтовски сочное описание изобилия выставки редакция высоко оценила, статья была напечатана с ходу.

Но когда Булгаков представил счёт на производственные расходы, бухгалтерия журнала пришла в ужас. «Что это был за счёт! — писал очевидец. — Расходы на ознакомление с национальными блюдами и напитками различных республик!.. Всего ошеломительней было то, что весь этот гомерический счёт на шашлыки, шурпу, люля-кебаб, на фрукты и вина был на двоих.

— Почему же на двоих? — спросил поражённый заведующий финансами редакции.

Булгаков невозмутимо отвечал:

— Во-первых, без дамы я в ресторан не хожу. Во-вторых, в фельетоне у меня отмечено, какие блюда даме пришлись по вкусу. Как вам угодно-с, а произведённые мною производственные расходы покорнейше прошу возместить».

И возместили полностью.

«Никогда ни о чём не просите, принесут сами…» — говорил он. Это не совет моралиста, это его жизнь. В самые тяжкие дни творческого простоя и безденежья появлялся некто из Москвы, Ленинграда, Средней Азии, просил написать пьесу или инсценировку.

— Без аванса не возьмусь за работу.

— Выплатим аванс. Немедленно.

— Вам могут запретить ставить мою пьесу, — продолжал Мастер, — и я не смогу вернуть полученные деньги, потому что они будут истрачены.

— Мы согласны на такое условие в договоре — не потребуем возвращения денег, если пьеса не пойдёт.

Были ли случайные некто посланцами Сталина или самого Главного Некто, который давал писателю счастливые передышки? И чего Главный Некто добивался от своего подопечного, пропустив его через столь безжалостные жернова жизни? Ницше сказал: «Человек — это то, что необходимо преодолеть». Зачем? Чтобы человек смог когда-нибудь стать Иешуа или в далёком будущем самим Некто?

Он был далёк от того, чтобы считать себя святым, но была в его снах и святость. Великое счастье Булгаков обрёл в любви к Елене Сергеевне Шиловской, ставшей его женой

в 1927 г. Она была ангелом-хранителем писателя при жизни, а после смерти хранителем великого романа, который довела до публикации почти через тридцать лет со времени написания. В русской литературе XX в. два примера столь мастерски описанной высокой любви: булгаковский, в его великом романе, и шолоховский, в «Тихом Доне». Но автор «Мастера и Маргариты» не только опоэтизировал большую любовь, он прожил её.

Три замечательных женщины прошли через его жизнь: Т. Н. Лаппа, Л. Е. Белозерская и Е. С. Шиловская. Все три спасали, вытаскивали его из котлов с горячей и холодной водой, куда попеременно окунала писателя советская действительность. С Есениным и Маяковским она расправилась быстрее, как мне кажется, потому что рядом с ними не было достойных подруг.

Боги, боги, неужели и вам снятся только сны?! Как увидеть реальность?

Если реальностью называть неизменяемую действительность, то, наверное, таковой не существует даже для богов. Святые всех религий говорят, что за одним Небом, следует другое, потом третье… Но если всем нам, смертным и бессмертным, суждены вечные сны, то пусть они, по крайней мере, будут прекрасными. А как оценишь красоту, не сравнив её с безобразием? Как узнаешь радость, не испытав страдания?

Полёты из одного мира в другой, участие в рождении миров, высекание искр гармонии из каменного хаоса, страдальческое изнеможение и восторг создания новой прекрасной формы, оставление её ради сотворения новой… — не это ли единственно возможное счастье? Тогда все беды мира превращаются в препятствия, которые ждут своего одоления. Ради чего? Ради великой, нескончаемой, прекрасной и страшной Неизвестности.

Он ушёл в Неё, как уже говорилось, в полном изнеможении сил на руках у Елены Сергеевны и её сестры Ольги Бокшанской. Процесс ухода был мучительным, почки совершенно отказали, и ядовитые отходы организма проникли всюду, вплоть до мозга. Но момент ухода был тихим и благостным. Боги, принимая своего любимца, освободили его в последние минуты от страданий. Также до последнего вдоха, как сообщила в письме своей матери Ольга Бокшанская, «юмор не покидал его».

ПОЭТИЧЕСКИЕ ИТОГИ

Послесловие издателя и сына

1. ПОСТРОЕНИЕ СБОРНИКА

Сборник стихотворений моего отца, поэта, эссеиста, переводчика, путешественника, общественного деятеля Юрия Михайловича Ключникова, который вы держите в руках, — это второе, расширенное и дополненное издание книги, вышедшей пять лет назад, в 2015 г. За это время он написал и, главное, издал целую серию книг, в основном свои художественные переводы. Данная книга, наверное, основная, потому что это избранное, включающее в себя то, что поэт счёл самым лучшим из своих стихов, переводов, поэтических переложений и эссе.

Несмотря на почтенный возраст (в декабре 2020 года ему исполнится 90 (!) лет), Юрий Ключников много и напряженно работает, его рабочий день обычно длится по 10—12 часов. Каждый год он создаёт по одной книге стихотворений, а иногда эссеистики. В данном втором издании сборника «Душа моя, поднимем паруса!» по сравнению с первым выпуском есть целый ряд новых, никогда не издававшихся произведений — немало стихотворений, поэма «Смирение. Поэтические заметки на полях русской истории», ряд сонетов и художественных переводов индийской поэзии.

Сборник содержит произведения, созданные в течение полувека, с 1970 по 2020 г. Помимо трёх эссе, посвящённых Михаилу Ломоносову, Николаю Гумилёву и Михаилу Булгакову, книга включает в себя 849 стихотворений. Среди них 628 русских стихотворений, 5 русских поэм, более 200 иноязычных переведённых стихотворений, 10 поэм и отрывков из них. Это переводы и переложения стихотворений, созданных французскими, персидскими, китайскими, английскими, индийскими поэтами за огромный исторический период. Всё это — только часть огромного поэтического наследия, оставленного Юрием Ключниковым за многие годы напряженного труда (23 книги, более 3000 стихотворений и переводов, десятки статей, книга путешествий, мемуары). Но часть, безусловно, лучшая: поэт тщательно отобрал и заново отредактировал каждую строчку своих стихов, написанных раньше.

Сборник состоит из 32 разделов, каждый из которых посвящён той или иной теме. Это Россия, поэтически осмысленная с самых разных сторон и углов зрения; православие; сакральный Восток; русская природа; литература; отечественная история; советское

наследие; Великая Отечественная война; Украина; европейская культура (два раздела: «Французская тетрадь» и «Испанская тетрадь»); узоры восточной мысли. Кроме того, это портреты выдающихся людей: политиков, художников, музыкантов, мыслителей; и любовь; наше драматическое, даже катастрофическое время; духовные поиски своих корней и предназначения; внутренняя работа человека по преображению своей души; и ещё многое другое, чему трудно подобрать определение.

Объединены эти разделы в шесть больших частей. *Первая часть — «Стихи о России»*, как видно из названия, — представляет собой поэтическое осмысление самого российского феномена, истории, военных побед, советского прошлого, разнообразной природы нашей страны.

Вторая часть — «Муза и любовь» — стихи, посвящённые литературе, русским писателям и поэтам, тайнам творчества, песням, теме женщины и любви.

Третья часть — «Дороги исканий» — представляет собой своего рода жизненную и духовную биографию поэта. Разделы этой части отражают такие темы и периоды из жизни поэта, как его военное детство, полное ярких и разнообразных впечатлений, давших мощный импульс к тому, чтобы стать поэтом, кризис, пережитый в среднем возрасте, длительный период погружения бывшего успешного журналиста в восточную мудрость и путешествий по Индии, история с исключением из партии за богоискательство, приход к православию и национальным духовным корням. Завершается эта часть несколькими разделами, содержащими его итоговые стихи и поэтическую квинтэссенцию его творчества.

Четвёртая часть называется «Поэмы». В сборнике есть пять поэм одна большая и четыре небольших, но очень ярких произведения этого жанра. Три первых поэмы: «Ковры», «Певец и хан», «Золотое озеро» — красивые восточные легенды, раскрывающие авторское понимание таких тем, как красота, магическая сила искусства, художник и власть. Четвёртая поэма, «Боливийский дневник», посвящена одному из самых любимых исторических деятелей Юрия Ключникова — Эрнесто Че Геваре. Пятая, самая большая и хронологически последняя поэма «Смирение» имеет подзаголовок «Поэтические заметки на полях русской истории». Она написана в 2020 г. и представляет попытку автора осмыслить огромный временной промежуток — от событий крещения Руси до эпохи коронавируса.

Пятая часть книги называется «Переводы». Она включает в себя переводы и художественные переложения стихотворений, созданных поэтами пяти мировых литератур. Эта часть начинается с французской поэзии. В книге есть более 30 стихотворений 18 лучших французских поэтов XII— XX в., которые были опубликованы в сборнике Юрия Ключникова «Откуда ты приходишь, красота?» (2-е издание, 2015).

Есть раздел персидской (суфийской) поэзии», состоящий из переводов таких писавших на фарси поэтов Востока, как Абу Абдаллах Рудаки, Фирдоуси Абулькасим, Омар Хайям, Низами Гянджеви, Джалаладдин Руми, Саади Ширази, Хафиз Ширази.

Книга содержит также раздел с переводами китайской поэзии, представленной переводами стихотворений таких авторов как Цюй Юань, Тао-Юаньмин, Ван Вэй, Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюйи, Су Ши, Тан Сытун, Мао Цзэдун, Айцин, Хай Цзы.

Раздел английской поэзии заполнен сонетами и поэмами Уильяма Шекспира, Филипа Сидни, Джорджа Чапмена, Фрэнсиса Бэкона, Джона Донна.

И завершает эту часть раздел переводов и художественных переложений индийской поэзии, состоящий из шести первых глав священной книги Индии «Бхагавадгиты», отрывки из поэмы Калидасы «Времена года», стихотворения и отрывки из поэм Рабиндраната Тагора, переводы стихотворений таких поэтов, как Махмуд Икбал, Сароджини Найду, Ауробиндо Гхош, Субхаш Мукхопадхай. Индийская книга переводов, сделанных Ю. М. Ключниковым, «Слово Ариаварты: 35 веков индийской поэзии» ещё не опубликована, потому читатель может познакомиться с этими произведениями впервые. Переводы европейской (французской и английской) поэзии сделаны с языка оригинала, вольные переводы персидских, китайских и индийских поэтов выполнены с русских подстрочников.

Шестая часть книги называется «Эссе» и содержит три работы, посвящённые таким фигурам русской литературы, как М. В. Ломоносов, Н. С. Гумилёв, М. А. Булгаков.

В конце сборника помещена краткая биографическая статья о Юрии Ключникове, содержащая необходимый справочный материал, цитаты из статей и высказываний известных литераторов о сибирском поэте и указатель стихотворений.

Сборник «Душа моя, поднимем паруса!», в отличие от других поэтических книг Юрия Ключникова, сознательно построен не по хронологическому, а именно по тематическому принципу. Тематическая широта не позволяет свести творчество Ключникова к какому-то одному направлению: лирика любовного или пейзажного толка, духовно-философская поэзия, гражданско-публицистические стихи, — у него присутствуют все перечисленные виды.

Юрий Ключников живёт уже более 77 лет в Сибири, из них 60 — в Новосибирске, но, как справедливо заметил известный литературный критик Владимир Бондаренко, он — литератор, который по масштабу никак не может считаться каким-то «областническим» писателем.

Помимо уже отмеченной широты его творческих интересов нужно подчеркнуть высокое качество и глубину поэзии.

Стихи и переводы Ключникова высоко оценивали известные поэты, прозаики, критики, литературоведы, принадлежащие к самым разным, нередко противоположным, литературным лагерям и направлениям. Список самых известных из них впечатляет: В. Астафьев, В. Кожинов, В. Солоухин, Е. Евтушенко, А. Проханов, Л. Аннинский, С. Ю. и С. С. Куняевы, А. Казинцев, В. Бондаренко, В. Курбатов, Ф. Кузнецов, В. Лихоносов, С. Золотцев, Г. Иванов, В. Смирнов, В. Калугин, С. Небольсин, С. Джимбинов, В. Сидоров, Э. Балашов, Ю. Селезнев, А. Парпара, Л. Ханбеков, Н. Мирошниченко, С. Гонцов, Г. Немченко, Е. Артюхов, Ю. Линник, В. Костин, М. Бушуева, А. Горянин, А. Сенкевич, народные артисты А. Ливанов, Ал. Михайлов, Н. Бурляев, и даже некоторые политики (например, известный депутат Госдумы О. Н. Смолин), благодаря которым стихи Юрия Ключникова звучали на заседаниях Госдумы.

Стихи Юрия Ключникова и статьи о нём публикуются в различных изданиях, журналах, газетах и на литературных интернет-порталах и его книги продаются не только в Сибири, но и в столице (где за последние годы было проведено более 50 творческих вечеров, где звучали стихи поэта), его творческие вечера собирают в Москве сотни людей, а по разным городам страны поэтический театр, популяризирующий творчество поэта, проводит свои вечера. Но всё равно нельзя сказать, что он имеет шумную литературную известность. Наверное, дело в том, что поэт не успел творчески реализоваться и обрести признание в советское время и не мелькает сегодня на экране телевизора. А кто не успел, тот опоздал: сегодня в обществе торжествуют совсем иные интересы и ценности, и самые замечательные современные поэты читаются только небольшим количеством поклонников. Тем не менее, имя и творчество Ю. М. Ключникова, постепенно становится все более известным. О нём в литературных журналах и на интернет-порталах опубликовано несколько десятков статей известных литераторов, число читательских отзывов перевалило за несколько сотен, его книги раскупаются в книжных магазинах, его творческие вечера проходят в разных городах страны, о нём сделаны фильмы, которые иногда показывают и по каналам ТВ.

2. ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ПОЭТА

Ю. М. Ключников родился 24 декабря 1930 года в небольшом городке Лебедин Сумской области в Левобережной Украине (Сумская область раньше принадлежала Курской губернии). Будущий поэт в 1933 г. в возрасте трёх лет прошёл через голод, который свирепствовал тогда на Украине. Мальчика спас от неминуемой смерти родной дед, который периодически приносил ему хлеб. В начале войны мальчик с родителями жил в Харькове, их район постоянно подвергался налётам фашистской авиации. Семье

удалось эвакуироваться в самый последний момент, когда в Харьков уже входили немцы. После года жизни в эвакуации в саратовской деревне он уезжает в Кузбасс к отцу, который в то время запускал завод, перевезённый с Украины.

Его, как и многих детей войны, жестокое время лишило малой родины: первый раз — в 1941-м, когда он с семьёй был вынужден бежать от фашистов на Восток. В наши дни состоялась вторая потеря родины: город Лебедин, где поэт родился, оказался в 2014 году под властью наследников Бандеры и Шухевича. А на Донбассе, где он с родителями жил несколько лет, до сих пор звучат выстрелы и льётся кровь. Потому у Ю. М. Ключникова, как и у миллионов жителей России, оказавшихся военными переселенцами, оказалось несколько малых родин. Помимо лебединской природы это ещё и саратовская степь (в память о которой он оставил яркие стихи и где ему в возрасте 11 лет пришлось провести год во время эвакуации), кулундинская степь в Сибири и его любимый Горный Алтай, по которому он водил сотни людей в экспедиции и где в течение многих лет бывал каждый год.

Потеря малой родины — это, конечно, если не трагедия, то очень серьёзная драма для любого человека, тем более поэта. Но нет худа без добра: Донбасс судьба заменила на Кузбасс, на сибирскую землю. С той поры Юрий Ключников больше не покидал Сибири. А энергия этого удивительного края, выковывающего сильные характеры, очень благодатна. Она помогла раскрыть лучшие грани в человеке, родившемся на далёкой Украине. В школе он активно посещал литературный кружок, который вёл ленинградский профессиональный литератор из Ленинграда Федор Олесов, предсказывавший юному сочинителю большое будущее. Ключников поступил на филологический факультет одного из лучших вузов страны — Томского университета, с отличием его окончил и по окончании учёбы работал корреспондентом в газетах городов Кемерово и Ленинск-Кузнецк, несколько лет был учителем, завучем и директором средней школы в селе Плотниково Промышленновского района Кемеровской области. После переезда в Новосибирск работал в школе, а затем корреспондентом на новосибирском радио. Затем состоялась двухлетняя учеба на факультете журналистики Высшей партийной школы при ЦК КПСС в Москве, куда его, молодого и талантливого журналиста, послали в начале «оттепели». В столице он получил прекрасное второе образование, дополненное активным посещением библиотеки Спецхрана.

Однако главные испытания и трудности пришлись на вторую половину жизни. Началась она вполне благоприятно: Юрий Ключников работал главным редактором Новосибирского комитета по радиовещанию и телевидению, а затем занимал такой же пост в Западно-Сибирской студии кинохроники. Он ставил радиоспектакли, научился делать документальные фильмы, выигрывавшие региональные конкурсы. Но самым важ-

ным моментом своей биографии поэт считал эпизод, затянувшийся почти на десять лет и возникший в связи с его религиозно-философскими поисками. Увлеченный идеями Н. К. Рериха и восточной философии, Ключников с группой единомышленников в 1979 году написал письмо властям, где предупреждал их о близости всеобщего кризиса в стране. Он сделал предложение по улучшению идеологии государства и обратил внимание на идеалистическую философию, на сакральные знания и опыт Востока, которые, по его мнению, могли бы оживить и одухотворить марксизм. На эти мирные предложения власть совершенно неожиданно для него ответила репрессиями и созданием партийного дела.

Юрий Ключников прошёл в течение трёх лет через 70 (!) партсобраний в различных инстанциях, где от него безуспешно требовали идеологического покаяния. Дело дошло до ЦК и Политбюро, но поэт стоял на своём и не собирался отрекаться от убеждений. Он боролся не за свою принадлежность к партии, а за то, чтобы как можно большее количество людей узнали о красоте и силе тех духовных идей и знаний, которыми был искренне увлечен и с которыми он связывал будущее возрождение страны.

Борьба завершилась получением строгого выговора по партийной линии с занесением в учетную карточку и увольнением с поста редактора в издательстве «Наука». По тогдашним законам человек с идеалистическим мировоззрением не мог занимать должность идеологического характера. Ему пришлось устроиться грузчиком на хлебозавод, где он проработал шесть лет. При этом его не печатали в течение многих лет (он получил с 1971 по 1981 год более 100 отказов из редакций и «толстых» московских журналов). В Союз писателей он вступил только в 2004 г. в возрасте 74 (!) лет. А весь этот интереснейший эпизод в истории российского вольномыслия «справа», нацеленного не на ослабление власти в стране, а на её укрепление и одухотворение, сегодня изучается историками, уже написано несколько книг на эту тему (в частности, работы доктора исторических наук И. Кузнецова).

Неизвестно, как бы отразились на творчестве Юрия Ключникова раннее признание, известность, множество публикаций. Вполне возможно, что его творческая и духовная мотивация, стремление к самосовершенствованию и поиски истины серьёзно ослабели бы и перед нами был бы другой, более благополучный и менее яркий поэт. Но судьба творца не имеет сослагательных наклонений, сложилось, как сложилось. Разумеется, трудные жизненные испытания не могли не отразиться на мироощущении поэта и на его творчестве. Кого-то подобные жизненные передряги ломают, а кого-то закаляют. По собственному признанию Юрия Ключникова, испытания сделали из него поэта.

Юрий Ключников представляет собой тот тип литератора, который созрел и реализовался во второй половине жизни. Конечно, он, начавший писать с 12 лет, создавал

серьёзные тексты ещё до своего партийного дела. Однако гораздо больший объём стихов, статей, эссе, очерков, по мастерству намного превосходящих раннее творчество, поэт создал уже после того, как прошёл через идеологическую мясорубку. Удивительно, она не просто закалила поэта, но и придала его творчеству новые импульсы, наполнив стихи энергией самопреодоления, радости, бодрости в неординарных испытаниях. Ключников не пошёл по скользкой дороге диссидентства, которая была бы вполне логичной в момент гонений, приходившихся на 1980–1982 годы, и после начала перестройки до наших дней он остался патриотом России.

3. ЛИРИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ЮРИЯ КЛЮЧНИКОВА

Что нового внёс в русскую поэзию своими стихами Юрий Ключников? Наверное, подробные ответы на эти вопросы — дело критиков и литературоведов будущего, сейчас же можно подвести лишь предварительные итоги. Начнём с содержательной стороны.

Новый тип лирического героя

Лирический герой поэзии Юрия Ключникова — это целостная, пассионарная, патриотически настроенная личность с активной гражданской позицией, жёстко отрицающая дух времени с его коммерциализацией и гедонизмом. Этот герой (хочется назвать его «культурным героем») нацелен на служение своей стране творческими трудами, просвещением, молитвами и поступками, являющий собой новый тип героизма в отстаивании высоких идеалов. Такого героя можно назвать воином света, который не столько искатель, сколько знающий деятель. Его главное дело — отстаивание высокого в век пошлости, сопротивление злу (он отнюдь не непротивленец!), утверждение добра, самоотдача во имя России. Поведение такого героя — это не книжное, а реальное единство слова и поступка, которое не наступает, пока человек не очистит себя и свою память от «узелков» прошлых ошибок: «пока последний узелок твоим поступком не развязан». Он — сильный человек, который не сдаётся судьбе ни при каких обстоятельствах.

В какие-то моменты может оказаться, что духовная планка, заданная поэтическими идеалами Юрия Ключникова, слишком высока и что поэт предлагает обычным людям непосильный для них уровень самоотречения, который по силам только подвижникам. Но для автора главное — чтобы человек остался человеком, в какое бы время ни попал, в каком бы месте ни оказался. Важны даже маленькие шаги на лестнице духовного восхождения того, кто думает сначала о стране и людях, потом — о себе.

Личная и поэтическая философия радости, бодрости и оптимизма

Юрий Ключников убеждён: важно не просто служить людям, стране и Всевышнему, нужно учиться делать это с радостью. Отталкиваясь от известных слов Николая Заболоцкого «душа обязана трудиться», поэт утверждает:

Душа трудом всегда повязана
на небе, на земле — везде.
Но ведь она ещё ***обязана***
блаженство чувствовать в труде.

Перед кем обязана? Перед собой и Творцом, создавшим этот мир как прекрасное творение, которое люди неизменно ухудшают. Задача человека — всё время держать в сознании этот высший образ, чистый духовный идеал, стремиться к тому, чтобы раскрыть его в себе, и служить ему, сохраняя радость и оптимизм перед лицом любых трудностей и препятствий. Речь идёт не о розовом оптимизме наивного человека и не об американском поверхностном «позитиве», воплощённом в образе супермена с наклеенной улыбкой, маскирующей коварство хищника, который ради своих целей отключил эмпатию и сострадание. Поэзия Юрия Ключникова основана на оптимизме подлинном, глубоком, зрячем, хорошо видящем изнанку жизни, предполагающем умение чувствовать боль ближнего, сострадать людям и всё равно верить в победу Света.

Поэт воспринимает Вселенную как одухотворенную реальность. В его творчестве можно увидеть почитание православных корней и одновременно с этим уважительное отношение к духовной философии Востока, глубокий патриотизм, сочетающийся с универсализмом и «вселенскостью» взгляда на мир, преемственность с русской поэтической традицией, прежде всего с её классическими формами.

В эту философию входит и восхищение красотами природы, прежде всего сибирско-алтайской, и ощущение непрерывности русской истории, которая, несмотря на множество революций и бунтов, через какое-то время начинала воспроизводить прежнюю матрицу. В ней есть и вера в великое будущее страны, и почитание советского периода, и преклонение перед женщиной, которое он может выразить в забытой сегодня форме рыцарского романса, и осмысление вечных тем жизни и смерти, добра и зла, света и тьмы. Самым же кратким определением поэзии Юрия Ключникова будет формула «поэзия радости и борьбы». Она, конечно, не отрицает боль и сострадание, пронизывающие многие стихи Юрия Ключникова, но исключает пессимизм, нытье и пораженчество. Таких стихотворений в огромном наследии поэта просто нет.

Примирение противоречий

Поэт сформулировал и попытался решить в своём творчестве основные русские противоречия, о чём хорошо написал в своё время в предисловии к книге Юрия Ключникова «Русское окно» Лев Александрович Аннинский: власть и свобода, одиночество и мир, жизнелюбие и самоограничение, ад и рай российского бытия, материальный успех и бескорыстие, что само по себе интересно как творческий и жизненный опыт. Вот что пишет критик, исследуя «исток самосознания» поэта, принадлежащего, по его мнению, к довоенному поколению «последних идеалистов советской эпохи», и фиксируя перечень противоречий, которыми буквально нашпигованы строчки Юрия Ключникова:

«Куда судьба направит, в рай ли, в ад ли?
Разгадывать не стану Божий план.
Бывало, кто-то собирался в Адлер,
А приплывал с конвоем в Магадан.

Этот петлёй обернувшийся маршрут действует отнюдь не только как невесёлая шутка. Действует то, что эти пункты стянуты воедино. Что каждая строка начинена взрывной смесью.

Если счастье, то окаянное. Если "бронза везения", то рядом "свинец неудач".

Если ветер Арктики, то прорастающий южным слоистым туманом. Если блаженство, то прорастающее яростью. Если мудрость горя, то рядом — тщета удачи, и каждый элемент разрывается от внутренней корчи. Потеха и свобода — два нерасчленимых измерения жизни. Ложка дегтя неизменна в чистом меду поднебесья — и это ткань стиха, ткань жизни, ткань души. Стреляет и пляшет душа...

Словно огонь поджаривает стиховую музыку, поджигает её, подпаляет. И это — в базисе, в основе самой строчечной сути. Стихи — какой-то терзающий душу чёрно-белый сплав. Внутри стиха — словно Кощеева игла. Сломаешь, не сломаешь? А мы кто такие на острие иглы?

Вообще: мы кто такие?

В царстве скуки и рыночных клонов
Нам пространства свободного нет,
Ведь в любом из нас дремлет Обломов,
Маршал Жуков, бандит и поэт.

Суть опять-таки не только в том, что именно Обломов выставлен тут как образец нашей мягкости, а Жуков — как образец жёсткости, суть в том, что они стиснуты вместе, скреплены иглой, соседствуют на узком пространстве, на острие строки. Бандит и поэт.

Да разве только эта пара выбрасывается из привычного бытия и вбрасывается в непривычное? Как вам понравится "обманутый Адам, которого нашла в капусте Ева"? А Авеля и Абеля в одной строке не хотите? Сковороду на кухне райского первожителя?

"А если вместо рая ад схлопочешь, не обижайся на Сковороду" ... Ах, да это же знаменитый мудрец, которого век так и не словил.

Понятно, что рай и ад — излюбленные клеммы чёрного и белого, живого и мёртвого, хрупкого и твёрдого, лживого и истинного; это в любой молекуле мироздания и это в любой поэтической ячейке ключниковского миростроя.

Рай и ад — только в сцепе; иногда они меняются ролями: рай оказывается невыносим, ад — спасителен; а главное — эти состояния уживаются в одном и том же сердце. "И вновь вздыхает русский ангел под ношей дьявольской своей". "И надсаживается душа, и изнемогает строка от проклятого вопроса: как совместить одно с другим?"».

Методы Юрия Ключникова примирения этих и других многочисленных и фундаментальных противоречий, проницательно выявленных Львом Аннинским, просты и, наверное, единственно возможны для того, кто хочет остаться живым «в мире рыночных клонов».

Нести свой крест. Лев Александрович пишет: «Крест — вот решающий (разрешающий) лейтмотив лирики Юрия Ключникова. Нести свой крест, как шерп несёт на Эверест керосинку. Как несла свой крест Анна Ахматова. Как волок его злой, как африканский слон, Маяковский. Крест должен нести поэт сквозь все эпохи и сезоны».

Держать равновесие. И опять замечание Аннинского: «Разум цепляется за это спасительное слово… Равновесие на краю пропасти… Да не одной, их там минимум две: огненная и ледяная. Кто поможет удержаться? «Богиня Равновесия». У которой в руках часы Справедливости».

Обрести равновесие, которому в творчестве Юрия Ключникова действительно придаётся огромное значение, помогают духовная практика, молитва, короче говоря, прямые отношения с Творцом. Это пробуждает в человеке мудрость, без которой он никогда не увидит, что любые противоречия содержат в себе глубинные общие основания, понимая которые мы всегда можем погасить любой конфликт и найти выход из самых

сложных обстоятельств. Потому Владимир Бондаренко назвал стихи Ключникова «молением о России».

Быть верным своей музе. Писать стихи, культивируя в себе блаженство творчества. Это для поэта. Аннинский приводит строчку Юрия Ключникова и комментирует её: "Бродить в лесу по лужам, сочиняя за строкой строку" — род саморегулирования души». А для любого человека — это значит — осознанно и старательно заниматься любимым делом, полезным для людей и угодным Богу.

Синтез, предлагаемый Юрием Ключниковым, и вот эти принципы, выработанные им в процессе долгой жизни, помогли ему выдержать испытания и стать крупным поэтом. Значит, они могут помочь любому человеку, который хочет остаться живым в нашем полумёртвом рыночном мире: «ясность есть: оставаться здоровым среди мёртвых, безумных, больных».

Синтез Востока и Запада для того, чтобы лучше понять себя самих и обрести русский путь

Речь идёт и о собственной поэзии Юрия Ключникова, где тема поиска русской дороги всегда была главной, и о его переводах французской, персидской, китайской, английской и индийской поэзии. Поэт за то, чтобы Россия училась у всех народов и культур, много знала, брала при этом все лучшее, что есть и на Западе, и на Востоке, но всегда шла по своему русскому пути. Кстати, разве не об этом нам говорили Пушкин и Достоевский, отметив одно из главных качеств творчества поэта — его «всемирную отзывчивость»? Это же качество нашего гения унаследовал и Ю. Ключников. Что есть его проект переводов и переложений, как не воплощение этой «всемирной отзывчивости»?

Мало кому в XX в., особенно в его второй половине, удавалось достаточно глубоко осмыслить в стихах и Запад, и Восток, но прежде всего, конечно, Россию и русский путь, причем сделать это на высоком художественном уровне. Сборник стихов это ярко иллюстрирует, поэтому его можно с полным основанием назвать «западно-восточным (или русско-сибирским) диваном» Юрия Ключникова. С той поправкой, что Запад и Восток в его стихах составляют две не очень большие спинки этого дивана, а основной корпус — русский.

В наследии Запада, откуда, по мнению поэта, у нас «все напасти, так устроена роза ветров», Юрий Ключников более всего ценит классическую культуру поэзии, прежде всего французской, той, что в своё время вскормила пушкинский гений. Высоко ценит поэт и лучшие образцы английской поэзии (речь идёт прежде всего о Шекспире, которого Пушкин назвал «отцом нашим», и о Джоне Донне). Поэтическая культура Запада

дала России в своё время уроки красоты, доведённой до совершенства, высокую планку отшлифованности форм, честный поиск правды, верность музе.

Традиционная художественная и духовная культура католического Запада, по мнению Юрия Ключникова, — наш естественный и надёжный союзник в сражении с мировым Левиафаном, из рогов которого растут различные пороки и перверсии. Тридцать лучших стихотворений лучших поэтов Франции, приведённых в сборнике, дают хорошее представление о том, что момент преемственности по отношению к западной культуре важно зафиксировать и осмыслить, чтобы идти дальше своим путем, как это опять-таки сделал тот же Пушкин. Таковым союзником является и творчество лучших английских поэтов Уильяма Шекспира, Филипа Сидни, Джорджа Чапмена, Джона Донна, давших миру поэтические шедевры непревзойдённой глубины и мощи, которые порой лучше проповедей и сентенций направляют глаза и души людей к Небу.

Из восточного опыта поэту ближе всего такие достижения и черты, как духовная глубина, напряженность религиозного чувства, верность Творцу, которую Восток, прежде всего сакральный, никогда не терял, в отличие от Запада. Речь идёт не об отдельных регионах Востока, а о восточной духовной культуре в целом. В первом издании этой книги 2015 года я написал в своём предисловии следующие два абзаца: «Удивительно, но в сборнике Юрия Ключникова, глубокого знатока индийской мудрости, представлены не стихи поэтов Ариаварты (или страны ариев, как в древности называли Индию), а персидская поэзия.

Но, впрочем, что здесь удивительного? Персия интересовала и Пушкина, и В. Соловьева, и Хлебникова, и В. Брюсова, и Н. Гумилева, и С. Есенина, и Н. Клюева». Все шесть поэтов, представленных в сборнике Ю. М. Ключниковым (Рудаки, Фирдоуси, Омар Хайям, Руми, Саади, Хафиз), как известно, были суфиями, то есть духовными мастерами и мудрецами исламской традиции.

Пять лет назад, готовя издание книги «Караван вечности», вышедшего в 2016 году я писал:

«Почему же из всего огромного восточного мира Юрий Ключников выбрал именно эту сакральную традицию? Дело в том, что суфии — это просветленные поэты, имеющие огромный опыт духовной практики, соединяющей святость и стихию творчества. Для русской поэзии, стремящейся развиваться в направлении Света, этот опыт просто бесценен. Суфии знали рифму и создавали свои шедевры в VIII в., когда поэтическая Европа ещё куталась в пеленки. Именно они оказали мощное влияние не только на испанскую, но и на всю европейскую культуру. И до Реконкисты, и после неё».

Однако за пять лет Ю. М. Ключников «исправил» неполноту отражения поэтического Востока и помимо переводов суфийской поэзии создал ещё две книги перево-

дов и переложений — китайскую и индийскую (последняя практически готова, но ещё не вышла).

Важно подчеркнуть, что Восток для Ключникова отнюдь не образец для подражания, на который должна ориентироваться русская культура. Книга путешествий поэта по стране ариев так и называлась: «Я в Индии искал Россию». Иногда для познания своих корней полезно на время, но глубоко погрузиться в чужие глубины, тем более если эти глубины уводят в Небо, объединяющее всех.

По мнению Ключникова, русским поэтам, выбирающим свой творческий путь между западным и восточным влиянием, полезно всматриваться в русскую историю, чтобы понять, как поступала на крутых виражах истории сама Россия. А она всегда в конце концов переваривала любое влияние и находила свой цивилизационный и культурный путь, превращая любое временное поражение в свою победу. Вот что говорит поэт в своей поэме «Певец и хан», в которой легко улавливаются знакомые всем исторические аналогии:

Не ведал хан, что слишком молод
Им завоёванный народ,
Что ханский меч,
Как добрый молот,
Его в единстве откует.
А кровь баторов ханских славных,
С чужой смешавшись кровью,
В срок
Родит орла,
И он, двуглавый,
По кровно-царственному праву
Воззрит на Запад и Восток.

Русское самосознание

Юрий Ключников дал целую программу для русского самосознания и России, во многих своих стихотворениях продолжив и развив формулу, открытую Николаем Рубцовым:

Россия, Русь, храни себя, храни!
Не гни колени от возросшей тяжести,
Не отступай под натиском продажности,
Сменившей наступление брони.

Или:

Не сдайся, Россия! Воскресни, Россия!
Не дай затоптать себя в землю врагам!

Грани этого «хранения русскости» и русского сопротивления глубоко и разнообразно раскрыты в его стихах. Это и бесстрашие, и долготерпение, и слушание своей глубинной природы, в котором голос сердца всегда больше значит, чем голос рассудка; и русская сметливость, и парадоксальность, и самопожертвование, и верность Отчизне «до гробовой доски». Поэзия Ключникова утверждает ***не национализм, но патриотизм,*** для которого совершенно неважна группа крови и цвет кожи тех, кто пытается служить России. В стихотворении «Сергею Небольсину» он, публицистически заостряя свою мысль утверждает:

Мне наплевать, какой ты группы крови
И цвет каких волос тебе к лицу.
Нас разделить ничто не может, кроме
Кому служить — Творцу или тельцу.

Или в стихотворении «Донбасс» он пишет:

Нам всё равно, широкий или узкий
Глаз у кого-то, был бы не похож
На прорезь для монеты. Слово «русский»
Для нас не плоть, тем более не нож.
Не ново слышать: русский украинец,
Но в Судный час и неба, и полей
Есть русский немец, чех, француз, кубинец,
Есть русский африканец и еврей.

Поэзия Ю. М. Ключникова — это не только лирика, но и национальная философия, осмысление русского пути в жизни и творчестве, глубокая актуальность, современность, «патриотизм с открытыми окнами» (В. М. Костин). Эта философия представляет собой сплав радости, глубинного оптимизма, неисчерпаемой веры в Россию и её миссию, что очень нужно сегодняшней России, её народу, во многом поникшему духом и потерявшему себя в условиях смысловой неопределённости. Поэзия Ю. М. Ключникова с

её «ясностью поэтической воли» (В. В. Кожинов) пробуждает в человеке исторический оптимизм, помогает духовной мобилизации народа. В то же время она показывает великое место России в мировой литературе и культуре: чему нам было бы полезно учиться у других народов в прошлом и настоящем.

Какую поэтическую линию наследует Юрий Ключников от своих предшественников? Чтобы лучше это понять, нужно обратиться к стихам сибиряка. Его любимый поэт — и в этом пристрастии он не оригинален — это Пушкин, которому он посвятил немало стихов и несколько статей. Но это также Николай Гумилев, Есенин, Пастернак, Твардовский, Заболоцкий, Рубцов. Если Пушкин и Есенин — это линия гармонии (если не в жизни, то именно в поэтическом настрое), то Гумилев и Заболоцкий — это активная воля, самопреодоление, самосозидание, борьба с препятствиями, в том числе и с внутренними. Потому Юрий Ключников не один раз обращается к известной формуле Заболоцкого «не позволяй душе лениться!», переиначивая её на разные лады. Поэт совмещает в своём творчестве эти две программы, оставленные нам великими поэтами прошлого: прославление той гармонии и красоты мира, которая уже есть здесь и сейчас, и воспевание усилия, творящего то желанное будущее, которое ещё нужно создать.

4. О ТВОРЧЕСКИХ ДОСТИЖЕНИЯХ И ТВОРЧЕСКОМ МЕТОДЕ ПОЭТА

Объём сделанного. В наследии, созданном Ю. М. Ключниковым в течение полувека, входят 23 книги, более 1600 русских стихотворений, примерно 1400 стихотворных переводов, десятки статей, шесть индивидуально составленных многовековых зарубежных поэтических антологий, исследующих литературные процессы, происходившие в шести культурах (французской, суфийской, китайской, английской, индийской и русской). Это исследования не учёного, а поэта. По мнению экспертов (С. Б. Джимбинова, В. М. Костина и др.), это самые крупные российские поэтические антологии до и после революции, выполненные одним человеком. Масштаб проекта, связанного с вольными переводами и переложениями мировой поэзии, беспрецедентен не только в отечественной, но и в мировой литературе. Ни у нас, ни за рубежом на протяжении многих веков не было случая, чтобы один поэт «поднял» такой объём творческой работы.

Тысячелетия мировой культуры (более 3500 лет), поэтически осмысленные автором стихов и переводов. Говоря об *объёме сделанного*, нужно сказать и об *объёме поэтически осмысленного и пропущенного через себя материала*. Это тысячелетия мировой культуры, более 35 веков, или 3500 лет (сроки создания «Бхагавадгиты»,

переведённой автором книги). Древние китайские тексты, в частности «Ши-цзин» (самый древний памятник литературы и культуры Древнего Китая), были созданы, по мнению учёных, примерно 30 веков, или 3000 лет назад. Поэт не просто перевёл отрывки из этих произведений (а «Бхагавадгита» переведена им целиком), но и написал к каждому разделу своего перевода предисловия и комментарии. Восемь веков французской поэзии, двенадцать веков поэзии суфийской также пропущены поэтом через творческую лабораторию поэтического сознания и осмыслены как в контексте всей мировой культуры, так и в их взаимоотношениях с русской литературой.

Это же можно сказать и о русской части наследия Ю. М. Ключникова, которую он считает главной в своём творчестве. Стихи и очерки Ю. М. Ключникова охватывают большой *временной период в жизни страны* с её разными событиями, на которые он откликался и которые поэтически осмысливал — от своего довоенного детства до наших дней, от князя Игоря до присоединения Крыма в 2014 г. и даже до эпохи коронавируса. Поэт пытается осмыслить события мировой истории, роль тех или иных фигур (прежде всего деятелей истории, искусства и культуры, творцов слова). *Обширна и тематическая география стихотворений* автора — от довоенной Украины до Кузбасса, от Сибири до Москвы и средней полосы, от Кавказа до Горного Алтая, от русских равнин и сибирских степей до Гималаев и южных штатов Индии.

Тематическое, жанровое и художественное разнообразие сделанного. *Разнообразие тем, поэтически осмысленных автором:* это и природа (с её обширной географией); и Россия с её протяженной историей (поэт начинает с князя Игоря, говорит о многих русских царях и останавливается на современной российской истории); и Великая Отечественная война, с которой он соприкоснулся лично, наблюдая бомбёжки харьковских домов и бараков и работая в подростковом возрасте на кузбасском заводе учеником токаря (как работник тыла); и сегодняшняя третья мировая война, направленная против русской цивилизации и человечества в целом; и философия творчества; и образы российских и зарубежных великих людей; и советские ценности; и любовь (можно отметить немалый объём любовной лирики Ю. М. Ключникова, недавно с супругой отпраздновавшего платиновую свадьбу, — они прожили вместе 65 лет); и проблема власти; и духовное самостояние человека.

Можно отметить жанровое многообразие творчества Ю. М. Ключникова. Среди них поэзия (лирические, философские, религиозно-духовные стихи, баллады, поэмы), переводы, среди которых есть и вполне точные, и вольные, и стихи по мотивам, и поэтические подражания, проза, эссеистика, публицистика, мемуары, очерки путешественника. Это широкая эмоциональная палитра стихов и переводов — от высо-

кой патетики религиозного чувства до юмора и житейских тем. Как поэту-переводчику Ю. М. Ключникову приходилось использовать самые разные жанры и поэтические формы — сатиры, эпиграммы, басни, элегии, гимны, газели, рубаи, прикасаться к рыцарской поэзии с её канцонами, сирвентами, пасторелами, альбами, наконец, переводить и сочинять сонеты. Работая с последними на материале восточной поэзии, поэт даже сделал небольшое открытие: он увидел, что протосонетная строфа с 14 строками присутствовала в поэзии китайцев и суфиев, причём хронологически её следы можно было заметить гораздо раньше, чем сонетная форма расцвела на Западе.

Если говорить о формальных новациях, привнесённых Юрием Ключниковым в русскую поэзию, то они состоят, на мой взгляд, в том, что он дал новый импульс для классической формы и доказал своим творчеством, что она жива и далеко не исчерпала своего потенциала. Поэт отвергает формальный авангардизм, который, по его мнению, вырывает поэта из той естественной поэтической традиции, дарованной ему вместе с языком, историей и культурой. «Вперёд к классике, которая опередила многие современные виды искусства» — так можно выразить его творческий девиз.

Роль рифмы. Главными формальными скрепами, поддерживающими тело самого стиха, являются образы и рифмы. Юрий Ключников сохраняет известные размеры и использует самые обычные рифмы. Но иногда он вводит неожиданные рифмы, относящиеся к диаметрально противоположным смыслам и семантическим рядам, например, «Емеле» и «эмейле» (эту рифму поэта, соединяющую древние времена с XXI столетием, выделил Геннадий Иванов) или «элита» — «молитва». Такие полярные созвучия создают нужное для жизни стихотворения энергетическое поле, своего рода электрический ток, позволяющий передавать настроение. Поэт практически не пользуется верлибром, и в сборнике, за исключением нескольких стихотворений, не найти так называемых свободных размеров. Это проявляется даже в вольных переложениях с французского: Юрий Ключников перевёл на русские рифмы все 250 стихотворений поэтов Франции, многие из которых перешли в XX в. на свободный размер. Он убеждён, что это самый надёжный и точный способ передачи чувства и мысли.

Рифма — локомотив стихотворения, но она рождается из стихии чувства и тянет за собой образы. В стихах Юрия Ключникова очень много образов и поэтических визуализаций, причем их динамика зависит от динамики рифм, то есть от слова, созвучного другим словам.

Поэт утверждает, что пишет стихи в первую очередь из переживаемого чувства, порождающего рифму. А она, в свою очередь, запускает образный ряд, целый каскад картинок, которые он проживает и запечатлевает через перекличку близких друг другу слов и рифм.

Поэтическое перевоплощение. Особенность творческого метода Ключникова — его способность к глубинному погружению в предмет или образ, рождаемый в стихах, вплоть до перевоплощения и разговора от имени этого предмета или существа. Речь идёт не просто о взгляде через призму описываемого предмета или героя, но именно о разговоре от его имени. Вот почему в этом сборнике немало стихотворений-монологов, которые ведут не только люди или живые существа, но и деревья, цветы (цветов в стихах поэта очень много) и даже представители так называемой неорганической природы: ручьи, горы, камни. Поэт разговаривает с ними как древний даос, знающий их тайный язык. Да что говорить, и предметы, сделанные руками человека: тиски, наковальня, дорожные шпалы или корабль, — у Ключникова имеют свой голос, произносят монологи и рассказывают свои истории. Это не игра или примеривание масок, а скорее, неистребимая любознательность поэта, которому невероятно интересен мир, окружающий его, со своими глубинами и опасностями: «Жизнь огромная тем интересней, чем грозней и опасней она».

Такой подход делает стихи сибирского поэта очень живыми, а его взгляд на мир — широким и пластичным. В стихах поэта много света, ярких красок, чистых природных оттенков, природных звуков и запахов, которые иногда сливаются друг с другом в виде своеобразной синестезии: «оглушающе пахнут левкои» или «музыки цветов». И сквозь земную материю строчек и образов почти всегда просвечивают тонкие свечения, отражающие духовные миры, встроенные и в природу, и в человека. В итоге поэт создаёт объёмную стихотворную реальность, прикосновение к которой раздвигает внутренние горизонты человека и нацеливает его на работу по преображению себя и совершенствование духа.

Афористическая лирика. Значительная часть в его творчестве — философская поэзия, наполненная мудрыми мыслями, отчеканенными в одухотворенные афоризмы и короткие стихотворные формы. Такая форма не является новой, стихи афористического типа есть у Пушкина, Тютчева, Блока, Леонида Мартынова, Юрия Кузнецова, и у целого ряда крупных современных поэтов. Но у Юрия Ключникова концентрация стихотворений этого типа особенно плотная. Сама направленность этих афоризмов, завершающаяся финальной строкой или двумя строками с призывом к действию, сродни молитвенной формуле. Суть афоризма — концентрированная простота, то есть то качество поэзии, к которому всю жизнь стремился Борис Пастернак, чьё творчество Юрий Ключников всегда оценивал очень высоко. Он любит осмысливать в стихах и приводить к единству, к третьему состоянию фундаментальные противоречия и полюса бытия:

* * *

Петь хвалу судьбе своей нескоро
Научила Родина меня.

Принцип дополнительности Бора
Долго не желал усвоить я.
Лишь когда коснулась нежно муза
Самой кровоточащей струны,
Вник я в смысл священного союза
Бога и ударов сатаны.

Мятеж и смиренье

Рази любую гниль смелее
В своём дерзании святом.
Мятеж — надёжный друг смиренья
На этом свете и на том.
В себе не уступи и пяди
Любым приманкам на пути.
Смиренье — значит с жизнью ладить,
Мятеж — от зла её спасти...

* * *

Какая награда, блаженство какое,
Когда зажигаешь лампаду покоя!
Она не бездействием сердце наполнит —
Она о полёте и цели напомнит.

О том, что в тебя с Сотворенья навечно
Господь поселил беспокойное нечто.
Покой и полёт — это общий поток,
Попробуй освоить такой парадокс.

* * *

— Питайся прошлым и мечтою, —
Изрёк мудрец, другой сказал:
— Живи реальностью лишь тою,
Что Бог тебе сегодня дал.

Что было — унеслось в преданье.
И смерть придёт, как ни крутись.
Приемлю оба назиданья,
Но верю третьему — трудись!

Сибирский поэт всю свою творческую жизнь стремился добиться высокой ясности в своих стихах, сочетающейся с благоговением перед Непознаваемым и Несказуемым: «Пусть дрожжи выпадут на дно, а с ними страстность. Пусть обретёт моё вино сухую ясность» или: «Даже дьявол России не страшен, если ясно, где "нет", а где "да"». И в то же время: «Живёт в нас ослепительная тайна, в которой нет и не было конца». Это умение прояснять тёмные и неясные смыслы и превращать их в чеканные формулировки проявилось и в его французских переводах, о чём точно заметил С. Джимбинов в своём предисловии к уже упомянутому сборнику Юрия Ключникова «Откуда ты приходишь, красота?».

Проект показал неисчерпаемые возможности классической формы русского стиха. Ю. М. Ключников, владеющий английским и французским языками, печётся о передаче не столько буквы, сколько духа, улавливает этот дух и превращает в поэтический космос. Ценность вольных переводов в том, что они создаются не просто профессиональным переводчиком, но поэтом, знающим язык переводимой им культуры. Можно даже не знать языка поэтического оригинала или знать его приблизительно, главное — чувствовать суть материала, как это делал тот же Пушкин, написавший «Подражание Корану», или Лермонтов, по-русски переложивший гётевские «Горные вершины».

Вольная форма переводов обеспечивает связь с русской поэтической традицией, создающей на месте переводимого ими стихотворения его русский самостоятельный двойник, позволяет родить более совершенные в литературном смысле тексты. Так переводили Жуковский, Пушкин, Лермонтов, Блок, Ахматова, Маршак, Корней Чуковский. Классики нередко прибегали к следующей формулировке: «из Гёте», «из Шиллера», «из Байрона». Знаменитый переводчик В. Левик, противопоставлял этот подход буквальному переводу: «Главное, чтобы при переводе возникли хорошие русские стихи». Вольные переводы Ю. Ключникова нужно измерять не степенью буквального соответствия переведённого материала оригиналу, а красотой русского стихотворного переложения. У переводчика вольной традиции три главные задачи: отблагодарить своим переводом создателя оригинального стихотворения; сохранить его смысл, интонацию и образы; осовременить перевод, адаптировать его к национальным формам поэзии. Каждый клочок земного шара должен быть поэтически обжит и стать родным на перекрёстках культур.

Вольная форма порою лучше академических переводов приближает переводимую поэзию к потребностям читающей публики, к народному вкусу, помогает сближению культур и рождению новой культурной солидарности, единению человечества, о чём говорил в своё время Ф. Шиллер:

Обнимитесь миллионы!
Слейтесь в радости единой!

Вольная форма переводов уравновешена у Ю. М. Ключникова серьёзным научным аппаратом, который есть в книгах (предисловия учёных, биографии поэтов, словари терминов, наличие примечаний, присутствие научных редакторов). Научным и литературным редактором сборника французских переводов был профессор Литинститута, доктор филологических наук С. А. Небольсин, суфийские переводы редактировал доцент ИСАА МГУ, специалист по персидской поэзии В. Н. Зайцев. Редактором поэтической части книги китайских переводов был лауреат Государственной премии России профессор А. Е. Лукьянов, предисловие к книге написали доктор исторических наук китаевед З. Г. Лапина, китаевед и переводчик Б. Б. Виногродский, уже упоминаемый доктор филологических наук почётный профессор Шанхайского университета С. А. Небольсин. Сборник английских переводов издавался под кураторством шекспироведа М. Д. Литвиновой, написавшей к книге положительное предисловие.

Переводы французской, персидской, китайской, английской, индийской поэзии, украшающие сборник, и те проблемы, которые они ставят и помогают осмыслить, придают поэзии Юрия Ключникова новое звучание и глобальный масштаб. Будем надеяться, что история литературы расставит всё по своим местам и стихи русского сибирского поэта займут своё достойное место в отечественной поэзии.

Сергей Ключников, кандидат философских наук, академик РАЕН, член Союза писателей России, главный редактор издательства «Беловодье»

БИОГРАФИЧЕСКИЕ И СПРАВОЧНЫЕ ДАННЫЕ О Ю. М. КЛЮЧНИКОВЕ

Юрий Михайлович Ключников — известный русский поэт, эссеист, философ, переводчик, автор 23 книг стихов, прозы и публицистики, академик Петровской Академии наук, член Союза писателей России и Союза журналистов России. Лауреат III Славянского литературного форума фестиваля «Золотой витязь». Родился в рабочей семье 24 декабря 1930 г. в городе Лебедин (Восточная Украина), где жил до начала Великой Отечественной войны. В 1941 г. вместе с родителями был эвакуирован: вначале — в Саратовскую область, а в 1942 г. — в Кузбасс. С 1942 года и до сегодняшних дней живёт в Сибири.

Окончил филологический факультет Томского университета. Работал учителем литературы, директором школы, журналистом в газете, радиокорреспондентом, а также главным редактором Новосибирского областного радио, Западно-Сибирской студии кинохроники, редактором издательства «Наука» СО РАН. В 1979 г. был обвинён в идеализме и богоискательстве и после трёхлетних партийных разбирательств уволен с работы, затем шесть лет трудился грузчиком на хлебозаводе. В годы перестройки издавал книги по духовной культуре Востока, Запада и России. Публиковался в центральных литературных журналах и изданиях.

Поэзия и публицистика Юрия Ключникова была высоко оценена такими известными литераторами разных направлений, как В. Астафьев, В. Солоухин, В. Кожинов, Ю. Селезнев, В. Сидоров, Е. Евтушенко, В. Лихоносов, А. Проханов, В. Бондаренко, С. Куняев, Л. Аннинский, В. Смирнов, Г. Иванов, В. Калугин, Э. Балашов, А. Парпара, С. Золотцев, В. Курбатов, Л. Ханбеков, Ю. Линник, Н. Мирошниченко, В. Костин, М. Бушуева, Г. Красников, С. Дмитриев, А. Горянин, А. Сенкевич.

Работник тыла: Юрий Ключников во время войны в 13летнем возрасте несколько месяцев трудился в качестве ученика токаря на заводе «Красный Октябрь» в шахтёрском городе ЛенинскКузнецкий. Путешественник. Совершил ряд экспедиций по высокогорным районам Алтая, Индии, Непала, поднимался на высоту более 4 000 метров.

Интернет-страницы Ю. Ключникова:
http://korni.kluchnikov.ru/
http://www.stihi.ru/avtor/kluchnikov
http://www.rospisatel.ru/Klyuchnikovstihi.htm

С 1990 по 2019 г. Ю. Ключников опубликовал более двух десятков книг стихов, публицистики и прозы: «О назначении России (1989); «Благая весть Новой Эпохи» (1991); «Мистический Пушкин» (1992); «К Белухе» (1992); «Лики» (1993); «Небесная Россия» (1994); «Белый остров» (2000); «Поэт и фея: эзотерическая сказка о странствиях души в мирах видимых и невидимых» (2004); «Стихия души: опыт постижения» (2005); «Годовые кольца» (2006); «Я в Индии искал Россию» (2009); «Лики русской культуры» (2009, 2012); «Русское окно» (2010); «Осенняя молитва: лирический дневник» (2011); «Дом и дым: лирические итоги» (2013); «Музыка цвета и слова: небесная Россия» (2014); «Душа моя, поднимем паруса!» (2015, 2020); «Откуда ты приходишь, красота?: Вольные переводы французской поэзии XII—XX вв.» (2014, 2015); «Караван вечности: вольные переводы суфийской поэзии VIII—XX вв.» (2016); «Предчувствие весны: воспоминания и размышления поэта о времени и судьбе» (2017); «Поднебесная хризантема: 30 веков китайской поэзии» (2018); «Сонеты и поэмы Шекспира. Поэзия шекспировской эпохи. Тайна авторства: исследования» (2020).

Юрий Ключников неоднократно публиковался в таких изданиях, как журналы «Наш современник», «Сибирские огни», «Литературная учёба», «Московский Парнас», «Пушкинский альманах», «Наука и религия», «Молоко», газеты «Экслибрис», «Завтра», «День литературы», «Советская Россия». Ю. М. Ключников — автор более 2000 стихотворений, лауреат III Славянского литературного форума «Золотой Витязь» (серебряный диплом), лауреат литературной премии им. Н. М. ГаринаМихайловского, лауреат премии Союза писателей России (2016); премия «Золотой Дельвиг» — 2015 (сборник стихов) — шортлист, «Большая литературная премия России» (2016) — шортлист. Герой документального фильма «Белый остров» (режиссёр — В. Тихонов), награждённого специальным дипломом «За философский и поэтический поиск» на Международном фестивале «Золотой Витязь». Женат (жена — художница, руководитель региональной общественной организации «Русский клуб»), сын Сергей (психолог, философ, писатель, издатель) и дочь Марина. Живёт и работает в Новосибирске.

SUMMARY

BIOGRAPHY

Yuri Klyuchnikov is a Russian poet, essayist, philosopher, translator, traveller, author of 23 books of poetry, prose, an academic of Petrovsky Academy of Sciences, a member of the Union of Writers and the Union of Journalists of Russia and a prizewinner of the Slavonic Literature Festival "Golden Knight". He was born in a workers' family on December 10, 1930 in a small town of Lebedin in Eastern Ukraine. At the beginning of the Great Patriotic War his

family was evacuated to Siberia. At the age of 13 he worked in the rear as a turner's apprentice at the factory "Red October". Since 1942 he has been living in Siberia.

After graduating from the Tomsky University he worked as a teacher of Literature, a headmaster of school, a journalist and a radio reporter. He was rather successful at the beginning of his journalistic career and in 1964 during "the thaw" he was sent to the Higher School of the Communist Party in Moscow where he studied journalism and French for 2 years. Yuri worked as a guide with tourists and professors of Sorbonne, with journalists and writers. It pushed him to study the French poetry which he found fascinating and absorbing. Especially he was deeply interested in the poets unknown to the Russian readers. Several years later he translated 250 poems of 57 French poets of the XII—XX centuries into Russian and published a book of translations named "Where does the Beauty Come From?"

Thanks to the access to the special funds of the Lenin Library he managed to familiarize with philosophic and religious sources of the world literature which were not available to ordinary people and it surely had a great influence on the views of the future poet. Still loyal to the socialist ideas, Yuri saw the hopelessness of the cruel soviet atheism. In 1966 he came back to Novosibirsk where he started working as a chief editor of the local radio and WesternSiberian studio of documentaries. Besides, he started the project of publishing eastern literature in the Siberian Department of the Publishing House "Science" attached to the Russian Academy of Sciences.

In the end of the 1970s Klyuchnikov started searching religious meaning in our life by studying eastern philosophy and Roerich's theory. Then he willingly participated in signing the letter addressed to the Central committee of the Communist party of the Soviet Union stating that there was an urgent need to reconstruct and review the concepts of Marxism. It caused a big scandal with 70 meetings and demands to plead guilty in trying to shutter the pillars of the Soviet regime.

Klyuchnikov refused to change his views and therefore was announced ideologically wrong to stay in the Party and work for the Publishing House. So he was fired with no right to work in this field. Now he worked as a loader and a rigger at the factories. He wrote poetry but it was not published.

In the years of "perestroika" he edited books on the spiritual culture of the East, West and Russia. He was published in lots of solid literary magazines. It happened because he was seriously involved in investigating Eastern philosophy, arts and spiritual practices. He made 6 trips to India and 2 trips to Nepal, participated in the expeditions to the mountains in Nepal, India and Altai, climbed to the top of 4000 meters, and he visited ashrams, met wise and saint people who are included in the number of 108 mahatmas being in charge of the spiritual processes in India. As a result of these trips he wrote a book named "I Was Looking for Russia In India: Travelling around Ariavarta". During a long time he was studying the Indian, Chinese and Persian poetry, composed some imitation poems, made free translations of the Sufi poets of the

VIII—XX centuries and edited a book called "Caravan of Eternity". The book was exhibited at the International Book Fair in Iran and Yuri became a prizewinner of the literature reward in the nomination of "artistic translation".

Klyuchnikov's first experience in writing poetry happened at the age of 12 when he attended the literary club and was published in the local media in Kuznetsk. Then he worked as a journalist, wrote articles, plays and stories. His writings were not published but were popular with radio listeners. His first serious success came in 1982 when a famous magazine "Moscow" published just one poem, then he was acknowledged by famous writers and journalists: Astafiev, Solntsev who were very positive about his poetry and selected some of his poems to enter the collection of verses. Klyuchnikov got married and had two children. His wife is an artist and runs the local "Russian Club", his son Sergei is a psychologist, philosopher, writer and editor and his daughter Marina is a journalist. She lives and works in Novosibirsk.

Since 1990 Yuri Klyuchnikov has published 20 books of poetry, prose and articles: "About the Mission of Russia" (1989), "Good news of the Good Epoch" (1991), "Mystical Pushkin" (1992), "To Beloukha" (1992), "Icons" (1993), "Heavenly Russia" (1994), "The White Island" (2000), "The Poet and the Fairy. Esoteric Fairy Story about the Travelling of the Soul in Visible and Invisible Worlds" (2004), "Powers of the Soul. Experience in Mastering" (2005), "Annual Rings" (2006), "I Was Looking for Russia in India" (2009), "Images of the Russian Culture" (2009, 2012), "The Russian Window" (2010), "The Autumn Pray. A Lyrical Diary" (2011), "Home and Smoke. Lyrical Conclusions" (2013), "The Music of Words and Colors. Heavenly Russia" (2014), "Where does Beauty Come from?" (2015), "My Soul, Let's raise the Sails!" (2015), a collection of free translations of the Sufi poetry of the VIII—XX centuries "Caravan of Eternity" (2016), "Premonition of Spring: Memories and Speculations about Time and Destiny" (2017).

His poems and prose were published in very prestigious magazines, such as "Our Contemporaries", "Siberian Lights", "Literary Studies", "Moscow Parnassus", "Pushkin Almanac", "Science and Religion", newspapers "Tomorrow", "Day of Literature", "Soviet Russia". He is the prizewinner of the forum "Golden Knight", the hero of the documentary film "White Island" (director V. Tikhonov), besides he was awarded a special diploma "For the Philosophical and Poetical Search" at the international festival "Golden Knight".

Poetry and journalism were highly evaluated by well known literary men of various directions, writers and poets such as: V. Astafiev, V. Soloukhin, V. Kozhinov, Y. Seleznev, V. Sidorov, E. Evtushenko, V. Likhonosov, A. Prokhanov, V. Bondarenko, L. Anninsky, V. Smirnov, G. Ivanov, V. Kalougin, E. Balashov, A. Parpara, S. Zolotsev, V. Kurbatov, L. Hanbekov, Y. Linnik, V. Kostin, S. Dmitryiev, M. Bushueva.

The book "Premonition of Spring: Memories and Speculations about Time and Destiny" is autobiographical because it is based on real events and facts of Yuri Klyuchnikov's life. It unveils hardships and tough circumstances of his life, his spiritual searches of the Truth and Beauty. Besides, this book describes his meetings with famous writers and journalists, artists and scientists, government people and party members, orthodox monks and pilgrims, Indian wise men and saints. This is a mirror, the portrait of the epoch and the modern parallels, Russian history and poets.

The author is a 89 year old poet — Yuri Klyuchnikov, is one of the best masters of verses, who went through dramatic collisions and spiritual searches, and he tells us about his achievements and losses, his merits and demerits. His book reflects the atmosphere of the gone epoch, speculates about modern life, Russian history, poets and poetry. The author illustrates his comments with poems, dialogues with his son, documents and it makes the narration convincing and absorbing. The book starts with a "note" that opened his case when he insisted or reviewing the basics of the Communist party, and it is full of documentary evidences of the party meetings, conflicts and discussions about his life and future career.

Any person who is interested in the history of our country, in the reasons for the splitting of the Soviet Union is surely to fall in love with this book.

СОВРЕМЕННИКИ (ЛИТЕРАТОРЫ, ДЕЯТЕЛИ ИСКУССТВ, УЧЁНЫЕ) О ЮРИИ КЛЮЧНИКОВЕ

Виктор Астафьев

«Каким-то кружным и долгим путем до меня дошли Ваши стихи, и прочёл я их с удовольствием… Среди них есть стихи совершенно зрелые, крепкие по мысли и форме» (1981).

Вадим Кожинов

«Творчество Юрия Ключникова с его ясностью поэтической воли очень нужно современной России» (2000).

Станислав Золотцев

«Восхождение новосибирского учителя, редактора, журналиста (а ряд лет — волею недобрых сил — и грузчика, ибо куда ещё податься изгнанному за "инакомыслие"), а затем и общественно-культурного деятеля Юрия Ключникова к поэзии было и остаётся, по существу, стезёй обретения веры. Он пришёл к высокому уровню стиха уже в очень немолодом возрасте, когда России, как хлеб насущный, необходимо слово, исполненное мужества и мудрости. Его и дарит нам Юрий Ключников» (2005).

Владимир Бондаренко

«Юрий Ключников, живя в Новосибирске, никак не может считаться неким "областным" писателем. Творчество поэта, философа, публициста, русского подвижника и пассионария, явно недооценённого в отечественной литературе, — это некая эстафетная палочка нашим культурным наследникам, перекличка века двадцатого с веком двадцать первым, с новым тысячелетием» (2007).

Сергей Гонцов

«Когда читаешь стихи сибиряка Юрия Ключникова, невольно вспомнишь и самого колоссального Шаламова, и Александра Межирова, и Арсения Тарковского, вовсе не

благодаря какому-то стилистическому родству, но по причине родства духовного… да мало ли отчего ещё… В стихотворениях Ключникова (а наш автор ещё и замечательный учёный, эссеист, сказочник, паломник-очеркист и пр., то есть, как это принято говорить сейчас, — универсальный литератор) прежде всего с удивлением и радостью обнаруживаешь отпечаток какого-то необыкновенного ландшафта, точно наяву странствуешь по Горному Алтаю или стоишь в Восточных Саянах перед могучим кедром. Возникает ощущение, что глядишь на срез яшмы или малахита, несущий разом тысячи изумительных картин. То есть тебя как бы уводят в "океанское безвластье" (Мандельштам).

Но как Шаламов изумляет вовсе не подробностями колымских широт, так и Ключников берёт читателя чем-то совершенно иным. Ну да, дух простора, небесно-земные скитания — всё это есть.

И тут же ловишь себя на мысли, что здесь царствует МЕРА, которую Автор и Модель (так скажем) определили друг для друга. Обыкновенно же в "сибирских стихах" эта чудесная мера просто игнорируется»… (2007)

Евгений Мартышев

«Литературный процесс в Новосибирске трудно представить без Юрия Ключникова — поэта, философа, просветителя, руководителя общественного объединения «Русский клуб». Он прожил трудную жизнь, но превратности судьбы не сломили отступника, не поколебали его убеждений. Со смирением и одержимостью страстотерпца Юрий Ключников продолжает духовное восхождение в поисках своего Белого Острова. А Белый Остров этот — мир в гармонии и согласии под эгидой Зиждителя, любимое, но неласковое Отечество и… вечная, неувядающая поэзия. В ней литературный изгой черпает силы и несокрушимое жизнелюбие. И оно (его творчество) отнюдь не «глас вопиющего в пустыне». Ему благожелательно внимали столпы русской словесности: Виктор Астафьев, Вадим Кожинов, Юрий Кузнецов, Юрий Селезнев, Валентин Сидоров и др. Одна за другой в столице выходят его книги: «Стихия души», «Годовые кольца», публицистическая — «Лики». Растёт число поклонников его суровой Музы и в нашем городе. По воскресеньям они собираются во Дворце культуры железнодорожников, дабы послушать чеканные строки и философические размышления несгибаемого «солдата великой Империи» (2007).

Леонид Ханбеков

«Об этой потаённости миров — тех, что есть, тех, что были, и тех, что, возможно, придут, — многие стихи Юрия Ключникова, до поры до времени бывшие как бы

вне закона, вне литературного контекста, вне творческого состязания, вне пространства поэзии. Но вот пришли к читателю его книги, и стало видно, как загадки и тайны нерукотворного мира, что окружает нас, могут обрести форму народных притч и легенд, глубину философских обобщений и орнаментальность древних легенд, узорчатую красочность поэм на исторические сюжеты.

Любовь и ненависть. Созидание и небытие. Земля и Космос.

Вечная тайна жизни всецело занимает его. С одинаковым упорством и жаждой познания смысла жизни вопрошают Судьбу о планах Творца и русский неутомимый путешественник (бесспорное альтер-эго поэта), и безмятежный ещёвчера турист, оторопевший от невиданных красот природы всего-то в сотне-другой километров от привычного жилья и прозябания, вопрошают и каменный идол в алтайских степях, и египетский сфинкс где-нибудь в древней Гизе… Строительство души, восстание её против пошлости и ханжества, против натужности и притворства — вот стержень его стихов» (2009).

Лев Аннинский

«Юрий Ключников — замечательный сибиряк, “весёлый странник золотого века”, сумел выносить в душе и явить в творчестве истинно русское, то есть непоколебимо православное, мироощущение и по сей день является хранителем этого непобедимого образа мыслей. Тысячи своих строк он выдержал в рамках державинско-пушкинской традиции, не польстившийся ни на какие авангардистские уловки. В его душе всегда жило ощущение некоего высшего начала, в свете которого получают смысл и советская власть (другой нет), и христианское вероучение (“Фаворский свет”)» (2010).

Владимир Смирнов

«Слово Юрия Ключникова — живое свидетельство о путях и перепутьях своего и чужого, родного и вселенского. В его стихах “дышит почва и судьба”. А это вековечный “патент на благородство”, как писал некогда старинный русский поэт Афанасий Фет» (2011).

Валентин Курбатов

«У нас уж лета-то вон какие, и поэтический “дневник” Юрия Ключникова (а это “дневник” зоркого, не дающего себе отдыха человека) горчит и саднит, как старая рана, но к русской чести, “не уходит в запас…” Мне нравится, что Ключников в последние годы пишет порой не по одному стихотворению в день, отодвинув публицистику и литературное ведение, потому что стих вернее держит дыхание жизни, её пульс. Золотое ка-

чество Ключникова в том, что он не спрямляет дорог и в гордости империей и русским человеком глядит на этого человека без лести» (2013).

Станислав Джимбинов

«Одно бесспорно: Юрий Ключников мастерски владеет поэтическим словом, его переводы читаются легко, в них не спотыкаешься на темнотах, поскольку всю работу по расшифровке "тёмных" мест поэт взял на себя, о чём он говорит сам… Такой обширной антологии французской поэзии, выполненной одним переводчиком, у нас ещё не было ни до, ни после революции» (2014).

Феликс Кузнецов

«Юрий Ключников — один из самых умных и глубоких литераторов нашего времени. Я не буду говорить о его стихах, мне сподручнее говорить о публицистике и эссеистики сибирского автора. Мне очень понравилась статья Ключникова "Непонятый доктор" о Пастернаке. Поразила не только тем, каким лёгким, изящным слогом она написана, но своей глубиной и смелостью сопоставления "Тихого Дона" и "Доктора Живаго". Я занимаюсь Шолоховым много лет и никогда не встречал, чтобы кто-то так интересно сравнивал Григория Мелехова и Юрия Живаго. Удивительно по своей точности само определение этих двух героев своего времени как "Русских Гамлетов", каждый из которых мечется между двумя полюсами истории! А пастернаковский перевод Гамлета Шекспира — это заход к проблеме с другой стороны. Юрий Ключников пишет: "Пастернак восстановил облик подлинного Гамлета в своём великолепном переводе знаменитой пьесы Шекспира. И собственным поведением оправдал в русском интеллигенте то, что принимается за слабость". Обоих героев, при всей их разности действительно объединяла "страстность в желании через все противоречия эпохи дойти до сути, даже ценой собственной гибели". Автор "Ликов русской культуры" убедил меня в том, что мы раз и навсегда должны сказать, что Пастернак — глубоко русский поэт прежде всего потому, что он очень этого хотел» (2014).

Ксения Мяло

«В России всё ещё появляются — хочется думать, будут появляться и впредь, находя своего читателя, — всё новые и новые переводы, давно уже, казалось бы, переведённых строк. Очередным подтверждение этому можно считать выпущенную в 2015 году издательством "Беловодье" уникальную книгу ныне живущего русского поэта Ю. М. Ключникова, в заглавие которой вынесена строка из Шарля Бодлера "Откуда

ты приходишь, красота?", а подзаголовок поясняет: "Вольные переводы французской поэзии XII—XX веков". Уже одно это останавливает внимание — как по масштабу охваченного времени (шутка сказать — почти целое тысячелетие жизни одной из самых богатых частей поэтического наследия Европы!), так и потому, что не столь уж часто переводчики сразу же, как говорится, с порога, сообщают о "вольности" своих трудов. При этом, как бы не довольствуясь только подзаголовком, Ключников дополнительно заявляет своё переводческое "кредо" в строках собственного, предпосланного всему сборнику стихотворения: "Мне важно из безмолвия былого извлечь живую суть живой души".

Тем самым давая понять, что речь для него идёт не только о достаточно "вольном" отношении к утвердившейся у нас переводческой традиции, предполагающей в целом сохранение всех особенностей оригинала — размера, строфы, системы рифм и даже, насколько это позволяет различие языков, созвучий, но о чём-то большем, что выходит за рамки имеющего давнюю традицию спора (в своё время в нём принял участие и Пушкин) между сторонниками верности "букве" подлинника и теми, кто первостепенной задачей своей видел передачу "духа" произведения. А именно: о праве переводчика на открытый диалог с переводимым поэтом, в который, так или иначе, вовлекается читатель, а временами даже на договаривание за поэта чего-то, как представляется переводчику, недосказанного или недостаточно ясно высказанного самим поэтом…

А потому уникальной особенностью сборника французской поэзии, подготовленного Ю. М. Ключникова, особенностью, которая, собственно, и побудила меня к написанию этого очерка, можно считать впервые, как подчёркивает в предисловии к книге "Откуда ты приходишь, красота?" литературовед С. Б. Джимбинов, предпринятую им попытку соединить под одной обложкой французских поэтов XII и XX веков. Что даёт читателю исключительную возможность самому проследить пройденный за тысячелетие бурной истории Франции и попытаться угадать, несмотря на небольшой объём сборника, объединяющие их общие, родовые черты… Читателю предлагается весьма качественное и объёмное собрание переводов французской поэзии, которая, как видим, каким-то образом блистательно состоялась» (2017).

Владимир Яранцев

«Стихи Ю. Ключникова немногословны, но чувствуется в этой благородной сдержанности и собственная узда — самоограничение, взятое у классиков. В первую очередь — у А. Пушкина, поэта для Ю. Ключникова нехрестоматийного, "дежурного", а задушевного, родственного по всем статьям и параметрам…

При всей широте его эрудиции, усугублённой знанием восточной философии, он остаётся сибиряком, новосибирцем, сформировавшимся как мыслитель и поэт вблизи, в

присутствии Алтая и его священных гор. Природа Сибири, алтайская особенно, — не менее мощный энергетический фактор, чем русская и мировая литература с феноменом Пушкина. И это особо остро чувствуется в его сибирско-алтайских стихах.

Это поэзия непосредственного соприкосновения с землёй, её стихиями и ландшафтами, конкретики, реалий, вплоть до дачной (цикл "Дачные стихи"), насыщающих тело и душу поэта, дающих вдохновение для поэтических, философских, религиозных прозрений и откровений. "Мне нужно в горах побывать хоть неделю, / Чтоб год продержаться потом на плаву", — пишет Ю. Ключников в стихотворении "Алтайская тоска". "Тихая" лирика Ю. Ключникова — это не просто "природные", общепонятные стихи, а процесс и плод его восхождения к "неслыханной простоте" в своей поэзии. …Природа у Ю. Ключникова всегда обóжена через очеловечение, через личное её восприятие, уравновешенное с объективным, реалистическим. И потому в одном таком сибирско-алтайском стихотворении обязательно присутствуют и конкретика, и метафизика, описание реалистическое и образное, а зачастую и высокий пафос постижения Истины. "Здесь всё кругом, как было, с пылу, с жару, / Явилось в мир из Божеской печи: / Цветы и лес, закатные пожары… / Здесь Истина, другую не ищи", — пишет Ю. Ключников в "Алтайской рапсодии"» (2016).

Геннадий Иванов

«В наше время из живущих так активно и плодотворно на восьмом десятке лет работают, пожалуй, только Глеб Горбовский и Константин Ваншенкин. Из недавно ушедших так работали в этом или почти этом возрасте Виктор Боков, Николай Тряпкин, Федор Сухов, Анатолий Жигулин, Алексей Решетов. Очень хорошие поэты. В этот ряд достойно встаёт Юрий Ключников…

Я уверен, что добрая слава о поэте Юрии Михайловиче Ключникове будет шириться и распространяться по России. Его надо читать» (2011).

«Юрий Михайлович Ключников живёт в Новосибирске, недалеко от его любимого места на планете Земля — Алтая. Поэтому так и хочется начать это предисловие шукшинскими словами: живёт такой парень! Даже несмотря на его возраст парня, которому пошёл 87-й год! Но можно и подкорректировать: живёт такой Поэт! И в этом возрасте он весь в работе, в достижениях — недавно издал том переводов поэтов Франции XII—XXI веков "Откуда ты приходишь, красота?", затем, совсем недавно, вышла его книга переводов суфийских поэтов "Караван вечности". Вот у меня на столе блистательный том очерков Юрия Ключникова "Лики русской культуры". Я с огромным удовольствием и читал, и перечитываю эти глубокие статьи, очерки, эссе о Пушкине, Блоке, Булгакове, Гумилёве, Пастернаке, Шукшине, Кожинове…

Наконец прочёл, пока ещё в рукописи, большую книгу мемуаров Юрия Михайловича “Дни моей жизни. Воспоминания и размышления”.

…Книга получилась очень густой на сюжеты, информацию, мысли. В неё автор включил несколько бесед с сыном Сергеем, который тоже философ и писатель. Темы бесед — от самых сложных, философских: предназначения человека и Сверхзадач — до самых животрепещущих и обыденных: сохранения здоровья и семьи… Его беседы настолько интересны и познавательны (а надо ещё сказать, что Юрий Михайлович один из самых образованнейших людей нашего времени), что профессор Литературного института Станислав Бемович Джимбинов, сам в высшей степени образованнейший человек, однажды сказал, что такого глубокого сотрудничества отца и сына Ключниковых он не знает во всей мировой литературе. Так что стоит особое внимание в этой книге обратить на эти беседы» (2017).

…Интуиция и талант автора вольных переводов китайской поэзии Ю. М. Ключникова помогли ему почувствовать что-то очень сокровенное и подлинное в строках поэтических гениев Поднебесной. Его вольные переводы и переложения очень хорошо передают дух этой великой страны, образы, интонацию, ассоциативное богатство и тонкость поэтического мышления китайцев… Хорошо выглядят и архаические стихи, да и философская поэзия переложена очень красиво. На меня большое впечатление произвели как притчи Чжуан-цзы, так и поэтическое переложение знаменитого трактата «Дао Дэ Цзин». В целом в переводах и переложениях Ю. М. Ключникова есть чувство подлинности и правды, и каждый переводимый им поэт встаёт сквозь строки словно живой. Автору книги удалось показать поэтическую индивидуальность каждого поэта, отличающую его от других мастеров стиха. Они звучат как хорошая русская поэзия с нашими родными размерами (хотя восточный колорит передан очень ярко) и в таком виде лучше усваивается нашими читателями.

В каком-то смысле это новое слово в традиции русских художественных переводов. Много русских поэтов, включая Пушкина, интересовались китайской культурой и поэзией, но ни один русский поэт не переводил китайскую поэзию в таком объёме. У Фета, Гумилёва были только подступы к решению этой задачи. Анна Ахматова сделала больше, но это нельзя сравнить с той большой задачей, которую поставил перед собой и, главное, решил Юрий Михайлович Ключников. (Я не сравниваю сейчас известность этих двух поэтов и масштаб их дарования, а говорю именно об объёме сделанного). С одной стороны, это свободные, вольные переводы и переложения китайских стихов, а с другой стороны, довольно точные тексты, передающие не только дух, но и нередко букву первоисточника. К тому же они снабжены солидным справочным аппаратом — предисловием автора книги, биографическими справками (живо написанными и весьма подробными,

может быть, иногда излишне), словарём поэтических терминов, большим послесловием сына и издателя поэта, в котором рассказывается об истории поэзии Поднебесной. Всё это делает книгу очень ценным пособием для изучения китайской поэзии. Её бы направить в вузы, где изучается китайский язык, где готовятся кадры для сотрудничества наших двух великих держав» (2018).

Надежда Мирошниченко

«Я бы всем сегодняшним разработчикам новых учебников истории России посоветовала читать стихи Юрия Ключникова. Удивительная грань — правда по краю пропасти. И нигде ни разу не сорваться. И везде найти баланс мечты и ошибки и пройти посередине по пути Истины. И столько любви и к Богу, и к Отечеству, и к Русскому Человеку, и к Жизни. И какое это счастье — Труженица Поэзия на службе вдохновенного Таланта. И какой вы молодец, Николай Дорошенко, что достаёте из глубин нашей России золотые слитки вдохновения и щедро дарите их нам. Кланяюсь обоим: и Поэту, и Редактору. Слава России!» (2016).

Владимир Костин

«За словами “Поэзия Юрия Ключникова” встаёт огромный мир, огромный хор поэзии, мировой и российской, от Пушкина до суфиев, мир евразийски выразительный — мир влюблённого в поэтическое слово читателя и ответственного посредника, своеобразного гида на его маршрутах. И здесь не может не поражать широта эстетического зрения Ключникова и его принципиальная гармоничность. Это мир его предпочтений, его избраний, но это цельный мир, диалогически связанный и ощутимо полный, онтологически и художественно самодостаточный» (2015).

…Книга переводов сонетов Шекспира и поэзии шекспировской эпохи, созданная поэтом и переводчиком Ю. М. Ключниковым, доставила мне много положительных эмоций. В этой теме, изъезженной вдоль и поперёк ,трудно удивить чем-то новым, но меня эта книга приятно удивила, хотя я давно знаком с оригинальным поэтическим творчеством этого автора и его вольными переводами мировой поэзии. Во-первых, высоким качеством переводов, это касается и сонетов Великого Барда, и переведённых стихов королевы Елизаветы, Филипа Сидни, Бена Джонсона, Джона Донна. Во-вторых, объёмом проделанной переводческой работы. Не припомню издания сонетов Шекспира, которые соседствовали бы с целой обоймой тогдашних лучших поэтов. Это позволяет понять поэтический контекст эпохи и взаимосвязи между Шекспиром и его окружением, например, соперничество великого Барда и Джона Донна. Ю. М. Ключникову удалось пере-

дать возвышенный дух шекспировских сонетов, несущих в себе и влияние эвфуизма, и одновременно его преодоление.

Впечатляет и большая работа, проделанная сыном поэта философом и психологом С. Ю. Ключниковым в его работе, посвящённой теме авторства Шекспира. За несколько веков споры на эту тему не утихли, а стали острее, причём вопросы, поставленные ещё в прошлом веке, до сих пор не получили внятных ответов от официального шекспироведения. С. Ю. Ключников свёл воедино все вопросы и гипотезы о том, кем был Уильям Шекспир, и попытался развить версию М. Д. Литвиновой о двойном авторстве Фрэнсиса Бэкона и графа Ратленда. На мой взгляд, система доказательств приведена убедительная и теперь игнорировать вопросы всех сомневающихся в официальной версии больше невозможно. Сделан ещё один шаг на пути к раскрытию Великой Тайны» (2019).

Юрий Ащепков

«Физикам известен такой факт: элементарная частица реагирует на взгляд наблюдающего за ней исследователя. И даже две частицы при появлении третьей начинают менять свои характеристики. В химии при соединении (реакции) двух реакторов происходит превращение одних в другие. При этом исходное вещество расходует свою энергию и отдаёт её веществу новому.

Но особенно ярко реагируют на соседей растения. Садоводы знают, что от одних "соседей" растения погибают, от других бурно развиваются, ускоряя темпы роста.

Говорю о таких ассоциациях, имея перед глазами новую книгу Ю. М. Ключникова"Душа моя, поднимем паруса"! Никогда ранее поэт не соединял переводы французской и арабской поэзии со своими стихами. Не потому, что раньше не делал переводов. Просто высокая требовательность к себе и ответственность мастера перед ликом Времени не позволяли ему ставить себя в один ряд с Верленом и Саади. Но произошла удивительная вещь: собственные стихи поэта от соседства с французскими и арабскими засияли необычными до того скрытыми красками. Произошло удивительное взаимодействие трёх поэтических культур, слияние их в единую симфонию мудрости. И каждая из трёх культур, не теряя своей индивидуальности, засияла своим светом, обогащённая душами-соседями.

Впрочем, надеюсь, что о новой книге поэта заговорят и сегодня первой строкой приведённого здесь эпиграфа из Гёте. Перед нами впечатляющий поэтический эксперимент, подобный алхимическому соединению трёх элементов. В результате получился философский камень, с разными гранями высокой духовной мудрости и красоты. Зазвучала космическая музыка, не боюсь сказать так, с тончайшими оттенками чистых чувств и смыслов. Без них нет человека. собственно, никогда и не было. Просто иногда негде укрыться

от угрожающего миру потребительского варварства и политического хаоса. Можно спастись только там, где есть философский камень-спаситель, обнаруженный для нас большим художником. Поклонимся ему за это. А ещё за то, что новых его откровений мы ждём с возрастающей радостью и нетерпением» (2015).

Сейдахмет Куттыкадам

«Так получилось, что мне, журналисту из Казахстана удалось ознакомиться с книгой "Караван вечности" ещё в рукописи, раньше, чем читатели из России. И я, пользуясь случаем, решил высказаться об этой книги и о творчестве поэта, тем более что до этого я знакомился с его книгой "Душа моя, поднимем паруса!". Я — горячий поклонник русской культуры, и поэзия Юрия Ключникова на меня произвела большое впечатление своим классическим русским стилем и выстраданностью. Это большая и настоящая поэзия. Всё, что пишет и переводит Юрий Ключников, несёт в себе особую одухотворенность и изысканную чувствительность. Что касается переводов, то они — изумительны, и они очень точно передают восточные особенности мысли, языка и стихосложения, а самое главное — мудрость. Я родом из города Туркестан — родины Ахмета Ясави и ещё застал последних суфиев — его последователей. Поэтому всю жизнь испытывал тягу к суфизму. В суфизме два основных течения — поэтический ирфан и аскетический тасаввуф, в чистом виде они почти не встречаются, как правило, имеет, место смешение их в той или иной пропорции. И в переводах Юрия Ключникова это можно различить» (2016).

Зинаида Лапина

«Я знакома с творчеством сибирского поэта и переводчика Юрия Михайловича Ключникова уже много лет и прочитала целый ряд его собственных поэтических книг, переводов французской и персидской поэзии. Это тот редкий случай, когда, читая поэта, чувствуешь, что нет ни одного стихотворения, которое я бы не приняла как что-то очень близкое сердцу. Моя высокая оценка в полной мере относится и к его вольным переводам и переложениям китайской поэзии в книге "Поднебесная хризантема". В ней Ю. М. Ключников охватил огромный период китайской поэзии длиною в 30 веков — от «Ши-цзина» до Мао Цзэдуна. Ю. М. Ключников создал оригинальный жанр. Средствами русской поэзии с её рифмами и размерами он точно и качественно сумел передать настроение и дух каждого из представленных китайских мастеров слова. Для меня его вольные переводы и переложения, приближающие китайскую поэзию к русской, и его стихи по мотивам лириков Китая, сопоставимы с оригиналом. Ю. М. Ключников пока-

зал, насколько сакральна поэзия китайцев, даже если речь идёт о бытовых темах, явлениях природы или простых человеческих чувствах.

Удивительно, что это удалось сделать человеку, который не знает китайского языка. Кстати, само знание языка ещё не гарантия успешного перевода китайских стихотворений. Ю. М. Ключникову это удаётся благодаря его большому художественному таланту, что подтверждают его коллеги — известные российские литераторы. Поэт проник в тайны китайской души и показал нам всем, что эта душа созвучна русской душе. Можно сказать, он искал Россию в Китае и нашёл её в стихах и одах поэтов Поднебесной.

Но нельзя не сказать ещё об одном объяснении творческого успеха 87-летнего поэта, всю жизнь занимавшегося большой духовной работой и над освоением наследия Востока, и над собой. Такая работа пробуждает в творце мудрость и художественный дар — поэтическую интуицию. На крыльях "шестого чувства" поэт преодолевает языковые и культурные барьеры, видит истину и проникает в глубину и суть поэзии. Ему удаётся соединить тщательное изучение подстрочников и многочисленных переводов с собственными интуитивными прозрениями. Благодаря этому он пробивается сквозь сложнейшую "китайскую грамоту" иероглифов. В стихах Ю. М. Ключников достраивает невидимые грани образа и смысла до совершенной гармонии и полноты» (2018).

Бронислав Виногородский

«Книга переводов и стихов по мотивам китайской поэзии, выполненная настоящим одарённым поэтом Юрием Ключниковым, является бесценным вкладом в изучение культуры и искусства Китая.

Основная цель поэзии — оформить и передать переживания от соприкосновения с миром. Сделать это может поэт, умеющий описывать свои переживания не прямо, а через образы. Именно это и делает книгу Юрия Ключникова бесценным шедевром нового типа в китаеведении. Я не побоюсь применить определение "прекрасный китаевед" к этому талантливому и смелому поэту-исследователю» (2019).

Сергей Маркус

«Радостно быть современником Юрия Ключникова. В нём раскрывается новый тип русского человека.

Это истинно русский — в служении своему народу и своему языку. И это всечеловек — в лёгкой и радостной открытости французскому, индийскому, иранскому… Недаром же Достоевский говорил о "всемирной отзывчивости русской души" в Пушкине. Но ведь Пушкин лишь только начал открывать многие горизонты… и многое не успел.

Так и Ключников — и не успел, и… не успеет. Отчего же так? Да оттого, что человек, нами видимый сегодня, не вечен — но, причастный вечности, проходит сквозь множество слоёв времени.

Очевидно, что и сибиряк Юрий Ключников до появления в России прошёл многие круги культур, языков и разных народов — отсюда и внутренняя память, и любовная отзывчивость. Очевидно, что возраст не умалит в нём жадности открытий и он пройдёт ещё множество странствий, которых мы здесь не увидим.

А новизна для нас вот в чём: русское общество не позволяло ранее быть личности одновременно сразу в нескольких измерениях. Западное и восточное, христианское и исламское, да ещё индуистское… советское и древнерусское… Ничто не исключает ничего. Мир целостен, полифоничен, хоть для удобства познания и разложен по полочкам.

Ключников — русский всечеловек, многогранный, до конца не воплощаемый. Он каждому из нас показывает: не бойся быть искрой Вселенной, которая жаждет в тебе отразиться!» (2017).

Николай Серебрянников

«Книга “Караван вечности” — настоящее историческое исследование: отбор имён и произведений — это работа знатока и художника. Книга, созданная Юрием Ключниковым, раскрывает духовные запасники мусульманского Востока, парадоксально активизировавшиеся в конце XX века. Она — итог долгого пути, результат проникновения в душевный строй чужой, казалось бы, далёкой культуры. Выбор личный, глубоко осознанный. Драматично шла жизнь Юрия Ключникова, в ней сказался последний российский надлом, поэзия стала и раздумьем о Родине, и самообороной души.

Издание подобной антологии в наши дни своевременный и значимый культурно-исторический и даже политический поступок, важный жест, вносящий необходимые коррективы в разворачивающийся евразийский полилог.

С праздничной наглядностью российский читатель убеждается в том, что ужасы жестокой реальности наших дней чужды вековой высокой культуре Востока, неорганичны для неё — и неизбежно преходящи. Гармония божественного и человеческого начал, звучащая (и роль суфиев здесь воистину определяющая) в поэзии Ближнего и Среднего Востока из рода в род, из поколения в поколение, целительна — она говорит о непреходящей ценности идеалов братства людей и народов, о том, что Взаимопонимание неотменимо, как воздух, вода и улыбка.

И прекрасно, что роль посредника принял на себя Юрий Ключников, Замечательный поэт и необыкновенный эрудит, живущий под девизом «хочу всё знать и понимать» (2017).

С. А. Небольсин

«Перед нами книга “Поднебесная хризантема” — соцветие, даже созвучие голосов. Это долгая, многовековая и многотысячелетняя музыка поэтического Китая. Это долгий, полный трудов и богатый успехами путь переводчика. Впрочем, переводы у него по праву становятся перепевами (в хорошем смысле), переложениями, художественным развитием китайской поэтической темы. За несколько тысяч лет своего звучания она прошла путь от глубокой древности до современного творчества такой, скажем, величины, как Мао. Эта тема чудесным образом развита и в смене поколений внутри рода творчества Ключниковых. Сын собирателя и переводчика снабдил книгу полезным комментарием и глубокими раздумьями, с которыми интересно знакомиться даже искушенному читателю.

Хочется надеяться, что эта преемственность обогатится новыми поколениями русских читателей, переводчиков и комментаторов. Предрешить нынешней антологии вековой успех, может быть, рискованно, но нет сомнения, что она найдёт отклик в душах множества читателей, а возможно, и новых переводчиков китайского поэтического сокровища. Вот та надежда, которая крепнет у читателей Ключникова и которая наверняка даст богатые плоды в будущем» (2019).

Мария Бушуева

«Ю. М. Ключников не просто сохраняет свой мудрый идеализм, но борется за него и в эпоху победившего китча и постнуара, в которую, если искусство не заигрывает со злом, оно начинает казаться обывателю несовременным, упорно отстаивает разумное, доброе, вечное, отдавая приоритет высокому и, как в жизни, так и в искусстве, ориентируясь на “чистейшей прелести чистейший образец”, противоположный, а отнюдь не близкий гламуру.

Что касается его партийной истории, то нужно сказать, что Юрий Ключников не извлек из своего инакомыслия и конфликта с тогдашней властью никакой практической пользы, не получил даже малейшей выгоды. Потому что действительно был и остаётся идеалистом, то есть представителем той уникальной породы истинных “аристократов духа”, которые всегда были в меньшинстве, а сейчас становятся и вообще раритетом. Но без такого идеалистического слоя народа просто нет. И конечно, он остался верен своим идеям.

…«Китайский проект» Ю. М. Ключникова — это русско-китайский поэтический мост, воздвигнутый 87-летним поэтом, который, точно бессмертный мудрец Поднебесной, прошёл через тридцать веков китайской поэзии под зонтиком любви к ней, не опровергая традицию перевода и переложения китайских стихов, существовавшую до него,

но следуя ей и даже порой вплетая её точные ритмы в то, что расслышал у китайских поэтов сам. Можно пожелать читателям путешествия по этому мосту, соединившему в наше сложное время два великих поэтических берега — русский и китайский» (2019).

А. Н. Побаченко

«Духовный проект Юрия Ключникова, именуемый как перевод великой Всемирной поэзии на русский язык, задуман в молодые годы, когда он изучал иностранный язык (французский), совершенствовался и рос как поэт России, видел не только поэзию европейскую, но и суфийскую, китайскую, индийскую.

Русский поэт Ю. М. Ключников, живущий в Новосибирске, в одиночку вот уже несколько лет осуществляет свой проект по сближению великих культур и единению народов. Он неустанно (по 10–12 часов в день) ведёт свою подвижническую деятельность, внося немалую лепту в общее дело. Жанр перевода из… подражаний, заимствований, переложений, вольного перевода, пародий, откликов, перекличек, стихов по мотивам существует, несмотря ни на что! Однако два способа переводов (“верный” и “вольный”) доминируют при освоении мировой литературы. Поэт Ключников в первую очередь яркий мыслитель, блестящий стилист, стихотворец, несущий знамя классики в новое время, а во вторую он — писатель, свободно владеющий всей полифонией русской речи, её великолепными тропами.

В чём сила поэзии Юрия Ключникова? В утверждении бессмертия классических традиций в современной поэзии, неисчерпаемости силлаботоники, в возможности каждому истинному и ответственному поэту внести свой вклад в удержание литературы от распада и забвения, чтобы помнил добро “всяк сущий в ней язык”. Примечательна роль личности поэта, его вера в могущество слова, поразительна убеждённость в правоте своего дела, способного сблизить великие культуры мира и сохранить их» (2019).

УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

О Россия! В дневном напряженье… 9

Часть первая. Стихи о России

I. ПОДСНЕЖНИК

1. Корни (1979). 11
2. Подснежник (1989) 11
3. Аз есмь! (1982). 12
4. Мы — Россия (2010) 13
5. «Всё просим у тебя, нам вечно мало…» (2005) 13
6. Чёрное и белое (2003) 14
7. «В деревянном старом доме…» (1990) 15
8. «В сердечной книге не желтеть страницам…» (1994) 16
9. «Прости меня, время! За жалобы каюсь…» (2008) 16
10. Царское место (2008) 17
11. Земля предков (2007) 17
12. В защиту Обломова (1999) 18
13. «Но всё пройдёт: жара и вьюга…» (1990) 18
14. «Не жалей на женщину любви…» (1997) 18
15. Конёк-Горбунок и мы (2006–2015) 19
16. Трилистник (1996) 19
17. Письмо из тверской глубинки (2010) 21
18. «Погремело вверху и заклинило…» (2005) 22
19. «Какой в тебе ни вызревал бы план…» (2007) 22
20. «Среди полей, где вороньё…» (2010) 23
21. Россия грядущая (2015) 23

II. МАТЬ-ПРИРОДА, Я МОЛЮСЬ ВСЕЧАСНО

АЛТАЙСКАЯ РАПСОДИЯ

22. Звезда (1982) 24
23. А мы молились за Россию (1996) 24
24. Белуха (1999) 25
25. «Уж скоро год почти, как разошлись мы…» (1999) 26

26. У подножья Белухи (2002) 26
27. Алтайская тоска (2005) 27
28. Алтайские сонеты (1999) 27
29. Алтайский Бог (2001) 31
30. «Здесь всё кругом, как было, с пылу с жару…» (1996) 32
31. Далёкое и близкое (2004) 33
32. Гроза в горах (2005) 33
33. Телецкое озеро (2005) 34
34. «Справа сосны, как гвардия перед парадом…» (2009) 35
35. Из дневника путешествий по Терехтинскому хребту (2010) 35
36. Птица (2007) 36
37. «В моём окошке даль мутна…» (2006) 37
38. Василёк (2007) 37
39. «Куда порой ни приведёт дорога…» (2007) 38
40. Усть-Кокса (2012) 39
41. Утро на Катуни (1982) 39
42. Синие волны Катуни (2012) 40
43. «Одинокий костёр ты зажёг на излуке Катуни…» (2006) 41
44. Патмос на Катуни (2007) 41
45. Чепош (2003) 42
46. «А солнце за облако село…» (2011) 43
47. «И вновь висков коснулся ветер…» (2011) 43
48. «Алтай, я так о нём скучаю…» (2007) 43
49. Молчаливая встреча (1999) 44
50. Костёр (2008) 45
51. Чёрный снег (2002) 45
52. Мой Бермудский треугольник (2007) 46
53. «Я выдал в свет алтайскую сюиту…» (1990) 46

СИБИРСКАЯ ЗЕМЛЯ

54. В наших дальних краях (1984) 47
55. Обь перед ледоставом (1984) 48
56. Раздумья над вечерней Иней (2005) 49
57. Брожу по берегу Ини (2006) 49
58. Иня (2006) 49
59. «Снова лёг на шуринские долы…» (1972) 50
60. «Над Кулундой в два слоя облака…» (1972) 50
61. Акафист Кулунде (2007) 51
62. «Не ропщи на жизнь и время тёмное…» (2009) 52
63. Сентябрь (1986) 52
64. Сибирское море (2007) 52
65. Транссиб (2005) 53
66. Рассвет в поезде Бийск — Новосибирск (2009) 54

67. Поезд Абакан — Москва (2008) 54
68. Вечер на реке Онон (1974) 55
69. Трава (2007) 56
70. И вновь весна (2002) 56
71. «Опять в Сибири небо голубое…» (2003) 57

ДАЧНЫЕ СТИХИ

72. Издревая (2006) 57
73. «Второе бабье лето в эту осень…» (2004) 58
74. Дачные запахи (2005) 59
75. «Я вновь с тобой, мой дачный боже…» (2005) 59
76. Герань (2001) 59
77. «Бывает, сердце так закрутит смута…» (2001) 60
78. Одуванчик (2005) 60
79. «Зерно умрёт и голову подымет…» (2005) 61
80. Берёзка в моём дворе (2004) 61
81. Берёзке (2005) 61
82. Майский лес (2006) 62
83. «Влечёт изысканностью линий…» (2001) 62

СРЕДНЯЯ ПОЛОСА РОССИИ

84. Подмосковье (2010) 63
85. Пахра (2006) 64
86. Закатный этюд (1971) 64

КАВКАЗ

87. Озеро Рица (1982) 65
88. Март на Кавказе (1982) 65
89. «Тёплый ветер, стреноженный ночью…» (1982) 66

ВРЕМЕНА ГОДА

90. Апрельская ночь (2005) 67
91. «И всё-таки, и всё-таки, и всё-таки…» (2004) 68
92. «Когда в июне чудный куст сирени…» (2005) 68
93. Октябрьский этюд (2005) 69
94. «У грусти серые глаза…» (2005) 69
95. Ель (2000) 70
96. «Как чудно солнечное утро…» (2013) 71
97. Июльским днём (2005) 71
98. Вечер (2005) 72
99. Новогодняя ночь (2003) 72

КОСМОС

100. Звёзд далёких свет (2005) . . . 73
101. Астрологические стихи (1999) . . . 74
102. «В ночь с четверга на пятницу ни зги…» (2003) . . . 74
103. Венера (2008) . . . 75
104. Красный закат (2007) . . . 75

III. В ПОИСКАХ РАЯ: БОГ РУССКОЙ ИСТОРИИ

105.Сотворение России (2006) . . . 76
106. Атланты (1985) . . . 77
107. Сфинкс (2003) . . . 77
108. Фаюмские портреты (2013) . . . 79
109. К вопросу происхождения Руси (2003) . . . 80
110. Князь Игорь (1984) . . . 80
111. Легенды о Сергии Радонежском (1980–1999) . . . 81
112. Пересвет (1983) . . . 85
113. В эпоху мятежей (2009) . . . 85
114. Окна (2010) . . . 86
115. «На реке Березине в Бобруйске…» (2010) . . . 86
116. Легенда (2005) . . . 87
117. Заметки на полях книги Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году» (2006) . . . 88
118. В поисках рая (2005) . . . 89
119. Воспоминание о Николае II (2007) . . . 89
120. 140-летие адмирала (2014) . . . 90
121. «Когда построим Башню-Истину…» (1983) . . . 90
122. «Как это внятно и близко…» (1977) . . . 91
123. Возвращение в Питер (1994) . . . 92
124. Эт сетера, или Бог русской истории
(подражание старофранцузской балладе) (2015) . . . 92

IV. ТЕБЕ, ПОБЕДА

125. «Много слов обидных, скорых…» (2006) . . . 93
126. 22 июня (2013) . . . 94
127. Великое число (2005) . . . 95
128. «Я не пишу, я карканью вороньему…» (2004) . . . 96
129. «Клок сена — зов пахучий лета…» (1977) . . . 97
130. Воспоминание о войне (2012) . . . 97
131. «Великой Победе две полных шестёрки…» (1998) . . . 98
132. Тебе, Победа (1995) . . . 98
133. Баллада о непутёвом солдатике (1971) . . . 99
134. Старые фотографии (2005) . . . 100
135. Прохоровка (2004) . . . 101

136. Георгий Победоносец (1988) . . . 101
137. Маршал (1984) . . . 102
138. «В бессердечной нынешней пустыне…» (1995) . . . 102
139. Баллада о директоре завода (1983) . . . 103
140. «Который год перемывают кости…» (1999) . . . 104
141. Сонет о визите де Голля на могилу Сталина в 1966 году (2015) . . . 105
142. «Критик, не лови меня на слове…» (2005) . . . 105
143. «В преддверии Великого Числа…» (2007) . . . 106
144. Почему я пишу о войне (1981–2011) . . . 106

ПЕСНИ ВОЙНЫ

145. «Звенит печаль легко и строго…» (1993) . . . 107
146. Старинный вальс (1999) . . . 108
147. Память о песне (2011) . . . 108
148. Танго «Воспоминание» (2012) . . . 109
149. Инвалид (1982) . . . 109
150. Годовщина Второй мировой (2010) . . . 110
151. За отвагу! (2007) . . . 110

V. ДА СВЯТИТСЯ СОВЕТСКОЕ ПРОШЛОЕ

152. Комаровка (1974) . . . 111
153. Мистерия истории (2012) . . . 112
154. Письмо священнику (2010) . . . 113
155. «Часы мои показывают вечер…» (1998) . . . 114
156. Магадан (1994) . . . 114
157. Закваска (2005) . . . 115
158. Дятел (2004) . . . 116
159. Подвиг (2003) . . . 117
160. «Да святится советское прошлое!..» (2012) . . . 117
161. Москва (2009) . . . 118
162. «Были в детстве моём и бомбёжки…» (2010) . . . 118
163. «Ты меня допытываешь, брат…» (2010) . . . 119
164. Шпалы деревянные (2008) . . . 119
165. Тиски (2013) . . . 120
166. «Наполним бокалы, содвинем их разом…» (2001) . . . 121
167. По поводу обращения «господа» (2005) . . . 121
168. Шофёр (1999) . . . 121
169. «Ах, власть советская, твой час…» (1999) . . . 122
170. «Пусть всё, что случилось с Отечеством…» (2010) . . . 123
171. Юрию Гагарину (2010) . . . 123
172. «Не в ладах с любым попутным ветром…» (2006) . . . 124

173. Мирское и божественное (2005) . . . 124
174. Пятое Евангелие (2008) . . . 125
175. Последняя молитва (2012) . . . 125

VI. МЫ ТЕБЯ ОТСТОИМ!

176. Балет (2001) . . . 126
177. Проснись! (2009) . . . 126
178. Курьёз (2004) . . . 127
179. «Снова ветром и пылью запахло…» (2005) . . . 127
180. Колокола Ростова Великого (2013) . . . 128
181. «Чуть солнце проглянет, как новые тучи…» (2004) . . . 128
182. Катынь (2010) . . . 129
183. Проповеднику Страшного Суда (1999) . . . 129
184. Зерно Эллады (2011) . . . 130
185. Ясность (1998) . . . 130
186. Мы тебя отстоим! (1989) . . . 131
187. «Мне не важно, глаза твои круглые или косые…» (2004) . . . 132
188. Размышления о демократии (2004) . . . 133
189. Парафраз на пушкинскую тему (2007) . . . 134
190. Ночной полёт (2011) . . . 134
191. Они и мы (2012) . . . 135
192. Молодым (2005) . . . 135
193. Двое (1981) . . . 136
194. Стихи о конце света (1999) . . . 137
195. Раздумье двуглавого орла (2011) . . . 138
196. «Упрёки эпохе смешны и грешны…» (2009) . . . 138
197. «Оглядывая всё, что нами пройдено…» (2007) . . . 139
198. Снова Покров (2008) . . . 139

ЦИКЛ ОБ ИВАНЕ-ДУРАКЕ

199. «Цари земные умным не с руки…» (2010) . . . 139
200. Тупиковый сонет (2018) . . . 140
201. Я за Ивана-дурака (1984) . . . 140
202. Не верь! (2007) . . . 141
203. «Иван-дурак, не бойся правду сеять…» (2006) . . . 141
204. Путь дурака (2001) . . . 141
205. Ванька-встанька (2015) . . . 142
206. «Освободившись ото льда…» (2007) . . . 142
207. Всё дело в том (2003) . . . 143
208. 24 декабря (2006) . . . 144
209. «Ушли из сердца огорченья…» (2013) . . . 144
210. Война 2008 (2008) . . . 145

211. По поводу конца света (2011) . . . 145
212. Взгляд из окна в праздник Покрова (2010) . . . 146
213. «За что нас так не любят мудрецы…» (2009) . . . 146
214. Пора закончить долгий спор с Европой (2006) . . . 147

VII. В РЕЖИМЕ КАТАСТРОФ

215. Рассвет (2011) . . . 148
216. В режиме катастроф (2005) . . . 148
217. Стержень (2008) . . . 149
218. Хмурое июньское утро (2010) . . . 149
219. «Ноябрь. В его приливах и отливах…» (2007) . . . 150
220. Равновесие (2010) . . . 150
221. «Что случилось с тобой, человек?..» (2008) . . . 151
222. Титаник (2003) . . . 151
223. Потоп и кролик (2010) . . . 152
224. «Грозными природными громами…» (2005) . . . 152

Часть вторая. Муза и любовь

I. СНЯТСЯ МНЕ СТИХИ

225. Красота (2008–2010) . . . 155
226. «На гранях мирового слома…» (1978) . . . 155
227. Русская словесность (2003) . . . 156
228. «Не видит сердце, и душа не слышит…» (2011) . . . 156
229. «Тепло. Иван Купала…» (1985) . . . 156
230. Мой грешный друг (2004) . . . 157
231. «Бедные поэты-графоманы…» (2004) . . . 158
232. «Ты жалуешься Небу, что один…» (2010) . . . 158
233. «Мелькают сезоны и числа…» (2004) . . . 159
234. «Весенний день в окно смеётся…» (2012) . . . 159
235. «Всюду хмурые тучи и лица…» (2003) . . . 160
236. Снятся мне стихи (2007) . . . 160
237. «Будь монахом, я бы скрылся в келью…» (2002) . . . 160
238. Мастерская поэта (2008) . . . 161
239. «Поранит вдруг строка поэта…» (2012) . . . 161
240. Музе (2006) . . . 162
241. Музе-России (2005) . . . 162
242. «По опушке идёшь и зелёные…» (2005) . . . 163
243. «Рука улыбчивей пера…» (2008) . . . 163
244. «И ночь глухая может быть ранима…» (2008) . . . 163
245. Бред (2013) . . . 164
246. «У поэта льды на Антарктиде…» (2011) . . . 165

247. «Не всё ль равно, когда своих гонцов…» (2008) . . . 165
248. «В пожарный век, покрытый серым пеплом…» (2006) . . . 165
249. «Жизнь сил ещё не забрала, но нет охоты…» (2006) . . . 166
250. Покаяние (2008) . . . 166
251. Вино осеннее (2008) . . . 167
252. «Ну, почитайте, ну, толково…» (2012) . . . 167
253. Флейта (2005) . . . 168
254. Стихи (2006) . . . 169
255. «А на уме одно — не сдаться бы, успеть…» (2009) . . . 169
256. Перекличка поэтов (2003) . . . 169
257. «Поэта скука жгла, а нам куда податься…» (2003) . . . 170
258. Современному стихотворцу (2004) . . . 170
259. «В поэзии я уберёгся…» (2006) . . . 171
260. Обожение (2013) . . . 171
261. «Поэт, да пребудет с тобою отвага…» (2009) . . . 171
262. «Ты проснулся. Дождь о подоконник…» (2013) . . . 172
263. «В туман уходит старый год, который…» (2013) . . . 173
264. Высокий штиль. Размышления в Год литературы (2012—2015) . . . 173

II. ЛИКИ

ГЕНИИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

265. Поэт (1985) . . . 174
266. Вспоминая классика (2006) . . . 175

ПУШКИНСКИЙ ЦИКЛ

267. Два века с Пушкиным (2000) . . . 175
268. Вакхическая песня (2009) . . . 176
269. День поэта (2012) . . . 177
270. Старому другу-поэту (2009) . . . 178
271. «Налево — синий глаз балкона…» (2003) . . . 178
272. Заветы Пушкина (2009) . . . 179
273. Михайловское (2013) . . . 179
274. Савкина горка (2013) . . . 180
275. Фантазии на тему пушкинского стихотворения «Из Пиндемонти» (2013) . . . 181
276. Осенняя меланхолия (2012) . . . 182
277. Сонет о поручике (2009) . . . 182
278. «Над Пятигорском гаснут звёзды…» (2003) . . . 183
279. Парафраз из Тютчева (1998) . . . 183
280. «Целлофан в моей печке потрескивает…» (1981) . . . 183
281. Владимир Соловьёв (2007) . . . 184
282. Молитва Льва Толстого (1997) . . . 184
283. Призывает нас время проститься с бедой (1999) . . . 185

284. Серебряный век поэзии (2002) . . . 186
285. XX век. Памяти Н. Гумилева (2011) . . . 186
286. Венок. Памяти Ф. Соллогуба (2011) . . . 187
287. Воспоминание о Бальмонте (2007) . . . 188
288. Созвучие (2007) . . . 188
289. «Мы помним всех, кто горы двигал…» Памяти Н. Островского (2005) . . . 189
290. Сын России (2013) . . . 189
291. «Стихов забытых томик древний…» Памяти А. Ахматовой (1998) . . . 190
292. Елабуга. Памяти М. Цветаевой (1977) . . . 191
293. Генерал. Памяти А. Платонова (2006) . . . 192
294. М. Б. Памяти М. Булгакова (2004) . . . 192
295. Борис Пастернак (2008) . . . 193
296. «Поэт просил не заводить архива…» (2002) . . . 194
297. Попытка уточнить классика (2009) . . . 194
298. Памяти Семёна Гудзенко (1983) . . . 194
299. Земля Шукшина (1974) . . . 195
300. На Шукшинских чтениях 2006 (2006) . . . 196
301. Родная песня. Памяти Н. Рубцова (2007) . . . 196
302. Алексею Решетову вдогонку (2012) . . . 197
303. Памяти Вадима Кожинова (2012) . . . 198
304. «Из ясных струн, из звонких строчек…» Памяти Ю. Кузнецова (2004) . . . 198
305. Солдат империи. А. Проханову. (2012) . . . 199
306. Что он успел. Памяти В. Распутина (2015) . . . 200
307. Мамонты. Станиславу Куняеву (2014) . . . 200
308. Псаломщик. Памяти Николая Шипилова (2011) . . . 201
309. Продолжение весны. П. Ф. Морякову (2012) . . . 202
310. Советское слово (2015) . . . 203

ТВОРЦЫ ИСКУССТВА

311. «Как будто сам Творец, играя…» (1983) . . . 204
312. Воспоминание о Моцарте (2005) . . . 204
313. Памяти Шуберта (2010) . . . 205
314. Шопен (1983) . . . 206
315. Григ (1999) . . . 206
316. Брамс (2011) . . . 207
317. К автопортрету Винсента Ван Гога (2007) . . . 208
318. Пластинка (1984) . . . 208
319. Новый год в Абрамцево (2005) . . . 209
320. Завещание (2007) . . . 209
321. «Везде настигают гремучие ритмы…» (2008) . . . 210
322. Слушая Рахманинова (2004) . . . 210
323. «От дискозвучия незваного…» Памяти Лидии Руслановой (1982) . . . 211
324. «В полированном ящике старом…» Памяти В. Анджапаридзе (1984) . . . 211

325. Его полёт. Памяти Г. Свиридова (2008) . . . 212
326. Воспоминание о певце. Памяти А. Вертинского (2005) . . . 212
327. На концерте. Памяти Д. Покровского (1984–1999) . . . 213
328. Памяти певца Валерия Агафонова (1984) . . . 214
329. Автору педагогической симфонии (2004) . . . 214
330. Будущему художнику России (1980) . . . 215
331. Об оркестре Гергиева (2019) . . . 216

III. МЫ ПОЁМ

332. Фольклорный ансамбль (1972) . . . 217
333. Гармонь. Памяти Г. Заволокина (1984) . . . 217
334. Мы поём (1999) . . . 218
335. Песнь (1982) . . . 219
336. Размышления на концерте ансамбля «Казачий кругъ» (2010) . . . 219
337. Русский романс (2009) . . . 219
338. Новогодний вальс «Кострома» (2010) . . . 220
339. Вальс «Вернись в Кашин» (2011) . . . 221

IV. УКРАИНСКИЙ ЦИКЛ (2004— 2014)

340. Свидание с Киевом (2004) . . . 223
341. Древняя родина (2004) . . . 223
342. «Какой пошёл с Крещенья век?..» (2011) . . . 224
343. Советы Григория Сковороды (2002) . . . 225
344. Ника (2014) . . . 225
345. Русские идут (2014) . . . 226
346. Держись, Донбасс! (2014) . . . 226
347. «Не спит который год Донбасс…» (2019) . . . 227
348. Сонет памяти героя (2020) . . . 227
349. Привет Крыму (2016) . . . 228

V. ФРАНЦУЗСКАЯ ТЕТРАДЬ

350. Романс Франсуа Вийона (1979) . . . 229
351. Последний допрос Жанны (2013) . . . 230
352. Блэз Паскаль (1982) . . . 230
353. «О жизнь моя — какой роман! — сказал Наполеон…» (2002) . . . 230
354. Я не «Шарли…» (2015) . . . 230
355. К выходу сборника французских переводов
«Откуда ты приходишь, красота?» (2015) . . . 231
356. Ритор (2015) . . . 232
357. Подражание Полю Клоделю (2015) . . . 233
358. Смерть героя (2014) . . . 233

359. «От берегов Амура до Луары…» (2014) 234

VI. ИСПАНСКИЕ ЭТЮДЫ

360. Итог жизни. I. Выводы Дон Кихота (1983) 234
361. Итог жизни. II. Выводы Санчо Пансы (1983) 235
362. Беседы о корриде. С быком (1985–1999) 235
363. Беседы о корриде. С матадором (1985–1999) 236
364. Беседы о корриде. С самим собой (1985–1999) 236
365. Беседы о корриде. С пространством (1985–1999) 237
366. «Он воспылал смешным пристрастьем к ней…» (2008) 237
367. К переизданию Сервантеса в России (2005) 238
368. Запоздалый драгоценный скарб (2007) 239
369. «Февральские морозы всё сильней…» (2009) 239
370. 19 августа. Памяти Гарсиа Лорки (2001) 240

VII. ШЕКСПИРОВСКИЙ ЦИКЛ

ЧЕТЫРЕ ПОСВЯЩЕНИЯ ПОДЛИННОМУ ШЕКСПИРУ (ФИЛОСОФУ ФРЭНСИСУ БЭКОНУ+ ПОЭТУ ГРАФУ РАТЛЕНДУ)

371. Воспоминания о Фрэнсисе Бэконе (2020) 241
372. Завещание Фрэнсиса Бэкона (2020) 241
373. Роджеру Мэннерсу, V графу Ратленду
(«О Ратленд! Ты ключи к великим тайнам») (2020) 242
374. Роджеру Мэннерсу, V графу Ратленду
(«Позвольте Вас назвать духовным братом») (2020) 243
375. Вспоминая Шекспира (2019) 243

VIII. КОГДА ЛЮБОВЬ И ЖЕНЩИНУ СОЗДАТЕЛЬ...

376. «Когда любовь и женщину Создатель…» (2000) 244
377. «Творя сей мир и днями, и ночами…» (2005) 245
378. Ступени страсти (2003) 245
379. «Из яви лунной и земной…» (1986) 246
380. «Вы боги, — говорил и нам Иисус…» (1999) 247
381. «Угомонись, душа моя, пора…» (2000) 248
382. Рыцарский романс (1990–2010). 248
383. Романс крестоносца (1983) 249
384. Мыльный пузырёк (1975) 249
385. «Какими ручейками…» (1984) 250
386. Одиссей в России (2005) 251
387. «В листве осенней догорает осень…» (2001) 252
388. Укрощение ссоры (2005) 253
389. Встреча (2000) 253

390. Кувшинка (2005) . . . 254
391. «Я знаю, что с души когда-то сброшу…» (2004) . . . 254
392. «Не называй любовью строки песни…» (2008) . . . 255
393. «У цветов недолгое дыхание…» (2008) . . . 255
394. У лип зелёные цветы (2012) . . . 256
395. Прощание с горами (1999) . . . 257

Часть третья. Дороги исканий

I. МАЛАЯ РОДИНА

396. Рождество 1930 года. Памяти матери Екатерины Тимофеевны (2015) . . . 259
397. Малая родина (2015) . . . 260
398. «Война. Налёт. Зенитное безглазье…» (2010) . . . 261
399. «Сорок первый. Осень. Беда…» (2006) . . . 261
400. Жил человек. Памяти отца Михаила Яковлевича (1984) . . . 262
401. «Мне снится пора сенокосная…» (1983) . . . 263
402. Шелесты пшеничные земли (1982) . . . 263
403. «В памяти застрял светло и немо…» (1976) . . . 264
404. «Потом была Сибирь и угольный посёлок…» (1976) . . . 265
405. Рыночная экономика войны (1976) . . . 266
406. Воспоминание (2007) . . . 267
407. Пастораль (2010) . . . 268
408. Письмо студенческому другу Юрию Огородникову (2010) . . . 269

II. КРИЗИС (КОГДА ПОДСТУПИТ К СЕРДЦУ ХАОС)

409. «Но когда же кончатся прятки?!..» (1971) . . . 270
410. «Тридцать с ветром. Огненной порошею…» (1972) . . . 270
411. «По весеннему небу синю…» (1972) . . . 271
412. «Когда подступит к сердцу хаос…» (1977) . . . 271
413. «Иногда в моей памяти прошлое…» (1981) . . . 272
414. «О нет, я не книжник, забившийся в келью…» (1977) . . . 272
415. «Кто эту надпись в чистом поле выбил?..» (1977) . . . 273
416. Совесть (1977) . . . 273
417. «Полинялой собакой рыжей…» (1977) . . . 274

III. Я В ДОМ ВХОЖУ

418. «Сколько их, полустанков, станций…» (1972) . . . 275
419. Осенний лет. Памяти А. Кухно (1981) . . . 275
420. «Потому ли, что пришла пора…» (1976) . . . 276
421. «Старый дом…» (1981) . . . 276
422. «Я в дом вхожу…» (1980) . . . 277

423. Главный подъезд (2004) . . . 278
424. Наедине с огнём (2007) . . . 279
425. Дом и дым (2013) . . . 279
426. «На этом свете и на том…» (2006) . . . 280
427. «Лечу! Кому такое не приснится?..» (1986–1996) . . . 280
428. Момент истины (2007) . . . 281
429. «Мне говорили — Бога нет…» (2006) . . . 282
430. «Зазвучало в сердце независимо…» (2002) . . . 282
431. «Кто жизнь не любит, смерть того страшит» (2005) . . . 282
432. Трутень (1984) . . . 282
433. «Я петь уже не в силах о любви…» (2003) . . . 283
434. Ладонь (2004) . . . 283
435. Корабельный гвоздь (2007) . . . 284
436. Поздняя осень (2006) . . . 284
437. Ветер мгновений. Новогодний вальс. (2010) . . . 285

IV. ВОСТОЧНЫЕ УЗОРЫ

438. В долине Кулу (1997) . . . 286
439. Канченджанга (1997) . . . 287
440. Сувенирный нож (2000) . . . 287
441. Памяти Бабы Вирса Сингха (2008) . . . 288
442. Эпитафия в Гималаях (2008) . . . 289
443. Према (2008) . . . 289
444. «Тибет. Страна камней и льда…» (2006) . . . 290
445. Буддийский храм (2005) . . . 290
446. «И вновь разлив весеннего огня…» (1983) . . . 291
447. «Сто тысяч песен Миларепы…» (1982) . . . 291
448. Кора (2013) . . . 292
449. Эверест (2006) . . . 292
450. Путешествие друзей (2008) . . . 293
451. Биения (1987) . . . 294
452. Завет Конфуция (2007) . . . 295
453. Аркаим (2001) . . . 295

СУФИЙСКИЙ ЦИКЛ

454. Суфийская притча (1988) . . . 296
455. Молитва мусульманина (2007) . . . 296
456. Из поучений суфиев (2007) . . . 297
457. «Меня уже правда ничья не заманит…» (2007) . . . 297
458. Из Корана (2004) . . . 297
459. Аят Корана (2004) . . . 297
460. Из Омара Хайяма (2004) . . . 297

461. «Много лет настойчиво, упрямо…» (2007) . . . 298
462. «Кто смолоду расчётлив и угрюм…» (2013) . . . 298
463. «Не рвись, душа, в покой иных миров…» (2013) . . . 298
464. «Не любят горы пошлости и дна…» (2009) . . . 298
465. Подражание Омару Хайяму (2008) . . . 298
466. Подражание Лао-цзы в манере Омара Хайяма (2014) . . . 299

V. Я ПЛЫЛ НА СТРЕЖЕНЬ, НО МЕНЯ СНОСИЛО

467. Незримая одна (1979) . . . 299
468. Стихи, прочитанные на партсобрании, где меня исключали из партии (1982) . . . 300
469. «Не умея просить прощенья…» (1982) . . . 301
470. Ночь в дачном саду после партийной разборки (1982) . . . 301
471. «Я плыл на стрежень, но меня сносило…» (1982) . . . 302
472. Шифры (1985) . . . 302
473. Поворот судьбы (1982) . . . 303
474. «Не впервые, Кавказ, ты для русского ссылка…» (1982) . . . 304
475. «Время выкинуло коленце…» (1982) . . . 304
476. Нам дали премиальные на хлебозаводе (1983) . . . 305
477. «Я удивляюсь, как я уцелел…» (1985) . . . 306
478. Памяти Ф. С. Горячева (2013) . . . 307
479. Две иконы (2014) . . . 308

VI. ГРУДЬ СВОЮ КРЕЩУ В ТОСКЕ ВЕЛИКОЙ

480. В древнем монастыре (1979) . . . 309
481. «Не затем, чтоб с грехами расстаться…» (1984) . . . 309
482. Молитва послушника перед постригом (1987) . . . 310
483. «Молитва требует упорства…» (2004) . . . 310
484. Молитва духу-утешителю (2005) . . . 310
485. «Когда распятый на ливанском кедре…» (1988) . . . 311
486. «Ищу тебя, нигде не находя…» (1990) . . . 312
487. «Все пропасти ты обошёл сегодня…» (2001) . . . 312
488. «Ты сетуешь, что ангелы ленивы…» (2007) . . . 313
489. Из «Добротолюбия» (2004) . . . 313
490. К своему 77-летию (2007) . . . 313
491. Пасха (2010) . . . 314
492. «Он вызывал у очень многих ярость…» (1998) . . . 314
493. «Ухожу в себя, сомкнув ресницы…» (2012) . . . 315
494. «Ты рвёшься ввысь, грустишь о красоте…» (2009) . . . 315
495. Лампада (2010) . . . 316
496. «Грудь свою крещу в тоске великой…» (2005) . . . 317
497. Из Умного Делания (2002) . . . 317
498. Памяти Иоанна Ладожского и Санкт-Петербургского (2006) . . . 318

499. Путь (2005) . . . 310
500. Наставление в пути (2013) . . . 320
501. «Не поддавайся злому зуду…» (2011) . . . 320
502. «Нам реки всякой мудрости пролиты…» (2005) . . . 321
503. «Кто говорит, что Бог нас всех оставил…» (2009) . . . 321
504. Сонет о лабиринте (2014) . . . 321
505. «Моя душа — Твоя душа…» (2008) . . . 322
506. «Когда в глазах темным-темно…» (2003) . . . 322
507. «Когда упоры забиваю…» (2007) . . . 322

VII. А САТАНЕ ОТ НАС НЕ НУЖНО МНОГО

508. Ртутные люди (1975) . . . 323
509. «Не остановишь в умысле мерзавца…» (1988) . . . 324
510. Парень (1987) . . . 324
511. Черви (1982–1999) . . . 325
512. Новые откровения Фауста (2005) . . . 326
513. Ребус (2009) . . . 326
514. «Избави, Боже, от богатства…» (2009) . . . 326
515. Вспоминая «Мёртвые души» (2006) . . . 327
516. Купи-продай (2003) . . . 327
517. Птичий грипп (2005) . . . 328
518. Воображаемое выступление в Государственной думе (2012) . . . 328
519. «В Америке траур. Там банки закрылись…» (2008) . . . 329
520. «Ты не исправишь эту жизнь…» (2005) . . . 329
521. Византийская притча (1982) . . . 330
522. «Ответом злому слову шли молчок…» (2009) . . . 331
523. «Нас тянет вниз земное притяжение…» (2009) . . . 331
524. Совесть (2015) . . . 331
525. Несси (1982) . . . 331
526. Ночная напасть (1983) . . . 332
527. Ночь в нижнем лагере (2000) . . . 333
528. «А сатане от нас не нужно много…» (2013) . . . 334
529. «Мы так давно привыкли к бедам…» (2014) . . . 334

VIII. ДУША МОЯ, ПОДНИМЕМ ПАРУСА!

530. Из древнего манускрипта (1990) . . . 335
531. «Учись с улыбкою страдать…» (2012) . . . 335
532. «Чем души восхождение круче…» (2005) . . . 335
533. «Душа трудом всегда повязана…» (2006) . . . 336
534. «Я в прошлое гляжу, в ушедшие туманы…» (2006) . . . 336
535. «Я первый свой предел прошёл…» (2005) . . . 336
536. Что нам всего нужнее (2012) . . . 337

537. «Не бывает бесконечных ягод…» (2009) . . . 337
538. «В молитве перелистывая память…» (2009) . . . 338
539. «Я почти что шепчу, и мелодию тихую эту…» (2003) . . . 338
540. «Нас редкие звёзды приветствуют сверху…» (2008) . . . 339
541. «Нам правило старинное знакомо…» (2000) . . . 339
542. «Сколько русских душ сегодня мрёт…» (2001) . . . 339
543. «Когда нас самолёт закинет…» (1984) . . . 340
544. Маска (2005) . . . 340
545. «Целительны земные беды…» (1999) . . . 341
546. Гладиатор (1999) . . . 341
547. «Мечтами о покое не баюкай…» (2008) . . . 342
548. «Горчит душа. Но это не тоска…» (1997–1999) . . . 342
549. Кипяток (1999) . . . 343
550. Цель эволюции (1990) . . . 343
551. Свобода (2004) . . . 344
552. Память (2003) . . . 344
553. Скажи, душа моя (2013) . . . 345
554. «Не нужно думать о дурном…» (2001) . . . 346
555. Венок восьмистиший (2003) . . . 346
556. «Легко святым казаться с виду…» (1982) . . . 348
557. Молчание (2005) . . . 349
558. «Я не атлант, я только человек…» (2006) . . . 349
559. Наковальня (1973) . . . 349
560. Свеча (2005) . . . 350

IX. СОНЕТЫ О ЖИЗНИ И СМЕРТИ

561. О пустяках (2018) . . . 351
562. Сонет главный (2017) . . . 351
563. Сонет молчаливый (2015) . . . 352
564. О Страшном Суде (2018) . . . 352
565. Самому себе (2015) . . . 353
566. Сонет о вере (2016) . . . 353
567. Сонет о первом снеге (2017) . . . 354
568. «Под старость пишется легко…» (2013) . . . 354
569. «Жизнь, как эта бабочка, порхая…» (2017) . . . 355
570. Я путь прошёл (2019) . . . 356
571. «Зачем фальшивишь, друг мой, не краснея…» (2013) . . . 356

X. О ПРОЙДЕННОЕ ЖИЗНЕННОЕ ПОЛЕ!

572. «Нагнали ненастье холодные ветры…» (2009) . . . 357
573. «В молодые дни торопишь жадно…» (2002) . . . 357
574. «Эта женщина в окне…» (2015) . . . 358

575. «Не жалуйся, что век тебя не ценит…» (2002) 359
576. «Двадцатый век, спасибо, что позволил…» (2003) 359
577. «Облака наверху, облака…» (2003) 360
578. «Бывает ли у облаков душа?..» (2009) 360
579. Камень (2013) 361
580. «Оглядывая лет ушедший дым…» (2009) 361
581. «Немного, в общем, сердцу надо…» (2002) 362
582. Райский сон (2009) 362

ПОЖЕЛАНИЯ

583. Река любви. Жене Лиле в день 59-летия совместной жизни (2013) 363
584. Сыну Сергею (2006) 364
585. Берега (дочери Марине) (1982—1999) 364
586. Пожелание самому себе (2001) 365

587. «Не рисуй себе ни будущего рая…» (2003) 366
588. Элегия (2002) 366
589. Быть может (2005) 367
590. «С каждым днём всё ниже время-кречет…» (2004) 368
591. Зелёный ветер (2008) 368
592. Ковыли (2010) 369
593. Сергею Небольсину (2012) 369
594. «Ушёл за тучи день, печалясь…» (2013) 369
595. Перемены (2004) 370
596. «Первый взлёт. Как часто спозаранок…» (2002) 371
597. «Прекрасной жизнь бывает во плоти…» (2008) 372
598. Вот и рубеж (2006) 372
599. «Спасибо, жизнь, за ту глухую стенку…» (2013) 373
600. «Жду новостей, но писем новых нет…» (2010) 374
601. «Петь хвалу судьбе своей не скоро…» (2008) 374
602. Мятеж и смиренье (2009) 374
603. «Какая награда, блаженство какое…» (2009) 375
604. «Питайся прошлым и мечтою…» (2009) 375
605. Прибежище (2011) 375
606. «Течёт река за горизонт…» (2006) 376
607. «Жара за тридцать. Клонит в сон…» (2005) 376
608. «Долго путь свой искавший в рисковых…» (2006) 377
609. Предчувствие весны (1996) 378
610. Золотой век (2006) 378
611. «Когда-то читатели скажут в печали…» (2013) 379
612. Благодать (2004) 379
613. «Спешить не надо на тот свет…» (2012) 380
614. Кладбище (2013) 380
615. Притяжение (2005) 380

616. Дороги (2012) . . . 381
617. Моя дорога (2011). . . . 381
618. Старый кучер (2007) . . . 382
619. Горы (2010) . . . 382
620. «Ты вынырнул на свет порой морозной…» (2005). . . . 383
621. «Ах, стихи, вы дети мне, не гости…» (2014) . . . 384
622. Как ребёнка, качать на руках (1999) . . . 384
623. «Ты шепчешь мне тихо, светло и бесстрастно…» (2012) . . . 385
624. «Россия, Русь, храни себя, храни!..» (2013) . . . 385
625. Эпитафия (2010) . . . 385
626. Прощальные стихи (2014) . . . 386
627. «Я всё сказал себе и веку…» (2011) . . . 386
628. Заклинание (2015) . . . 387

Часть четвёртая. Ковры времён. Поэмы

I. ПЯТЬ ПОЭМ

629. Ковры. Восточная легенда (1982) . . . 389
630. Золотое озеро (1983) . . . 394
631. Певец и хан. Восточная сказка. (1983—2015). . . . 396
632. Боливийский дневник Че Гевары (1977—1997) . . . 404
633. Смирение. Поэтические заметки на полях русской истории (2020) . . . 408

Часть пятая. Художественные переводы и переложения.

I. ФРАНЦУЗСКАЯ ПОЭЗИЯ XII—XX ВЕКОВ

634. Бертран де Борн. О тех, кого люблю (2013) . . . 449
635. Франсуа Вийон. Баллада на поэтическом состязании в Блуа (2013). . . . 450
636. Франсуа Вийон. Баллада истин наизнанку (2013) . . . 451
637. Андре Шенье. Живём. И что? Наверно, так и надо (2013—2015) . . . 452
638. Пьер Беранже. Безумцы (2015) . . . 453
639. Пьер Беранже. Наполеон на острове Святой Елены (2014) . . . 454
640. Пьер Беранже. Голуби биржи (2015) . . . 455
641. Виктор Гюго. Сон льва (2013—2015) . . . 456
642. Виктор Гюго. Девяносто третий (2013—2015) . . . 456
643. Теофиль Готье. Дрозд (2013) . . . 457
644. Жерар де Нерваль. Фантазия (2013) . . . 458
645. Леконт де Лиль. Северная богиня (2013) . . . 458
646. Шарль Бодлер. Падаль (2013) . . . 459

647. Шарль Бодлер. «Откуда ты приходишь, Красота?..» (2013) 460
648. Жозе Мария де Эредиа. Смерть орла (2013) 461
649. Стефан Малларме. «Закрыл я древний том, полузакрыл глаза…» (2015) 461
650. Стефан Малларме. Звонарь. (2015) 462
651. Поль Верлен. Искусство поэзии (2013) 462
652. Поль Верлен. Посвящение Дон Кихоту (2014) 463
653. Поль Верлен. Сон, с которым я сроднился (2015) 464
654. Поль Верлен. Осенняя песня (2013) 464
655. Артюр Рембо. Моё бродяжничество (фантазия) (2013) 465
656. Артюр Рембо. Роман (2014) 465
657. Артюр Рембо. Прощание с Европой (2014) 466
658. Артюр Рембо. Пьяный корабль. Поэма (2013–2015) 467
659. Поль Клодель. Баллада о море (2013) 470
660. Поль Клодель. Неудобный Верлен. (2015) 471
661. Поль Клодель. Ответ мудрого Цинь Юаня (2013) 472
662. Поль Валери. Кладбище в море (2013–2015) 473
663. Поль Валери. Вино поэзии (2013) 474
664. Гийом Аполлинер. Мост Мирабо (2015). 474
665. Гийом Аполлинер. Если я там погибну (2013–2015) 475
666. Поль Элюар. Свобода (фрагменты) (2013) 475
667. Робер Деснос. Эпитафия (2013) 476

II. ПЕРСИДСКАЯ (СУФИЙСКАЯ) ПОЭЗИЯ IX—XIV ВЕКОВ

АБУ АБДАЛЛАХ РУДАКИ

668. «Коль жизнь не учит бедами уму…» (2013–2015) 477
669. «Богатство по наследству…» (2013–2015) 477
671. «Постарайся даже тени…» (2013–2015) 477
672. «Не раз корил себя за то, что отвечал…» (2013–2015) 477
673. «Мудрец стремится успокоить страсти…» (2013–2015) 477
674. «Ушёл поэт. Покинул караван…» (2013–2015). 478
675. «Когда шагает караван в степи…» (2013–2015) 478
676. «Любовь порой бывает, как вода в пустыне, солона…» (2013–2015) 478
677. «Не надо завидовать чьей-то судьбе…» (2013–2015) 478
678. «Мой Бог меня не балует…» (2013–2015) 478

АБУЛЬКАСИМ ФИРДОУСИ

679. «Дай власть ему — и выиграешь бой» (2013–2015) 478
680. «В невежестве всех наших бед причина» (2013–2015) 479
681. «Кто разум сохранил, как знамя и как пламя» (2013–2015) 479
682. «От разума и радость, и беда» (2013–2015) 479

683. «Пусть целый век везет тебя удача» (2013—2015) 479
684. «Всё в мире, чего добиваешься страстно» (2013—2015) 479
685. «Нам мнится, время: ты несправедливо» (2013—2015) 479
686. «Бьёт жизнь, но я твержу себе и всем своё» (2013—2015) 480
687. «Сумей понять язык своей души» (2013—2015) 480
688. «Не знает зла, не знает лжи и гнева» (2013—2015) 480

ОМАР ХАЙЯМ

689. «Изо всех, кто сверлил скорлупу Бытия…» (2013—2015) 480
690. «Кто на землю глядит с высоты поднебесья…» (2013—2015) 480
691. «Все уходят куда-то, старик и дитя…» (2013—2015) 481
692. «Если ты вместо розы получишь шипы…» (2013—2015) 481
693. «Ты сотворил меня из собственной Души…» (2013—2015) 481
694. «Кому-то подарил Ты беззаботный смех…» (2013—2015) 481
695. «Я и статью хорош, и прекрасен в чертах…» (2013—2015) 481
696. «Если всё, что имеешь, тебе суждено…» (2013—2015) 481
697. «Если б власть я имел над собой и судьбой…» (2013—2015) 482
698. «Не жди от неба ни добра, ни зла…» (2013—2015) 482
699. «Смена жизни на смерть — не причина для стона…» (2013—2015) 482
700. «Пей! И в страхе за грех не дрожи…» (2013—2015) 482
701. «После смерти моей попрошу об одном…» (2013—2015) 482
702. «Погляди, как работает с глиной гончар…» (2013—2015) 483
703. «Говорят, будто небо даёт подлецу…» (2013—2015) 483
704. «Не поддайся печалям на мироустройство…» (2013—2015) 483
705. «Ты — снежинка, что в солнечных тает лучах…» (2013—2015) 483
706. «Печально, что основы не проверены…» (2013—2015) 483
707. «От вина умирает надменность ума…» (2013—2015) 483
708. «Я однажды спустился в подвал к гончару…» (2013—2015) 484
709. «Если скажут, что пьяница я, — это так…» (2013—2015) 484
710. «Сколько можно ударам и мукам служить…» (2013—2015) 484
711. «Я не тот, кто боится страданья и смерти…» (2013—2015) 484
712. «Откуда мы пришли? Куда всю жизнь спешим?..» (2013—2015) 484
713. «Растёт на могиле густая трава…» (2013—2015) 485
714. «Представь — перед тобой развернут райский свиток…» (2013—2015) 485
715. «Подгоняемый вечно невнятной судьбой…» (2013—2015) 485
716. «Под вином и любовью имею в виду…» (2013—2015) 485
717. «Не со всяким делись затрапезным вином…» (2013—2015) 485
718. «Снёс бы сотню домов сердца гнев моего…» (2013—2015) 485
719. «Но пределы есть всем моим гневным “хочу”…» (2013—2015) 486
720. «Ни один приходивший великий пророк…» (2013—2015) 486
721. «Ты и счастья родник, и несчастья рудник…» (2013—2015) 486
722. «Ты сегодня являешься Божьим подобьем…» (2013—2015) 486
723. «Будь лучше без любимой одинок…» (2013—2015) 486

724. «Если нет, где ты есть, ни любви, ни вина…» (2013–2015) 487
725. «Страсть с любовью вдвоём не бывают в ладу…» (2013–2015) 487
726. «Ты была для меня поначалу одной…» (2013–2015) 487
727. «Ты явилась мне в лике небесной мечты…» (2013–2015) 487
728. «Кувшин не опустел. Наполнен мой стакан…» (2013–2015) 487
729. «Хочешь тронуть розу — поклонись шипам 487
730. «В плен не поймаешь шустрого ручья…» (2013–2015) 488
731. «Шейх блудницу срамил: “Вся в грехах, как в шелку!”…» (2013–2015) 488
732. «Дуновения горного ветра свежи…» (2013–2015) 488

НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

733. «Мир покоя, покаянья, мир души в моей крови…» (2013–2015) 488
734. «Лунолика и прекрасна ты, творение Хотана…» (2013–2015) 489
735. «Аллах не любит горя и нужды…» (2013–2015) 489
736. «Свой каждый используй для радости миг…» (2013–2015) 489
737. «Кто в пламени смело сгорел мотыльком…» (2013–2015) 489
738. «Если ты тоской охвачен или болен и в постели 489
739. «Как солнце людям бескорыстно служит…» (2013–2015) 490
740. «Порой мне кажется, Аллаху я приятен…» (2013–2015) 490
741. «Душе не разрешай поддаться на каприз…» (2013–2015) 490
742. «Араб и перс стихи мои поют…» (2013–2015) 490
743. «Кого винить, что сердце, а не чурку…» (2013–2015) 490
744. «Слово “смерть” по значению связано с мерой…» (2013–2015) 490
745. «Не вырастим ни новых рощ, ни истин…» (2013–2015) 491
746. «О сонный бык, ты изнемог в борьбе…» (2013–2015) 491

ДЖАЛАЛАДДИН РУМИ

747. «Земля не прах, она живой сосуд…» (2013–2015) 491
748. «Сей мир подобен рогу изобилья…» (2013–2015) 491
749. «Исполни волю главную Господню…» (2013–2015) 491
750. «Куда для нас полезней умный враг…» (2013–2015) 492
751. «Душе легко безмолвствовать в очах…» (2013–2015) 492
752. «Кто повторяет мысли мудрых книг…» (2013–2015) 492
753. «Тело-лодка. Под ней океан…» (2013–2015) 492
754. «Из рук Аллаха ты явился, как парча…» (2013–2015) 492
755. «Когда покинем тело в мире этом…» (2013–2015) 492
756. «Никто не знает, как ценна душа…» (2013–2015) 493
757. «Закрой глаза, избавь от мыслей разум…» (2013–2015) 493
758. Рассказ о праведнике, который в начале каждой проповеди за притесняющих, жестокосердых и лишенных [религиозных] убеждений (2013–2015) 493
759. Сражение разума с животной душой подобно спору Маджнуна с верблюдицей (2013–2015) 494

САДИ ШИРАЗИ

760. «Дана возможность во владение твое…» (2013—2015) 495
761. «Богатству в жизни все, конечно, рады…» (2013—2015) 495
762. «Полив свою яблоню вёдрами зла…» (2013—2015) 495
763. «В беде страна, в отчаянье народ мой…» (2013—2015) 495
764. «Два человека прожили напрасно…» (2013—2015) 496
765. «Не меч побеждает, не палка, не плеть…» (2013—2015) 496
766. «Ты обязательством святым с Аллахом связан…» (2013—2015) 496

ХАФИЗ ШИРАЗИ

767. «Дует ветер быстрокрылый из Шираза на восток…» (2013—2015) 496
768. «О подруге ясноликой, сердце, песню приготовь…» (2013—2015) 496
769. «Потопная нам угрожает повсюду вода…» (2013—2015) 497
770. «Я у сердца спросил, где причина причин и начало…» (2013—2015) 497
771. «Вновь на закате жизненного дня…» (2013—2015) 497
772. «Я любимой из Шираза отдаю часы намаза…» (2013—2015) 498

III. КИТАЙСКАЯ ПОЭЗИЯ IV ВЕКА ДО. Н. Э. — XX ВЕКА Н. Э.

ЦЮЙ ЮАНЬ

773. С камнем в объятьях (2017—2019) 498

ТАО ЮАНЬМИН

774. Размышляю о древних заветах (2017—2019) 501
775. Плывя на лодке (2017—2019) 503
776. Источник. Фрагменты поэмы (2018—2019) 504

ВАН ВЭЙ

777. Сижу у горного храма (2017—2019) 507
778. Весна в деревне (2018—2019) 507

ЛИ БО

779. Белая цапля (2018—2019) 508
780. Весенним днём брожу я у ручья (2018—2019) 508
781. Одиноко сижу в горах (2018—2019) 508
782. Провожу в беседах ночь с другом (2018—2019) 509

ДУ ФУ

783. Путешествие ночью в лодке (2018—2019) 509
784. Вижу во сне Ли Бо (2018—2019) 510

785. К золотой молодёжи (2018—2019) 510
786. Одиночество (2018—2019) 510

БО ЦЗЮЙИ

787. Халат (2017—2019) 511
788. Орхидея (2017—2019) 512

СУ ШИ

789. Ночью в горах (2017—2019) 513
790. Предутренняя дума (2017—2019) 513

ЛИ ЦИНЧЖАО

791. «Мы с тобою в хмельном забытьи…» (2018—2019) 514
792. Хризантема (2018—2019) 514

ТАН СЫТУН

793. Гора Кунтун (2018—2019) 515

МАО ЦЗЭДУН

794. Люпаньшаньский хребет (2017—2019) 515
795. Башня жёлтого листа (2017—2019) 516

АЙ ЦИН

796. Солнце (2018-2019) 516
797. Разговор с углём (2018—2019) 517

ХАЙ ЦЗЫ

798. Деревня (2018—2019) 517
799. Гимн пшеничному полю (2018—2019) 518

IV. АНГЛИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ XVII ВЕКА. СТИХИ И ПОЭМЫ

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР
ИЗБРАННЫЕ СОНЕТЫ

800. Сонет 1 (2017—2020) 520
801. Сонет 7 (2017—2020) 520
802. Сонет 32 (2017—2020) 521

803. Сонет 54 (2017—2020) 521
804. Сонет 60 (2017—2020) 522
805. Сонет 65 (2017—2020) 523
806. Сонет 66 (2017—2020) 523
807. Сонет 77 (2017—2020) 524
808. Сонет 97 (2017—2020) 524
809. Сонет 106 (2017—2020) 525
810. Сонет 128 (2017—2020) 525
811. Сонет 144 (2017—2020) 526

ВОЛЬНЫЕ ПЕРЕЛОЖЕНИЯ МОНОЛОГОВ ИЗ ШЕКСПИРОВСКИХ ПЬЕС

812. Монологи Просперо. Первый монолог (2018—2020). 526
813. Монологи Просперо. Второй монолог (2018—2020) 527
814. Монологи Гонзало (2018—2020) 527
815. Монолог Гамлета (2018—2020) 528
816. Монолог Тимона Афинского (2018—2020). 530
817. Напутствие Полония Лаэрту перед его отплытием. (2018—2020) 530
818. Монолог Жака из комедии «Как Вам это понравится?» (2018—2020) 531

ПОЭМА

819. «Жалобы влюблённой» (2018—2020) 532

ПОЭМА

820. Феникс и Голубь (2018—2020) 545

ФИЛИП СИДНИ

821. Сонет 1 (2018—2020) 547

ДЖОРДЖ ЧАПМЕН

822. Из пьесы «Бюсси Д'Амбуа». Отрывок (2018—2020) 548

ФРЭНСИС БЭКОН

823. Псалом CIV (104) (2018—2020) 549
824. Псалом CXXV (125) (2018—2020) 553

ДЖОН ДОНН

825. Вечерня в день Святой Люции, самый краткий день в году (2018—2020) 554
826. Годовщина (2018—2020) 555
827. Растущая любовь (2018—2020) 556
828. Экстаз (201 8—2020) 557

ПОЭМЫ

829. Шторм (2018—2020) 560
830. Штиль (2018—2020) 563

ГИМНЫ

831. Гимн Богу моему, написанный во время болезни (2018—2020) 565

V. ИНДИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ XV ВЕКА ДО Н. Э. — XX ВЕКА Н. Э

832. Молитва Богу Агни. Из Ригведы (2020) 567

БХАГАВАДГИТА. ОТРЫВОК

833. Главы I—VI (2019—2020) 567

КАЛИДАСА

ОТРЫВКИ ИЗ ПОЭМЫ «ВРЕМЕНА ГОДА»

834. (1). Лето (2019—2020) 595
835. (2). Сезон дождей (2019—2020) 596
836. (3). Осень (2019-2020) 596
837. (4). Сезон холодов (2019—2020) 597
838. (5). Зима (2019—2020) 597
839. (6). Весна (2019—2020) 597

РАБИНДРАНАТ ТАГОР
«ГИТАНДЖАЛИ». ЖЕРТВЕННЫЕ ПЕСНИ. ФРАГМЕНТЫ.

840. «Поведай, узник, кто поверг тебя…» (2019—2020) 598
841. «Ты бесконечным сотворил меня…» (2019—2020) 598

МУХАММЕД ИКБАЛ

842. Крик боли (2019—2020) 599
843. Сущность красоты (2019—2020) 600

САРОДЖИНИ НАЙДУ

844. Сумерки в Хайдарабаде (2019—2020) 600
845. Коль позовёшь (2019—2020) 601
846. Дели вечером (2019—2020). 601

АУРОБИНДО ГХОШ

847. «Мир неделим на жертв и палачей…» (2019–2020) 602
848. Единая личность (2019–2020) 603

СУБХАШ МУККОПАДХАЙ

849. Сталинград (2019–2020) 603

Часть шестая. Эссе

ТРИ ЭССЕ

850. Одиночество гения (М. В. Ломоносов) (2005) 607
851. Метеор, взлетевший в небо (Н. А. Гумилёв) (2011) 624
852. Сны Михаила Булгакова (2006) 641

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«Беловодье»

✓ психология ✓ педагогика
✓ философия ✓ история
✓ культурология ✓ религиоведение

✓ художественная литература

Лауреат конкурса
«Лучшие книги России» (2003)

Дипломант конкурса
«Книга года: Сибирь – Евразия» (2017)
За лучшее издание художественной литературы

Призёр конкурса
«Книга года: Сибирь – Евразия» (2019)
Лучшая краеведческая книга

16+

Юрий Михайлович Ключников

ДУША МОЯ, ПОДНИМЕМ ПАРУСА!
Стихотворения. Вольные переводы. Эссе. Избранное

Составители:
Ю. М. Ключников
С. Ю. Ключников

Шеф-редактор:
М. Г. Юхимова

Дизайн, вёрстка:
С. А. Китов

Корректор:
М. Е. Козлова

Центр творчества «Беловодье»
Издательство
E-mail: belovodje@rambler.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных материалов
в ООО «Производственная фирма “Полиграф-Периодика”»,
160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, д. 3

Формат: 70×90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
52,9 усл. печ. л.
Тираж 1000 экз. Зак. №